

С. Соловейчик

УЧЕНИЧЕСТВА

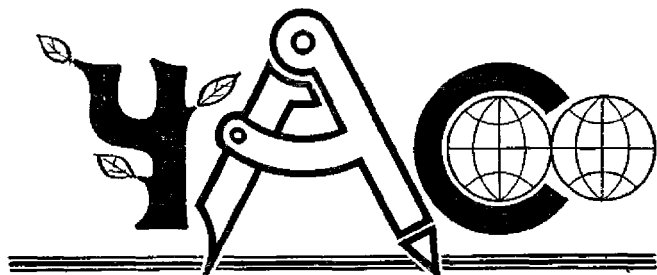

**ЧАС
УЧЕНИЧЕСТВА**

УЧЕНИЕ

55
С УВЛЕЧЕНИЕМ

С. Соловейчик

УЧЕНИЧЕСТВА

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1986

37 ББК 74.2
С60

Художник *Б. А. ШЛЯПНИН*

Соловейчик С. Л.

С60 Час ученичества.– Перизд.– М.: Дет. лит., 1986.– 383 с.
В пер.: 1 руб.

В книгу входят два произведения: «Час ученичества» и «Учение с увлечением». Первая книга посвящена трудному и благородному труду учителя, жизни великих педагогов.

Вторая книга поможет школьникам справиться с трудностями учения, подскажет, как быть внимательными на уроках, как научиться учиться.

С $\frac{4802010000-285}{M101(03)86}$ Без объявл.

Состав.

Издательство «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1986 г.

ЧАС

УЧЕНИЧЕСТВА

Час ученичества

Глава первая	11
Глава вторая	17
Глава третья	24
<i>Раменский-отец</i>	31
Глава четвертая	35
Глава пятая	42
Глава шестая	48
<i>Раменский-сын</i>	58
Глава седьмая	61
Глава восьмая	73
<i>Раменский-внук</i>	81
Глава девятая	85
Глава десятая	91
Глава одиннадцатая	100
Глава двенадцатая	107
Глава тринадцатая	119
Глава четырнадцатая	130
<i>Раменский-правнук</i>	137
Глава пятнадцатая	142
Глава шестнадцатая	149
Глава семнадцатая	163
Глава восемнадцатая	172
Глава девятнадцатая	179
Глава двадцатая	195
<i>Раменский-праправнук</i>	208

Оглавление книги «Учение с увлечением» см. с. 213.

При ссылке на бумаж. изд. добавьте «2» к номеру страницы (Гл 1. С. 13)!

Садитесь, пожалуйста. Садитесь и слушайте. Я расскажу вам потрясающую историю...

– Все рассказчики обещают потрясающие истории. Особенно те, кто способен увлекаться, – а вы, я вижу, из их числа. Ещё и не начали, а уже – «потрясающая». Могли бы проще: «интересная». Или так: «Я расскажу вам одну историю...»

– С вами трудно. Но я и не рассчитывал на другой приём. Ни придирайтесь к словам, лучше скажите: собирались ли вы когда-нибудь стать учителем?

– Как Вам сказать? Нет человека на земле, который не примерял бы на себя профессию учителя. Учитель у нас перед глазами с детства; пока мы не вырастем, мы никого другого не видим на работе, в действии – только учителя. Первый учитель первая встреча с людьми на работе... И потому каждый определяет своё отношение к этому занятию. Каждый говорит себе: «Я буду учителем» или: «Нет, ни за что я никогда не буду учителем ...»

– И вторых больше, чем первых? Не так ли?

Разумеется. Наверно. В этой профессии есть какие-то радости, но ученики их не видят. У нас в классе тридцать ребят.

И лишь одна девчонка собирается подать в педагогический, да и то потому, кажется, что больше ей не на что рассчитывать...

– Та-ак... «Одна девчонка...» А вы?

– Я? Ни за что.

– Категорично. Почему же?

– Ни за что.

– А всё-таки? Нельзя ли обстоятельней?

– И говорить не о чем! Да и к чему? Вы что, собираетесь агитировать меня в учителя?

– Ни за что! Теперь моя очередь воскликнуть: «Ни за что!»

– И моя очередь иронизировать: слишком категорично... А вы попробуйте, отчего же? Расскажите мне, что учитель самая благородная профессия, что на учителе мир стоит, что учитель – это связь поколений, прошлого и будущего... Расскажите! Я даже соглашусь послушать вас – интересно, как люди с важным видом повторяют всем известные слова.

– Согласитесь послушать? Вы снисходительны.

– Снисходительность – это, кстати сказать, всё, на что может рассчитывать учитель. Все лучшие учителя, люди действительно талантливые, – неудачники, только оттого они и остаются в школе, а не идут дальше. Но чему может научить неудачник?

– Я мог бы сказать вам, что вы ещё слишком молоды. Слишком плохо знаете жизнь... Но в ваших глазах ваша молодость вовсе не является недостатком, да молодость вообще не есть недостаток...

– Спасибо, что хоть это вы понимаете. Обычно разговоры со старшими кончаются железным аргументом: «Поживёте с наше, молодой человек, а потом будете рассуждать!»

– Но я понимаю и другое. Вы действительно умеете рассуждать не по годам, в этом вам не откажешь. Нынче все стали рассудительны; быть рассудительным почти модно, а на моду обижаться глупо. Но боюсь, что ваш парадокс имеет под собою слишком простое основание: боюсь, вы никогда не видели подлинных учителей...

– Это почему же? На своих учителей я пожаловаться не могу. У нас старая школа, лучшие учителя в городе. Нашего математика во всех вузах Москвы знают!

– И он тоже вызывает у вас лишь чувство снисхождения?

– Как вам сказать... И благодарности тоже. Но что поделаешь? Если бы у него было больше воли, больше честолюбия, он мог бы стать профессором, я уверен.

– Мне кажется, я могу поставить диагноз.

– Относительно нашего математика?

– Нет, относительно вас.

- Я не болел.
- Нет, конечно, но... Вы учитесь десятый год, так, кажется?
- Так.
- Вы учитесь десятый год, но для вас ещё не наступил ваш час ученичества... Вот причина. Что ж, это бывает.
- «Час ученичества»? Нельзя ли поточнее?
- Трудно. Но попытаюсь. Знаете такие стихи?

Есть некий час – как сброшенная кляжа:
 Когда в себе гордыню укротим.
 Час ученичества – он в жизни каждой
 Торжественно–неотвратим.

- Цветаева?
- Цветаева. Читали, но не помните?
- Читал, но не помню. Это ужасно?
- Нет. Вполне естественно. Непережитое не трогает нас и в стихах. Не буду разбирать эти строки, не стану подчёркивать значение слов «сброшенная кляжа», «гордыня», «торжественно–неотвратим» – не люблю примечаний к стихам. Просто вслушайтесь:

Есть некий час – как сброшенная кляжа:
 Когда в себе гордыню укротим.
 Час ученичества – он в жизни каждой
 Торжественно–неотвратим.

История, которую я хотел рассказать вам (и я настаиваю на слове «потрясающая»), – это история о том, как люди, самые разные по характерам своим, по образованию, по склонностям, жили для того, чтобы для каждого настал этот час. Все радости быстротечны, и только одна доступна нам постоянно, если мы познаем её, – радость ученичества.

- Вы хотите сказать: радость учиться?
- Нет. Радость быть учеником.
- Не совсем понятно, но допустим, что различие есть. Что же касается людей, которые «жили для того, чтобы...», то вы, очевидно, имеете в виду великих педагогов? Так бы и сказали...
- Мог бы сказать и так, но это было бы не точно. Многие из этих людей не были педагогами, – или были не только педагогами, или, подобно вам, не собирались быть педагогами... Говорят: педагог – это призвание. Верно, если помнить, что «призвание» от слова «призыв». Человек занимается какой-то работой, лишь косвенно относящейся к педагогике, и вдруг он слышит в душе некий призыв: иди, вот твоё дело, иди, спасай...

– Как Жанна д'Арк? Романтично.

– Романтично. «Иди и спасай...» Посмотрите: любой лисёнок получает высшее лисье образование, прежде чем он становится лисом. И любой медведь получает высшее медвежье образование, прежде чем он станет медведем. И оленёнок, и ёж какой-нибудь и тот имеет высшее оленьё или сжачье образование. А человек? Разве человек не должен получить высшее человеческое образование, чтобы стать человеком?

– Любопытно, хотя и похоже на сказку.

– «Сказка»! В этой сказке – жизни тысяч прекрасных людей, в ней страдания, преждевременные смерти, заботы, просветления... Каждый рождённый человек имеет право на высшее человеческое образование! Человек без знания обездолен. Его надо спасать! Душу его надо озарить, просветить... Вы слышали о просветителях?

– Конечно. Новиков, Белинский... Так. А о великих педагогах?

– Разумеется. Ушинский, Макаренко...

– А ещё?

– Ещё... Да! Пирогов. И Крупская! Крупская была великим педагогом.

– Всё?

– Пожалуй, всё...

– Не густо.

– Но я никогда не интересовался педагогикой. Она не волнует меня, понимаете?

– Понимаю. Нельзя заинтересоваться тем, чего мы не знаем...

– Школу ли мы не знаем!

– Именно школу и не знаем. Мы приходим в школу в ту пору, когда ещё не умеем ни рассуждать, ни размышлять... Школа для нас – огромный дом, и, кажется, он стоит вечно, даже если его и построили лишь в прошлом году. Мы принимаем школу как данное, как нечто такое, что всегда было и всегда будет точно в том же виде, в каком мы застали его первоклассниками... И выходит, что мы не знаем школы. Историю авиации и космонавтики, историю физики и географических открытий вы наверняка знаете лучше, чем историю школы. Луна, Марс и Венера доступнее учительской...

– Согласен и могу объяснить почему: Луна, Марс и Венера много интереснее учительской.

– Но разве не стоит хоть раз в жизни заглянуть в неё, поллюбопытствовать, что здесь, вблизи, – как устроена та самая школа, которой вы отдали столько лет жизни? Откуда она взялась со всеми своими порядками и обычаями?..

– Я думаю. Если говорить честно, меня задело одно место в ваших словах... Вы спросили, кого из педагогов я знаю. Я порылся в памяти – почти никого... Вся педагогика начинается и кончается для меня «Педагогической поэмой».

– Как и для многих... Я говорю вам: никого мы так плохо не знаем, как учителей... Впрочем, и «Педагогическая поэма» – не так-то уж мало, если вы действительно поняли её. Вот почему я смело обещал, что мой рассказ будет интересным: как бы плохо я ни рассказывал, я буду говорить о неизвестных людях, или о почти неизвестных, или о таких, о которых мы думаем, что знаем всё, а на самом деле...

– Ничего не знаем? Так бывает. Но предупреждаю: в учителя я всё равно не пойду...

– Что ж! Быть может, это и правильно. Вы слишком честолюбивы. Мои речи оставили вас холодным, но вам невыносима мысль о том, что в ваших знаниях есть пробел... Это по-своему неплохо. Кстати сказать, молодой человек, в наши дни трудно найти другую область деятельности, в которой был бы такой простор для человека, мечтающего о великих делах...

– Как в педагогике?

– Именно. Вы сами сказали: последнее слово педагогики для вас – Макаренко. Но Макаренко умер почти полвека назад, и вакансия великого педагога свободна...

– Вы предлагаете её мне?

– А почему бы и нет? Кто знает? Не вы, так кто-то из ваших сверстников, кончающий в этом году школу или только перебравшийся в пятый или шестой класс, – кто-то займёт это место, прославится, войдёт в историю... Ибо сегодня, как никогда, педагогика нуждается в великих идеях, великих открытиях... Физика завладела умами, когда она предложила миру несколько «сумасшедших» идей. А где такие дерзкие идеи в педагогике? Мир ждёт их... По некоторым приметам можно предсказать, что в ближайшие десятилетия именно эти области будут больше занимать общественное мнение: психология, социология, педагогика – всё, что непосредственно касается человека.

– Заманчивая картина... К тому же сплошные загадки: «час ученичества», «великий педагог»... Но, кстати, вы увлеклись и так и не ответили на мой вопрос: что это значит – «час ученичества»?

– Не ответил потому, что для объяснения двух этих слов мне придётся рассказать всё то, что я собираюсь рассказывать... Учитель и учение неразрывны. Нельзя быть учителем, не умея быть учеником, и нельзя понять смысла слова «ученик», не узнав всё, что можно, об учителе...

- Тогда придётся слушать!
- Придётся?
- Извините: буду слушать.
- С интересом?
- Но это не только от меня зависит...
- Однако вы обещаете прилагать некоторое усилие? Ну хотя бы для того, чтобы... пополнить ваше образование?
- Общаю.
- Помните же! Итак... С чего мы начнём? Если начать издалека, наш рассказ очень не скоро придёт к концу. Если начать с недавних времён, в нём ничего не поймёшь... Выберем такую точку отсчёта: восемнадцатый век. Начало восемнадцатого века. Не очень далеко?
- Далековато...
- Ничего, быть может, нам удастся мысленно приблизить это время к нашим дням. Не будем бояться истории. Изучение прошлого – самый экономный путь познания настоящего.

Глава первая

Из двух-трёх зёрен семеновод выводит новый сорт растения. Сначала счёт идёт на единицы – каждое зерно на виду; потом на десятки, сотни, килограммы, пуды, миллионы пудов...

Одно зерно, такое заметное в начале опыта, теряется в урожае. Чтобы увидеть его, надо вернуться к истоку опыта, когда зерно решало будущую судьбу сорта.

Так и в истории. Событие, незаметное сегодня, когда-то, в начале какого-то развития, давало грандиозные результаты. Счёт ещё шёл на единицы. Но кто знает – не лежит ли каждый сегодняшний наш поступок тоже в начале длинной цепи важнейших исторических событий? Мы просто не видим её, эту цепь, потому что она ещё не существует. Мы склонны видеть в событиях наших дней лишь результат прошлого развития и забываем, что они, эти события, – и причина будущего развития дел. Не только завершение, но и начало. Урожай велик, зёрен – миллионы, но счёт по-прежнему и всегда идёт на единицы.

22 февраля 1701 года учителю только что основанной математико-навигационной школы Леонтию Магницкому велено было составить «годную для тиснения» книгу по арифметике, геометрии и навигации. Магницкому было 32 года; родом он был из Осташкова, «не славный и недостаточный человек». Недостаток у него был в деньгах, в способностях же недостатка не было. «Наукам,— сказано на его надгробии,— он изучился дивным и неудобовероятным способом», очевидно, бог весть у каких учителей и бог весть по каким книгам. Скорее всего, сам.

Магницкий усердно принялся за работу. И 21 ноября, день в день к назначенному сроку, представил рукопись «Арифметики». «И та книга,— говорится в одном документе,— послана с ним же, Леонтием, в типографию, и велено с той же книги напечатать в типографии со усмотрением исправления 2400 книг».

Событие, заметное, не более и не менее, чем выход учебника в наши дни. По указам Петра I учебные книги составляли и печатали десятками.

Но вот что произошло с «Арифметикой»: вместе с другой книгой — «Грамматикой» Смотрицкого она стала первым учебником Ломоносова. «Врата моей учёности»,— назвал он эти две книги.

XVIII век приоткрыл врата учёности.

Обратите внимание на спешку, в которой создавался учебник, и на огромный тираж его. Нужда! Но в ком нужда? В навигаторах. Создавался русский флот: нужны были штурманы, лоцманы, шкиперы. Учить их было некогда, и подготовленных для учения людей не было. В школу приходили подростки, не знавшие даже и первых правил арифметики,— потому учебник для навигаторов начинается с азов. Если представить себе учебник для специалистов в области ядерной физики, первые страницы которого посвящены правилам сложения, вычитания, деления и умножения, то такая фантастически толстая книга и будет похожа на «Арифметику» Магницкого. Но книга осташковца вовсе не поражает толщиной. Это не учебник — это свод практических правил, рецептов. Не арифметика и геометрия волнуют издателей — арифметика и геометрия в практическом применении для навигаторов. «Делай так!» — вот неписанный лозунг учебников петровских времён. И эта категоричность лучше всего показывает нетерпение самого Петра I. Только к концу жизни он стал думать о развитии наук *вообще*. А сначала ему нужны были не школа как таковая, а умеющие люди: навигаторы, архитекторы, мастера горного дела. Путь от первых знаний до знаний сугубо специальных измерялся одной—двумя книгами вроде «Арифметики» Магницкого. Быть может,

ни в какие другие времена учение не подчинялось в такой степени сиюминутной нужде в специалистах.

Хорошо это или плохо? Истории такие вопросы задавать бессмысленно: историю переделать нельзя. Хорошо или плохо – это было так. И в том, как оно было, как зарождалось учение, мы ищем ответы на вопросы, которые интересны и сегодня.

Для чего человек учится?

Человек учится прежде всего потому, что его мучит любознательность, инстинктивная тяга к знанию. Это – внутренние побудительные причины. От природы они есть у всех, но в иных людях они развиваются, в других – заглушаются обстоятельствами.

Человек может учиться и потому, что его принуждают к учению житейское здравомыслие: не выучившись, он не сможет занять в жизни то положение, которое хотел бы занять. Это – внешние побудительные причины. Они так же сильны, как внутренние. Когда внешние побуждения развивают природную любознательность, эти два двигателя творят чудеса, делают человека несвероятно способным. И сколько бы ни путешествовали мы по истории школы, в каком обличье школа ни представляла перед нами, мы всегда увидим две эти причины. Всегда есть *тяга к знанию* и *нужда в знании*.

Пётр I как будто специально был поставлен историей к истокам нашего современного образования, чтобы продемонстрировать эту мысль. Чтобы явнее были первопричины всякого знания. Ни в ком практическая потребность в знаниях и природная любознательность не проявились с такой бурной силой, как в Петре.

Пётр на верфях работает плотником; сидит, согнувшись, в тесной камерке над залом английского парламента – слушает речи ораторов; спускается в шахты, посылает одну экспедицию узнать, куда впадает Амударья, а другую – найти путь в Индию; измеряет глубину рек и переписывается с философами... Он учится каждый день своей жизни, но учится для того, чтобы приобретённые знания тут же претворить в указ, в распоряжение, в дело. Считается, что он перестраивал Россию на европейский лад, но ни в одном его действии не найдёте подражательства: то, что он вводил, было для него прежде всего разумным, а потом уж европейским или азиатским.

Он не стеснялся мелочей, ибо он не стеснялся учиться, не стыдился учиться. Учиться – значит покорить в себе гордыню, признаться в невежестве. Этот необузданный, своенравный человек, царь, император, владетель огромных территорий и хозяин миллионов людей, не останавливавшийся ни перед чем и никого не боявшийся, этот человек лишь в одном не знал

гордости – в учении, лишь перед одним послушно склонял голову – перед знанием. Петра жгло любопытство. Не случайно его всю жизнь тянуло к монстрам, кунсткамерам, «раритетам» – редкостям. Но это было деятельное любопытство. Пётр отличается от многих других русских царей, как пушкинский царь Гвидон отличался от царя Салтана. Салтан, услышав диковинный рассказ корабельщиков, «дивится чуду», вздыхает, в изумлении качает головой: «диву царь Салтан дивится». Единственно, на что он способен, – отправиться обозреть чудеса собственными глазами, да и то никак не соберётся. У Гвидона же другая реакция: ему необходимо немедленно завести точно такое же чудо у себя.

Диво б дивное хотел
Перенести я в мой удел.

А иначе – «грусть-тоска его съедает».

Два принципиально отличных отношения к жизни, к знанию, к удивительному в жизни. Зевака и деятель. Петра съедала «грусть-тоска» по чудесам, которые есть в мире. Он не мог передать другим свою жажду к учению, но он старался создать такие обстоятельства, чтобы людям было необходимо учиться. И он создавал их. Полтора века спустя историк Погодин писал:

«Мы просыпаемся. Какой ныне день? 1 января 1841 года – Пётр Великий велел считать годы от рождества Христова, Пётр Великий велел считать месяцы от января. Пора одеваться – наше платье шито по фасону иностранному, данному Петром Первым. Сукно выгкано на фабрике, которую завёл он; шерсть настрижена с овец, которых развёл он; попадает на глаза книга – Пётр Великий ввёл в употребление этот шрифт и сам вырезал буквы. Вы начнёте читать её – этот язык при Петре Первом сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный. Приносят газеты: Пётр Великий их начал. Вам нужно купить разные вещи – все они, от шейного платка до сапожной подошвы, будут напоминать вам о Петре Великом: одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге».

Все эти нововведения сами по себе принуждали людей приспособляться, учиться в той или иной форме, а тех, кто не хотел учиться, Пётр заставлял батогами, плетью, угрозой разоренья. Дворянский сын не учится? Значит, и не женись. И вот архиереям запрещено давать «памяти венчальные», то есть венчать без разрешения из школы. Укрывается от службы, от училища? Отобрать имение! А чтобы указ сей был действенным,

пояснении: кто донесёт об уклоняющемся от учения дворянском недоросле, тому его имени и отходит, даже если это холоп.

Плоды деятельности Петра необозримы. По сравнению с ним обычные люди представляются лилипутиками. Может быть, Свифт и писал своего Гулливера с Петра? Мысль о Гулливере сразу приходит в голову, когда видишь в Эрмитаже огромный камзол Петра или невероятных размеров сапоги, сшитые им самим. Кстати сказать, Свифт действительно мог видеть Петра во время пребывания царя в Англии. Может, видел? Может, он и поразил его? Конечно, домысел, но он кажется достаточно симпатичным, чтобы поделиться им...

Гулливеру в сане императора всё удавалось, и лишь в одной области его деятельность не принесла сколько-нибудь заметных результатов. Эта область – образование народа. Хотя при нём и предлагали ввести всеобщее обязательное начальное обучение, хотя за год до смерти Пётр и дал указ о том, чтобы при городских церквях устраивали начальные школы для детей разных сословий, – всё осталось на бумаге.

При взятии Мариенбурга Пётр поступил так, как стало обычным поступать лишь в XX веке: в качестве трофея он увёз учёного, пастора Глюка. В 1703 году пастор Глюк открывает в Москве гимназию. Это было странное заведение: в нём учили семи иностранным языкам, танцевальному искусству, рыцарской конной езде и вообще всему – «каких наук кто похощет».

Гимназия Глюка просуществовала всего десять лет. В те времена выяснилось, что проще заложить и построить город, чем школу.

Позже Ломоносов, добиваясь осуществления одного из своих проектов по части образования и предвидя многие трудности, воскликнет: «Но разве легче было перенести столицу на пустое место и новый год в другой месяц?» Оказалось, легче.

Крепость под названием «Народное образование» не сдалась первому приступу. Да, собственно говоря, Пётр и не штурмовал её. Он лишь подошёл к ней, лишь увидел её, лишь начал готовиться к осаде, лишь заронил самую первую мысль: а не завести ли нам и это чудо в «своём уделе»? Узнав из газет, что какой-то Орфиреус изобрёл вечный двигатель, Пётр зовёт известного немецкого учёного Христиана Вольфа вступить на русскую службу на каких угодно ему условиях, лишь бы только усовершенствовал изобретение Орфиреуса. Вольф, уклончиво отвечая насчёт вечного двигателя, запросил за службу столько, что Петру побоялись доложить о его требовании. Обратились к самому «изобретателю» Орфиреусу. «На одной стороне положите 100 тысяч ефимков, а на другой я положу машину», –

заявил прохода. Казалось бы, что из этой затеи выйдет? Но никакос действие не останется бесполезным.

Эти переговоры послужили толчком к созданию Академии наук – лучшего «вечного двигателя», какой только можно изобрести. На одном из документов Пётр наложил резолюцию: «Сделать академию» – как вещь сделать. Как стол или как корабль. И вот в Россию едут Леонард Эйлер, братья Николай и Даниил Бернулли – серьёзные учёные, и, пока не построено здание академии, им отводят дом покойной царицы и нанимают эконома, чтобы гости не ходили по трактирам, не обучались непотребным обычаям и в забавах «времени не теряли бездельно».

Пётр не дождался открытия академии. На его похоронах Феофан Прокопович, один из самых образованных людей того времени, говорил потрясённый: «Что се есть? До чего мы дожили, о Россияне! Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!»

Но в тот же год (1725) в Петербургской Академии стали читать первые лекции. Позже Петра упрекали, что он начал дело образования «сверху» – с академии. Дескать, надо было – с народной школы. Но история показала правоту Петра: к тому времени, когда были созданы условия для первых народных школ, в России была авторитетная наука, **большие** учёные, серьёзные учебные заведения, которые могли дать учителей. Петра уговаривали не устраивать лекций в академии, сделать её просто собранием учёных, как в заграничных академиях. Пётр не послушался советчиков. Его академия должна была создавать не только науку – учёных.

Академия открылась. Однако лекции читать было не для кого – подготовленных студентов не имелось.

Что ж, выписали из-за границы и студентов. Приехало их не так уж много, а именно: на первых порах 8 человек. На 17 профессоров – 8 студентов. Профессора стали ходить на лекции друг к другу.

Кто хочет учиться, не должен бояться первого шага, каким бы ничтожным или смешным он ни казался. Потому что – повторимся: никто не может сказать, что из этого шага выйдет.

Двадцать лет спустя в академии, основанной Петром, появились два первых русских профессора. Один пришёл из Астрахани, другой из Архангельска. Тредьяковский и Ломоносов.

Глава вторая

Истинное значение Ломоносова оценить почти невозможно. При жизни его, пожалуй, только один Леонард Эйлер, великий математик, догадывался, что состоит в переписке с гением.

Не то чтобы знал, а лишь догадывался, ибо идеи и открытия Ломоносова обгоняли его время на целый век, и ни Эйлер, и никто другой не мог его оценить.

Но и сегодня, после того как все сохранившиеся труды Ломоносова прочитаны, по достоинству оценены и собраны в десяти толстых томах, написаны десятки его биографий и сотни статей о нём, – сегодня оказывается, что нет такого человека, который мог бы *один* охватить и объяснить Ломоносова: для этого нужны специалисты самых разных областей знаний, нужна целая Академия наук.

Пушкин перечислял в своё время заслуги Ломоносова: «Историк, Ритор, Механик, Химик, Минералог, Художник и Стихотворец – он всё испытал и всё проник».

К этому списку можно добавить: Физик, Статистик, Демограф, Лингвист, Географ... и – Педагог.

Ломоносов был крупнейшим русским педагогом–теоретиком и педагогом–практиком: в течение многих лет и до конца жизни он занимал должность директора гимназии – так мы назвали бы её сегодня, эту должность.

Чтобы понять педагога, мало узнать его взгляды, перечитать его труды. Самый большой вклад каждого педагога в жизнь – это его собственная жизнь, его дело. Именно жизнью и делом человек изменяет мир; сегодня на нас оказывают влияние не слова, произнесённые или написанные двести лет назад, а тот образ человека, который сложился в поколениях.

Какие представления о Ломоносове выносим мы из школьных лет? Крестьянский мальчик из глухого края, прибредший с рыбным обозом в Москву, поступивший в как будто бы убогое заведение под пышным названием «Славяно-греко-латинская академия», где его шпыняли и дразнили, а потом всю жизнь зло и желчно воевавший с засильем немцев в Академии наук...

Так?

На самом деле всё было по-другому.

Быть может, вот то главное, что сделал Ломоносов для школы: он жизнью своей создал образ *идеального ученика*. Образ народного учителя сложился много позже, век спустя после смерти Ломоносова. А у самого начала школы, как источник её,

как идеал, как вызов каждому, кто дерзает учиться, стоит Ломоносов, непревзойдённый в этом смысле, один-единственный человек.

Но мы ничего не поймём в Ломоносове, и нам останется лишь преклоняться перед его гениальностью, как перед чудом, если мы не попытаемся узнать: какие же реальные обстоятельства скрываются за этим чудом.

Чудо – опасная штука. Если мы в одном случае восклицаем «чудо!», нам приходится смириться с его отсутствием в тысяче других случаев...

А что, если чуда Ломоносова не было? Что, если в его жизни проявились невозмутимые закономерности? Не лучше ли, не полезнее ли понять их, чем повторять «чудо, чудо»?

Попробуем, используя работы учёных, увидеть другого Ломоносова, – может быть, он полюбит нас ещё больше прежнего, привычного?

В старинной биографии Ломоносова (1864 год, автор – академик В. Ламанский) можно прочесть: «...Ещё никто из наших замечательнейших общественных деятелей не испытывал в своей юности таких богатых и разнообразных впечатлений, не подвергался такому плодотворному и живительному влиянию, как Ломоносов». Поморье – край неопишуемой красоты и несметных природных богатств. До девятнадцати лет Ломоносов ходил с отцом на большое по тем временам гукоре в дальние шестинедельные плавания, поднимался до 70 параллели, видел северное сияние и игру китов, ловил треску и смотрел, как добывают соль, слюду и алмазы, как строят корабли, жгут уголь, гонят смолу, ткнут тонкие холстины и плетут кружева – все народные ремёсла прошли перед ним. То, что воспитанному в царских покоях Петру пришлось добывать в специальных занятиях, то Ломоносов естественно и просто получил в юности.

Ломоносов многое дал людям, он и взял у них многое, имел возможность взять. Талант человека проявляется не только в отдаче, но и в умении брать, переполняться добытым – и щедро выплёскивать впечатления, знания, мастерство, постоянно рассеивая их вокруг себя.

Секунд-майор П. И. Челищев, побывавший в Холмогорах в конце XVIII века, оставил описание родины Ломоносова.

«Природа и труды человеческие, – пишет он, – потщились сие место обложить изящнейшим горизонтом. Изобильнейшие воды окружают повсюду пашни и сенокосы... Великое плавание судов вверх и вниз по Двине, по Куропатке и по разливам, звон и шум городской и селений, к тому же изобилие рыб, птиц и всяких для жизни потребностей...»

Это был край не очень грамотный, но в нём имелись свои

центры культуры. Неподалёку находился раскольничий монастырь: там школа, там образованные монахи, учившиеся в Киевской академии, там книги, там учили ораторскому искусству, и юноша Ломоносов бывал у раскольников и даже два года разделял их веру. Сюда же, в Холмогоры, приехал ставить школу Иван Каргопольский; он пять лет слушал лекции по философии в Сорбонне, в Париже. Возможно, это именно он надумил Ломоносова отправиться в Москву, а возможно, кто другой, ибо жители этих мест часто бывали в Москве и Петербурге, имели там свои лавки и конторы. Когда Ломоносов приехал в Москву, ему не пришлось скитаться и бродяжничать – он легко мог найти земляков.

Отец Михаила не был бедняком: он владел несколькими гукорами, ловил много рыбы, торговал ею, перевозил грузы. Довольство своё, по тем местам немалое, он нажил «кровавым потом» (как сам говорил о себе), был предприимчив, сметлив, лёгок на подъём и, конечно, бесстрашен, как всякий помор. А в то же время «простосовестен и к сиротам податлив, а с соседями обходителен, только грамоте неучён», как говорил о нём знавший его крестьянин С. Кочнев. Вряд ли Михаил слишком уж боялся отца – иначе бы он не решился уйти из дому. Отыскать сына и вернуть ничего не стоило. И если бы семья Ломоносова жила в нужде, неизвестно, сумел бы он выбиться в люди. Пойди убеги из дома, где так нужны твои рабочие руки... Невозможно! А Ломоносов мог уйти. Кстати сказать, не очень уж нерасчётливо он бежал: прежде паспорт выправил.

Представление о Ломоносове как о дерзком, непримиримом, неуживчивом человеке тоже вряд ли соответствует действительности. Вероятнее всего, он был так же «простосовестен», как и его отец. Уже в Холмогорах «нередко биван был» он сверстниками за то, что хорошо пел в церкви; и в Москве, в академии, его шпыняли «малые ребята», кричали и перстами на него указывали: «смотри–де, какой болван в двадцать лет пришёл латыне учиться»; мы знаем также, что когда он получил в заведование академическую гимназию, то, увидев состояние учеников её, голодных и разутых, он, 47–летний профессор, плакал над ними: как отец его, он был, видимо, «к сиротам податлив». И даже в мелких хитростях, к которым Ломоносов прибегал всю жизнь, чувствуется простоватость. Придя в Москву, он, чтобы поступить в академию, выдаёт себя за дворянского сына; решив отправиться в экспедицию, он выдаёт себя за поповского сына и даже приносит в том присягу; а когда надо было жениться, то, чтобы не ударить в грязь лицом перед родителями невесты, Ломоносов спокойно объявляет, что он кандидат медицинских наук. И первые две недуховные книжки, «врата учёности», он тоже добыл

хитростью: увидев у соседа Христофора Дудина «Граматику» Смотрицкого и «Арифметику» Магницкого, он не смог выпросить их у старика. Тогда, рассказывает одна из первых биографий Ломоносова, «отрок, пылающий ревностью к учению, долгое время умышленно угождая трём стариковым сыновьям, довёл их до того, что выдали они ему эти книги».

Дерзость нужна в науке; в учении же требуется смирение перед наукой... И вряд ли тот, кто не был смиренным, кто не склонялся перед огромностью знания во время учения, – вряд ли сможет он дерзать, когда выучится.

Славяно-греко-латинская академия, куда пришёл учиться Ломоносов, вовсе не была таким уж заудалым заведением. В 20-е годы XVIII века в ней учились 300 – 400 студентов, и все «острые и разумные люди», по словам одного иностранца. В ней учился Василий Тредиаковский, преобразователь русского стихосложения; первый русский баснописец Антиох Кантемир; её окончил Пётр Постников, «первый русский доктор», получивший затем докторскую степень в Падуанском университете. Академия имела богатую библиотеку, да рядом ещё находилась библиотека Печатного двора, где было 3,5 тысячи книг, в том числе много редких, и воспитанникам академии разрешалось посещать библиотеку три дня в неделю, а кому того времени было мало, тот мог оставаться и на ночь.

Стоит добавить, что лишь 30 процентов выпускников этой духовной академии шло в духовенство, а 70 процентов – на гражданскую службу. И что с 1732 по 1748 год академия по требованию начальства четырежды посылала лучших своих студентов в Петербургскую Академию наук, иначе там и вовсе не было бы слушателей.

Учили в Славяно-греко-латинской академии основательно, особенно древним языкам. Не зная латыни, в те времена нельзя было получить серьёзного образования: большая часть научных книг издавалась на этом языке. Позже Ломоносов, нападая на одного немца-профессора и обвиняя его в невежестве, будет требовать от него: «Ну, поговори со мной по-латыни!» – «Не могу», – признаётся бедняга. «Вот то-то же!»

Можно решительно утверждать: не было «чуда» Ломоносова, ибо в области воспитания и образования чудес бывает ровно столько же, сколько и в других областях жизни: нет их. Просто законы воспитания, законы развития человека мы знаем гораздо хуже, чем законы физики или астрономии, а где незнание, там и «чудо». Во все времена ни один великий не вырос сам по себе: кроме природных дарований, всегда сопутствовали ему в юности хорошие книги, хорошие учителя, благоприятные обстоятельства.

Успехи Ломоносова в учёные были очень заметны, его отправили в Петербургскую Академию наук и вскоре послали в Германию – учиться физике, химии и, главное, горному делу. Командированные сходили с приключениями – чуть не потонули по дороге.

Приключений за четыре года заграничной жизни у Ломоносова было немало: тут и полное безденежье, и довольно странный, но впоследствии оказавшийся удачным брак (вот тогда-то он и объявил себя кандидатом наук), и пленение урядником-вербовщиком – Ломоносов чуть не стал прусским солдатом, да вовремя, хоть и с опасностью для жизни, успел сбежать. Всё это сюжеты для остроприключенческого фильма. Но за сюжетами – серьёзные занятия, горы прочитанных книг, первые научные работы, ода «На взятие Хотина» – первая известность.

Что образовывает человека? Жизнь и школа. Жизнь даёт запас впечатлений, обостряет любознательность, оттачивает характер. Без впечатлений, любознательности, характера нет учения. Школа даёт знания – без них нет ничего. Ломоносов получил самое высокое образование, какое только могли дать ему жизнь и школа.

В 1741 году 30-летний Ломоносов возвращается в Петербург. Годы его службы в Академии наук – это годы огромной научной работы и годы борьбы с засильем иностранцев в академии, за отечественную науку и просвещение. Если прочитать подряд все служебные документы, сохранившиеся в архивах ломоносовских времён, может создаться впечатление, будто он только и делал, что писал жалобы, бранился, скандалил и т. д. Но в документы попадают лишь разного рода неприятности и столкновения, когда появляется нужда писать оправдания и жалобы. Служебная переписка – очень одностороннее, необъективное свидетельство о Ломоносове. Тем более, что сообщение о награде или присвоении профессорского звания занимает полстранички, а какая-нибудь история о том, как вышедший из себя Ломоносов «ставил кукиш» почтенному профессору, расплзается на десятки страниц: показания свидетелей, донесения, заключения. К тому же следует иметь в виду, что нравы среди уважаемых профессоров были, мягко сказать, простоватыми. Вот академик Миллер требует признать его негодную диссертацию: «Каких же не было шумов, браной и почти драк? Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался в собрании палкою и бил ею по столу конференцскому». Хитрый Шумахер, управляющий всеми делами академии, «бич профессоров», осторожно намекал в одном письме: всему, дескать, причиной «характеры

некоторым академикам сверх профессорского их достоинства данные», и выражал надежду, что Ломоносов сам сломит себе шею: «...отважный и гордый быстрее стремится к цели, однако часто, при смелых скачках, падает в пропасть, где и погибает».

Коварный расчёт не всегда бывает неверным. Ломоносов действительно навлек на себя гнев сильных, – так что перед концом жизни был даже на время отставлен от всех должностей и не мог появляться в академическом зале конференций. Но он оставался «отважным и гордым» – не про многих людей так говорили их враги.

Ломоносов был дерзким в науке и гордым в обращении с сильными. Он не просил должностей, окладов, орденов – он требовал их, ибо он чувствовал себя послом великой державы в стране науки. Обычный человек может и снести невнимание к себе, но посол – посол обязан добиваться уважения, ибо он представляет целый народ. Ломоносов вычёркивает своё имя в длинном списке академиков: его не устраивает место в списке, и на глазах у академии ставит своё имя первым. Он должен быть первым в списке, он имеет на это право! За год до смерти он пишет письмо графу Фёдору Орлову, требует ордена или чина, доказывая, что в Швеции профессор Линней имеет «кавалерию Северной звезды», в Париже Домеран – орден святого Людовика... И он, Ломоносов, русский учёный, тоже должен быть уважен.

Вот чего он добивался: чтобы для Шувалова, Орлова, Шумахера и других слова «русский учёный» звучали так же уважительно, как «шведский учёный» или «немецкий учёный», чтобы они поняли – русская наука уже родилась, существует и развивается, поскольку есть он, Ломоносов. Он может показаться нескромным человеком, если не понять смысла его борьбы, целей его жизни. Будь Ломоносов слишком высокого мнения о своей особе, он, наверно, довольствовался бы тем, что сделал во многих науках. Но в каждой науке он растит учеников. Ему мало Ломоносова, ему нужны именно Ломоносовы: он мечтал подарить стране не просто научные свои открытия – самого себя, повторённого, воспроизведённого десятки раз. Он убеждён, что таких, как он, может быть много... В этом истинная скромность величия!

«Моё единственное желание состоит в том, чтобы привести в вожденное течение Гимназию и Университет, откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы...»

Он хлопочет о создании Московского университета, составляет для него «регламент», делает щедрый вклад в его основание – посылает профессорами лучших своих учеников. В день открытия университета в 1755 году в Москве был фейерверк.

Прославляли императрицу Елизавету и Шувалова. О Ломоносове не вспомнили. Но первый русский университет – его детище, и сейчас он принял его имя, как сын принимает фамилию отца.

Когда университет был открыт, Ломоносов берётся за гимназию, прозябавшую при Петербургской Академии наук, и в короткое время гимназия передаёт в академию 20 студентов (а до того её десятилетиями никто не кончал). Ломоносов пишет подробнейший «регламент» для гимназии, разрабатывает правила для учеников и для учителей. Никто так много не учился среди современников Ломоносова, и никто так трудно не учился, – кто же может лучше его знать, как надо учить? «Гимназия, – пишет он, – является первой основой всех свободных искусств и наук. Из неё, следует ожидать, выйдет просвещённое юношество...» И в письме Шувалову о Московском университете: «При Университете необходимо должна быть Гимназия, без которой Университет, как пашня без семян».

Один из профессоров сделал замечание на представленный Ломоносовым «регламент»: мол, 60 гимназистов и 30 студентов – излишние казенные тяготы. Куда столько гимназистов девать? Ломоносов был разъярён.

«Его ли о том попечение? – возмущается он. – Ему велено было смотреть регламент, а не штат... Мы знаем и без него, куда в других государствах таких людей употребляют и также куда их в России употребить можно».

И, вот так воюя, Ломоносов в то же время сам учил студентов, сам ходил в гимназию, следил за тем, как кормят гимназистов, сколько дают им на обед, сколько на ужин, как учат их, каковы их успехи...

Волнуясь, тщательно, буква к буквке, переписываясь письмо Ломоносова к сестре, – только одно такое письмо и дошло до нас, и по нему мы можем увидеть *живого* Ломоносова. Спадает налёт официальности, меняется язык, меняются интонации – добрый, ласковый человек приходит к нам через два века, человек, нежно любящий детей...

Письмо это написано за месяц до смерти. Ломоносов пишет о племяннике, Мишеньке Головине.

«Государыня моя сестрица, Марья Васильевна, здравствуй на множество лет с мужем и с детьми.

Весьма приятно мне, что Мишенька приехал в Санктпетербург в добром здоровье и что умеет очень хорошо читать и исправно, также и пишет для ребёнка нарочито. С самого приезда сделано ему новое французское платье, сошиты рубашки и совсем одет с головы и до ног, и волосы убирает по-нашему, так чтобы его на Матигорах не узнали. Мне всего удивительнее, что он не застенчив и тотчас к нам и к нашему кушанью привык, как бы

век у нас жил, не показал никакого виду, чтобы тосковал или плакал. Третьяго дня послал я его в школы здешней Академии наук, состоящие под моею командою, где сорок человек дворянских детей и разночинцев обучаются и где он жить будет и учиться под добрым смотрением, а по праздникам и по воскресным дням будет у меня обедать, ужинать и ночевать в доме. Учить его приказано от меня латинскому языку, арифметике, чисто и хорошенько писать и танцевать. Вчерашнего вечера был я в школах нарочно смотреть, как он в общежитии со школьниками ужинает и с кем живёт в одной камере. Поверь, сестрица, что я об нем стараюсь, как должен добрый дядя и отец крёстный. Также и хозяйка моя и дочь его любят и всем довольствуют. Я не сомневаюсь, что он через учение счастлив будет. И с истинным лоблением пребываю брат твой Михаиле Ломоносов».

Не отвлечённая идея необходимости образования, а сочувствие детям, способность любоваться ими и радоваться за них, сознание, что они «через учение счастливы будут», – вот основа педагогики Ломоносова. Для него знание – гордость страны и в то же время – счастье человека.

Ломоносовскую формулу «Через учение – к счастью» можно большими буквами выложить на фронтоне каждой школы.

И что же было судьбой Мишеньки Головина?

Он вырос, выучился, стал большим математиком; юношей он помогал полуслепшему Эйлеру в его трудах, а потом и сам написал несколько учебных книг, стал первым русским методистом в математике, был избран почётным членом Академии наук. «Через учение счастлив будет...»

Среди рукописей Ломоносова нашли записку, ни к кому не обращённую. К самому себе. Или к потомкам?

«Я не тужу о смерти, – писал в минуту задумчивости Михаил Васильевич, – пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют».

Глава третья

Ослепительным вулканическим извержением выбился из народной толщи Ломоносов, а где-то в глубине, невидимая на поверхности жизни, клочкотала стихия, рвавшаяся к знанию, – Ломоносов и был рождён ею. То в одном, то в другом селе появлялся отставной солдат-инвалид, мелкий чиновник, лишившийся

места и попавший в нужду, набирали крестьянских ребятишек и начинали учить их за небольшую плату – возникла ещё одна «школа мастера грамоты». Испокон веков сохраняла она скудное крестьянское образование на Руси и продержалась до середины XIX века. Рядом с нею открывала школу дворцовая канцелярия для подготовки разного рода мастеров, от коновала до архитектора; Адмиралтейство устраивало свои училища, так называемые «русские школы»; на уральских заводах обучали детей фабричных арифметике, геометрии, основам горного дела и «науке знаменования» – черчению и рисованию; богатый князь перестраивал имение своё на европейский лад, заводил школу с полным содержанием учеников, приставлял к ним вдову или солдатку для стола их приготовить, сирот обшить и платье вымыть, выдавал овчинные шубы да суконные кафтаны, сермяжные штаны да холстинные рубашки, шейные да носовые платки – и заодно покупал замок в цепи «для сажания школьников». Но самую большую часть этих школ-невидимок надо искать при церквях. В первой половине века в стране было 16 тысяч приходских церквей, и почти при каждой из них дьячок учил ради дополнительного заработка хоть несколько детей; да ещё духовные училища и семинарии сотнями поставляли грамотеев для светских учреждений.

Все эти крошечные школы и школы – крестьянские, гарнизонные, монастырские, городские, фабричные, приходские, – никем не учтённые, ни в какие реестры не занесённые, без ведома правительства и без каких бы то ни было понуждений стихийно возникали, закрывались, потом открывались вновь и постоянно выплёскивали на общественную арену тысячи грамотных молодых людей, мечтавших продолжить образование. После первого выпуска в гимназию при Московском университете приняли ещё 40 человек, и почти все сплошь дети солдат, мелких приказных, священнослужителей, купцов, и все они пришли в гимназию грамотными, все мечтали стать Ломоносовыми. Время от времени происходил новый мощный всплеск этой тяги к знанию, и вновь высоко поднимался человек, вобравший в себя таланты целого народа.

Григорий Сковорода – вот ещё один из таких людей, во многом схожий судьбою с Ломоносовым, из того же корня выросший.

Ломоносов рвался вверх, к славе, и крепко держал её в своих руках. Сковорода бежал от славы, она догоняла его. Перед смертью он просил написать на могиле: «Мир ловил меня, но не поймал...» Его просьбу выполнили, но спустя десятилетия оказалось, что Сковорода всё-таки принадлежит миру.

Этот отшельник, «подвижник истины», всю жизнь скитался, и всюду к нему шли люди, потому что видели в нём учителя. Он и был учителем, но не в школьном, а в другом смысле слова: он учил не грамоте, а жизни. Искусству мудрой жизни. Не занимая никаких постов, он был так знаменит, что ещё в XVIII веке составили и опубликовали его биографию – «Житие Сквороды».

Родители Сквороды были «из простолюдуства: отец казак, мать такого же рода. Они имели состояние мещанское посредственно-достаточно». Григорий Саввич родился в 1722 году под Лубнами; он на одиннадцать лет моложе Ломоносова. Путь, по которому человек выдвигается из неизвестности, из обычной рутины жизни, иногда бывает довольно причудливым. С маленьким Сквородой случилось вот что: он хорошо пел и попал в придворную певческую капеллу при дворе императрицы Елизаветы. Позже то ли кто-то обратил на него внимание, то ли участие в столь высокопоставленном хоре послужило ему рекомендацией, но Сквороду приняли в Киевскую академию. Он закончил её и, подобно Ломоносову, отправился за границу. Ломоносова интересовали науки естественные, Сквороду – философские. Он был одним из первых философов на Украине.

Скворода исходил пешком Венгрию, немецкие земли, слушал лекции в нескольких университетах. Он знал латынь, греческий, древнееврейский, немецкий и, бродя по чужим землям, немало видел и немало читал, да притом с выбором читал. Позже он напишет: «Если наш век или наша страна имеет мудрых мужей гораздо менее, нежели в других веках или сторонах», то виною тому вот что: мы «шатаемся по бесчисленным и разнородным книг стадам без меры, без разбора, без гавани». Сам Скворода знал меру, разбор и гавань: он читал Платона, Аристотеля, Демосфена, Вергилия, Горация, Цицерона, читал и учёных нового времени – Декарта, Спинозу, Лейбница, Коперника и Ньютона. Вернулся на родину «наполнен учёностью, сведениями и знаниями...»

Подходя к селу, где он родился, Григорий прежде зашёл на кладбище. И там, на свежих могильных крестах, он обнаружил имена и отца и матери... Скворода вновь пустился бродить по свету.

Слух об его учёности прошёл по округе. Его пригласили учителем поэзии в Переяславль. Скворода согласился, даже написал «Рассуждение о поэзии». Но рассуждение не понравилось начальству, Сквороду попросили кое-что переменить. Он отказался; пришлось уйти. Был он и учителем в разных заведениях и разных домах, преподавал благонаравие в Харьковском училище, отказавшись при этом от жалованья: «удовольствие

учить, – сказал он, – больше оклада...» Но всюду он как-то не приживался. Да и как мог прижиться человек, начавший свою первую лекцию словами: «Весь мир спит... Спит, глубоко протянувшись... А наставники... не только не пробуждают, но ещё поглаживают: «Спи, не бойся, место хорошее, чего опасаться!»

После такой лекции Сквороде пришлось уйти, – он был бодрствующий среди спящих. Бодрствующий духом. Наконец он нашёл себе достойное место под Харьковом.

«Онос (место), – пишет друг Сквороды, – покрыто угрюмым лесом, в середине которого находился пчельник с одною лижиною. Тут поселился Григорий, укрываясь от молвы житейской и злословий духовенства». Тут он начал слагать свой «Сад божественных песней».

Молва за Сквородой ходила всякая: славная – о его большой учёности и прекрасной душе и худая – что он еретик.

Как же не еретик: не ест мяса и не пьёт вина. Еретик.

И добрая и худая слава распространилась о нём во всей Украине и Новороссии, продолжает биограф его и друг М. И. Ковалинский. «Многие хулили его, некоторые хвалили, все хотели видеть его».

Кто-то из древних мудрецов говорил: уединённый должен быть или царь, или зверь. Скворода был царём в уединении, царь знания. Сын казака был самым образованным человеком того времени. Он жил один, писал свои философские работы, играл на скрипке, флейте, бандуре, гусях (он очень хорошо играл и сам сочинял музыку). Писал письма друзьям: эти письма и послужили потом главным источником сведений о Сквороде и его взглядах.

Хотели Сквороду сделать священником. Он притворился сумасбродным – «переменял голос, стал заикаться». Обманутый архиерей, признав его неспособным к духовному званию, позволил ему жить где угодно.

Предлагали ему постричься в монахи, говорили, что он будет «столбом церкви».

– Ах, преподобные! – отвечал Скворода. – Я столботворения умножать не хочу, довольно и вас, столбов неотёсанных, во храме божем... Ешьте жирно, пейте сладко, одевайтесь мягко и монашествуйте.

Харьковский генерал-губернатор Евдоким Щербинин призвал к себе Сквороду:

– Честной человек! Для чего не возьмёшь ты себе никакого известного состояния?

– Милостивый государь, – отвечал Скворода («ответствовал» – стоит в подлиннике), – свет подобен театру: чтобы представить на театре

игру с успехом и похвалой, то берут роли по способностям... Я долго рассуждал о сём и по многом испытании себя увидел, что не могу представить на театре света никакого лица удачно, кроме низкого, простого, беспечно-го, уединённого: я сию ролью выбрал, взял и доволен.

Наконец (некоторые истории очень похожи на сказку) об учёности отшельника прослышала Екатерина II. Может, это и легенда (первый, самый достоверный источник об этой истории не упоминает), но легенда правдоподобная.

Итак, Екатерина услышала об учёности бывшего хориста и поручила Потёмкину пригласить Григория Саввича переселить в Петербург. Потёмкин послал своих людей. Посланные застали Сквороду в открытом поле: он сидел, играя на флейте; перед ним паслись овцы хозяина, у которого он гостил в то время. Передали ему приглашение императрицы. Скворода выслушал людей и отвечал:

– Скажите матушке царице, что я не покину родины.

И больше от него ничего не добились.

Но Скворода недолго был отшельником; в скором времени он пустился в путешествие по Украине. Тут будет правильным передать слово одному из первых его биографов – Гесу де Кальве.

«В крайней бедности переходил Скворода по Украине из одного дома в другой, учил детей примерам непорочной жизни и зрелым наставлениям. Одежду его составляла серая свита; пищу – самое грубое кушанье. К женскому полу не имел склонности; всякую неприятность сносил с великим равнодушием. Проживши несколько времени в одном доме, где всегда ночевал в саду под кустарником, а зимой в конюшне... пускался дальше. Никто, во всякое время года, не видел его иначе, как пешим».

Другой биограф – Срезневский: «Он мог бы составить себе подарками большое состояние. Но что ему ни предлагали, сколько ни просили, он всегда отказывался, говоря: «Дайте неимущему», а сам довольствовался только серой свитой».

Когда Скворода приходил в чей-нибудь дом, со всех сторон стекались к нему люди, приезжали специально, чтобы повидать Сквороду и поговорить с ним.

Был в Древней Греции философ Сократ; он вёл такой же образ жизни. Целыми днями ходил он по площадям и проповедовал свои взгляды, спорил с философами в окружении людей, но никогда ни к кому не нанимался в учителя, не был ни на какой должности, ибо считал он: если займёшь должность, то можешь случиться, в каких-то делах придётся пойти против совести, а против совести он пойти не мог.

Сковорода, конечно, читал диалоги Платона о Сократе; он говорил о себе, что «восхотел быть Сократом на Руси».

– Учитель – не учитель, – проповедовал он, – а только служитель природы.

Эти слова можно объяснить так: учитель должен развивать то, что заложено в человеке. Очень важно было сказать это в те времена, когда все считали, что учитель должен вдолбить знание в сопротивляющегося мальчишку.

Если проследить движение педагогической мысли в течение столетий, то окажется, что борьба идёт вокруг одного и того же вопроса: можно ли полагаться на собственные силы ученика, и если можно, то в какой степени? Коротко говоря: учить или натаскивать? Вдолбивать или развивать? Сковорода считал: учить, и при том всех.

«Знание не должно быть своего излишнего на одних жрецов науки, которые жрут и пресыщаются, – писал Сковорода неустоявшимся, странным для современного человека, однако очень ярким языком, – но должно переходить на весь народ, войти в народ и водвориться в сердце и душе всех тех, кои имеют правду осознать: и я человек, и мне, что человеческое, то не чуждо!»

Ему страстно хотелось допытаться, где же кроется человеческое счастье? Где искать его?

Может, бог поместил счастье где-нибудь в Америке? Или, скажем, на Канарских островах? Или в азиатском Иерусалиме? А может, счастье спрятано в царских чертогах? Или затерялось в пустыне? А может, оно не где-то, а в чём-то – в чине, в науке, в здравии?

Но если так, то можно ли родиться всем в одном месте? Или в одном времени? Или в одном чине и статье? Кто доберётся до тех счастливых мест и счастливых чинов?

– Нет, это неправда, – рассуждает Сковорода. – Не ищи счастья за морем. Ищи только нужного, оно одно только и благое и лёгкое, а прочее всё труд и болезнь.

Почти тридцать лет ходил он по хатам и торжищам в своей серой свите и всюду проповедовал – у кладбища, на паперти церковной, на празднике...

– Всякий должен узнать свой народ и в народе себя, – говорил он собравшимся возле него. – Русь ли ты? Будь ею... Всё хорошо на своём месте и в своей мере, и всё прекрасно, что чисто природно, то есть не подделано, не подмешано, но по своему роду.

И всюду он прославлял науку.

Слава физике! Она положила, что все тела суть только состав элементов.

Слава математике! Она измерила небеса, горы и воду рек и морей.

Слава астрономии! Она предсказала затмения.

Химия, анатомия, медицина – одну за другой перебирает Сковорода науки в своём уединении, не имея под рукой книг, а только справляясь с огромной своей памятью, с острым чутьём человека, живущего в своём времени, сегодняшним днём и завтрашним. «Електризация», которая пока что просто «зрелище любопытства, без сомнения, сделается источником выгод», предсказывает этот мудрый пустынный.

Друг его – М. И. Ковалинский красиво сказал о Сковороде: он был набожен, но не суеверен; учён, но не кичился учёностью; обходителен, но без лести.

Ковалинский описывает и смерть Сковороды – в духе житий святых или под влиянием рассказа Платона о смерти Сократа. Вечером Сковорода спокойно работал в саду, потом сказал близким: «Завтра я умру»; пришёл домой, лёг и наутро спокойно умер, завещав похоронить его на возвышенном месте около рощи и гумна и написать на могиле:

«Мир ловил меня, но не поймал».

И вот несколько неожиданный (или, наоборот, естественный) исход его жизни: после смерти друзья и ученики Сковороды сложились и внесли больше полумиллиона рублей на основание университета в Харькове. Он был открыт через десять лет после смерти Сковороды.

Один университет дал стране Ломоносов, другой – Сковорода. Университеты учреждались властями, но вырастали они из тех школ и школок, что бурлили в недрах народной жизни. Разве мог бы существовать хоть один университет, если бы не тысячи и тысячи безвестных бродячих и оседлых мастеров грамоты, учителей жизни, иногда полубразованных, иногда таких учёных, как Сковорода?

И здесь, пожалуй, пора начать самый важный в этой книге рассказ – о них, об этих безвестных учителях.

Лета 1763 года приде в село Мологино некий учитель Алексей Раменский наречённый из Москвы-града и да помнят почал он творити дела и школу для народа создаши и жизни своей пятидесяти лет сему делу положивши.

Радуясь обучивый многих селян наших.

Первая запись в семейной хронике учителей Раменских

Словно памятник Неизвестному солдату – Неизвестному учителю – старинная книга, сбережённая милостивой случайностью до наших дней: «Всеобщий секретарь, или Повый и полный письменник», издание 1811 года. Полтораэта лет назад эту книгу, с надписью, приведённой выше, подарили учителю его ученики и почитатели, грамотные крестьяне села Мологино, что в Тверской губернии. Книга эта много путешествовала: из Мологина – в Симбирск, из Симбирска – в Пермь, из Перми – в Москву, из Москвы – в Калинин, где и хранится теперь в областном музее как редкое, уникальное – едва ли не одно на всю Россию! – свидетельство. Книга была не раз потеряна, скрывалась из виду, отлёживалась на чердаках, чуть не погибла, не умерла, как умерли все её прежние владельцы, и всё-таки нашлась, чтобы на двух страницах своих, заполненных короткими записями-справками (каждая запись другой рукой), рассказать историю Рядового учителя, Вечного учителя.. Историю, которая ставит имя Раменских в один ряд с самыми большими именами в русской педагогике.

В конце концов, каждый, даже самый великий человек, был когда-то, в молодости, неизвестен... И если слава приходит к Раменским через двести лет после начала их деятельности, в этом ничего удивительного нет, ибо Раменские живы и сегодня, и ещё долго, многие сотни лет будут живы. Их слава не посмертная, а прижизненная.

Алексей Раменский, создавший школу для народа в селе Мологино, умирая, передал её своему сыну, Алексею Алексеевичу. Тот, в свою очередь, передал её своему сыну – Пахому, потом она перешла к сыну Пахома – Николаю, от него – к его детям, в частности к сыну Аркадию, вышедшему на пенсию в 1952 году.

В начале цепочки – 1763 год, в конце (не в конце!) – 1952 год. И всего пять человек – пять учителей, – взявшись за руки, образовали её, эту цепочку, протянувшуюся через два столетия, из XVIII века в середину XX. Пять человек, пять долгих жизней, пять мгновений.

Проследим, насколько это возможно, каждую из этих судеб, слившихся в одну. Рассказ этот – с перерывами, ибо историю Раменских нельзя понять, если не знать истории педагогики. Так же, как и сама-то история школы будет не ясна без истории Раменских. Науку развивают гениальные учёные, литература расцветает под пером великих писателей и поэтов, школа улучшается великими педагогами. Но если понятия «рядовой поэт» или «рядовой писатель» могут вызвать сомнения, то «рядовой учитель»...

Школа живёт рядовым учителем.

И потому сразу вслед за Ломоносовым и Сквородой – рассказ об Алексее Раменском.

Итак, 1763 год. Ломоносов ещё жив, хотя и очень болен, хотя дни его сочтены. Но уже становится на ноги созданный по его плану Московский университет, и из дома первого директора его, Аргамакова (так рассказывает предание), выходят два юноши, два брата лет по восемнадцати – двадцати. Один отправляется на юг – на Украину, другой на север – под Тверь, в село Мологино. Там его ждут: с ним уже сговорились мологинские крестьяне, привозившие в Москву лён на продажу английским купцам.

И так же, как Ломоносов, пришёл с обозом в Москву; и в том же примерно возрасте, в каком был Ломоносов, с санным обозом, то на пустых мешках из-под льняного семени, то бегом за розвальнями, пришёл из Москвы Алексей Раменский. Один в Москву – за наукой, другие из Москвы – с наукой. Брат – в Тверь, другой – на Украину. Через сто пятьдесят лет украинские учителя Раменские приносят приветствия тверским учителям Раменским... Так по тропинкам, по просёлкам, по саничкам, по большакам расходилось знание по России, циркулировало, передавалось от академика к учителю, от учителя – к будущим академикам, и все вместе они – академик и учителя – всё увеличивали и увеличивали это общее богатство знания.

Мы очень мало знаем о первом Раменском: год,

когда он пришёл в Мологино, и год, когда ушёл в отставку по старости; знаем, что в доме Арамакова познакомился он с Радищевым (Раменский был, вероятно, старше его по крайней мере лет на пять-шесть), и ещё знаем, что он выучил своего сына и передал ему школу. Всё.

Но мы можем представить себе, как день за днём, год за годом столетия по деревенской улице, мимо старых берёз, по низкому бережку спокойной реки Итомли, каждое утро, затемно, в седьмом часу, идёт к школе высокий прямой человек... Так и видишь его то с юношеской редкой бородкой, то с развевающейся стариковской бородой, но, вероятнее всего, Раменский являлся на урок гладко выбритым, если ещё и не в парике, потому что после Петра I и до середины XIX века бороды в России разрешено было носить лишь пашенным крестьянам, священникам да купцам. Москвич Раменский, когда-то пришлый, нанятый, чужой человек в Мологино, постепенно, с годами становившийся своим, приходил в седьмом часу утра в школьную избу, где его ждали двадцать, тридцать, а в иные годы и сорок ребятишек. Он притворялся за собой низкую дверь и начинал спрашивать зады, рассказывать, объяснять, очинивать перья для малолеток; грозно окликал непослушного и ставил его в угол, на горюх; задавал задачки тем, кто уже и до арифметики добрался; писал мелом на доске, когда такое новшество появилось в школе – доска с мелом. День за днём, год за годом, десять, двадцать, тридцать лет входил Раменский в школу, наклонялся к тетрадкам учеников, ворчал себе что-то под нос, улыбался, смешил детей, приносил с собой деревянную клетку, а в ней снегирь – красное брюхо, и весной, выйдя в толпе детей во двор, выпускал птицу на волю, как заведено, и смотрел ей вслед, задрал голову к синему небу, к белым облакам.

Бесконечна смена дождливых октябрей, вьюжных декабрей, журчащих апрелей... Нескончаема вереница глазастых и бойких мальчишек в лаптях, валенках, чулках, сапогах, а летом так и вовсе босых... Мерно жужжит класс, продираясь через трудные «буки-аз – ба, буки-есть – бе, буки-иже – би...» Кто долбит слоги, кто уже читает, спотыкаясь на хитроумных типлах-сокращениях, а кто, отчаявшись, беззвучно взывает к святому Сергию Радонежскому: он должен

помочь, ведь он и сам в детстве был «косным на понимание». Ко всем заступникам за людей, взывают и учитель, и ученики его: пусть помогут преодолеть трудную азбуку, выучить и выучиться искусному чтению по книге и писанию на бумаге... Грамотный не пропадёт, грамотного – на расхват. Хоть псалтырь над покойником прочитает за плату, и то доход.

Наконец наступает день, когда кто-то из учеников осилит первую книгу, научится читать её и в знак благодарности принесёт довольноному своему учителю полтину денег и обёрнутый в платок горшок с молочной кашей – таков порядок, в древности заведённый. После урока все ученики соберутся вокруг горшка, достанут ложки и вмиг опустошат горшок, выскребут, а виновник торжества ложкой же бьёт их по рукам под смех всего класса и учителя и всей его семьи, собравшейся на торжество. Потом пустой горшок вынесут на середину двора и станут бросать в него палками, а кто изловчится разбить, тот беги: догонят – надерут уши всей оравой...

Переменивается книжка на книжку, за азбукой – часослов, за часословом – псалтырь, звенькают черепки разбитых горшков, и рой за роем отлетают ученики, а Раменский продолжает свой путь вдоль Итолми, в класс, к доске... С каждым годом он становится всё немощнее, всё чаще кряхтит на уроке, а то и задремлет, на радость мальчишкам, заснёт, уткнувшись головой в грудь, и вздрогнет, и окинет класс грозным подозрительным взглядом: не замечен ли его старческий грех?

И вот однажды он не идёт в школу. Непривычно остаётся с утра в избе. С высокого крыльца, придерживаясь рукой за столбец, провожает глазами старшего сына: сам он его и выучил, сам вырастил, сам зимними вечерами читал с ним и внушал ему высокие мысли о назначении учителя на земле, призывая на помощь для убеждения то священное писание, то имена славных учёных людей...

Потом похоронят старика, всем селом понесут на руках гроб до погоста, славя палить учителя, принёсшего свет в эти края, и останется за старшего в доме и в школе его немолодой уже сын, начинавший учительствовать в соседнем селе, а теперь переведённый в Мологино, в отцовскую школу. И вновь потянутся годы, отсчитывая жизнь нового учителя,

и вновь, когда придёт срок, состоится передача школы следующему Раменскому, и следующему, и так сто пятьдесят, двести лет.

...По здесь мы пока что прощаемся с Раменскими. Ещё только середина XVIII столетия, Алексей Раменский-отец идёт на первый свой урок. Да он ещё и не отец вовсе – юноша, он и понятия не имеет, какое дело начинает он и какое дело начинается по всей России. Просто он в седьмом часу утра выходит на тропинку вдоль берега Итолми и идёт к своей школе. Рядовой учитель, неизвестный учитель, великий учитель...

Глава четвёртая

Есть предание, будто Алексей Раменский вместе со своими учениками в 1767 году отправился в Тверь, чтобы встречать прибывшую в этот город императрицу Екатерину Алексеевну. Похоже на правду: Екатерина II действительно совершала своё первое большое путешествие по стране. Маршрут её проходил по Волге – от Твери до Симбирска, – а Раменский был учитель молодой, любознательный и вполне мог совершить со своими школьниками недалёкую экскурсию для обозрения императрицы. В её свите было 2000 человек; увидеть такое пышное зрелище интересно было всем; учитель же особенно обязан доставлять своим ученикам возможность получить сильные, яркие впечатления. Далее предание говорит, что Раменский будто бы кланялся Екатерине, просил о пожертвовании на мологинскую школу и что императрица откликнулась на просьбу: кинула учителю медный пятак. Пятак этот сохранился и по сию пору, и сегодня в некоторых работах можно прочитать, что он, этот нищенский пятак, символизирует отношение Екатерины II к просвещению народа.

Трудно оспаривать легенды (может, просто разбрасывала свита мелкие деньги в толпу и кто-то из ребятишек подобрал монету?), и, главное, ни к чему оспаривать легенды, особенно двухсотлетней давности.

Но позеленевший пятак наводит на размышление о том, как же на самом деле относилась Екатерина II к народному образованию, что дало её время для просвещения в России.

Если легко принять версию о пятаке, если не попробовать всерьёз разобрататься, что же происходило во второй половине

XVIII века, то совершенно невозможно будет понять последовавшие за этим временем события. То почти ничего не было: цифирные школы Петра I позакрывали, учебники пустили на макулатуру – никому они были не нужны; ученики в огромной стране исчислялись официальной статистикой не миллионами, не тысячами даже – сотнями; и вдруг с самого начала следующего века появились десятки гимназий, три университета, довольно широкая сеть училищ. Откуда всё это? Откуда, наконец, взялась потрясшая мир русская культура XIX века – замечательные писатели, поэты, музыканты, художники, учёные, инженеры, адвокаты, врачи? Культуры не создать за тридцать лет, она входит в силу стараниями многих и многих поколений.

Какой-то важный сдвиг произошёл в скатертинские времена, его нельзя пропустить, оставить незамеченным.

Сдвиг этот состоял в том, что вновь, как и при Петре I, образование дворян и образование разночинцев, купцов, крестьян стало остро необходимым, хотя причины этой необходимости были не те, что во времена Петра, и образование нужно было другого рода.

Екатерина II взойшла на престол незаконно: при живом муже-императоре, при подрастающем наследнике (в лучшем случае могла она рассчитывать на то, что станет опекуной сына Павла, временной правительницей). Удержаться на престоле в стране, где дворцовые перевороты были скорее нормой, чем исключением, и где далеко не всякий властитель умирал своей смертью, было вообще трудно, а чужестранке, беднейшей в Европе принцессе, привезённой в Россию за 18 лет до переворота 1762 года, в спешке обученной русскому языку, наскоро перекрещённой в православную веру, вдвойне, втройне труднее. Екатерина смогла это сделать, смогла относительно спокойно дожить до естественной своей смерти и умереть в Петербурге, во дворце, а не в изгнании, не в отдалённом каком-нибудь монастыре (если не на плахе, как это случилось с её французским коллегой), только потому, что она умела тонко различать интересы всех, от кого зависела поддержка её трона.

Пожалуй, чтобы прославиться в веках, честолюбивая эта женщина отменила бы и крепостное право (она говорила об уменьшении зависимости крестьян от помещиков в первом варианте своего знаменитого «Наказа», но, посоветовавшись с близкими людьми, быстро, без споров вычеркнула эти слова и больше никогда о них не вспоминала) и пооткрывала бы в каждом уезде не то что школы – хоть университеты. Но жизнь дороже славы, а трон дороже жизни... Отношение Екатерины к крепостному праву и к образованию – это не её личное

отношение, это отношение дворянской верхушки, ставшее её личным отношением, ибо она была талантлива и могла легко воспринимать чужие мысли, если они были полезны ей самой, отвечали её задаче, главной задаче каждого самодержца: удержаться у власти, сохранить самодержавие вообще, и своё самодержавие в частности.

Таким образом, об истинной цене скатерининского школьного пятака надо справляться не в Зимнем дворце, а в относительно скромной помещицкой усадьбе где-нибудь под Тверью, под Пензой или даже в той деревушке, о которой сообщал новгородский губернатор Сивере, где в пятнадцати крестьянских избах жили семнадцать дворян, занятых хлебопашеством, как самые бедные крестьяне, но – с дворянскими привилегиями. Обеднсли.

Наверное, нет лучшего способа навести эти справки и понять происходившее, чем отправиться на заседания законодательной комиссии (Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения), созданной Екатериной.

Итак, тот же 1767 год. Императрица благополучно вернулась из путешествия по Волге; «Наказ» её, плод двухлетней работы по утрам, с шести до восьми, отделан, острые места из него вычеркнуты, по всей стране произведены выборы депутатов, составлены для них местные наказы, и 31 июня после молебствий и церемониальных шествий депутаты собрались в Грановитой палате Московского Кремля: депутаты от дворян (161 человек), от городов (купцы, мещане – 207 человек), от казачьих войск (57 человек), от податных крестьян (112 человек), от иноверцев... Двести лет Россия не видала такого и ещё долгое время после роспуска комиссии не увидит. Воспользуемся редким случаем. Пропустим торжественные заседания; пропустим преподношение Екатерине титула «Великой, премудрой матери России» и её скромный отказ от этого титула, выждем время, пока депутаты пообвыкнут, посмелеют, понатореют в ежедневных занятиях; и вот уже май следующего, 1768 года, комиссия переехала в Петербург, обсуждается вопрос о беглых крестьянах, казалось бы весьма далёкий от наших проблем; но посмотрим, во что выльется молчаливый этот спор. Молчаливый потому, что депутаты не произносили свои речи, а писали так называемые «голоса» – записки, и эти голоса зачитывались на заседаниях. Таким образом, крестьянин мог спорить с графом и возражать ему, но не лично, не вслух – это казалось менее оскорбительным для графа...

Начал спор дворянский депутат Григорий Коробьин:

– Часто я размышляю о том, что бы понуждало крестьянина оставить свою землю... покинуть родственников, жену и детей...

Нсужели только крестьяне виноваты в этих побегах? Нет, причина – в неограниченной власти помещиков. У крестьян должна быть своя земля, над которой он был бы господин: мог бы заложить, продать, подарить сё...

Буря была ответом «голосу» Коробьина!

Ограничить власть помещика?

Как это можно?

Но слово было сказано. Ещё некоторое время назад, до Указа о вольности дворянства, дело представлялось так: дворяне несут обязательную службу государству, крестьяне – помещику; все одинаково служат. Дворянин при Петре I служил без права выйти в отставку, даже без отпусков домой! После Петра сделаны были кое-какие послабления, а в феврале 1762 года вышел Указ о вольности дворянства. Дворяне были наконец совсем освобождены от службы, и равновесие нарушено. Следующим шагом, казалось бы, должны были освободить и крестьян, если по справедливости. Среди крестьян ходили слухи, что Указ о вольности крестьянства тоже был, но его скрыли.

И вот чуть ли не впервые помещикам пришлось доказывать своё моральное право владеть крестьянами, упирая не на силу (пулями и картечью с крестьянином говорили не здесь, а в селе, когда он взбунтуется) – не на силу, а на справедливость.

– Хлебопашцы бегут, потому что ленивы! Хотя бы и в собственность дали им землю, то надо ожидать от нашего народа, что по большей части она пуста останется!

– Вольность бесполезна нашему государству, ибо от неё хлебопашцы, не связанные властью помещика, разбредутся! Истребление хлебопашества!

– Да кто он такой, депутат Коробьин? Да он от собратий дворян того города и выбран не бывал и бывал ли он вообще в том городе? Он здесь по доверенности от другого депутата; но кто дал ему доверенность оскорблять помещиков и отнимать их привилегии?

Однако бранью не обойдётся. Время настало такое, что права помещиков уже не безоговорочны, их надо доказать! За эту задачу берётся блестящий публицист, ярославский помещик, князь Михаил Щербатов:

– Скажите, почтенные депутаты, скажите, вы слышали от отцов своих, какие заслуги корпус дворянский всей России оказал? Кто вам православную веру сохранил? Кто от ига и мучительства варвар и чужеземцев вас избавил, если то не дворяне?

Красноречиво! Но теперь такой довод не проходит, и крестьянин Иван Чупров в спокойной записке иронически заметил на

страстную речь князя: *«И всякого звания люди, во всём государстве не без порученных дел остаются».*

И тогда кто-то из депутатов выдвигает новое доказательство – именно то, каким пользовалась сама императрица, в чём она была несомненным новатором.

Екатерина не без дела просидела 18 лет в дворцовом плену – она читала, думала, писала, у неё много сочинений, её комедии ставили на сцене, издавали её переводы из Плутарха. Она знала: величайшие умы эпохи – философы Вольтер, Монтескье и другие – считают идеалом государственного устройства «просвещённый абсолютизм».

Вот это как раз для неё: хотя у неё нет наследных прав на престол, всё же именно она, а не кто-нибудь другой может быть «просвещённым» монархом на русском троне, и просвещённость – её козырь, доказательство её прав в глазах дворянской России (которая тоже недаром двадцать лет учила французский язык), в глазах всего мира и, главное, в своих собственных глазах, ибо надо и ей где-то брать силы для ежедневной борьбы, ежеминутно требуемого от неё вдохновения!

И в Комиссии об Уложении дворянские депутаты выдвигают точно такой же, самый новейший довод: просвещение. Дворяне должны управлять крестьянами, потому что на их стороне знание, образование, а крестьяне темны, неграмотны; свободу нельзя дать непросвещённым людям: она будет им во зло, как малым, неразумным детям.

Говорят об этом ещё робко. Щербатов красноречив, потому что его мысли обкатаны, они вынашивались и оттачивались столетиями; новое слово ещё косноязычно, – никто в зале не может предугадать, что через полтора столетия именно этот, новый довод, приобретя за долгие годы употребления блеск и лоск, станет главным доводом всех имеющих власть: у них образование, потому они должны управлять страной.

...Если сказать, что с середины XVIII века среди дворян стало модным приглашать домашних учителей, – это значит ничего, по сути, не сказать. мода – вещь почти необъяснимая и, уж во всяком случае, не объясняющая: то же «чудо». Не мода заставляла тратить князя Голицына по 320 рублей в год на содержание учителя Бартоломи де Серрати, ставить ему 15 вёдер вина в год, давать зимой сани, а летом коляску парюю, с хомутами наборными, с кучером и с малым, одетым в ливрею; не мода принуждала московских дворян переманивать к себе лакеев-французов из пажеского корпуса и брать в дом учителями; не страсть к моде позволила одному чухонцу выдать себя за француза, наняться в дворянский дом учителем и обучить детей вместо французского – чухонскому, то есть финскому языку.

Не мода, а нужда толкала отцов дворянских семейств на все эти относительно новые для них приключения.

Дворянину нужно было теперь образование для подкрепления своих наследственных прав.

Пожалуй, поэтому образование требовалось не всякое, а именно такое, которое бы внешне отличало образованных от необразованных, давало бы *культурное поведение*, изысканные манеры – всё то, что сразу бросается в глаза. Образованность – как отличительный знак, как медаль на шее, как богатое платье; образован – значит, богатых родителей сын, значит, из благородных.

И фонвизинский Митрофанушка был не такой уж дурачок, как принято считать: лично ему география и грамматика действительно были не нужны. Но дворянству в целом было необходимо, чтобы митрофанушки получали образование, для того чтобы морально оправдывалась их власть над крестьянами. Митрофанушка Фонвизина не столько лентяй, сколько своего рода бунтарь, отказчик.

Пётр I в 1724 году издал указ: «Для переводу книг зело нужны переводчики, а особливо для художественных... Художества же следующие: математическое, механическое, хирургическое, архитектурно-цивилис, анатомическое, ботаническое, милитарис и прочие тому подобные».

Петру были нужны знающие люди для замещения множества вакансий, вдруг возникших в перестраиваемом государстве.

Спустя четверть века императрица Елизавета издаёт аналогичный указ, но он кардинально отличается от петровского. Теперь «художества» Петра I никого не волнуют, совсем другое на уме: «Стараться при Академии переводить и печатать на русском языке книги гражданские различного содержания, в которых бы польза и забава соединены были с пристойным к светскому житию нравоучением».

Светскость! «Людскость»! Поведение в обществе! Каждое дворянское учебное заведение, возникающее в середине XVIII века, обязательно объявляет в своей программе, что оно будет учить детей светским манерам, иначе в такое заведение никто не пойдёт. Державин писал, что в Казанской гимназии (одно из самых серьёзных учебных заведений того времени) «преподавалось обучение языкам: латинскому, французскому, немецкому, арифметике, геометрии, танцеванию, музыке, рисованию и фехтованию. Более же всего старались, чтоб научились читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматике и быть обходительным... что сделало питомцев хотя в науках неискусными, однако же доставило людскость и некоторую розвязь в обращении».

Манеры да иностранные языки, чтоб можно было за границей показаться, куда теперь стали свободно пускать дворянских детей, и в обществе в грязь лицом не ударить, и чтобы в поместье своём никто не спутал мужика-хлебопашца с мужем дворянским: дворянин говорит на другом языке, одевается по-другому, играет на фортепьяно, танцует, – он образован и потому, естественно, он хозяин крестьян и их земель; просвещённо, как добрый отец, управляет он своими подданными.

Этим же отчасти и объясняется, почему до самой середины XIX века гуманитарное образование преобладало над реальным: образование нужно было не для использования знаний в промышленности, в сельском хозяйстве или в науке, а для отличия в языке, образе мыслей и, главное, в поведении. Всё это время – до середины XIX века – вопросы воспитания занимают педагогов куда больше, чем проблемы обучения. От школы ждали, что она будет не столько учить, сколько *воспитывать*.

И не только дворянская школа – крестьянская тоже: и крестьянская школа нужна для воспитания определённого поведения.

В Комиссии об Уложении пахотный солдат Иван Жеребцов предложил учинить «детские школы учения». Ему отвечали со страстью, удивившей даже депутатов:

– Земледельцу то и школа, чтобы обучать детей с малолетства хлебопашеству и прочим домовым работам. А ежели они с малолетства будут употреблять в науку, то уж к земледелию и прочей работе склонить их будет никак нельзя. Такие училища пользы не принесут, а принесут ущерб казне, уменьшение в хлебопашестве и повышение цен на хлеб.

Между учением детей и ценой на хлеб устанавливалась прямая связь...

Крестьяне показали себя разумнее в этой комиссии, чем их «предводители». Пахотный солдат Егор Селиванов отвечал:

– Не от школы земледелие падает, от других причин! А просвещённый крестьянин больше хлеба на той же земле получит, нежели десять неучёных!

Но это слишком смелое, непонятное по тем временам рассуждение, и сам Жеребцов вносит поправку:

– Я не требовал заведений в рассуждении живых и прочих иностранных языков, а об сциенциях (то есть науках) и думать не имел намерения! Но катехизису-то надо учить? Без катехизиса человек скотом может стать!

И вот тут-то выяснилось, что Жеребцов нечаянно сказал самое главное, и его сейчас же с жаром поддержал граф Александр Строганов:

– Мнение господина депутата Жеребцова о заведении школ

есть столь справедливое, что не могу не воздать оному депутату достойной похвалы... Разве надо искать примеры, до каких бедств доводит нас невежество? Без ужаса не могу представить себе помещиков, убитых своими собственными крестьянами. Я уверен, почтенное собрание, что если бы просвещеннее сей род людей был, то, конечно, мы не видели бы таких свирепств. Итак, вы сами видите, сколь училища для крестьян полезны.

Эта своеобразная логика ведёт к тому же: школа нужна, ибо она что-то вроде церкви. Она должна научить терпению и уважению к помещику, чтоб не убивали его, даже если он доводит крестьян до отчаяния... Школа нужна была правительству, дворянству. Как при Петре I появилась внешняя потребность в образовании – для развития наук и ремесла, – так и теперь возникла такая же потребность – для сохранения своего положения. И тут медным пятакom не обойдётся. Спор о жизни и смерти.

Но коль скоро – по тем или иным причинам – число образованных росло, знание само по себе становилось всё более серьёзной ценностью в глазах людей. Тот же граф Строганов не ограничивается приобретением светских манер, он ездит по всей Европе, изучает языки и многие науки, вплоть до математики и горного дела, собирает прекрасные художественные коллекции, а вернувшись на родину, оказывает покровительство художникам и архитекторам (он был несказанно богат, в его имениях жили больше сорока тысяч крепостных крестьян). Вот особенность образования: хорошо образованный человек нетерпим к невежеству, стремится развивать культуру.

При этом одни ограничиваются благотворительностью, меценатством (что тоже приносило несомненную пользу стране), другие же идут дальше, начинают *бороться* за образование всего народа, за истинную, а не показную культуру.

Прежде, до середины XVIII века, шёл спор: у кого земля, а у кого её нет, кто богат, а кто беден. Теперь открылась новая «земля», появилось богатство нового рода – знание. Кому эта «земля» будет принадлежать? Как её поделят?

Глава пятая

В Комиссии об Уложении было много работы; ей потребовались десятки грамотных секретарей-протоколистов. Сыскать их было нелегко, но нашли – главным образом среди дворян, учившихся в Московском университете или гимназии при нём и

вышедших в службу. Затребован был в комиссию и унтер-офицер Измайловского полка Николай Новиков (от слова «новик» – новичок в службе).

Так сложилось его образование: низшее – у дьячка, в подмосковном родовом поместье Авдотьино, среднее – в гимназии при Московском университете, которую он не закончил, высшее гражданское – в Комиссии об Уложении. За полтора года работы комиссии молодые протоколисты, проводившие дни за конторками, прослушали такие глубокие лекции о положении крестьян, о народной нищете, об ужасах русского судопроизводства, так откровенно и яростно спорили по вечерам, обсуждая очередные «голоса» депутатов, столько узнали, перебеливая записки-«голоса», сводя их в одно и читая императрице, что комиссия для них действительно стала университетом. Ни в каком учебном заведении России ничего подобного получить они не смогли бы.

О том, что это справедливо по крайней мере для тонкого, чувствительного Новикова, говорит тот факт, что, когда комиссию распустили, он почти тут же подал в отставку. Служить в полку или на другой государственной службе он больше не мог. Вероятно, после всего услышанного служба была ему отвратительна.

Родись он, скажем, лет на 20 – 30 позже, пережитое потрясение привело бы его в состояние меланхолии, превратило бы в «лишнего человека». Но время лишних людей не настало – было время людей нужных, людей необходимых, время энергичных и деятельных, ещё не разочарованных в деятельности, ещё веривших, что можно открыто служить отечеству, не служа государству.

Но чем он будет заниматься? Московская гимназия при университете, подобно Казанской, о которой рассказывал Державин, давала мало знаний, но прививала вкус к словесности. Там не прекращались литературные споры, там, при университете, издавали журналы: один журнал вёл профессор, другой – студент. Комиссия дала Новикову связи в среде молодых литераторов и в высшем свете.

Он будет издавать сатирический журнал!

В лице Новикова «неслужащий русский дворянин едва ли не впервые выходил на службу отечеству с пером и книгой, как его предки выходили с конём и мечом», – писал историк В. О. Ключевский.

С пером и книгой, с открытым забралом на службу отечеству...

Впрочем, не совсем так. С открытым забралом он не долго прослужил бы отечеству – «и не таким сатирикам рога

погломали». Начинается великая игра Новикова – игра в простакни.

Отчего он издаёт журнал? От лени, объявляет он публично. Только от лени! Он такой, дескать, лентяй, что иной раз по целой неделе просиживает дома – лень одеться. И служить ему лень. Приказная служба хоть и наживна, да хлопотлива, придворная – всё спокойнее, да очень уж скользкая, надо изучать науку притворяться...

Пощёчины Новикова сыплются градом, а сам он сохраняет невозмутимый вид. Всё между прочим, вскользь, и всё – метко, коротко, зло, так что Екатерина поёживается и пишет в своём журнале «Всякая всячина» про «чёрные пары и желчь» издателя «Трутня», то есть про Новикова. Дерзкий юнец, нимало не колеблясь, бросается в печатную полемику с Екатериной. Он забыл, что он не в комиссии, что был указ с красноречивым названием «О молчанье» и что крепостным за одну только попытку жаловаться на помещика положена Сибирь вместе с тем, кто эту жалобу по его просьбе составил. А Новиков подаёт коллективную жалобу всех крестьян на всех помещиков.

И дворянский подход к образованию как к отличительному знаку, знаку превосходства, высмеивается им чуть ли не в каждом номере. Новиков за просвещение, но за такое, какое отстаивал Ломоносов, – за просвещение на благо человека и отечества. Вспомним, как Скворода славил науки, одну за другой перебирая их. «Герой» сатиры Новикова тоже перебирает науки, но для того, чтобы проклясть их.

Математика прибавит ли моих доходов? Нет. Чёрт ли в ней!

Физика ли изобретёт новые таинства в природе, служащие моему украшению? Нет. Куда она годится?

История покажет ли мне человека, который был бы прекраснее меня? Нет. Какая же в ней нужда?

Его герой не Митрофанушка, он хочет учиться, но только не физике и не истории, а танцам и фехтованию.

Новикову кажется, что он ловко прикидывается простодушным, а на самом-то деле он и вправду простодушен – он надеется чего-то достичь сатирой... Закрылся один журнал – открывается второй, третий. В его жизни не было ни одного дела, которое он бросил бы прежде, чем исчерпал все возможности. И всё же в конце концов он оставил сатирические журналы. «Трутень» спорил с Екатериной, «Живописец» пришлось посвятить ей, «Кошелёк» посылать на предварительную цензуру... Конец.

Эта история ничему не научила Новикова. Всё с такой же верой в свои силы и в возможности времени он берётся за другое дело – за книгопечатание. Поразительно, с каким

упорством Новиков, нисколько не помышляя об этом, буквально преследует Екатерину, подхватывая каждое её начинание и доводя его до таких пределов, что ей становится не по себе. Так было всю его жизнь. Она – журнал, он – три. Она – «Общество, старающееся о переводе иностранных книг», он – «Общество, старающееся о напечатании книг». Она начинает разговоры об училищах, он тут же на свои средства открывает два воспитательных дома в Петербурге. Она отправляется в путешествие по Крыму, демонстрирует иностранным послам процветание своей державы – он едет в деревню спасать крестьян от голода, потому что год был неурожайный... Она издаёт указ о вольных типографиях – он тут как тут с пятью типографиями и печатает в них такое, что указ поспешно отменяют (да ещё Радищев, конечно, своё дело сделал). Новиков далёк от мысли подрывать самодержавие, и Екатерина вынуждена терпеть его до поры до времени: ей пока не в чем обвинить его, она только повторяет: «Опасный человек!» А чем опасный? Тем, что искренне делает то, что она делает по необходимости. Самодержцы любят призывать к инициативе, но терпеть не могут, чтобы инициатива выходила из-под их контроля. Всё неподконтрольное их пугает, даже направленное им на пользу. Пожалуйста, говори что хочешь и делай что угодно, но только не выходи из-под власти. Всё, что ускользает от власти, кажется опасным, подрывным, какими бы невинными ни были действия.

Самое удивительное, что бешеная энергия Новикова сочетается в нём с тихим, незлобивым характером. Это не лично Екатерина и не лично Новиков столкнулись в смертельной борьбе – две мощные силы, стоявшие за каждым из них. Новиков ни разу в жизни ни с кем не имел ни малейшей ссоры! Друзья не просто любили – обожали его, и впоследствии, когда его арестовали, два человека, слуга и друг, добровольно разделили его заключение в крепости, выпросили разрешение безвыходно, на правах арестантов, жить вместе с ним в холодной тюремной камере, почти без средств к существованию, лишь бы только рядом с ним жить, – нравственная сила этого человека была невероятно притягательна. Не много в истории сыщешь людей с таким сложным духовным миром и в то же время настолько деятельных. Эти два качества – склонность к размышлению, самоуглубление, и энергия действовать – редко совмещаются в одном характере.

Новиков же – это идеи, превращённые в поступки.

Друзья его были масоны; они уговорили и Новикова вступить в ложу, хотя он отказался участвовать в мистических масонских обрядных церемониях. Но в ложах была вся жизнь. Связи нужны были Новикову для его деятельности. И в мире-то среди масонов

были значительные люди: Вольтер, Франклин, Дантон, Лессинг, Георг Вашингтон, Гёте.

Новиков вступил в ложу, стал проникать в масонские идеи нравственного самоусовершенствования. Но и этим идеям, специально изобретённым для того, чтобы отдалить человека от злободневной борьбы, — даже этим отвлечённым идеям Новиков умудряется найти практическое применение, превратить их в дело. И пока иные из друзей его потихоньку брюзжали да произносили, по выражению Пушкина, «двусмысленные тосты на франкмасонских ужинах», Новиков боролся за просвещение — служил отечеству с пером и книгой, как с конём и мечом... Он пересезжает в Москву, берёт на откуп захиревшую было типографию Московского университета, в один год оборудует её так, что она становится вровень с лучшими европейскими типографиями. И застучали станки! Лавина книг хлынула на Москву — покупай! Среди них много учебных и учёных, но много и любовных романов, нравоучительных, религиозных, книг по домоводству: Новиков приучал Россию читать, сажал за книжки, пусть на первых порах иногда самые пустые. Всё-таки читать! К тому же ему нужна была прибыль: деньги он тут же пускал на расширение дела, на содержание сиротских домов, на выпуск менее доходных, но серьёзных сочинений. Он один издал почти треть всех книг, выходящих во время его деятельности в России. «Книжная лавка Новикова у Воскресенских ворот, — пишет Ключевский, — стала соперничать с модными магазинами Кузнецкого моста!» А ещё такие же книжные лавки открылись в восемнадцати других городах России, и по ярмаркам разносчики вместе с лентами и бусами понесли «учёный товар» Новикова. Газету «Московские ведомости» прежде никто не читал, тираж её был 600 экземпляров. Новиков берёт её в свои руки, и вот уже москвичи раскупают 4000 экземпляров газет, мастеровые подписываются сообща: один грамотный, четверо неграмотных сложились, получают газету, и грамотный читает её товарищам вслух, в кружочке. Такую сцену наблюдал Карамзин.

В бурной деятельности Новикова было что-то благородно-воинственное; он представляется бесстрашным всадником, успевающим всюду и всюду открывающим свет.

Сатирических журналов и книгоиздательской деятельности Новикова хватило бы на каждого человека, чтобы прославить его. Однако Новиков сделал ещё и третье важное дело, имевшее большие последствия: он собрал вокруг себя таких же поборников просвещения, как и он сам, и создал так называемое Дружеское Учёное общество, этакую учёную дружину.

Каждый член Общества был по-своему интересным человеком;

объединяли же их два общих качества: вера в просвещение и бескорыстие.

Правитель канцелярии и переводчик С. И. Гамался – тихий, углублённый в себя человек, прославившийся на всю Москву необыкновенной честностью и добротой. Когда ему пожаловали за службу 300 крепостных душ, он отказался от подарка, задумчиво сказав при этом: «Мне не до чужих душ, я и со своей собственной не умсю справиться».

Сын горнозаводчика, очень богатый в молодости человек Г. М. Походяшин, вступив в Учёное общество, фактически отдал все свои средства на его дела – на содержание училищ, на помощь молодым людям, нуждавшимся в образовании, на спасение голодающих. Походяшин умер в бедности и, как рассказывают, умирая, попросил показать ему портрет Новикова – человека, которому он был обязан и бедностью и счастьем и которого он благодарил до последней минуты.

Но, быть может, самым ярким лицом в кружке Новикова был профессор Иван Григорьевич Шварц, немец из Трансильвании, приехавший в Россию не в поисках состояния, как иные из заграничных учителей, а потому, что почувствовал: в пробуждавшейся стране найдёт он широкое поле просветительной деятельности. Он выучился русскому языку, был талантливым преподавателем и когда стал читать лекции в Московском университете, то все студенты полюбили его – он увлекал горячим своим характером, преданностью науке. С Новиковым Шварц подружился в тот же день, как они познакомились. Собрав пожертвования с членов Дружеского Учёного общества и внося своих пять тысяч рублей, Шварц основал сначала педагогическую семинарию при университете, а затем переводческую семинарию – нечто вроде современного института иностранных языков. В двух семинариях Общество содержало на свой счёт 50 молодых людей, будущих учителей и переводчиков.

Заседания Дружеского Учёного общества были публичными, открытыми для всех. На этих заседаниях отчитывались в расходах средств, читали педагогические проекты, произносили назидательные речи. Пожертвования всё увеличивались, и Общество смогло открыть больницу для бедных, аптеку с бесплатными лекарствами и ещё две новые типографии. При газете «Московские ведомости» печатались различные приложения, и в том числе бесплатное «Детское чтение для сердца и разума» – первый журнал для детей в стране, начало начал нашей детской литературы; и здесь же Новиков опубликовал свой замечательный педагогический труд «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия», большая статья, которую и сегодня

с пользой и с интересом прочитал бы каждый воспитатель. Новиков ввёл в педагогическую литературу больше двухсот новых терминов. Это он назвал школьные предметы так, как они называются сейчас: «чтение», «письмо», «арифметика», «рисование». И самые главные для учителя слова «педагогика», «образование» стали употребляться лишь после Новикова. «Образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами» – вот в чём Новиков видел цель воспитания, и подробно, с тонкими наблюдениями разбирал он, как этой цели добиться.

Не погашайте любопытства детей!

Научайте их чувствовать справедливо!

Приучайте их к терпению в страдании, бодрости и постоянству в несчастье, смелости и неустрашимости во всяких обстоятельствах.

Смелости и неустрашимости Новиков проявил достаточно. Вскоре судьба потребовала от него терпения в страдании и постоянства в несчастье...

Глава шестая

Дело складывалось так, что какие-то безвестные или, скажем, не очень-то известные люди во главе с Новиковым перехватывали, отнимали у Екатерины право называться просветителем – этим неофициальным титулом, тем более дорогим для Екатерины, что он поддерживал титул официальный, её звание императрицы. Чем шире развёртывалась их деятельность, тем беднее выглядело просветительное творчество Екатерины. Очень может быть, что Екатерине казалось, будто Новиков послан ей не давать покоя за какие-то грехи.

Но и всё дворянство вопило, умоляло доставить средства для воспитания детей.

И самочинные крестьянские школы становились опасностью именно из-за полной бесконтрольности их, что нетерпимо в самодержавном государстве.

Все требования, явные и неявные, требования жизни, экономики, требования всех слоёв общества и требования отдельных видных людей – всё слилось в одно, мощнейшее: нужно было создать сеть школ, открыть дорогу к знанию.

В своё время Пётр I отдал тульскому кузнецу Демидову во владение гору Магнитную на Урале; Демидовы сказочно разбогатели и славились своими чудачествами, мотовством и благотворительностью. Один из Демидовых, Прокофий Акинфиевич,

живший при Екатерине II, был великим чудаком, можно сказать – шутом, но, в отличие от обычных шутов, миллионером. Когда стало модным носить очки, он снабдил ими всю свою прислугу, лошадей и даже собак. Тогда так мода: все ходил в очках. Лакеев он одевал так: одна половина ливреи из золотого галуна, другая – из самой грубой сермяги; на одной ноге – шёлковый чулок и лакированный башмак, на другой – онуча и лапоть. Это и был образ России тех времён – России богатой, изысканной, модной, говорившей то на немецком, то на французском, читавшей новейшие либеральные книги, и России нищей, закреплённой и тёмной. И всё это было одно, была одна страна – Россия, в золоте и сермяге, и этой стране, и золоту её и сермяге, требовалось образование – без него жить нельзя было. Но каждый, кто захочет создать школу (или школы) на новом месте, столкнётся, по крайней мере, с тремя проблемами:

1. Где взять учителей; кто их, учителей, научит?
2. Где взять учебники; кто их напишет?
3. И, наконец, где взять самих учеников?

К концу XVIII века встали все три проблемы разом: не было ни учителей, ни учебников, ни учеников. И не было даже идеи, откуда это всё вдруг должно появиться. Однако попытка создать государственную сеть школ была сделана. Чтобы узнать о ней подробнее, нужно познакомиться с одним современником Новикова (хотя нет сведений, что они встречались) – с человеком, сравнительно малоизвестным в наше время, но сыгравшим важную роль в истории русского просвещения.

Фёдор Иванович Янкович родился в 1741 году, почти ровесник Новикова. Он был серб, род его издревле жил в Венгрии. Учился Фёдор Иванович в Венском университете, был секретарём епископа, а в тридцать два года стал первым директором народных училищ в Австрии. В это время в Австрии проводили широкую учебную реформу. Её разработал один монах-августинец. Предлагалось много новшеств, но главным, пожалуй, было вот что: система. Впервые устанавливалась система, отчасти похожая на ту систему, которая сохранилась и в наши дни, – начальная школа, неполная средняя, средняя школа, институт. Каждое из этих звеньев даёт в какой-то степени законченное образование, и каждое звено сцеплено со следующим. Человек, в зависимости от обстоятельств, может перебрать всю цепочку – получить высшее образование, а может ограничиться одним, двумя, тремя звеньями. До того в Австрии, как и у нас, школы были разрознены, не связаны между собой.

Янкович принял деятельное участие в реформе и за это был награждён дворянским званием: с 1774 года он стал именоваться Янкович де Мириево.

В нашу страну Янкович попал любопытным образом: он был одолжен своим императором Иосифом II русской императрице Екатерине II во время их свидания в Могилёв.

Екатерина искала человека, который мог бы провести аналогичную реформу в России; Иосиф II по-соседски предложил ей Янковича. Янкович был человек подходящий: он знал славянский язык, был православной веры, сам участвовал в австрийской школьной реформе.

В 1782 году Янкович приехал в Россию и взялся за дело с поразительной энергией. От сорока до пятидесяти – прекрасный возраст для мужчины, соединяющий в себе и молодость и зрелость. Янкович был в расцвете сил, деятельность его заранее одобрялась, препятствий не было – идеальные условия!

Для школы, как уже говорилось, прежде всего нужны были учителя и учебники. Первым делом Янкович создал в Петербурге учительскую семинарию с народным училищем при ней и стал её директором. В семинарию направили лучших слушателей из духовных семинарий (не без волокиты дело обошлось, но всё же направили).

Преподавателями её стали, в основном, молодые профессора из Петербургской Академии наук.

Среди педагогов учительской семинарии был, в частности, племянник Ломоносова – Мишенька, теперь Михаил Евсеевич Головин, почётный академик.

Занятия в новой семинарии начались в январе 1784 года и продолжались без каникул, без отдыха, до начала июля 1786 года – два с половиной года. Торопились. Первый выпуск семинарии – 100 учителей. Первый отряд для главных народных училищ, которые решено было открыть в 26 губернских городах к 22 сентября – к празднику коронации Екатерины II. Не просто образованные люди выходили из учительской семинарии, а именно учителя: они впервые прошли специальную педагогическую подготовку, хотя курса педагогики им, по-видимому, не читали. Изучали математику, физику, естественную историю, черчение, рисование, русский, немецкий и латинский языки.

Закону божьему обучать не понадобилось, ибо все студенты – из духовных семинарий.

Едва закончился первый курс (то есть первый набор), как тут же набрали и второй, затем третий, четвёртый, пятый... Семинария работала на полную мощь. Уже к третьему набору стало возможным освободить академических профессоров: появились собственные молодые преподаватели, выучившиеся в той же семинарии.

Заведя первой учительской семинарией, Фёдор Иванович

Янкович одновременно начал работу над учебниками. Часть из них он перевёл с немецкого, часть составил сам. Пять учебников – по арифметике, геометрии, физике, механике и гражданской архитектуре – написал Михаил Евсеевич Головин. К подготовке учебника русского языка был привлечён ученик Ломоносова профессор А. А. Барсов. За четыре года – поверить трудно! – выпустили двадцать семь учебных книг, почти полный набор необходимых учебников.

Для будущих учеников издали «Правила для учащихся»: «Как ученикам сходиться в училище, в оном поступать и из оного выходить», и книгу «О должностях человека и гражданина» – что-то вроде учебника этики. Книга выдержала много изданий.

Учебники Янковича и его помощников прожили недолгую жизнь. Они были тяжеловаты, трудны для ребят. Фёдор Иванович явно увлёкся; сам размах дела уносил его в заоблачные выси, и ему, видно, казалось: стоит только издать учебники получше, стоит внедрить их в училище, и сразу появятся серьёзно образованные люди. Простим ему это увлечение. У этих учебников имелось одно неоспоримое преимущество: они были. А других, лучших, пока что и вовсе не было: лучшие-то создавались позже, с учётом недостатков книг Янковича.

Но это ещё не всё. Быть может, вот главное, что он сделал: он придал школе тот «нормальный» вид, который она имеет, по существу, и до сих пор.

Прежде всего запретил телесные наказания, причём в специальном «Руководстве для учителей» перечислил все виды наказаний, какие только смог придумать, чтоб не оставить и лазейки. Итак, отменены были:

1. Ремни, палки, плети, линейки и розги;
2. Пощёчины, толчки и кулаки;
3. Драние за волосы, ставление на колони и драние за уши;
4. Все посрамления и честь трогаящие устыжения, как-то уши ослиные и название скотины, осла и тому подобные.

Более того, запрещено было вообще наказывать:

1. За слабоумие, худую память и природную неспособность;
2. За недостатки душевные, как-то: робость, ветренность, приметливость, если только она происходит не от нерадения или шалости.

В старой, «самодельной» школе учились «долго, со многим трудом и биснисем». Известный педагог П. Ф. Каптерев заметил:

«Эти три свойства: продолжительность, труд и битъё – характерные черты всего русского древнего обучения».

«Памятно мне моё учение... по той, может быть, причине, что часто меня секли лозою», – писал в конце XVIII века артиллерии майор М. В. Данилов.

«...Чему и как учил меня (дьяк), не помню, – вторит майору его современник, – но что он часто и больно сскал меня, особливо по субботам, сис помню.

...После субботней вечерни все ученики собирались в школу и, не сядя по местам, а стоя, ожидали дьяка.

При вступлении в школу он был приветствован ото всех и в один голос: «Мир ти, благий учителю наш!» На что он – отвечал: «Треба сскты вас», и тотчас начинает экзекуцию. «Учись, не пустуй, помни субботу», – были его увещания при сечении.

Сохранились образчики литературного творчества «школьников» и семинаристов тех времён; иные из них посвящены розге. В книге «Литературные опыты воспитанника Владимирской духовной семинарии...» можно обнаружить, например, такую песню, сочинённую семинаристами:

Житьё в школе не по нас:
В один день секут сто раз!
О горе! О беда!
Секут нас завсегда!
И лозами по бёдрам,
И пальцами по щёкам.
О горе! О беда!
Секут нас завсегда!
Придешь в школу не готов,
Не припомнишь разных слов, –
Не с другого слова в рожу,
Со спины сдерут всю кожу.
О горе! О беда!
Секут нас завсегда!

Наука и учение казались людям тех времён настолько чуждыми природе ребёнка, что никому и в голову не приходило, будто мальчику может нравиться учиться. Ребёнок учиться не хочет – вот это естественно. Значит, чтобы научить его, надо его заставить. А так как заставляли всех подряд и принуждение отбивало охоту учиться даже у тех, у кого она была, то и примеров таких не знали, чтоб малыши выучились грамоте без битья и угроз. (Ломоносов и другие вроде него казались странными,

и можно даже попать его мачеху – понять, отчего она бранила его за сидение над книгами. Это могло и пугать её как нечто неестественное. А сам Ломоносов всю жизнь с презрением относился к тем, кто «из-под лозы», как он говорил, выучился.)

Перед нами обычное человеческое заблуждение: следствие принимается за причину, причина – за следствие. Битьё считалось следствием неохоты детей учиться. На самом деле именно битьё это (вообще принуждение) было причиной неохоты.

Понадобилось очень много времени, чтобы распутать клубок, понять: каждый ребёнок хочет учиться; и стоит педагогу опереться на это желание, как дело пойдёт само собой – без кнута и даже порою без пряника.

Исполнялось ли во времена Янковича его требование?

Конечно, нет. Оно осталось ни бумаге, и ещё в середине XIX века вопрос о розгах в школе бурно обсуждался общественностью. Но требование не сечь, не оскорблять, не унижать детей было высказано – это уже много; а главное, в самой-то учительской семинарии, которой руководил Янкович, не в пример семинариям духовным, действительно не секли!

Фёдор Иванович требовал от учителей благочестия, любви к детям, терпения, бодрости. Особенно бодрости!

«Учитель, – писал он, – не должен быть сонлив, угрюм или, когда хвалить надобно детей, равнодушен...»

Так хотелось этому человеку видеть школу осмысленную, упорядоченную, деловитую, энергичную!

Янкович ввёл классно-урочную «систему». Лет за тридцать до Янковича такую же систему предлагал и Ломоносов, но она не утвердилась. До Янковича учитель занимался не с классом, а с каждым учеником в отдельности, оттого в комнате стояло гудение: всяк зубрил своё. Теперь учитель стал заниматься с классом.

Даже спустя примерно полвека после открытия учительской семинарии её историк описывал этот метод с некоторым удивлением: «Один учитель мог занимать многочисленный класс. По известным словам и знакам чтение начиналось, продолжалось, останавливалось, читали все, один и проч.».

«Нормальный» метод означал настоящую революцию в школе. Он сделал возможным массовое обучение. С появлением, распространением его всеобщее образование стало *теоретически* возможным. Если «мастер грамоты» может учить человек 8–10, то учитель «нормальной» школы занимается с классом в 30, 40, 50 человек.

Производительность труда учителя резко возросла, учение стало гораздо дешевле и потому доступнее.

Впервые в классной комнате вместо маленьких грифельных досок появилась одна, общая для всех классная доска, на которой учитель мелом писал для всего класса.

Впервые стали устраивать перед уроками переклички и говорить на перекличках: «Здесь!»

Впервые установили правило: кто знает и хочет отвечать, подними левую руку. (И это надо было изобрести, ничего на свете не приходит само собою!)

Всё было впервые, как в первый день творения.

В 1786 году комиссия, созданная с приездом Янковича (то есть в 1782 году) закончила свою работу, и в тот же год, всего через 12 лет после аналогичной реформы в Австрии, были открыты первые 26 главных народных училищ с пятилетним сроком обучения. Стали открываться двухлетние училища в уездных городах.

На какие средства? Школы создавали в основном на пожертвования. Сохранились длинные «ведомости о пожертвованиях на нужды народных училищ по уставу 1786 года».

Прокофий Акинфиевич Демидов (тот самый чудак, который одевал слуг в золото и сермягу) пожертвовал 5 тысяч рублей.

Содержатель питейных домов господин надворный советник Маркел Мещанинов и именитые граждане Гусятников с компаниею – тысячу рублей.

Московский купец Дм. Назаров – 100 рублей.

В Новгороде господин титулярный советник Фёдор Данилов подарил тамошнему училищу её императорского величества портрет.

И так далее, и так далее...

Реформа 1786 года была подорвана в самом своём основании. Пожертвования поступали нерегулярно. Учителя не получали жалованья. Попадали в полную зависимость от благодетелей. Голодали. «Часто не имели сапогов и чулков, – пишет один свидетель, – вместо которых обёртывали ноги в бумагу». Комиссия училищ была завалена жалобами. В 1789 году учитель Кронштадтского училища Рожковский, не найдя другого способа выйти из учителей, отрубил себе палец...

Но всё-таки учителя есть, есть и учебники, пожертвованы, предположим, и средства. А кто «пожертвует» учеников?

Новая школа с её новыми правилами вызывала опасения. Как это учить детей без розги? Пустая трата времени... Лучше уж по старинке. Новшество принималось так же неохотно, как и другие нововведения екатерининских времён, как разведение картофеля и оспопрививание. Чтобы показать пример, Екатерина первой сделала себе прививку против оспы. Но престолонаследника в уездную школу не пошлешь...

Державин в Тамбове стогнал детей в школу с помощью полицейских.

Через два года после реформы чиновник Козодавлев обнаружил, что никто не хочет посылать детей в старшие классы: «Всеякий знает, что для снискания места в гражданской службе нужно одно токмо чистописание». Зачем же учиться дальше?

И Екатерина II постепенно охладела к просветительской деятельности, найдя себе в качестве оправдания спасительную мысль о том, что «перед богом тысяча лет не более как одно мгновение». Так зачем же торопиться?

Когда мы говорим «просвещенный Запад», не надо думать, будто Россия времён Екатерины была единственной в Европе тёмной страной. В XVIII веке соседи наши тоже не могли похвастаться: народное образование было у них поставлено несамного лучше, чем у нас.

Современная английская исследовательница пишет, что образование народа для Англии начала XIX века – «новая идея».

Другой историк описывает немецкую школу конца XVIII века в таких выражениях: «Учителя жили в жалких лачугах... Нередко обучением детей занимались отставные солдаты, уволенные за различные проступки, сельские писцы, мелкие чиновники... портные, сапожники, ткачи, переплётчики». «Впрочем, то же мы видим и в других странах, – замечает автор, – например, в США».

Но уже в конце XVIII века в Австрии школы создавались в селе.

В России – только в уездных городах. Огромная масса крестьянских детей осталась вне школы или по-прежнему в случайных школах «мастеров грамоты».

В Австрии (как и в Пруссии к тому времени) было введено обязательное обучение, такое же обязательное для всех детей, как у нас во времена Петра – для детей дворянских. Под угрозой штрафа и наказания.

В нашей стране обучение стало обязательным только век с лишним спустя, после Октябрьской революции.

Где-то на этом рубеже, на границе между XVIII и XIX веком, Россия начала отставать в народном образовании от своих западных соседей.

Если представить это соревнование в виде эстафеты, то можно сказать: Екатерина II проиграла свою дистанцию.

И словно для того, чтобы прикрасить своё поражение, чтобы не допустить торжества противника, Екатерина начала гонение на Новикова.

У него отобрали типографию Московского университета;

пришлось ему ликвидировать и остальные дела. Приняв на себя долг в 300 тысяч рублей, он уехал в подмосковное село Авдотьино, где занялся воспитанием своих детей и племянников. Было ему в то время всего 46 лет.

А в 1792-м, через два года после ареста Радищева, в Авдотьино прибыла сначала команда солдат, а потом и гусарский майор с обер-офицером, унтер-офицером, капралом и ещё дюжиной солдат – целая армия против больного и слабого человека, постоянно падавшего в обмороки, такого недужного, что первый посланный за ним даже не решился тронуть его с места: как бы не умер в дороге. Майской ночью Новикова тайно повезли из Авдотьино в Петербург, повезли не по тракту, а через Ярославль и Тихвин, как опаснейшего бунтовщика, и сдали в Шлиссельбургскую крепость без обозначения фамилии; даже комендант крепости не знал, кто же сидит у него.

И так – без суда! – Екатерина повелела «запереть» Новикова на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость. И добавила, что он, Новиков, заслуживает «тягчайшей и нещадной казни». Но и этого было мало. Объявлено было, что Новиковым двигало корыстолюбие и плутовство, что он был невежа, что на тайных масонских собраниях «ужасные совершались клятвы с целованием креста и Евангелия». Официально Екатерина заточила Новикова за масонство, но все его друзья-масоны отделались очень легко, только Новиков пострадал за всех и за всё то доброе, что он сделал для своего отечества.

Его продержали в каземате четыре года, до смерти Екатерины II. Он вернулся в Авдотьино «дрякл, стар, согбен, в разодранном тулупе», как писал Гамалея. Когда Новикова арестовали, Гамалея переселился в Авдотьино, чтобы воспитывать детей своего друга.

Новый император, сын Екатерины II – Павел, вызвал Новикова к себе. Павел ненавидел Екатерину и всем её врагам оказывал милость – просто из нелюбви к матери. Новикова же он знал и раньше – получал от него книги.

Павел предложил ему вознаграждение за причинённый вред. Новиков от милостей отказался, попросил лишь об одном: помиловать и освободить других заключённых, сидевших вместе с ним в крепости за разные преступления (их было восемь человек). Арестантов освободили, и Новиков уехал в Авдотьино, где и жил ещё двадцать лет. Умер он в 1818 году.

А как же Фёдор Иванович Янкович? Вспомним и о нём. Он совершил главный подвиг своей жизни и сходит со сцены – он больше не нужен, как не нужен в новой войне старый генерал, победитель в былых сражениях. Янковича избирают в академию, он участвует в составлении словарей, но

деятельность его закончена, да и не только закончена – полузабыта.

Что же дало русскому просвещению это бурное время – вторая половина XVIII века? Что вышло в результате столкновения двух мощных сил, представленных в истории императрицей Екатериной II и неслужащим дворянином Новиковым?

В 1785 году (то есть накануне появления школьного устава) за государством официально числилось 12 школ, 38 учителей и полторы тысячи учеников.

В 1800 году школ было 315, учителей – около 800, учеников – 20 тысяч.

Конечно, очень мало. Но это была первая зацепка, первые зёрна, из которых в дальнейшем выросла разветвлённая школьная система. С этого времени школьное дело развёртывалось без тех огромных перерывов, какие бывали прежде; его больше не приходилось начинать с нуля. Система установилась и начала разрастаться.

Устав 1786 года положил начало развитию государственной школы.

И в это же самое время деятельностью Новикова началось другое общественное движение в истории русского просвещения, которое с этих пор стало бороться с государственной школой, подталкивать её развитие, оказывать на неё сильное давление в самых разных формах – и педагогической публицистикой, и литературой, и увеличением числа книг и читателей. Карамзин своеобразно подвёл итог деятельности Новикова: «...Едва ли в какой-нибудь земле число любопытных так скоро возросло, как в России».

XVIII век начинался с Петра I; мы видели, как соединялись в нём внешние и внутренние побуждения учиться, нужда и лобознательность. А кончился XVIII век тем, что эти же побудительные причины, во много раз усиленные, стали толкать к образованию очень большое число людей. И это привело к расцвету русской культуры в XIX веке.

Сия запись июля 30 дня 1817 лета. Я сын Алексей Раменский по соизволению начальствующих меня переведён был в школу с. Мологино, что Старицкого уезда, в тую же должность отца моего учителя Алексия Раменского, оставившего должность в день Святой Троицы.

К сему руку приложил Алексей Раменский 1817 г.

Вторая запись в семейной хронике учителей Раменских

Из петербургских палат – вновь на берега тихой Итомли, чтобы свести время по Раменским.

Алексей Раменский-сын сменил отца в Мологине после его 54-летнего труда в 1817 году. Несложные расчёты и прямое свидетельство в записи («переведён был...») показывают, что ещё до того времени он по крайней мере лет двадцать, если не тридцать, был учителем в какой-то из соседних школ и, следовательно, воспитан был в обычаях просветителей конца XVIII века, продолжая их в веке XIX, чему есть и доказательство.

Отцы учеников нового Раменского только что вернулись из партизанских партий, так досаждавших Наполеону, и, не жалея сил, приволокли в Мологино французскую пушку. Трофей установили посреди села, рядом с храмом: да помнят! Мологинцы были народ твёрдый, незадавленный. Им повезло. В других сёлах «чёрт свалку господ» устроил, а Мологино принадлежало помещику Юрьеву, выигравшему село вместе со всеми его жителями в карты и никогда в селе не жившему. Юрьев был богат, холост и не жаден; он даже порывался, рассказывают, и вовсе отпустить мологинцев на волю, да этого нельзя было сделать по законам, и он ограничился небольшим оброком, который работавшие на льне мологинцы выплачивали шутя.

Раменский-сын – иной учитель, нежели был его отец, именно потому, что его отец был учителем. Он рос в доме, где была библиотека и где хранился драгоценный экземпляр радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву». Вряд ли старик Раменский мог приобрести эту книгу: только за то, чтобы взять её прочитать, на время, платили тогда по 25 рублей, потому что Радищев сжёг почти весь тираж прославившего

и погубившего его сочинения. Остались считанные экземпляры. Значит, подарил? Может быть и такое, ибо Раменский-старший ещё в юности знал Радищева и ещё в шестидесятые годы получил от него в подарок книгу-календарь с надписью.

Раменский, начинающий XIX век, – учитель с серьёзным гуманитарным образованием, склонный к размышлению, поэтическим усядам, человек тихий, добрый, с негромким голосом и внимательным взглядом. Он ещё больше читает, чем его отец, он бродит по окрестным монастырям, растёт в древних грамотах, приносит домой пуды выписок. И до того серьёзна эта работа, что знаменитый писатель-историк Карамзин пользуется находками сельского учителя, а в благодарность присылает ему свои сочинения. Но кто-то из Раменских согрешил: променял это собрание сочинений соседнему барину на дворовую крепостную девушку, в которую был влюблён его сын. История в духе пушкинских «Повестей Белкина»: влюблённый юноша, тайные встречи, отец, который идёт на трудные переговоры и, покряхтывая и смущаясь, предлагает барину всё его богатство – сочинения Карамзина, и счастье девушки, и радость в доме Раменских, не очень омрачённая тем, что в книжном шкафу среди старинных томов непривычное зияние. Раменские вживались, растили чужих детей и детей своих, обзаводились роднёй, их становилось всё больше и больше, и все – братья, дядя, племянники, дети и внуки, – все шли в учителя. Целая учительская семинария, не учётная в официальных списках.

Если общее образование Раменские получали в разного рода школах и духовных училищах, то образование педагогическое они день за днём воспринимали в своём собственном доме с самого рождения. Учительские навыки, учительскую честность, учительскую любовь к детям, учительскую страсть.

Кажется, всё это было так давно, когда и люди представляются – не люди, а туманные пятна, слабые силуэты, вышедшие из исторических книг. А ведь Алексей Раменский-сын – ровесник Андрея Болконского или, скажем, Пьера Безухова, и так же, наверно, он страдал во время нашествия Наполеона, так же остро размышлял о жизни, жаждал совершенства, искал его, вглядываясь в своих учеников...

Рядовой по должности, Алексей Раменский был незаурядным человеком, известным далеко за околицей своего села. Не случайно же это произошло: когда Пушкин приезжал в гости к тверским друзьям, ему рассказывали о замечательном учителе, и они встретились, и учитель был так интересен поэту, что они вели долгие беседы. Расставаясь, Пушкин подарил Раменскому книгу Вальтера Скотта «Айвенго» (тогда это название писали так: «Ивангое»). На книжке Пушкин написал: «Ал. Ал. Раменскому» – и сделал грустный рисунок: набросал широкую виселицу с пятью телами... Поэт и Учитель, бродя по лесам и лугам, говорили о декабристах.

*Одну Россию в мире видя,
Лаская в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.*

Эти строчки были тоже написаны рукой Пушкина на книге «Ивангое», но поэт густо зачеркнул их. Может быть, побоялся за своего нового знакомого, зная, что он будет долго хранить книгу, а может, и за себя побоялся... Только в наши дни пушкинисты прочитали этот отрывок из десятой, сожжённой поэтом главы «Евгения Онегина».

Наверно, Раменский хорошо знал стихи Пушкина: как учили бы детей учителя, если бы не было поэтов? И каждый хороший учитель всегда хоть немножко поэт, даже если он не пишет стихов. Алексей Алексеевич был им. По преданию, это именно он водил Пушкина к омуту и рассказывал ему поэтическую историю о старом мельнике и его дочери-русалке, и Александр Сергеевич написал на той же книжке «Ивангое», подаренной учителю:

*Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубравы,
На берега сих молчаливых вод.*

Считают, что это начало так и ненаписанной второй части «Русалки».

Раменский был учителем-поэтом, оттого он полюбился Пушкину. Он знал прелесть небольших зелёных дубрав и тихих лесных озёр, радовался солнечному лучу на серой пашне, прозрачности берёзового сока, белизне яблоневого цветка и маленькому болотцу, подёрнутому зелёной ряской. Поэзия в облике учителя входит в класс, передаётся детям и смягчает их, внутренние собирает, делает добрыми и примиряет с жизнью.

Да и сам учитель ни за что не смог бы провести в классе сорок – пятьдесят лет, если бы не был поэтически мудрым и терпеливым, если бы не черпал силы в чём-то вечном, общенародном, общечеловеческом...

Учитель занимает свой пост «по соизволению начальствующих его», как записал Алексей Алексеевич (и даже в этой фразе видна некоторая мягкость, незлобивость его, спокойная привычка к службе и служебным отношениям). Но сердце учителя выше всех соизволений и запрещений, норм и установлений.

Всё так же течёт тихая река Итомя, всё так же идёт по невысокому берегу учитель Раменский, та же вода в реке, но другое на берегах – новый век.

Глава седьмая

Убежденсис в том, что образование нужно человеку, появилось, укрепилось и если не стало общепринятым, то, во всяком случае, довольно распространённым.

Теперь предстояло сделать следующий шаг: должно было появиться и укрепиться убеждение в том, что образование нужно всем людям без исключения, где бы и в каких бы семьях они ни родились.

Когда-то, тысячелетия назад, в Древнем Риме не каждый родившийся ребёнок имел право на жизнь: отец мог отвергнуть новорождённого, считая его или лилым, или не своим.

Теперь речь шла о праве на образование, таком же неотъемлемом, как и право на жизнь. Человечество поднималось на вторую ступень гуманного отношения к человеку. Впрочем, разница между этими ступенями не так велика, как кажется на первый взгляд: просто развитие производства делало грамотность

человека условием его существования. Право на жизнь и право на образование постепенно становилось одним и тем же.

Самые дальновидные педагоги давно писали о всеобщем образовании. Но легко сказать: «Учить всех!» А как, на какие средства учить всех? Каким методом? Каким наукам учить? Как воспитывать, чтобы от учения была польза, а не вред?

Педагоги всего мира размышляли над этими вопросами. И прежде чем вслед за Рамсенскими перейти в следующий, XIX век (это звучит почти как перейти в следующий класс), посмотрим хотя бы вкратце, на каком фоне развивались драматические события просвещения в России, каким педагогическим именам поклонялись в мире.

Если спросить любых десять человек, кто такие Колумб, Коперник и Коменский, то, наверное, десять из десяти скажут о первых двух и лишь несколько человек – о третьем. Между тем Ян Амос Коменский сделал для человечества не меньше, чем прославленные мореход и астроном. Он открыл педагогический материк, который обживают до сих пор, и перевернул все педагогические представления, считавшиеся до него такими же очевидными, как представление о том, что Солнце вращается вокруг Земли.

Ян Амос Коменский прожил почти весь XVII век: родился он в 1592 году, а умер в 1670. Сын чешского мельника сумел закончить школу, академию и университет, сделаться священником и учителем. Сорока лет от роду он издал свою «Великую дидактику» – книгу, название которой могло бы показаться и нескромным, если бы оно в такой степени не отвечало истине: это действительно великая книга.

Всё, что мы видим в современной школе и что появилось у нас со времён Фёдора Янковича: урок, класс, каникулы, коллективная, а не индивидуальная работа в классе, – всё это ввёл Коменский. Он призывал всматриваться в природу и устраивать школу так, как если бы её устроил не человек, а сама природа. Он учил, что науку надо не вдавливать, а объяснять, идя от простого к сложному, от фактов к выводам, от близкого – к далёкому, повторяя один и тот же материал и постепенно усложняя его, то есть так, как это и делают в современной школе. А до Коменского наука попадала к ученикам в виде набора фактов и сведений, которые приходилось зубрить, – другого способа усвоить их не было. Коменский же выдвинул и принцип наглядности обучения: он говорил, что если ученик не только умом постигает предмет, но всеми своими чувствами – зрением, осязанием, то усвоение идёт быстрее.

До Коменского все учителя были равны, а ученики – умные или тупые. На учителя, по существу, не лежало никакой

ответственности за то, *как* он преподаёт. Коменский впервые учил учителей преподавать. Он был уверен, что «из всякого ребёнка можно сделать человека», если школа будет не «пугалом для мальчиков и застенком для умов», а «мастерской человечности». Его так и называли – «учитель учителей», как позже стали называть немецкого педагога Дистервега – «учитель немецких учителей» и русского педагога Ушинского – «учитель русских учителей».

В каждой стране был свой Коменский, но – после него. Коменский был учитель всех учителей. Английский парламент пригласил его в Англию, затем он поехал в Швецию, в Венгрию, жил в Гамбурге и Амстердаме – вся Европа торопилась научиться у Коменского. Когда при только что открытом Московском университете появилась типография, то одной из первых книг, которые там стали печатать, была книга Коменского «Мир в картинках», переведённая на все европейские языки. И лишь совсем недавно были найдены новые работы Коменского: трудолюбивейший этот человек оставил после себя более двухсот сочинений!

Коменский – педагогический гений XVII века. В XVIII же веке ни один человек не произвёл такого впечатления на педагогов всего мира, как Руссо.

Французский писатель и общественный деятель Жан-Жак Руссо (он жил с 1712 по 1778 год) назвал свой главный педагогический труд «Эмиль, или О воспитании». Эту книгу палач публично сжёг в 1762 году: её признали вредной. После такой рекламы, а главное, конечно, из-за достоинства самой книги она с невероятной быстротой распространилась по всему свету. Отголоски идей Руссо и до наших дней можно увидеть почти в каждом значительном педагогическом труде.

В чём же заключаются «руссоистские» идеи – идеи Жан-Жака Руссо?

Он первым сказал самую важную и самую трудную для претворения на практике педагогическую истину: воспитание – это и есть жизнь, а не подготовка к жизни. Ребёнок, подросток, юноша не учится *будущей* жизни – он просто живёт! У него свои заботы, свои радости, свои задачи роста, и воспитание надо *приноравливать* к этим его задачам и потребностям. Воспитывая и обучая, надо исходить не из наших, взрослых, представлений, как бы значительны и правильны они ни были, а из потребностей и возможностей ученика, из природы ребёнка. «Природа желает, – писал он, – чтобы дети были детьми, прежде чем они станут взрослыми». И потому – «любите детство, поощряйте его игры и забавы».

Его Эмиль воспитывается не в школе и по наукам: в лесу,

в поле, на ферме. Мальчика учат не книги, а природа, люди и вещи, он воспринимает самые простые, естественные правила поведения, и воспринимает их легче, ибо они согласуются с его естественными потребностями и представлениями. Он учится в труде, ибо труд – неизбежная обязанность общественного человека. «Богатый или бедный, могущественный или слабый, всякий праздный человек есть плут», – категорично объявил Руссо.

Руссо был пылкий человек. Ему не нравились все современные ему учебники и вообще науки: они уведили, по его мнению, человека от природы, от естественных чувств, естественных радостей, естественных душевных движений. Назад к природе! А наука ни к чему. Вот это-то и подало повод для насмешек, не прекращающихся уже триста лет. Как только человек заговорит о простом и естественном в воспитании, ему отвечают: «Ну, это уж совсем Руссо». Хотя ещё Николай Иванович Новиков высмеивал людей, которые из всего Руссо усвоили лишь одно: что, дескать, не надо учиться никаким наукам...

Коменский и Руссо заложили общие принципы обучения (Коменский) и воспитания (Руссо).

Методы Коменского позволяли обучать грамоте каждого ребёнка. Революционные идеи Руссо о равенстве всех людей тоже подводили к мысли о том, что все дети без исключения могут и должны получить образование. Так была обоснована одна из самых значительных идей за всю историю человечества – идея всеобщего образования. Но её осуществимость надо было доказать на практике. Кто это сделает? Выбор истории пал на человека, казалось бы менее всего подходящего для выполнения такого трудного дела.

* * *

В 1766 году один двадцатилетний юноша полюбил девушку и решил предложить ей руку. Юноша был беден, девушка – из семьи богатого купца; надежд на брак было мало. Всё же юноша написал девушке письмо и рассказал, что её ожидает, если она решится принять предложение.

Прежде всего он отметил: «О моей внешней неприглядности я не хочу даже говорить: всякий знает, какой я красавец, какой ловкий человек». Слова «красавец» и «ловкий человек» не были поставлены в кавычки лишь потому, что иронический их смысл и так был понятен. Затем он говорил, что ему и, следовательно, ей «придётся переживать жизнь, полную горя и трудов, потому что на беды отечества и на несчастья друзей я буду смотреть как

на свои собственные, и когда зашла бы речь о спасении отечества, конечно, я забыл бы и жену и детей». Далее он подробно перечислил недостатки своего характера и упомянул, что у него слабое здоровье.

Несмотря на всё это – несмотря на то что он беден, некрасив, нездоров, с дурным характером и может легко забыть жену и будущих детей, – он всё же предлагал руку девушке, известной своим богатством, красотой, грациозностью, умом и находчивостью. Впрочем, заключал он, «если вы признаёте за лучшее отказать, то и откажитесь: надеюсь, что во мне найдётся достаточно силы, чтобы отнестись к этому как следует разумному человеку и христианину».

Это было, возможно, самое странное предложение из всех, которые когда-либо сделал какой-нибудь влюблённый юноша в мире. Но девушка приняла его. Брак был заключён, и оказалось, что юноша ни в чём не обманул свою невесту: всё случилось так, как он и предсказывал, только ещё быстрее. В два года из-за его непрактичности исчезло и его крохотное наследство и её приданое, и они оказались нищими и почти всю жизнь – тридцать лет – прожили в невероятной бедности, такой, что хоть побираться иди.

Но ещё оказалось, что Анна (так звали девушку) не очень ошиблась, вступая в брак, ибо после тридцати лет отчаянья, бедности и разочарований муж её стал известен на весь мир, и великие философы, политические деятели и даже императоры приезжали к нему на поклон или принимали его.

Эта сказочная история произошла с швейцарцем Генрихом Песталоцци. Обойти его жизнь нельзя – такое большое значение имели труды Песталоцци для просвещения во всём мире и, в частности, в России.

Песталоцци родился в Цюрихе в январе 1746 года и за всю жизнь ни разу из Швейцарии не уезжал, если не считать его неудачной поездки к Наполеону, в Париж.

Отец его был хирург; он умер, когда Генриху было пять лет, оставив жену и трёх детей почти без средств. Семья жила очень бедно и очень дружно: великодушие, самопожертвование, нежность и участие Генрих Песталоцци видел в семье с детства. Здесь и сформировался его характер, здесь и научился он любить людей; он видел, как умеют любить его мать, его брат и сестра, как предана семье служанка. В этом мире всему можно научиться: твёрдости, терпению, мужеству. Но любовь человек черпает только из чьей-то другой любви. Он должен получить заряд, или запас, или толчок к развитию этой обременительной способности – способности любить, сочувствовать, сострадать.

В школе Генриху пришлось худо. Школьные предметы не интересовали его;

учителя ругали его за невнимательность и лень и считали тупицей; за все годы обучения (да и позже) он так и не научился писать грамотно. Добавим к этому, что товарищи по школе травили его и дразнили: во-первых, он был «мужик», из деревни, а во-вторых, он имел привычку вмешиваться не в свои дела, заступаясь за слабых, так что ему попадало больше всех. «Он был добр до самозабвения, – пишет один из биографов Песталоцци, – он был впечатлителен до истерики и слёз, вспыльчив до испуга – горячее, пламенное сердце билось в этом тщедушном, слабом, некрасивом ребёнке». Однажды нищий попросил у него милостыню; денег у мальчика не было. Генрих нагнулся и снял серебряные пряжки с ботинок. Мальчишки бежали за Генрихом и кричали: «Вот чудак из чудачков из страны дураков!»

Окончив городскую школу, а потом коллегию (вместе они давали среднее образование), Песталоцци занялся политической деятельностью. В то время в Швейцарии положение бедняков было тяжёлым, часто вспыхивали крестьянские восстания. Песталоцци мечтал пожертвовать жизнью ради крестьян, мечтал о жизни благородной и красивой. Он вошёл в кружок друзей, пытавшихся возродить в обществе правила строгой нравственной жизни. Ему было уже лет восемнадцать, когда он вдруг стал ходить в самой бедной одежде, спать на голых досках и даже питаться одной травой (во всяком деле этот человек доходил до крайностей), отчего едва не умер. А друг его, Каспар Блончли, принявший такой же образ жизни, действительно умер; у постели умирающего и познакомился Генрих со своей будущей многострадальной женой.

К этому времени Песталоцци попадает в руки книга Руссо «Эмиль, или О воспитании». Руссо звал к свободе и к общественной справедливости.

Прочитав книгу, Песталоцци сразу решает, что его, Песталоцци, долг – жить в деревне, поближе к природе, среди простых людей. Он должен стать земледельцем, ибо, как уже говорилось, Руссо доказывал, что всякий праздный человек – плут. Так было и сделано: проработав с год на чужой ферме батраком (чтобы приобрести опыт) и отыскав компаньона со средствами, Генрих Песталоцци покупает участок в деревне Нейгоф, нанимает рабочих и строит огромный дом в итальянском стиле, гораздо более вместительный, чем нужно для его семьи. Дом, сожравший все его сбережения.

Хозяйствовать Песталоцци не умел: на полях его ничего не росло, батраки разбежались от него, компаньон забрал свою долю (пришлось отдать ему приданое жены), и остался Песталоцци с женою, ребёнком, землёю и домом – и без гроша денег. Но не

страшно, прожил бы: часть земли отдал в аренду, часть сам распахал...

Однако тут ему пришла в голову новая идея – первая дельная идея в этой голове, ибо она-то, при всём её кажущемся безумии, и привела Песталоцци к славе.

В то время по дорогам Швейцарии бродили сотни бездомных, нищих детей, не имевших ни пристанища, ни хлеба – «беспризорных», как сказали бы теперь. В городе дети бедняков работали на ткацких фабриках. Лишь к концу жизни Песталоцци был издан закон об охране детского труда: по этому закону к работе не допускали детей моложе девяти (!) лет, и рабочий день их ограничили 12 – 14 часами. Песталоцци решил найти способ облегчить участь бедняков... Он решил показать, что детей можно обучать фабричным специальностям и в то же время давать им кое-какое образование, что с детьми и в школе можно быть ласковым, как дома. Для этого он собрал в своём большом доме несколько десятков нищих детей и устроил для них приют. Воспитателей в приюте было два: сам Песталоцци и его жена. Они кормили детей, одевали и обували их, обучали в мастерских. Но денег не хватало. Песталоцци обратился за поддержкой к состоятельным людям. Пожертвований поступило мало. Песталоцци продал и заложил всё, что можно было. «Я сам жил, как нищий, для того чтобы научить нищих жить по-человечески», – писал позже Песталоцци, вспоминая эти годы. Содержать детей было не на что, и наступил конец: всех их, неузнаваемо изменившихся, ласковых, приветливых, опрятных, отличившихся прилежной работой, безукоризненным поведением и старательностью в учении, – всех пришлось опять выпустить на большую дорогу, в бродяжничество.

Песталоцци едва перенёс этот удар. Он, наверно, и не перенёс бы, если бы знал, что ему ещё предстоит.

Он поседел, лицо его покрылось глубокими морщинами, спина согнулась; он казался безумным, и слух о его безумии распространился в округе. Друзья были уверены, что дело кончится сумасшедшим домом. Дети бежали за ним, как за юродивым, указывали на него пальцами и дразнили.

Чудак из чудачков из страны дураков...

Нищета стояла у порога; в пору самому надевать суму, чтобы прокормить семью.

Однако «убеждение в правильности моего плана никогда не было так сильно, как после полнейшей неудачи его осуществления», – писал Песталоцци.

Нужно было зарабатывать на жизнь, и Песталоцци решил заняться литературным трудом. В короткий срок он пишет шесть повестей – и все уничтожает, ибо они кажутся ему невозможно

слабыми. Лишь седьмую, нравоучительную книгу для народа «Лингард и Гертруда», в которой проповедуются важные идеи народного образования, он несёт к издателю. Тот печатает книгу – и автор её становится знаменитым. Книгу переводят на многие языки; Песталоцци присуждают премию; его наперсбой приглашают в разные страны, чтобы он осуществлял свои идеи. Почти двадцать лет подряд Песталоцци пишет одну книгу за другой, его издатели разбогатели на нём, а сам он получал гроши и был таким же нищим, как прежде. Золотую медаль, полученную за первую книгу, пришлось тут же продать: в доме ничего не было. Ничего, кроме всемирной славы. Революционное французское законодательное собрание присвоило восемнадцати иностранцам звание Почётного гражданина Франции за то, что они «в разных краях подготавливали пути к свободе». В числе этих восемнадцати – Георг Вашингтон, Тадеуш Костюшко, Фридрих Шиллер, Иоганн Генрих Песталоцци...

Песталоцци уже пятьдесят. Всё такой же угрюмый, застенчивый, неловкий: жизнь голодающего бедняка заставит одичать кого угодно.

Но в это время ему предлагают создать колонию в Станце – городке, сожжённом французами дотла. (Это был 1798 год. Война французов с австрийцами, восстания отдельных кантонов, жестокое усмирение восстаний – всё это волнами прокатилось по швейцарской земле.)

Немного получил Песталоцци для приюта: давно заброшенный женский монастырь с холодными, сырыми комнатами и очень скудные средства. Опять никаких воспитателей, никакой прислуги. Песталоцци предстояло быть директором, экономом, учителем, воспитателем, поваром и даже ночным сторожем... Кажется, жена его дрогнула перед лицом этой новой немыслимой авантюры, дрогнула, не выдержала, потому что Песталоцци требовательно писал ей, больной, с нового места: «Я берусь за осуществление величайшей мысли нашей эпохи... Я не могу выносить твоего недоверия, и потому пиши мне письма, полные надежды. Ты ждала тридцать лет, и подождать ещё три месяца уже не особенно трудно». Трагичные и прекрасные строки.

«Я берусь за осуществление величайшей мысли нашей эпохи» – так люди приступают к делу.

Детей собралось около восьмидесяти: грязные, в лохмотьях, больные чесоткой, озлобленные, измученные, худые, как скелеты.

Дети, имевшие родителей, были, пожалуй, ещё хуже сирот. Одни родители посылали ребят в приют лишь за тем, чтобы получить новую одежду, и тут же забирали их. Другие требовали

с Песталоцци плату за детей: ведь дети, не попади они в приют, могли бы просить милостыню, приносить её домой. Убыток!

«А через полгода детей нельзя было узнать,— пишет один из биографов Песталоцци,— это были чистоплотные, скромные, трудолюбивые ребята, души не чаявшие в своём «отце».

Как удалось это сделать?

Песталоцци объяснял свой метод:

«С утра до вечера я был среди них. Всё хорошее для их тела и духа шло к ним из моих рук... Моя рука лежала в их руке, мои глаза смотрели в их глаза. Мои слёзы текли вместе с их слезами, и моя улыбка следовала за их улыбкой. Они были вне мира, вне Станца, они были со мной, и я был с ними. У меня ничего не было: ни дома, ни друзей, ни прислуги, были только они».

Воспитанники Песталоцци много работали, полностью обслуживали приют со всем его хозяйством, и труд был не воспитательной мерой, а необходимостью, и оттого он воспитывал, соединял ребят, приучал к дисциплине. Ребёнок стремится к добру, но «не для тебя, учитель, и не для тебя, воспитатель, а именно для самого себя... Ребёнок должен сознавать, что твоя воля определяется необходимостью, вытекает из положения вещей»,— говорил Песталоцци. Он не внушал правила морали, не читал нотаций. Никогда ничего не требовал от детей и не приказывал им. Со времён язычества и раннего христианства, говорил он, люди стали верить в силу проповеди, нравочения. Но это простая болтливость! Истина должна сама вытекать из положения вещей, которое видит ребёнок, иначе она кажется ему «непонятною и утомительною игрушкой».

Случилось так, что по соседству со Станцем французы сожгли село Альтдорф: его жителей подозревали в помощи восставшим. Песталоцци собрал своих воспитанников: — Альтдорф сгорел. Может быть, в эту минуту по пожарищу бродят около сотни детей без крова, без пищи, без одежды... Хотите ли вы им помочь? Но для этого каждому из вас придётся больше работать, получать меньше еды и поделиться своей одеждой с новичками.

Это могло показаться жестоким экспериментом, но это вовсе не был эксперимент: это была необходимость. Песталоцци обращался к чувству ребят, их совести и никогда не ошибался: сострадание рождает сострадание.

Всего полгода продержался приют. Судьба, словно задавшись целью до конца испытать этого человека и его преданность детям, нанесла ему новый удар: разбитые австрийцами французы вошли в Станц и устроили в монастыре, где основался Песталоцци, свой лазарет.

А Песталоцци с его детьми они просто выгнали в чистое поле. Один на дороге седовласый старик, больной, измученный, потрясённый несправедливостью, а вокруг него несколько десятков ребят, которым некуда податься...

Песталоцци ушёл от них, и ребята опять разбрелись кто куда – просить подаяния, бродяжничать.

Отчаяние овладело Генрихом Песталоцци. Долгое время он был, по его словам, в состоянии «онемения». «Казалось, и физические, и душевные силы совершенно оставили этот живой труп. Измученное лицо его было просто страшно, а душа действительно словно совершенно онемела», – говорится в одной из биографий Песталоцци.

Но силы этого человека не имеют предела; проходит время, и вот мы видим его помощником учителя в школе грамотности. Сам учитель – башмачник, он завидует Песталоцци и распускает среди родителей слух, что новый его помощник не умеет ни читать, ни писать, да к тому же ещё и безбожник.

Споженик был почти прав. Песталоцци говорил о себе другу, что он действительно не умел ни правильно писать, ни читать, ни считать. Но и это неумение своё он обратил в достоинство: он выработал такой простой метод обучения, что, «пользуясь этим методом, даже самый неопытный и незнающий мог добиться цели».

Песталоцци переходит в новую школу (это было в Бургдорфе), тоже на должность помощника учителя, хотя он и был автором всемирно известных книг, хотя ему прежде поручали целый приют. Но у него была удивительная способность не внушать доверия к себе. В школе, где он сам учился, его считали попросту дураком; теперь, спустя пятьдесят лет, – безумцем, полупомешанным, ни на что не годным стариком. Очень редкие люди умеют принадлежать сразу двум царствам: царству детей и царству взрослых. Обычно же тот, кто слишком увлечённо возится с детьми, выглядит для взрослых чудачком, впадшим в детство.

Итак, Песталоцци в новой школе, учит детей грамоте. Но как учит! Вновь он ничего не требует, не заставляет зубрить, не наказывает детей, относится к ним с уважением; вновь его ученики оживлённы на уроке, внимательны, старательны – и дело идёт быстро!

Вокруг школы поднялись споры. Назначили большую правительственную комиссию. Песталоцци получил свидетельство: «Вы исполнили всё, что вы обещали, когда говорили о применении вашего метода. Вы показали, какие силы таятся в человеке даже в период самого нежного возраста... Удивительный успех ваших учеников, достигнутый при самых разнообразных способностях

каждого из них, ясно убеждает, что из *всякого* ребёнка может быть что-нибудь сделано, если учитель сумеет понять особенности его умственных способностей и психологически верно приняться за их развитие».

Всё это и было главным делом жизни Песталоцци. Он доказал, что каждый ребёнок, без исключений, *может* получить начальное образование, и выработал методы, с помощью которых это обучение стало возможным.

Песталоцци наконец поверили. Ему отдали бургдорфский замок для устройства образцового учебного заведения. Теперь явилась толпа добровольных помощников; ученики приходили отовсюду – все хотели учиться у Песталоцци учить детей. Ещё бы: он в полгода выучивал детей читать, писать и считать – то, на что обыкновенный сельский учитель тратил три года. «Тайна успеха, – говорилось в отчёте одной из комиссий, – заключается в том, что тут стараются только помочь природе и она является настоящей учительницей. При этом способе учитель как бы скрывается за учеником... Учитель не является ученикам чем-то высшим, как это обыкновенно бывает, – он минуту за минутой переживает с детьми, и со стороны кажется, что не он их учит, а сам с ними учится».

В другом отзыве говорится: «Его система пригодна для всех времён и народов. Она проста и последовательна, как природа...»

Но что стоила самому Песталоцци его «система» – об этом мало кто догадывался. В самые трудные дни организации приюта в Бургдорфе Песталоцци получил известие, что его единственный сын умирает в Нейгофе... Сын, которого он так любил, которого сам учил, следил за каждым его шагом.

Песталоцци не поехал к умирающему. Он не мог оставить Бургдорфа ни на один день. Только с ещё большей яростью принялся за работу. Чем ещё он мог пожертвовать детям? Своей жизнью? Наверно, он не задумался бы, если бы пришлось...

Через сто сорок лет после этого дня другой педагог в другой стране пойдёт в фашистскую камеру, чтобы до последней минуты быть со своими воспитанниками и целиком разделить их участь. Это польский учитель Януш Корчак. Учителя учат, пока живы, и живут, пока учат.

Все дни напролёт проводил Песталоцци с детьми и от помощников своих требовал того же. Популярность его достигла необычайных размеров. Он стал гордостью Швейцарии.

И тогда... Читатель, вероятно, уже догадывается: опять крах. Да, так оно и было. Всего четыре года работал Песталоцци в Бургдорфе. Институт не нравился правительству: «Рассадник демократизма». Песталоцци – ему было уже около шестидесяти лет – вынужден был искать новое место.

Но на этот раз вся Швейцария пришла в движение, все возмутились преследованиями великого педагога.

К Песталоцци стали являться делегации из многих городов и стран – приглашать его к себе. Его звали и в Россию – в Дерпт, в Ригу, в Вильнюс, и он уже совсем было собрался вместе с женой перебраться в наши края, но потом передумал. Он выбрал город Ивердон, в Швейцарии, на берегу Невшательского озера. Четвёртая, последняя попытка человека. Нейгоф, Станц, Бургдорф, Ивердон...

Институт в Ивердоне существовал двадцать лет, с 1805 по 1825 год. Жил институт шумно: двести воспитанников из разных стран, несколько десятков молодых людей со всех концов Европы, обучавшихся искусству Песталоцци, и каждый день – посетители. Их встречал 70-летний старик; он неистово размахивал руками, носился по институту нервной, подпрыгивающей походкой, без устали показывал своё хозяйство и без конца говорил о том, что каждого крестьянского ребёнка можно обучить, что образование народа есть необходимость, и к нему прислушивались. Он и его идеи были необходимы, ибо этот «безумец» выражал главную мудрость века, ставшего для многих стран мира веком всеобщего начального образования. Даже император Александр I во время пребывания его в Базеле согласился принять Песталоцци. Это было в 1814 году. Старик педагог, некрасивый, с взъерошенными волосами, с лицом, изрытым оспой и покрытым веснушками, начал убеждать русского царя отменить крепостное право и дать крестьянам образование. Он пришёл в азарт и наступал на своего царственного собеседника, а тот пятился от него, пятился, пока не упёрся в стену. Отступать было некуда, и Песталоцци, настигнув царя, сделал движение, чтобы схватить его за пуговицу мундира... Царь отшатнулся, старик опомнился.

Песталоцци весь мир готов был схватить за пуговицу, за воротник, за горло: дайте детям бедняков образование, восстановите справедливость!

Работал в эти годы он по двадцать часов в сутки. Ложился в десять вечера, а в два часа ночи – так бывало часто – уже начинал диктовать свои записки одному из учеников. И так до утра, когда поднимался институт, и Песталоцци выходил к детям на весь день. Он замучил своих помощников: далеко не каждый мог вот так, круглые сутки, проводить с детьми, быть у них на виду. А скрыться некуда: учителя, утверждает один биограф, даже стали строить себе шалаши в лесу, чтобы хоть на несколько минут уединиться. Несмотря на огромную работоспособность, Песталоцци не мог уследить за всем, да и не очень-то он был практичен, не слишком хороший организатор. К тому же –

сумасшедшая идея! – он основал ещё одно заведение: «для воспитания бедных, которые со временем сами могли бы воспитывать и учить бедных», – что-то вроде учительской семинарии.

Чудак из чудачков из страны... дураков?

За шесть лет семинария съела все скудные сбережения Песталоцци; в самом институте начались раздоры. Помощники его, которым он слишком доверял (он всем доверял сразу и безоговорочно), ушли из института и стали сочинять пасквили на своего учителя. К 1825 году – Песталоцци было 79 лет – оба института пришлось закрыть.

Последнее детище Песталоцци, Ивердон, погибло... Умер сын, скончалась многострадальная и до конца верная Генриху жена. Он вернулся в Нейгоф – туда, где начинал работать с детьми. Вернулся умирать, но ему было подарено ещё три года жизни, и он написал за это время несколько книг, в том числе знаменитую «Лебединую песнь» – записки о своей страдальческой и бурной жизни. История выбрала для совершения подвига слабейшего, но нравственные силы человека весомее физических.

Умер Песталоцци восьмидесяти с лишним лет; в 1827 году. На памятнике его в Ивердоне вычеканили среди других строчек и такую:

ВСЁ ДЛЯ ДРУГИХ, НИЧЕГО ДЛЯ СЕБЯ.

Глава восьмая

Сцена Песталоцци с Александром I – довольно точная модель отношения русских правителей с просвещением: просвещение наступало, прижимало царя к стене. Царь вынужден был выслушивать его требования, даже поддакивать им... Но чем всё кончалось? Царь в страхе отшатывался.

Начало века, казалось бы, не предвещало ничего дурного. Движение, произведённое просветителями, несмотря на арест Радищева и Новикова, не останавливалось. Александр I был хорошо образован, воспитан республиканцем Лагарпом. Усиленно говорили о предстоящем будто бы освобождении крестьян, потому что развивалась промышленность и новым фабрикам и заводам нужны были свободные рабочие руки. Тем же заводам нужны были грамотные мастера. Спустя полвека некрасовский

герой скажет: «Грабили нас грамотси-десятники». Но откуда-то они должны были взяться, эти самые «грамотси»!

В самом начале века появилось министерство народного просвещения – народное образование присоединили к государству, как присоединяют новые области после успешной войны. Учителя обрели начальство. Теперь они получали жалованье не из пожертвований, а от казны и становились такими же чиновниками, как и служащие других министерств и департаментов.

Три гимназии оставил в наследство XVIII век – в Петербурге, Москве и Казани. В первое же десятилетие нового века их стало тридцать две – в десять раз больше. В 1804 году разработали новый школьный устав. Гимназии открывались торжественно, с церковными песнопениями, с пышными банкетами, – не беда, что гимназистов поначалу было всего полтора-два десятка. Открыли университеты в Харькове и Казани, вслед за ними, в 1819 году, университет в Петербурге (он вырос из Педагогического института – того самого, который был учреждён Янковичем).

При этом были объявлены самые широкие, можно сказать, прекрасные цели.

Например; об одногодичном приходском училище говорилось, что оно должно «доставлять детям земледельческого и других состояний сведения им приличные, сделать их в физических и нравственных отношениях лучшими, дать им точные понятия о явлениях природы и истребить в них суеверия и предрассудки».

План невозможно утопический: за год? За год по тем временам и грамоте еле могли научить.

Обучение было объявлено бесплатным; в училища и гимназии принимали решительно всех – даже детей крепостных; университеты получили самоуправление; в 1809 году был издан указ, по которому для получения чина надо было выдержать экзамен – доказать свою образованность. «Стон и плач распространился по целой империи», – пишет один современник этих событий, имея в виду оскорблённое чиновничество; не преданность начальству, а знание вдруг объявлено было двигателем карьеры!

И сегодня в труде английского специалиста по сравнительной педагогике Н. Ханса можно прочитать, что русская школа самого начала XIX века была «первой демократической школой в Европе».

Николай I, придя к власти, тоже вроде бы горячо заботился о просвещении. В конце века даже книга такая вышла: «Император Николай I, зиждатель русской школы».

Новым, третьим по счёту уставом 1828 года была создана

довольно широкая сеть приходских и уездных училищ; срок обучения в гимназиях увеличили с четырёх лет до семи, резко – в два с половиной раза – повысили жалованье гимназическим учителям. Николай лично посещал гимназии, а во вновь созданное училище правопедения мог, например, приехать тайно и направиться для инспекции не к директору, а прямо в дортуары воспитанников. В 1839 году открываются реальные гимназии, в них преподают естественную историю, химию, технологию, механику, бухгалтерию. Один за другим появляются институты: Технологический, Институт гражданских инженеров; реорганизуют Горный и Лесной институты.

И всё было бы ничего: не очень торопливо, да всё же развитие, если бы одновременно с этим не укоренялась особая педагогика, изобретённая, кажется, лично Николаем I, не без идейной помощи педагогов прусских.

Во время Екатерины II народное образование было скорее проектом, чем действительностью, но и тогда, в XVIII веке, уже известный нам князь Щербатов, историк и публицист, задавал вопрос:

«Ежели подлый народ просветится и будет сравнивать тягость своих налогов с пышностью государя и вельмож... тогда не будет ли он роптать на налоги и, наконец, не произведёт ли сие бунта?..»

Пока мечтали, пока произносили речи и писали статьи о пользе образования, всё было отлично. Но когда стали созревать первые плоды просвещения, пришлось задуматься: что же с образованием делать? Не произведёт ли оно в самом деле бунта?

Признаки опасности были налицо.

Ещё в 1793 году застрелился ярославский помещик Опочинин. Стрелялись и вешались, топились или травились, очевидно, и до Опочинина, но человек с такой многозначительной фамилией (не от слова ли «почин»?) изобрёл новую причину для стрельбы в самого себя; он сделал это из-за «отвращения к русской жизни». Перед смертью он отпустил на волю часть своих крестьян, другим роздал весь хлеб из своих амбаров, роздал всё. Осталась библиотека, Книги. Что с ними делать? Кому завещать их в ярославской глуши? «Книги!.. Мои любезные книги!.. – не без сентиментальности, в духе Карамзина, писал Опочинин в предсмертном письме. – Не знаю, кому оставить их. Я уверен, что в здешней стороне они никому не надобны...» Опочинин находит для книг тот же единственный выход, что и для себя самого: «Прошу покорно моих наследников предать их огню...»

Сам он этого сделать не мог. На себя у него рука поднялась, а на книги – нет.

История, в которой всё символично. Человек, образованный, начитанный, тонко чувствующий, не знает, что ему делать со своим образованием, куда приложить силы, где найти место. Ни он со своими знаниями (впрочем, может быть, и полужнаниями), ни книги его никому не нужны. Времена Новикова прошли. Над Россией вставала фигура «лишнего» человека, и, быть может, Опочинин был первый в этом длинном ряду, печальный прообраз многих литературных героев.

Образованных людей было ещё немного, но как только они появились, они сразу же вступили в противоречие с жизнью. Пока они могли собираться вокруг Новикова, издавать книги, писать в журналы, всё было довольно хорошо. Но как только Новикова и Радищева арестовали и просветительская деятельность прекратилась, им, образованным, в своём роде изнеженным людям, стало немогоду душно... Они или стрелялись, или спивались, или превращались в таких матёрых чиновников, что уж лучше бы и неграмотные были на их месте. Сын книгини Екатерины Дашковой получил блестящее – не только по тем временам, по любым временам – образование: заслужил степень магистра изящных искусств в Эдинбурге, брал уроки математики у д'Аламбера, учился гравированию и акварельной живописи в Италии. Наконец вернулся в Россию. Что же с ним стало? Губернский предводитель московского дворянства. Стоило ли заниматься в лучших учебных заведениях мира?

Но уже через тридцать лет после смерти Опочинина образованные люди вновь нашли применение своим знаниям: они повели полки на Сенатскую площадь. Восстание декабристов было первым в России восстанием, возглавлявшимся просвещёнными людьми. Можно было бы сказать – «интеллигентными», но это слово вошло в обиход лишь в 60-е годы XIX века.

Николай I – ему нельзя отказать в пронципальности – сразу установил, что между восстанием декабристов и развитием просвещения есть определённая связь.

Образование пока что имело только дворянство, и вот уже оно даёт ответный урок на Сенатской площади. А если выучить весь «подлый» народ? Что тогда будет?

Когда царь стал ездить по гимназиям, он делал это вовсе не из любви к знаниям. Самого-то его с трудом кое-чему выучили – принуждениями, угрозами и розгой. Русского императора в детстве жестоко секли! И лучше всего он умел поднимать ружьё «на пле-чо», ставить его с мгновенным грохотом «к но-ге» да барабанить в армейский барабан. В этих делах он мог показать личный пример любому солдату и барабанщику. В гимназии же ему нечего было делать. Царь ездил по гимназиям, как

разведчик во вражеском стане. В гимназии таились его враги. С начала XIX века для правительства стало очевидным, что, продолжая дело народного просвещения, оно тем самым роет себе могилу.

Перед каждым новым Романовым, занимавшим русский престол, возникала одна и та же неразрешимая до конца задача: как совместить просвещение с сохранением власти?

Каждый из них, начиная царствовать, с монотонным однообразием обнаруживал и объявлял, что *до него* школ для народа фактически не существовало, и принимался создавать их будто вновь. Так было с Екатериной II, и с Александром I и с Николаем I, а позже с Александром II. И каждый новый Романов, используя печальный опыт предыдущего (а положительного опыта так и не было, только печальный), пытался найти меры, которые охранили бы самодержавную власть от угрозы со стороны просвещения.

Екатерина II была ещё неопытна. Она слишком боялась Пугачёва и, кажется, не ожидала удара с другой стороны – со стороны Радищева и Новикова.

Александр I действовал осмотрительнее: при нём за бунт уже считали, например, случай в педагогическом институте, когда 24 студента, войдя в сговор с портным, сшили себе мундиры *неуставного* покроя (наверно, расклёшили или, наоборот, заузили панталоны). Из этого вышла целая история. Но правительство Александра, как и он сам, было непоследовательно: то посылали студентов учиться за границу, то, когда они возвращались и становились профессорами, увольняли их за свободолобивые мысли; то отменяли плату за обучение, то вновь вводили её; то открывали, то закрывали школы. В начале царства учредили Казанский университет, а в конце раздавался призыв разрушить его до основания, срыть как источник крамолы. Александр I крамолу допускал, а уж потом, когда она становилась явной, пугался её и расправлялся с ней.

Николай I был основательней своих предшественников. Он старался довести надзор за образованием до самых его истоков. Так, чтобы никому, и в голову не могло прийти сшить себе неуставный мундир, не говоря уж о том, чтобы высказать вслух неуставную мысль. Что мундир? Когда инженерам-путейцам высочайшим разрешением «дали усы», то есть позволили не сбивать их, – это казалось милостью со стороны императора.

Один из самых первых рескриптов Николая был такой: «Воспретить всякие произвольные преподавания по произвольным книгам и тетрадам!»

Не только арестовывали и ссылали литераторов, не только (следующую ступень вглубь) лишали университеты самоуправления,

запретили преподавать философию, приказали «очистить» все науки от «вредных умствований» – надзор был доведён до каждой гимназии, до каждой учительской комнаты, до каждого класса, учебника, тетради... глубже идти было некуда. Николай I мечтал о системе, которая придавила бы свободолобивую мысль не тогда, когда она расцветёт и станет стихотворением, трактатом, революционным кружком, восстанием, а в самом её зародыше – на школьной парте.

Вот откуда его вниманис и «любовь» к делам народного образования. Николаевский министр народного просвещения граф С. С. Уваров говорил в своё время одному начинающему профессору: «Знайте, молодой человек, что министр народного просвещения в России не я, не Сергей Семёнович Уваров, а император Николай Павлович. Знайте это и помните».

В 1827 году Николай I, «зидитель русской школы», коронованный министр просвещения, посетил Псковскую гимназию и остался поначалу доволен ею. Но затем вдруг оказалось, что в гимназии нет учащихся дворян: все разночинцы. Николай тут же приказал закрыть её «вплоть до особых распоряжений», и её действительно закрыли на целых семь лет. В другой раз царь приехал в Санкт-Петербургскую гимназию и, покидая её, сказал недовольно директору:

– У вас всё хорошо по наружности, но что за лица у ваших воспитанников?

Лица были неблагородные....

Осмотрев Харьковский университет, Николай I сделал замечание гг. профессорам: дескать, слишком много заимствуют они у западной науки. «Я плотно закрою все окна на запад», – объявил император и уехал. Попечитель же учебного округа немедленно приказал заложить в университете все выходящие на запад окна. Их замуровали почти на 70 лет.

В рескрипте 1826 года царь писал об учебных заведениях: «Я с сожалением вижу, что не существует в них должного и необходимого однообразия, на коем должно быть основано как воспитание, так и учение».

Однообразие! Одного вида гимназисты в блестящих мундирах, производивших нелепое впечатление: «спереди кофта, а сзади фрак», с громадными стоячими воротниками – «красной говядиной». Единая система поддержания дисциплины – никакого панибратства, никаких поблажек, никаких объяснений учителей с учеником: розги, карцер, исключение. Система! Единые программы. Единые учебники по всей стране. Одни и те же речи на уроках. Одни и те же ответы учеников. И одни и те же отметки, введённые Николаем в 1837 году. «5», «4», «3», «2», «1».

Ведь это только кажется, будто всякое обучение, всякое образование – благо. На самом деле подбором предметов и методических правил можно, обучая, знаний не давать, «Совершенно непостижимые для детского ума математические и грамматические формулы и определения, не объясняемые... ни единым живым человеческим словом, ложились на мой ум тяжёлым свинцом», – вспоминает о своих гимназических годах в те времена писатель Н. Н. Златовратский. Он пришёл в гимназию, искренне веря в бога, но даже от этой всеры гимназия, задуманная как проводник «православия, самодержавия и народности», быстро отучила мальчика, заставляя каждый день зубрить: «Вера есть уверенность в невидимом, как бы в видимом, в желаемом и ожидаемом, как бы в настоящем... Вера есть уповаемых извещении... вещей обличении невидимых...» Волосы мальчика встают дыбом, вспоминает писатель, глаза начинают безумно блуждать, в сердце медленно вливается отчаяние... И мальчик опять гудит безнадежно: «Вера есть уверенность... уверенность... как бы обличение... уверенность уповаемых...»

– Папаша, что значит «уповаемых уверенность»?

Но и папаша, получивший духовное образование, не знает, что значит «уповаемых уверенность», только плоёт и сердится на бестолковость учебника. «Зубри!» – вот всё, что он может посоветовать сыну.

Каков же был результат стараний Николая I и его министра Уварова, впоследствии тоже уволенного за либерализм, ибо найдено было, что вместе с латинскими авторами в гимназию проникли республиканские идеи?..

Здесь возможен привычный оборот: «Несмотря на жестокий гнёт», и так далее. Но такой ход мысли кажется не совсем правильным. Не *вопреки* до крайности доведённому бездушию николаевской системы, а именно *благодаря* этому бездушию система так мало влияла на учеников и учителей.

Кроме теоретического (труды учёных) и административного (постановления, программы, учебники), существует ещё третий, *реальный* уровень педагогики.

И вот на этом *реальном* уровне внедрить какую бы то ни было «систему» невероятно трудно. И дурную систему так же трудно внедрить, как и хорошую. Реальную педагогику творили тысячи учителей и десятки тысяч учащихся, вступающих в сложные отношения между собой, и дело не в том, что среди этих тысяч были живые люди, хорошие педагоги (разумеется, были!), а в том, что, по многим свидетельствам, все педагоги – и хорошие и дурные – принимали николаевскую систему с равнодушным покорством, не вкладывая в неё сердца, выполняя свои обязанности механически, без малейшего увлечения, – «как

переписывает безучастно в канцеляриях бумаги любой человек».

Николай I довел надзор до учебника и до тетрадки, но даже такой надзор абсолютно неэффективен, пока он не затрагивает души. Пример для пояснения: искренне верующий человек, согрешив в мыслях против бога, торопился покаяться, замолить грех. Ничего подобного не рождала николаевская система: она не могла затронуть головы и сердца, оставляя всех безучастными к идеям, проводимым системой. Всё, чего она могла добиться, – это формального, внешнего выполнения установленных правил.

Гимназисты ходили в гимназию и зубрили уроки, гимназические учителя задавали «от сих до сих», ставили двойки и колы, посылали неисправимых к солдату – сечь розгами (солдат был неперменной принадлежностью каждой гимназии), но и те и другие, все, начиная с директора и кончая первоклашкой, – все выполняли свои обязанности формально, апатично. Когда последний раз ударял колокольчик, возвещая о том, что ежедневная утренняя комедия на сегодня кончилась и все расходились по домам, учителя, переодевшись в халаты, превращались в добродушных отцов семейства, а ученики – в обыкновенных живых мальчишек-бузотёров. «Николаевщина» царила в русском государстве и обществе, а вот у нас, у мальчуганов, не было никакого пристрастия к военщине», – свидетельствует известный в своё время писатель П. Боборыкин.

Система мучила, озлобляла, отупляла, но ни в ком не вызвала воодушевления, искренней привязанности. А где нет воодушевления, там нет и воспитания.

И это обстоятельство фактически означало полный крах николаевской системы, полную её непригодность даже для той цели, для которой она была столь тщательно разработана, – для цели обуздания. Всё получилось прямо наоборот: схоластические, никчёмные гимназические науки как раз и толкали гимназистов на поиски истинного знания, яркой мысли. «Белинский... был решительно нашим настоящим воспитателем. Никакие классы, курсы, писания сочинений, экзамены и всё прочее не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский со своими ежемесячными статьями», – пишет выпускник училища правоведения критик В. В. Стасов. А другой выпускник того же училища, юрист-демократ В. И. Танеев, брат известного композитора С. И. Танеева (в Москве есть улица, названная именем братьев Танеевых), показывает, к чему привела николаевская дисциплина в училище.

«Несмотря на потерянное время, – пишет он, – на расстроенное здоровье, несмотря на перенесённые страдания, я был

благодарен школе и думаю, что воспитание моё было скорее благоприятным, чем неблагоприятным. Оно не допустило меня подчиниться, примириться, устраивать свои дела в окружающей среде, угождать тем, кто притесняет. Оно так меня раздражило, что этого раздражения достанет на целую жизнь».

Талантливые люди всегда благодарны своим учителям, даже плохим, потому что они и у таких умудряются выучиться. Но последняя фраза В. И. Танесва прекрасно объясняет одно парадоксальное явление: почему в николаевской школе-казарме выросли революционеры-шестидесятники. «Раздражения» против системы достало не на одну жизнь Танесва – на тысячи жизней.

По кончине батюшки моего учителя села Мологино Алексия Раменского определён я, сын его, Пахомий, на ту же должность и состоял в одной должности учителем села Мологино в церковно-приходской школе с лета 1834 по 1869 год мая 17 дня. И оставил оную должность по слабости телесной.

Третья запись в семейной хронике учителей Раменских

В глубину России, верстами и верстами просёлков, от деревни к деревне – «Эй, любезный, далеко ли будет до Мологина?» – и вот неожиданно, не подготовленное никакими предварительными признаками, открывается с пригорка большое село. Как его занесло сюда? Кто собрал сотни крестьянских изб именно в это место, кто поставил в глуши богатый храм, такой, что и Москве был бы он украшением? Какие мастера?

Трудно проникнуть в прихотливые законы расселения, передвижения людей и скопления их в приглянувшихся местах. Трудно уловить вековой ритм постепенного разрастания и такого же медленного угасания села. Будто развёртывается, а потом, исчерпав внутренние силы, свёртывается вновь что-то живое, огромное, неповоротливое...

И по каким приметам судить, на рост ли село идёт или на убыль? Может быть, по сельской школе, раз уж, взглядываясь в историю, выбрали мы такую точку зрения?

Вот оно, местное мологинское училище, рядом с храмом, а вот и местный учитель Раменский III, сын

учителя и внук учителя... Каким мы его встретим? Так же ли он тих и благообразен, как его отец? Что сделало время с Раменскими, как выразил своё время новый Раменский?

Но что это? Наш учитель – прислуживает в церкви.

Занятие не из лучших. Что поделаешь? Трудные времена. С домашним образованием теперь даже сельским учителем не станешь, а учиться... на какие средства?

– Батюшка, ты почему меня в гимназию не отдал?

– Сынок, ты бы меня раздел. Суконные брючки, шинель, фуражечка... А в бурсу – простые сапоги да стюртушишко.

И вот Пахом Раменский – бывший бурсак, теперь дьячок в мOLOGинской церкви и... жуткий безбожник. Уже и церковь сгорела, уже от Мологина и половины-то прежнего не осталось, сто лет прошло после того, как занедужил и ушёл на вечный покой дьячок Пахомий, а помнят в селе: мол, был такой безбожник, богохульник, любитель сплясать, попеть, побродить с ружьём по лесу – охотник. Трижды его выгоняли со службы, да всё миловали: семья у Пахома – 18 душ, ребятишки один другого меньше.

Отними у отца заработок – кто такую ораву прокормит?

В учёных книгах, в наставлениях по пунктикам перечислено: учитель должен быть примерный да строгий, внимательный да прилежный... такой да сякой. Но из всех школьных учителей в памяти учеников больше остаётся какой-нибудь чудак, которым вечно недоволено было школьное начальство и который не столько уроки рассказывал, сколько истории из своей жизни. Таким и был Пахом – просто живым человеком, «живым, и только. До конца». От живого, страстного, хотя и несовершенно в своих качествах, – от живого и жизнь идёт. Учитель – не ангел с крыльями, и не с херувимчиками имеет он дело. От ангела до ненавистного всем человека в футляре, склеенном из предписаний начальства, – один шаг. Не ангел, не душа в футляре, не особого рода существо, будто специально рождённое для поучений, а также исправления несчастных детей, – живой, земной, грешный человек,

понятный детям и в достоинствах своих, и в пороках, нескованный – распахнутый для детей.

Строгостей много было в те времена. Система давила школу, а Пахом из системы выбивался, как и многие учителя. Беспорядочная его жизнь, неуёмный характер никак не укладывались в рамки системы. Пахом Раменский, сам, наверно, не подозревая этого, а просто наследственным учительским чутьём угадав правду, спасал ребячьи души от всепроникающего «порядка», вызывал их на непослушание, толкал на вольности. И природная всем Раменским любовь к литературе у Пахома обернулась по-своему, по-новому. Не старинные предания интересуют его – сегодняшняя литература; в глухом Мологине стараниями шумливого дьячка знали и читали лучших русских поэтов, лишь только имена их начинали сверкать.

По окрестным дворянским усадьбам шастая, Пахом таскал к себе в училище что под руку попадёт, но, конечно, не вещицами прельщался – книжками. Старый журнал со стихами Лермонтова, Кольцова или Некрасова, сборничек песен Беранже – их сатирический настрой очень был по душе людям в те годы, – всё принесёт Пахом да ночью, не жалея себя, и переписшет, и сошьёт переписанное в книжмцу, понесёт на урок, пустит по деревне из избы в избу... Грамотные в Мологине в каждом доме!

Что Пахому утверждённая начальством программа? Что ему «единообразие»? Мы оказались бы в дураках, посмеялся бы над нами из небытия своего старик Пахом, если бы и впрямь поверили, будто по программам жили сотни и тысячи школ, рассыпанные по стране. Свои представления были у Пахома, свои боли... Время от времени открывал он огромную – не унесёшь, не украдёшь – книгу, ещё дедом его заведённую, и продолжал летопись села Мологина. Эта книга исчезла, сгорела в Отечественной войну в 1941 году, но кое-какие странички из неё когда-то переписал один любознательный подросток, потомок Пахома, и они сохранились¹.

¹ Их сохранил Антонин Аркадьевич Раменский, бывший учитель, историограф семьи Раменских. Он и сообщил автору многие сведения о семье учителей Раменских, познакомил с документами из истории семьи. Автор выражает А. А. Раменскому глубокую признательность.

«1837 год. С великим душевным прискорбием узнали о последовавшей в Санкт-Петербурге в день 29 сего января 1837 в пятницу в 2 часа пополудни кончине великого пиита земли русской Александра Сергеевича Пушкина. Потеря невозвратная и невозградимая. 10 сего марта 1837 была совершена заупокойная литургия по боярину Александру в храме села Мологино...»

Гибель Пушкина в далёком Санкт-Петербурге для Пахома событие личной жизни, событие из истории села Мологина. Хотя, быть может, он и не знал, что Пушкин не своей смертью умер – убит. Первое печатное упоминание о дуэли появилось лишь в середине 40-х годов. А может, всё знал Пахом. Всё видят, всё знают мологинские учителя. Всему есть место в летописи Мологина: восстание декабристов, – командир расквартированной в селе части и два унтер-офицера арестованы и с жандармами препровождены в Старицу, уездный город. Севастопольская оборона, – и чувствительный Пахом пишет в семейной книге: «Слава слабым женщинам, подававшим в предсмертный час утешение и надежду, и врачам, оспаривавшим у смерти обречённые ей жертвы. А мы, современники их, сохраним о них память... Не случайная запись: во время Крымской войны в госпитале хирурга Пирогова впервые появились «слабые женщины» – сёстры милосердия, и это поражало всех и восхищало. Отмена крепостного права в 1861 году, – Пахом достаёт где-то Положение ещё до того, как пришёл срок его обнародования в этих краях, и читает вслух принародно, с амвона... Ничего он не боялся.

Просветитель, основатель школы Алексей Раменский I; учёный человек, гуманист Алексей Раменский II; буятарь, разночинец не только происхождением – духом своим Пахом Раменский... У каждой эпохи – свой образ учителя, и каждое поколение Раменских, чутко улавливая стремление времени, вносит в этот образ что-то своё, делает его всё богаче и богаче. Долгий процесс, два столетия длится он.

И может, именно от Пахома передались всем последующим Раменским чистые, даже наивные, но с лукавничкой, с усмешечкой глаза: мол, своё дело знаем...

А может, оттого у них такой взгляд, что из поколения в поколение, с молодости до старости, все Раменские смотрелись в одно чистое зеркало: в глаза детей.

Глава девятая

Всему своё время. Статья эта была написана ещё в 1850 году, она расходилась в списках по всей России, её обсуждали в гостиных; декабристы, сосланные в Сибирь, писали о ней восторженные письма родным, но надо было проиграть Крымскую войну, должен был умереть Николай I (своей ли смертью умер? Ходил слух, будто он отравился, не вынеся позора), чтобы статью эту можно было опубликовать, да и то – где? В весьма далёком от вопросов педагогики журнале «Морской вестник».

Ни одна педагогическая статья в прошлом веке не наделала такого шума. Её перепечатали другие издания и даже официальный «Журнал министерства народного просвещения»; её перевели на французский и немецкий; в Париже её выпустили отдельной книжкой, – кажется, первое педагогическое сочинение, переведённое с русского языка. «Эта статья, – писал педагог Д. Д. Семёнов, – произвела совершенный переворот в наших взглядах на воспитание и образование. Её читали и во дворце, и в бедных квартирах, и великосветские дамы, и скромные матери семейства».

Статья не то чтобы принесла славу автору – скорее, наоборот: слава автора придала особое значение статье. Он не был педагогом, он честно признавался, что сам он не может ответить ни на один из своих риторических вопросов.

Но статья называлась «Вопросы жизни», автором её был герой Севастополя, 46-летний профессор-хирург Николай Иванович Пирогов, и это был первый выстрел по николаевской системе просвещения, механически продолжавшей действовать и после смерти самого Николая I. Скальпель хирурга попал в самое больное место. Во времена, когда даже художник был не просто художником, а в первую очередь чиновником (И. К. Айвазовский имел звание «живописца морских видов» и право носить мундир морского ведомства), когда всё мерялось не заслугами перед страной, не талантом, не трудом – чином, должностью, орденом, Пирогов осмелился сказать самую простую мысль: школа должна растить не чиновника, не единицу для замещения некоей должности в государственном

аппарате, не юриста, негоцианта, солдата или моряка, а человека. Человеческие качества, и прежде всего высокая нравственность, способность к самостоятельному мышлению и чувство собственного достоинства, – вот что должна воспитывать школа.

Образование врача, юриста и т. д. выглядит как образование: врачу очень много надо учиться. Но можно дать специальные знания и вместе с тем заглушить все «притязания на ум и чувство». Сам человек, а не будущая его польза государству – вот что должно быть целью школы; воспитанный таким образом ученик и будет самым полезным членом общества.

Нельзя сказать, чтобы это была совершенно новая мысль в педагогике. Жан-Жак Руссо писал о своем воображаемом Эмиле: «Выйдя из моих рук, он не будет... ни судьёй, ни солдатом, ни священником; он будет человеком». Такие же слова можно встретить и у Белинского, и у Одоевского.

Но в педагогике не то, что, скажем, в физике или медицине. Чтобы оценить новизну педагогической идеи, её нужно сравнивать не с идеями, высказанными когда-то, а с реальной практикой времени. Все великие педагоги говорят, в общем-то, одно и то же, все утверждают одни и те же гуманные истины, ведут – из века в век – одну и ту же борьбу. Но каждый – в своё время, в своих трудных обстоятельствах. Каждый *вновь* обращается к истинам, провозглашённым сто или двести лет назад, *вновь* доказывает их, приводя новые аргументы. И ему приходится так же трудно, как и его предшественникам. Педагогику в этом плане скорее можно сравнить с литературой: во все века поэты пишут о любви, о свободе, о природе, пишут, будто бы одно и то же, но каждый раз новое. Пушкин остаётся Пушкиным, хотя о любви к родине и о любви к женщине до него писали десятки поэтов, и замечательно писали.

Так и в педагогике. Пирогов говорил то же, что и Ломоносов, и Скворода, и Новиков, и Белинский, – собравшись вместе, они не спорили бы между собой, а пожалы бы друг другу руки.

Но в 1856 году то, что сказал Пирогов, сказал именно он, имел талант и смелость сказать это именно он, и он разбудил общественное мнение.

«Вникните и рассудите, отцы и воспитатели! – зывал Пирогов. – Все, готовящиеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми!»

Это было крупное общественное событие. Впервые – после Дружеского Учёного общества Новикова – школьные дела стала обсуждать общественность; двери школы приоткрылись для всех: что же там происходит, за этими дверьми? Долго ли ещё будут калечить детей?

Вдруг все поняли: школа не может быть отдана на откуп ни одному из министерств, школа принадлежит обществу, она должна быть на виду. И весь этот шум поднял не педагог, а учёный, «отец русской хирургии».

Министр просвещения Норов предложил Пирогову стать попечителем Одесского учебного округа.

Учёный отложил свой скальпель, ушёл из академии, оставил дело всей своей жизни, специальность свою, в которой он достиг таких больших высот, и пошёл в учителя. Чтобы на опыте установить, как же надо воспитывать в школе *человека*.

Почему он это сделал? Как решился? Быть может, под влиянием Крымской войны, где он увидел последствия отсталости и неграмотности. Ведь всякая война – это и война учителей и столкновение методов обучения: чем меньше муштры, тем сознательнее действует солдат и офицер. При прочих равных условиях грамотный солдат всегда победит неграмотного, привыкший к самостоятельности – забитого, свободный – угнетённого. Пирогов пошёл в учителя по той же причине, по которой сотни студентов в это время бросились преподавать в воскресных школах, по которой – мы увидим это позже – Лев Толстой отложил перо и начал учить детей грамоте.

Борьба вокруг отмены крепостного права выливалась в борьбу за освобождение личности, а истоки внутренней свободы человека – в школе, в воспитании.

В своё время Екатерина II попросила французского философа-просветителя Дени Дидро составить «план университета для России». Дидро прислал такой план в 1775 году. В нём, в частности, говорилось: «Невежество есть удел раба и дикаря. Просвещение даёт человеку достоинство».

Борьба за просвещение была борьбой за человеческое достоинство. Образование – не только долг, но прежде всего – право.

Пирогов взялся за работу с энтузиазмом, с осязательностью, с научной дотошностью. Он постоянно объезжал губернии своего округа и появлялся в гимназиях без предупреждения, без пышных церемоний встреч, иногда никем не узнанный.

В широком пальто-сюртуке, а если на улице грязь, то в больших гапотах-кораблях, с засученными панталонами, он так и входил в класс. Его не волновало, все ли пуговицы застёгнуты на мундирах гимназистов; он добивался не дисциплины – добрых отношений между учащимися и учителями, ибо человеком с честными убеждениями может быть лишь тот, кто «приучен с первых лет жизни любить искренне правду, стоять за неё горой, быть непринуждённо откровенным как с наставниками, так и с сверстниками».

Николаевские времена породили ужасающую раздвоенность человека. Люди с первого класса гимназий приучались казаться не теми, кем они были на самом деле, лицемерить, таиться. Пирогов в своих размышлениях шёл не от школы к будущему обществу, а наоборот: от пороков общества – к их проявлению, к порокам школы. Поэтому каждая его статья (а он писал часто) выглядела не просто педагогическим рассуждением, а была критикой нравов общества.

Не удивительно, что спустя два года после назначения он вынужден был уйти. Но он не разочаровался и не вернулся в медицину – посхал в Киев и вновь стал во главе учебного округа. Врач не может оставить больного, даже если сам «больной» не хочет лечиться и оскорбляет врача.

Вновь Пирогов ходит по гимназиям и вновь добивается своего: чтобы и в учителях, и в учениках проснулось человеческое достоинство. Это достоинство нельзя унижать даже ради самой, казалось бы, высокой цели – ради того, чтобы дать ребёнку знания. Знания нельзя вбить: человека нельзя вырастить человеком, если он, например, подвергается позору порки, да ещё публично. А по школьному уставу сечь детей до третьего класса гимназии позволялось официально.

Ещё в Одессе Пирогов написал статью: «Нужно ли сечь детей и сечь в присутствии других детей?» – «мелочной и даже, так сказать, неприличный вопрос для публики образованной и занятой серьёзными делами... Но для детей розга – не мелочь, и секут их также и образованные, и занятые серьёзными делами люди».

Розга не исправляет, пишет Пирогов, она вселяет страх, вызывает стыд и только прикрывает «внутреннюю порчу». А что значит сечь при других детях? Низменные, порочные чувства вызывает это у детей: они всё равно стоят на стороне наказанного, и вся система оказывается неприличной, неблагоразумной и безнравственной.

Опять, всё с той же основательностью, Пирогов находит сердцевину проблемы. О каком человеческом достоинстве можно говорить, если между учеником и учителем стоит ненавидимый солдат с пучком розог!

Розга была не просто орудием наказания – символом принуждения, своеволия грубой силы, стремившейся сломать маленького человека. Для николаевской педагогики слова «воспитать» и «сломать» были синонимы. Пирогов обратился к директорам своих гимназий: надо запретить розги!

И потерпел поражение. Голоса сложились не в пользу Пирогова. Выдвигали такой аргумент: поскольку детей секут дома, как справиться с ними без розги в школе?

Трудный выбор был перед Пироговым. Он мог бы настоять на своём, но это, по его мнению, означало бы идти против воли учителей, принуждать их, то есть делать как раз то, против чего он боролся. И он отступил. Он утвердил правила, в которых розга разрешалась. Правда, прежде чем наказать ученика, требовалось столько формальностей, что учителю легче было выбрать другое наказание; правда, практически розги перестали применять. Но авторитет Пирогова был так высок, на него возлагали такие большие надежды, что утверждённые им правила вызвали возмущение. Добролюбов опубликовал статью «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» с эпиграфом: «И ты, Брут!» Да ещё написал иронические стихи «Грустная дума гимназиста» – переспев дермонтовского «Выхожу один я на дорогу...» Они начинались так:

Выхожу задумчиво из класса,
Вкруг меня товарищи бегут...

Ученик, герой стихотворения, провинился: он на уроке говорил о Лютере «очень вольно». Его должны наказать.

Нет, не жду я кары гувернёра,
И не жаль мне нынешнего дня...
Не хочу я брани и укора,
Я б хотел, чтоб высекли меня!..
Но не тем сечением обычным,
Как секут повсюду дураков,
А другим, какое счёл приличным
Николай Иваныч Пирогов;

Я б хотел, чтоб для меня собрался
Весь педагогический совет,
И о том, чтоб долго препирался,
Сечь меня за Лютера или нет;

Чтоб потом, табличку наказаний
Показавши молча на стене,
Дали мне понять без толкований,
Что достоин порки я вполне;

Чтоб узнал об этом попечитель,
И, лежа под свежую лозой,
Чтоб я знал, что наш руководитель
В этот миг болит о мне душой...

Пирогову пришлось оправдываться, объяснять, что он тоже не полностью хозяин в школах, что никто не дал ему права «преобразовывать наши школы...».

Пирогов был демократичен в точном смысле этого слова. Наверно, утверждая правила с пунктом о розгах, он знал, что подвергнется насмешкам и поношениям. Но он же сам ввёл коллегиальное управление гимназий; он сам приказал публиковать свои распоряжения, чтобы вся общественность могла следить за делами школы. Предсоветы были разрешены уставом 1828 года, но они существовали только на бумаге. Пирогов добился, чтобы они действовали, чтобы директор не пользовался властью безгранично.

Странное занятие – через сто с лишним лет оправдывать Пирогова (да и в чём оправдывать?), но надо и понять его: он считал, что любое правило, введённое вопреки коллегиально вынесенному решению, будет вредным. Даже самое хорошее правило, даже такое, в справедливости которого сам Пирогов был убеждён. Пирогов временно проиграл сражение, и за то его справедливо осуждали. Перепалка была ожесточённая.

Этот инцидент сам собою был исчерпан, когда в новом уставе 1864 года порка – навсегда! – была запрещена, и случилось это, конечно, потому, что Н. И. Пирогов поднялся против жестоких наказаний.

Так закончилась продолжавшаяся сто лет борьба против физических наказаний в русской школе, закончилась благодаря мужеству передовых педагогов. Ведь в немецких школах, например, в то время пощёчина или удар линейкой по рукам считались разрешённым приёмом воспитания. Мать художника Валентина Серова вспоминает, что она хотела забрать своего сына из баварской народной школы, когда узнала, что школьный учитель «крепко дерётся» (дело было в 1872 году).

– Ведь я не быю в запальчивости, у меня строго рассчитано, сколько линейкой бить по ладони и как силен должен быть удар, – объяснил ей учитель.

– Да у нас в России в школах не бьют...

– Берите вашего сына из школы, сделайте милость! – отвечал учитель, негодуя.

«У нас в России в школах не бьют!» Дорого заплатил Пирогов, чтобы появилась возможность произнести такие слова. Ему пришлось уйти в отставку. Он уехал в своё имение в Подольской губернии (село называлось Вишня), потом в четырёхлетнюю заграничную командировку (во время которой, в частности, оперировал и вылечил раненого в ногу Гарибальди), опять жил в деревне, писал статьи. Слава его росла. Медики славил врача Пирогова, учителя славил Пирогова-педагога.

Глава десятая

Поле истории усеяно событиями неравномерно. В иные десятилетия хронологическую таблицу можно собирать гармоникой, сжимая пустые годы, но потом эту гармонику лет приходится растягивать до отказа, чтобы уместить описание множества событий, разом случившихся. Так, одни 60-е годы прошлого века дали стране столько замечательных педагогов, сколько не было их за два предыдущих столетия.

И это, конечно, не случайно. Педагогика – чуткий показатель состояния общественного движения в стране. Главные педагогические произведения выдающихся русских учителей середины прошлого века были созданы именно в то время – год в год! – когда в стране шла напряжённая борьба за отмену крепостного права, перераставшая в борьбу за демократические свободы, за освобождение личности.

Вот годы расцвета деятельности крупнейших педагогов:

Н. И. Пирогов	– 1856–1860
Н. Г. Чернышевский	– 1856–1862
Л. Н. Толстой	– 1859–1862
К. Д. Ушинский	– 1859–1862

Затем наступила реакция, и этот список продолжить было бы невозможно – его нечем пополнить.

Чтобы понять 60-е годы и их вклад в педагогику, познакомимся, вслед за жизнью Пирогова, с другими замечательными людьми из короткого списка (очень неполного: в нём нет Добролюбова, Писарева, Шелгунова).

...Не прошло и десяти лет после смерти Николая I, как новый шеф жандармов с отчаянием докладывал царю Александру II, что «отдельные личности» распространяют свои мысли о свободе «гораздо далее намерений самого правительства» и что под их влиянием «находится более или менее всё юное поколение России». Прежде всего шеф жандармов имел в виду Чернышевского.

Попечитель Виленского учебного округа доносил относительно взглядов одного из гимназических преподавателей по фамилии Вознесенский: в бога он не верит, государство считает порождением людского безумия, а Чернышевского – гением, который будет признан через 500 лет.

Чернышевский – вот человек, который всем – происхождением своим, талантом, деятельностью, нравственным обликом, влиянием на современников и на последующие поколения и,

наконец, самой судьбой своей – воплотил особенности 60-х годов России прошлого века. И хотя педагогика в строгом значении слова занимала Чернышевского лишь отчасти, мало кто воздействовал на развитие педагогической мысли в нашей стране в такой степени, как он и его соратники, революционные демократы.

* * *

За тридцать с небольшим лет до появления докладов и доносов на Чернышевского в Саратове, в Сергиевском приходе, неожиданно умер священник, и нужно было назначить нового. Пресемнику, по неписаному правилу, предстояло жениться на дочери покойного, чтобы семья его не осталась обездоленной. Вдова и две её дочери с тревогой ждали, кто будет просить руки молоденькой Евгении, кто войдёт в осиротевший дом хозяином.

Церковные власти предложили место учителю пензенской духовной семинарии Гавриле Ивановичу, родом из деревни Черныши – значит, Чернышевскому. Гаврила Иванович приехал познакомиться с девушкой. Она понравилась ему. Гаврила Иванович тоже пришёл всем по сердцу. Это был человек большого ума и великой учёности: во времена Александра I его даже звали в Петербург заниматься в комиссиях, выработывавших новые законы. Гаврила Иванович знал несколько языков, математику и историю, писал стихи и преподавал пиитику и риторику. А главное, о нём говорили, что это человек непоколебимого благородства, и он вскоре доказал это. Женившись на девочке, чтобы получить приход, Гаврила Иванович первым делом занялся образованием своей очень молоденькой жены и её сестры.

Гаврила Иванович учил сестёр французскому, греческому, латинскому языкам и дал им радость читать хорошие книги. Он собрал библиотеку, какой в Саратове не было ни в гимназии, ни в духовной семинарии, ни у кого. Книги стояли в кабинете и в сенях на полках до потолка. Он очень много работал: давал частные уроки, преподавал в уездном духовном училище, в женском пансионе. Жена его вместе с сестрой вела хозяйство, но про неё говорили, что она «жила, не выпуская книг из рук». Пять взрослых было в семье, где рос Николай Чернышевский: мать, её сестра, их мужья и бабушка, и все много работали, много читали, очень серьёзно занимались детьми. «Знание и труд» было девизом этой семьи, и впоследствии Вера Павловна, при первом же её появлении на страницах романа «Что делать?», скажет: «Будем учиться – знание освободит нас».

Восьми лет отец записал Николая в бурсу, в духовное

училище, но пожалел сына и стал учить его дома, сам. К четырнадцати годам Николай – Николенька, как звали его дома, – изучил французский и немецкий, переписывался с отцом на латинском, знал древнегреческий и сам нашёл себе учителя персидского языка, торговца-перса, который приходил к Чернышевским, торжественно, к изумлению старших, усаживался с ногами на диван и начинал свой урок, а Николенька взамен давал ему уроки русского. «Н. Г. Чернышевский в десятилетнем возрасте имел столь обширные и разнообразные сведения, что с ним едва могли равняться двадцатилетние», – напишет позже один его дальний родственник.

Когда Николай стал ходить в духовную семинарию, он поражал своих одноклассников. «Слушашь, бывало, и не можешь понять, откуда человек набрал столько сведений!» – говорил один из них. Товарищи обожали его: он один – на сто учеников его класса – поставлял сочинения, переводы, был безотказным репетитором для всех, кто нуждался в помощи. Он был весь с товарищами, в их заботах и заботах, – и он был далеко впереди, мыслями уходил от них. Так всю жизнь будет с Чернышевским: плоть от плоти сегодняшнего дня и в то же время вечно в будущем. Он был воплощение будущего, очутившегося в настоящем.

Учился прекрасно, а сам тайне мечтал бросить семинарию. Мечтал уехать в Петербург, поступить в университет, мечтал о настоящем образовании.

Несколько лет спустя один четырнадцатилетний мальчик, будущий друг Чернышевского – Николай Добролюбов, – напишет импровизацию, какую, наверно, и Чернышевский в этом возрасте мог бы написать:

О, как бы желал я такую способность иметь,
Чтоб всю эту библиотеку мог в день прочитать.
О, как бы желал я огромную память иметь,
Чтобы всё, что прочту я, всю жизнь не забыть.
О, как бы желал я такое богатство иметь,
Чтобы все эти книги себе мог купить.
О, как бы желал я иметь такой разум большой,
Чтоб всё, что написано в них, мог другим передать.
О, как бы желал я, чтоб сам был настолько умён,
Чтоб столько же я сочинений мог сам написать...

Чтобы написать «столько книг», надо было много учиться, и вот после переписки с Петербургом Николенька отправляется «на долгих» в столицу. Маменька не решается отпустить сына одного в пятидневную дорогу – едет с ним.

Николай полон надежд покорить столицу и прославиться в литературе. У него честолюбивые мечты. Все пророчат ему самое великое будущее.

— Напрасно вы лишаете духовенство такого светила,— с сожалением сказал его матери инспектор семинарии, когда она принимала документы сына.

— Дай бог нам с вами свидеться,— сказал другой из наставников,— приезжайте к нам оттуда профессором, великим мужем, а мы уже в то время поседеем. Отец диакон Протасов добавил:

— Желаю вам, чтобы вы были полезны для просвещения и России.

Мамсеньку Николая, Евгению Егоровну, смутили такие похвалы сыну. Она сказала:

— Это уже слишком много, довольно, если и для отца и матери полезен будет.

— Нет, это ещё очень мало,— настаивал отец диакон.— Надобно им быть полезным и для всего отечества.

Николай в Петербурге. Он ещё не знает, чем же он будет полезен для своего отечества; он просто ходит на лекции и читает книги социалистов. Очень много читает. Ещё больше думает. Саратовские детские и школьные впечатления не забыты в далёкой столице. Он посылает пакет в свой класс, друзьям семинаристам, а в пакете сто шуточных и дружеских записочек, каждому в отдельности,— он скучает по товарищам. Он пишет длинные письма оставшемуся в Саратове двоюродному брату Саше Пыпину, с которым они вместе росли. Узнав, что Сашеньку хотят отдать на казённое содержание, Чернышевский умоляет отца не делать этого: «Сделайте милость, не советуйте отдавать Сашу: чрез это можно погубить всю его будущность, и карьеру и сердце его». Человек, написавший «Жертва — сапоги всмятку», всю жизнь готов был жертвовать собой и не раз делал это. Николай готов поставить под угрозу своё образование, отказаться от помощи из дому, только бы Сашеньку не отдавали на казённые харчи, потому что брату будет плохо! Николай очень любил свою семью: и отца, и бабушку (с ней он в детстве играл в шашки), и брата, а маму часто носил на руках — подхватит и носит по дому.

Вечером 30 августа 1846 года Николенька пишет брату большое и страстное письмо. Поводом были именины Саши Пыпина, и письмо начинается размышлением о его, Сашиной, жизни. Но Николаю 18 лет, и он, сам того не замечая, начинает писать о себе, о своём будущем. Он новичок в учении, в жизни, но он из тех пылких новичков, которые уверены, что перевернут и науку, и действительность. Он будет не таким, как все: он несёт

с собой новую жизнь, он чувствует её в себе! Прошлое не лежит грузом на его плечах, ему нечего преодолевать, он полон юношеского чувства превосходства перед прошлым и блистательных надежд на будущее, ибо в будущем есть уже место и ему, Николаю Чернышевскому, а вместе с ним всему новому поколению.

«В самом деле, Саша, – пишет Николай Чернышевский в тот вечер, 30 августа, – посмотри, кто до сих пор из России явился гением в науке? Кончим курс и бросим, а любви к науке для науки, а не для аттестата ни в ком почти нет. Неужели же это должно остаться так? Неужели в самом деле то только уже, что не годно в Европе, должно привозиться нам и то чужими?.. Неужели наше призвание ограничивается тем, что мы имеем 1 500 000 войска и можем, как гунны, как монголы, завоевать Европу, если захочем?»

...Нет, поклянёмся, или к чему клятва? Разве богу нужны слова, а не воля? Решимся твёрдо, всю силою души, содействовать тому, чтобы прекратилась эта эпоха, в которую наука была чуждою жизни духовной нашей... Пусть и Россия внесёт то, что должна внести в жизнь духовную мира... И да совершится чрез нас хоть частию это великое событие! И тогда недаром проживём мы на свете; можем спокойно взглянуть на земную жизнь свою и спокойно перейти в жизнь за гробом. Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества – что может быть выше и вожделеннее этого? Просим у бога, чтобы он судил нам этот жребий. Так? Да, скажи, так!»

Он не знал, что уже в этом письме написал слова, которые потом будут тысячи раз цитировать и вывешивать плакатами на стенах: «Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества – что может быть выше и вожделеннее этого?» Слово «вожделение» выдаёт здесь характер юноши; он не знает любви – только страсть, не знает желаний – только вожделение, не хочет знать размеренной жизни – только кипение.

А размеренная эта жизнь подступала, затягивала, брала за горло. В столице устроиться не удалось – он возвращается в Саратов. Высочайшим приказом он назначен старшим учителем словесности Саратовской гимназии и приступает к занятиям после весенних каникул 1851 года. Крушение надежд? Для любого другого человека – да. Лямка учителя и озлобленность неудавшегося гения, светила... Наставники его ещё не поселили, а он уже вернулся, и с чем же? Ни с чем...

Таким могло быть мироощущение любого другого человека, но не Чернышевского.

В Саратове два средних учебных заведения: духовная

семинария и гимназия. Семинаристы и гимназисты вечно враждуют. Гимназисты – в основном из дворян, семинаристы – дети дьячков, церковных служак, бурсаки, чёрная кость, разночинцы. И вот учитель-семинарист в гимназии. Но незачем даже спрашивать, как его приняли, потому что новый учитель словесности, 23-летний Николай Гаврилович Чернышевский, – самый образованный человек в городе, самый умный человек в городе и самый независимый. Губернатор приглашает его на обед – Чернышевский не идёт; приходится посылать за ним служащего. Директор гимназии Мейер входит во время урока проверить, что рассказывает ученикам Чернышевский, – тот невозмутимо меняет тему, так что гимназисты прыскают со смеха, а директор, чувствуя неладное, выбегает из класса. Меньше всего Чернышевский похож на «молодого учителя», робкого новичка; кажется, это самый опытный преподаватель в гимназии. В каком бы положении ни оказывался Чернышевский – учителя, литератора или арестанта, никогда не увидишь периода неопытности: он всегда точно знает, что надо делать и как вести себя достойно. Директор гимназии мстит ему за дерзости, придирается к ученикам Чернышевского на экзаменах, хочет доказать, что у них слабые знания. Чернышевский спокойно и насмешливо отстаивает своих учеников. Скандал за скандалом, коллеги уговаривают Николая Гавриловича:

– Что вам за охота? Директор дурак, дураком и останется. Что вам ученики, что вы из-за них ссоритесь? Родственники, что ли?

– Я дуракам не уступаю, – отвечает Чернышевский. – Если ученик слаб, я ему ставлю дурные отметки; но я не могу согласиться с Мейером поставить дурные отметки ученикам, которые знают и отвечают на экзамене сносно, тем более что вижу в этом явные придирки Мейера к ученикам. Он недоволен мною, а из-за меня страдают ученики. Я не допущу этого.

Тот, кто видел, как он работает, мог бы подумать, что он нашёл своё призвание. Ничего подобного! Преподавательская деятельность в гимназии, где директором Мейер, в системе, где министром просвещения император Николай Павлович, кажется ему отвратительной. Никто из больших педагогов не написал таких уничижительных слов о работе учителя: «...Быть преподавателем – занятие скучное и, в сущности, пустое», «Профессия преподавателя – из наименее выгодных между карьерами, представляющимися образованному человеку». Для Чернышевского педагог – «такой же чернорабочий, как землекоп или портной». Почему же он так хорошо работает? Почему ссорится? Почему, по словам современника, он совершенно переделал гимназию, заставил и других учителей преподавать

интересно? Просто – долг. «Привязанность честного человека к исполнению принятого на себя долга». Честный человек не может быть обманщиком, он должен работать честно, где бы он ни работал!

К тому же Чернышевскому интересно в гимназии. Он не любит само заведение, его директора, но в гимназистах он видит будущих соратников по борьбе. Среди них есть довольно развитые. Учитель делится с ними своими взглядами. Он говорит такие вещи, которые грозили каторгой. Зачем? Что ему эти мальчишки? Но он честный человек... Если придётся сесть в крепость только из-за того, что он сказал несколько слов на уроке, что ж, он готов на это точно так же, как потом был готов идти под арест за то, что революционизировал целое поколение. «Я по мере сил тоже буду содействовать развитию тех, кто сам ещё не дошёл до того, чтоб походить на порядочного молодого человека», – пишет он товарищу в Петербург.

Чернышевский был героем в глазах своих учеников, совершенно необычным для провинциального Саратова человеком: не заискивает перед директором, распаляется, когда рассказывает о Французской революции, говорит о вреде крепостного права. «Наш просветитель», – с восторгом называли потом его бывшие ученики. Быть учеником такого учителя опасно: из 19 юношей, поступивших в Казанский университет, 10 были обвинены в вольнодумстве. Быть учеником такого учителя прекрасно: он давал знания, какие и в университете не получишь.

Чернышевский и ошибался, и не ошибался относительно своего учительского призвания. Верно: ему было тесно в гимназии. Но он был рождён учителем и остался им до конца жизни, и когда, отчаянно влюбившись в самую очаровательную девушку в Саратове и женившись на ней, он переехал после свадьбы в Петербург, то и там он стал «идолом молодёжи», как это было в гимназии. В нём всё было притягательно для юношей и девушек 60-х годов: его идеи, его нравственный облик, его стойкость.

«День его отъезда из Саратова был скорбным для всех гимназистов, которые теснились, окружая его квартиру, и со слезами напутствовали его отбытие», – вспоминает современник.

Петербургская жизнь Чернышевского коротка и прекрасна. Мы не всегда отдаём себе отчёт, как молод был этот человек, когда писал свои главные работы. В 26 лет он начинает работу в «Современнике», в 28 – становится фактическим редактором этого журнала, в 30 – приобретает всероссийскую славу, а в 34 – попадает в крепость...

Молодость и прирождённое благородство заставляют его быть предельно честным. Общественные порядки России не подлагаешь:

Чернышевский почти открыто зовёт к революции, к действию. Не «отменить» крепостное право, а *уничтожить* его революционным восстанием. Не «дать» народу образование, а *взять* его силой – революцией. Образование и свобода для Чернышевского – синонимы: освободить народ – и дать ему образование, просветить народ – и сделать его свободным. Ему казалось, что стоит только уничтожить крепостное право и его остатки, и «дела пойдут как нельзя лучше» (это Ленин так говорил о Чернышевском), наступит общее благоденствие. Он был большой учёный, один из крупнейших учёных в России того времени, но в его мечте о революции и в его призывах «к действию» чувствуется не только трезвый взгляд мыслителя, а и негодование, которое охватывает всякого честного человека, когда он видит несправедливость. Умственное и сердечное не спорят между собой в его сочинениях – сливаются в одно. «Законы человеческой природы: ум и честность это одно и то же; ум и доброе сердце это одно и то же», – писал он сыну. Чернышевский работал буквально дни и ночи, иногда он спал по два-три часа в сутки; он неделями не выходил из дому, так что приставленные к нему сыщики жаловались: очень трудно наблюдать за человеком, если он никуда не ходит. Он много зарабатывал – по 15 – 20 тысяч рублей в год. И вот как он себе представлял жизнь после революции: все будут жить так, словно у них годовой доход в 15 – 20 тысяч! То есть все будут жить не хуже, чем он живёт.

Позже Лев Толстой испытает это же мучение: отчего в его доме редиска и свежее масло, а рядом – голодающие крестьяне? Отчего он живёт лучше других? И скажет: значит, и я должен жить хуже, жить как и все.

Чернышевский, исходя из той же посылки, мучаясь той же болью, делает другой вывод: значит, и все должны жить лучше – жить хотя бы как я. Как это сделать? Революцией, восстанием крестьян. А как подготовить такое восстание? Воспитанием тысяч молодых людей, способных действовать, когда придёт время действовать, способных думать о благе отечества, «содействовать его вечной славе», и настолько *порядочных*, что всякая общественная несправедливость будет для них нетерпима.

Николай Гаврилович был утопист. Кстати сказать, он много лет – даже и в крепости – размышлял над идеей вечного двигателя. Знал, что создать его невозможно, но размышлял всерьёз, потому что очень хотел сделать что-то важное для человечества... И он сделал.

Не так уж много статей Чернышевского можно назвать педагогическими, но кто в его время был первым учителем

гимназистов и профессором студентов? Он. Студент педагогического института рассказывает: «Прежде всего, с голоса Чернышевского, мы перестали считать гениальным то, что не имело смысла». Студенты бросили переписывать в тетрадки глупые лекции казённых профессоров – начали бегать в Публичную библиотеку; они поняли, что, кроме официальной, видимой жизни, существует жизнь и деятельность, скрытая от властей и от обывателей, тайная, но прекрасная. И кто придал будущему революционному движению в России краски благородства, безупречной честности, некоторого даже рыцарства? Он, Чернышевский.

Чернышевский не писал учебников для гимназии. Но так ли это? Ни одна учебная книга из тех, что были одобрены министерством просвещения и допущены в гимназии, не штудировалась столь тщательно на протяжении десятилетий, как роман Чернышевского. Не учебник? Азбука гражданской жизни, «Родное слово» всех честных людей России, «первая книга для чтения» всякого порядочного молодого человека...

Он написал эту книгу в Петропавловской крепости, в маленькой тёмной камере.

Чтобы представить себе Чернышевского как цельную личность, нужно большое воображение. В сознании обычного человека не укладываются все противоречия его характера. Решительный тон в статьях – и почти болезненная стеснительность среди незнакомых людей; мужество в поступках, а в мыслях постоянное самообвинение в трусости; огромное жизнелюбие – и почти аскетический отказ от всех радостей жизни. Жена его, Ольга Сократовна, вечерами в разгар танцев выбегала из дому, чтобы полюбоваться на залитые светом окна своей квартиры, и говорила прохожим: «Это веселятся у Чернышевских», – она была непосредственная женщина. Она радовалась жизни, ей хотелось похвастаться своею жизнью даже и перед чужими людьми – простительный грех очень искреннего человека. В доме Николая Гавриловича веселились, танцевали, пели, пили, а сам он в это время работал, работал, лишь изредка выходя к гостям со смущённой улыбкой, на минутку... Он не совершал подвига самоотречения; он жил так, как, по его мнению, должны жить «обыкновенные честные мужчины». Настал день, когда палач переломил над его головой заранее надпиленную шпагу.

Петрясённый этой сценой, литератор В. Шиглев писал:

Как? Под дождём – с открытой головой,
Привязанный к столбу, расслабленный, большой!
Чья ж это подлая потеха?

Какой вертеп устроил гнусный пир?
Где мы?.. Не здесь ли Дантов адский мир
Среди скорбен и дьявольского смеха?
Богиня правды, что с тобой?
Кто гибнет казнью площадной?

Из группы студентов, собравшихся на этот последний урок учителя Чернышевского, когда богиня правды отвернулась от него, девушка по имени Маша Михаэлис бросила к чёрному эшафоту букет цветов. Цветы были перехвачены «временными представителями народа», как тогда называли переодетых полицейских. Бледного, спокойно державшегося Чернышевского поскорее увезли с глаз долой, а Машу Михаэлис немедля арестовали. В полицейском участке жандармы задали ей тот же вопрос, который когда-то задавали Чернышевскому его коллеги по гимназии и которой часто задают порядочным людям:

– Он вам родственник? Нет? Зачем же вы цветы бросали?

– Я в него влюблена! – отвечала девушка, впервые видевшая Николая Гавриловича.

Глава одиннадцатая

Самые дерзкие вопросы – те, на которые, казалось бы, легче всего ответить, на которые есть готовые ответы.

Пирогов только камушек тронул, только задал вопрос: «Для чего мы учим детей?» Как – «для чего учим детей»? Разве не понятно? Не общеизвестно? Оказалось, нет, не понятно. Только камушек тронул Пирогов, и лавина пошла, разрастаясь и всё сметая на пути.

Чернышевский описывал «дурные школы»: в них ничему не выучивают, в них только бьют, терзают детей, притупляют их. Добролюбов вслед за ним высмеивал «рыцарей трёх пощёчин» – педагогов, умевших заставить детей учиться, но неспособных приохотить к учению. Писарев язвительно спрашивал: «Что это вы; у госпожи Простаковой, урождённой Скоттиной, что ли, заимствовали педагогическую философию?» Но госпожа Простакова – гениальная мыслительница, «если сравнить её идеи о воспитании с тем жалким набором перепутанных и непонятных полуправил и полуфраз», составлявших кодекс общепринятой к 60-м годам педагогики.

Мощными ударами революционной, демократической журналистики в каких-нибудь 3–4 года были разбиты и осмеяны

«педагогические» идеи, насаждавшиеся Николаем I тридцать лет подряд.

Но кто-то должен был дойти в своей критике до самого конца, кто-то, с взглядами абсолютно непредвзятыми и предельно смелыми. Тут требовалась не столько смелость поступков, сколько смелость мышления.

Ведь критическая статья – далеко не единственное оружие критики и даже подчас не самое сильное оружие.

Новый пример, новый опыт – вот что до конца разрушает общепринятые взгляды.

Все, кто держится за старое в педагогике, никогда, конечно, не объявляют себя во всеуслышание ретроgrадами. Боже упаси! Они лишь выступают в защиту детей от опасных новшеств, которые должны якобы погубить ребёнка. О чём печётся гимназический директор, отставив розги? Конечно же, об интересах ребёнка, только о них! Под предлогом «защиты детей» был смещён не один замечательный педагог.

Ведь детей «защищали» даже и от Песталоцци! Нужно было показать, что новая педагогика, которая стучится в дверь века, не только не опасна детям – она благотворна для них. «Если уничтожить строгую дисциплину – и школа разрушится, дети останутся без знаний!» – пугали со всех сторон. Как доказать, что казарменная дисциплина вовсе не обязательно должна сопутствовать учению? Кто это сделает?

Кто решится поставить такой дерзкий опыт – опыт на детях? И вот в эти же самые 60-е годы в России возникает школа – сначала только одна! – до того не похожая на все остальные, до того противоречащая принятым в педагогике правилам, что даже передовые учителя были смущены: а можно ли так учить? (Лишь Чернышевского, конечно, ничего не испугало: он бурно приветствовал эту новую школу.)

Судите сами. Во все училища дети идут как на каторгу – в эту сами сбегаются с раннего утра, намазав для красоты волосы коровьим или деревяннм маслом, у кого какое есть, а то и просто квасом намочив голову, – сбегаются задолго до того, как ударит колокол, начинавший первый урок. Во все школы ребята идут, томясь от страха: «Вдруг вызовут? Вдруг забыл вызубренное накануне?» В этой уроков на дом не задают и вообще не вызывают к доске; ученики и не знают, что такое страх перед учителем. Во всех училищах и гимназиях ученики встречают учителя стоя навтыжку – здесь, бывает, учитель, войдя в класс, может застать огромную кучу малу, и не сразу, постепенно распадается она, не сразу приходят в себя расшалившиеся... Но вот они начинают слушать учителя, обступают

его тесной толпой, прижимаясь друг к другу и к учителю, заглядывают ему прямо в рот и затаили дыхание от любопытства и интереса. А если ученики выполняют задание и кто-то отличится, учитель от радости, от избытка чувств может подхватить отличившегося под мышку и посадить на шкаф, к потолку. На перемене 32-летний учитель, «дюжей, гладкий и некрасивый», катается с ребятами на коньках, вертится на турнике, даёт мальчишкам пощупать, какие у него мускулы, или устраивает соревнования: «Бейте меня по спине кулаками. Кто сильнее ударит?» Ребят он зовёт шутливыми кличками: «Васька-карапуз», «Мурзик», «Обожжённое Ушко». Ребята смеются:

– А вас как дразнили в детстве? – Мня? Лёвка-пузырь...

На уроке тоже полное равноправие. Учитель просит ребят написать рассказ по пословице, а они отвечают ему: «А ты сам попробуй напиши», и учитель садится писать, показывает сочинённое детям, а те недовольны его произведением, поправляют его, сочиняют заново...

Больше того: в этой школе примерно раз в неделю ученики вдруг – задолго до конца уроков – хватают шапки и разбегаются по домам. Учитель кричит им вдогонку: «Куда вы? Ещё уроки...» – но его не слушают. Так, кто-то что-то сказал, какое-то поветрие прошло: *неохота* сегодня учиться, и класс разбежался. А учитель не сердится. Он считает это нормальным и чуть ли не обязательным: чтобы дети могли раз в неделю вот так сбежать с уроков, а потом прийти как ни в чём не бывало. Это значит, говорит учитель, детям в школе хорошо...

Учитель этот считает, что дети – те же взрослые, и такие же у них потребности, и так же они мыслят, и все они сами хотят учиться – нечего их заставлять, ибо принуждением взрослые не поддерживают учение, а губят его.

Пожалуй, такую странную школу не смог бы создать человек, который получил формальное педагогическое образование или хотя бы сам в детстве посещал какую-нибудь школу. Воспоминания детства цепко держат взрослого человека. Но Лев Николаевич Толстой – а это он был создателем и учителем почти фантастической школы в Ясной Поляне – сам ни в какой школе не учился. Он, правда, перечитал много педагогических сочинений, он объездил лучшие учебные заведения Европы и всюду увидел одно: невежество, вольную или невольную жестокость учителей по отношению к детям, «глупость и вялость и дисциплину механического учения и тусклые, без света глаза учеников...».

Он не был революционером в политических своих взглядах, но слово, сказанное им в педагогике, было переворотом.

Почти все большие русские писатели в какое-то время своей жизни беспокоились о народном образовании, многие открывали школы, работали учителями, учили своих и чужих детей.

Державин открыл шесть народных училищ в Тамбове, завёл школу в своём доме, сам выписывал из Москвы карандаши и грифель, сам экзаменовал учеников.

Крылов учил детей князя Голицына, а в конце жизни – детей своей крёстной дочери.

Жуковский был придворным педагогом, учил будущего царя Александра II, учил своих детей, составлял учебники, карты, хронологические таблицы и называл обучение своей дочери «педагогической поэмой».

Гоголь преподавал историю и географию, давал частные уроки.

Тургенев составил проект Устава «Общества для распространения грамотности и первоначального образования», учредил школу в селе Спасском, следил за успехами её учеников.

Гончаров был домашним учителем в семье художника Майкова.

Некрасов открыл на свои средства бесплатное «училище для обучения крестьянских детей грамоте».

Для одних преподавание было радостью, отдыхом, для других – житейской необходимостью; для Льва Николаевича Толстого оно было жизнью, главным делом жизни. По крайней мере, в течение трёх лет, с 1859 по 1862 год, когда он ничем другим не занимался – только устройством школ в Ясной Поляне и в округе, и ещё десять лет спустя, когда он составлял свою «Азбуку» и писал в эту книгу рассказы для детей. За семь лет перед смертью Толстого биограф Бирюков спросил его: какое самое сильное впечатление испытал он в своей жизни?

Толстой всё видал. Он знал войну, любовь, славу, богатство. Он перепробовал десятки занятий: писал романы и пахал землю, сочинял трактаты и шил сапоги, участвовал в переписи населения и служил офицером...

Но на вопрос Бирюкова он отвечал:

– Самый светлый период моей жизни дала мне... любовь к людям, детям. Это было чудное время...

Школа для него была радостью, «поэтическим, прелестным делом, от которого нельзя оторваться».

Школа для него была связана с общим его поиском в жизни: «Я много думал и думаю об этом. А дело не то, что первой важности, а самое важное в мире, потому что всё, чего мы желаем, может осуществиться только в следующих поколениях».

И наконец, школа была для него источником постоянных

исканий: Толстой ничего не умел делать легко. «Вступая на новое для меня поприще, – писал он на первой странице своего педагогического журнала «Ясная Поляна», – мне становится страшно и за себя, и за те мысли, которые годами вырабатывались во мне и которые я считаю за истинные».

Какие же мысли он «считал за истинные»? Почему его школа была организована так странно и в то же время давала такие прекрасные результаты? Никакой, казалось бы, дисциплины, а дети в три месяца выучиваются бойко читать, и за всё время ни одного серьёзного случая нарушения порядка, и вообще, по свидетельству одного из инспекторов, в Ясной Поляне учились «усердно, как нигде».

Невидимая черта отделяет в классе учительскую кафедру от ученических столов. Во времена Толстого почти все педагоги смотрели на класс с кафедры, искали способы, с помощью которых учителю удобнее учить. Толстой впервые взглянул на класс с другой стороны – с парты. Он искал способы преподавать так, чтобы ученику было удобно учиться.

Фактически он открыл существование целого мира – мира богатой внутренней жизни детей. Сначала – в «Детстве» и «Отрочестве», потом – в педагогической своей практике. Во времена Толстого этот мир был почти не известен педагогам или не учитывался ими. Толстому не приходилось выпытывать детские секреты: он мог сам нагнуться к уху мальчика и рассказать ему все его мальчишеские тайны – он знал и понимал их.

Главным мериллом хорошего или дурного обучения он считал одно: возбуждение интереса детей к учению. Интересно детям учиться, светятся их глаза – хорошая школа; скучно им, тягостно, «тусклые, без света глаза» – школа дурная. «Хочешь наукой воспитать ученика, – обращался Толстой к учителю, – лوبي свою науку и знай её, и ученики полбоят и тебя, и твою науку, и ты воспитаешь их».

Толстой не придумал свою педагогику – он буквально выстрадал её, мучаясь и ошибаясь.

Несколько раз он публично признавался, что прежде был в чём-то неправ.

Чтобы понять Толстого в школе, почувствовать ход его размышлений, достаточно прочитать страничку из журнала «Ясная Поляна», издававшегося Толстым в течение 1862 года. Вот какая история произошла однажды в школе. Ученик украл книжку, его поймали с поличным, ребята решили навесить на него бумажный ярлык со словом «вор» – для позора. Но, пишет Толстой, «мне так вдруг стало совестно и гадко, что я сдернул с него глупый ярлык, велел ему идти куда он хочет, и убедился вдруг, не умом, а всем существом убедился, что я имею права».

мучить этого несчастного ребёнка... Я убедился, что есть тайны души, закрытые от нас, на которые может действовать жизнь, а не нравоучения и наказания. И что за дичь? Мальчик украл книгу, – целым длинным, многосложным путём чувств, мыслей, ошибочных умозаключений приведён был к тому, что взял чужую книжку и зачем-то запер её в свой сундук, – а я налеплю ему бумажку со словом «вор», которое значит совсем другое! Зачем? Наказать его стыдом, – скажут мне. Наказать его стыдом? Зачем? Что такое стыд? И разве известно, что стыд уничтожает склонность к воровству? Может быть, он поощряет её. То, что выражалось на его лице, может быть, было не стыд? Даже наверно я знаю, что это был не стыд, а что-то совсем другое, что, может быть, спало бы всегда в его душе и что не нужно было вызывать».

Так было во всём. Каждый поступок ученика рождал не быструю и привычную реакцию, а поиск, сомнение, размышление, опыт.

Учитель должен постоянно меняться, постоянно учиться в своей же школе, тогда он не будет механическим учителем.

И вот что важно заметить: Толстой работал в школе и написал свои главные статьи до того, как сложились его теории о непротивлении злу насильем, до того, как появилось то, что мы называем «толстовством». Его школа – не блажь, не чудачество, а серьёзный научный поиск, важное открытие в педагогике. Известно выражение: «Ничто человеческое мне не чуждо...» Толстой в одной из своих педагогических статей говорит другому: «Не бойтесь, человеку ничто человеческое не вредно». Доверьтесь ученикам, положитесь на них; они наделают ошибок, но *человеку ничто человеческое не вредно*, и их ошибки принесут меньше беды, чем нуднос, ханжеское наставление учителя-надзирателя.

Толстой «спустил детей с лавки», – на его уроках, бывало, кто лежал на животе, подперев голову руками, кто разваливался в кресле (было в классе одно кресло); он показывал буквы на доске не указкой – хворостинкой, но вовсе не эта свобода была его целью, не педагогические фокусы демонстрировал он; целью оставалось главное – учение. Свобода же учеников была *показателем* качества обучения. Чем лучше учитель знает свой предмет, чем больше он любит его, тем естественнее и свободнее его преподавание и тем меньше нужны ему строгость и принуждение.

«Превосходно, превосходно, – писал Чернышевский о Яснополянской школе, – дай бог, чтобы всё в большем числе школ заводился такой добрый и полезный «беспорядок»...»

Когда-то считали, что без розги научить грамоте невозможно.

Крестьяне сначала с неохотой отдавали детей в школу Толстого: там не бьют – значит, пустая трата времени, ничему и не научат.

Сейчас такое рассуждение кажется смешным, но все уверсны, будто нельзя выучить детей, если не быть к ним строгими, не держать их под страхом плохой отметки, и т. д. Может быть, через какое-то время эти страхи покажутся такими же неслепыми, как и страхи насчёт учения без розги? Всякое принуждение указывает на недостатки метода преподавания. «Чем с меньшим принуждением учатся дети, тем метод лучше; чем с большим, тем хуже», – писал Толстой. Сам он прекрасно учил и потому обходился без принуждения детей учиться. Его школу можно назвать «свободной школой». Свободная школа не та, где свобода от учения, а где великолепно учат, и потому ученики чувствуют себя свободными.

Первое слово о «свободной школе» принадлежит Толстому. Потом эта идея будет подхвачена десятками педагогов на Западе, разработана, превращена в тома учёных-профессоров, извращена до неузнаваемости и вернётся в Россию как идея западная.

Но можно только гордиться, что первая свободная школа была открыта именно в России, что русская педагогика на полвека опередила педагогику всего мира. Ведь школы, подобной Яснополянской, не было в те времена ни в Европе, ни в Америке, нигде...

Толстой понимал это. Свои очерки о школе он назвал: «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы», как прежде называл очерки о войне: «Севастополь в декабре 1854 года»... Ясная Поляна для него тот же Севастополь, школа – Малахов курган, и судьба России, её будущее, решается здесь, как раньше в войне. «Самое важное дело в мире»...

И первое столкновение Льва Толстого с царским правительством произошло именно из-за его школы и педагогического журнала.

Министр внутренних дел направил письмо министру народного просвещения: обратите внимание на педагогические статьи Толстого! В них нет ничего против правительства; автора нельзя заподозрить в злом умысле, но... дух! Дух в журнале какой-то вредный. «Зло заключается именно в ложности и, так сказать, в эксцентричности этих убеждений, которые, будучи изложены с особенным красноречием, могут увлечь на этот путь неопытных педагогов и сообщить неправильное направление делу народного образования».

Озабоченность министра нетрудно понять. Свободная школа в несвободном государстве? Если ученики не приучатся бояться учителя, будут ли они потом вытягиваться перед начальством?

Министерство народного просвещения отказалось закрыть журнал «Ясная Поляна». «...Деятельность графа Толстого по педагогической части заслуживает полного уважения, и министерство народного просвещения обязано помогать ему и оказывать содействие, хотя не может разделить всех его мыслей...» – с достоинством ответил министр просвещения. Жандармов никогда не любили.

Но жандармы лицемерили, посылая письмо. Ещё за три месяца до того они фактически погубили Яснополянскую школу: в усадьбе Толстого и в школе был устроен обыск; школу перевернули вверх дном, сетями пытались выловить «печатный станок», будто бы спрятанный в яснополянском пруду, но только караси да раки попались в сети – никакого «станка» и в помине не было. «Я часто говорю себе, – писал Толстой тётке, – какое огромное счастье, что меня не было дома. Ежели бы я был, то теперь наверное бы судился, как убийца...»

Крестьяне и раньше с некоторым подозрением относились к Толстому («Граф» устраивает школу, чтобы выслужиться перед царём»). Теперь пошли слухи – «фальшивомонетчик», деньги на станке печатал...

Толстой охладел к школе. Тут ещё женитьба, замысел «Войны и мира»; он кое-как довёл журнал «Ясная Поляна» до конца 1862 года, а в школу перестал ходить. «Школа стала *вялая*», – написал потом один его ученик.

Но эти три года, что Толстой подарил своей школе, русской школе, мировой педагогике, никогда не забудутся.

Глава двенадцатая

Пирогов своим на редкость своевременным и очень страстным выступлением разбудил общественное мнение: народное образование стало общей мечтой и общим интересом.

Чернышевский, Добролюбов, Писарев и другие революционно настроенные публицисты-демократы установили в общественном сознании связь между образованием и свободой. Они положили идейное основание русской школы того времени.

Лев Толстой показал пример свободного поиска лучшей школы. Старая школа была раскритикована, учить по-старому больше было нельзя. Время требовало появления педагога, который бы создал новую теорию обучения и воспитания детей – именно теорию, полную, основательную, хорошо приспособленную к нуждам практики.

Таким педагогом стал Константин Дмитриевич Ушинский, «учитель русских учителей».

* * *

Французский философ Клод Гельвеций писал, что человек получает воспитание двоякого рода:

воспитание детства – оно даётся наставниками;

воспитание юности – оно даётся существующей формой правления и нравами нации.

«Воспитание детства», полученное Ушинским, содействовало укреплению нравственного здоровья мальчика. Он рос на маленьком хуторе с мамой, а потом, когда она умерла, – с доброй и ласковой мачехой; он каждый день по четыре версты неторопливо один ходил в гимназию глухого Новгород-Северского, куда, кажется, система царя-министра просто не дошла, не доползла. Это было странноватое заведение с чудачком-директором, в своё время известным учёным, появлявшимся в гимназии раза два в году, но умевшим за эти два посещения вызвать у гимназистов благоговение перед наукой вообще, и перед университетом в частности. Ушинский учился нестарательно, больше предаваясь мечтаниям или незлобным шалостям гимназических компаний. Но потом, как это часто бывает, словно проснулся, стал много заниматься и сумел поступить в Московский университет.

Таково было его «воспитание детства».

А «воспитание юности»?

«Формы правления и нравы нации» вызывали один вопрос: что делать для изменения этих самых «форм правления» для улучшения «нравов нации»? Вопрос, стоявший и перед Чернышевским, и перед Толстым, и перед каждым думающим молодым человеком, который начинал жизнь в середине 40-х годов. Ушинский был на четыре года старше Толстого и Чернышевского: он родился в 1824 году.

Двадцатилетний Ушинский пишет в дневнике о том же, о чём позже будет писать брату Чернышевский: о направлении своей жизни. Так же как у Чернышевского, ни слова о карьере, о личном успехе. Не «я и моя судьба», а «Россия и наша судьба» – тема этих размышлений. Итак, ноябрь 1844 года.

«Приготовлять умы! рассеивать идеи!.. Вот наше назначение. Мы живём не в те годы, чтобы могли действовать сами. Отбросим эгоизм, будем действовать для потомства! Как отцы, отдадим себя трудам и страданиям, бесплодным для нас, плодовитым для детей наших. Соберём несиюкасые сокровища, которые пусть

расточат наследники наши. Рано ещё действовать! Пробудим требования, укажем разумную цель, откроем средства, расшевелим энергию,— дела появятся сами...»

Глубоко образованный историк, юрист и философ, Ушинский понимал, что освободить страну может только движение народных масс; а пока такого движения нет — запись сделана за двадцать лет до крестьянских бунтов 60-х годов,— приходится отказываться от упования борьбы. Остается одно — действовать для потомства, пробуждать, «шевелить» энергию.

Но на каком поприще «действовать для потомства»? О педагогике он и не думает. Может быть, история — цель его жизни? Но «угадал ли я своё направление? В нём ли я найду успокоение? Не леность ли только гонит меня от поприща фактической деятельности? Не был ли бы я для неё способен? Не сделал ли бы я для России больше здесь, нежели написав историю?...» Объединяя себя и свою страну в одно, он деловито прикидывает: как лучше использовать вновь появляющиеся на арене способности, как выгоднее России распорядиться его, Ушинского, талантом.

А талант у него есть, он это чувствует. Не только литературный — талант характера. Как будто за годы беспечного, лёгкого детства накопились силы, и теперь эти силы, эта энергия рвется наружу! Действовать! Действовать! Ни минуты даром! Вставать в пять утра, в четыре утра! Читая «для ума»! «Думать о чём-нибудь дельном»!

Он предписывает себе следующие правила:

1. Спокойствие совершенное, по крайней мере внешнее.
2. Прямота в словах и поступках.
3. Обдуманность действия.
4. Решительность.
5. Не говорить о себе без нужды ни одного слова.
6. Не проводить времени бессознательно; делать то, что хочешь, а не то, что случится.
7. Издерживать только на необходимое или приятное, а не по страсти издерживать.
8. Каждый вечер добросовестно давать отчёт в своих поступках.
9. Ни разу не хватать ни тем, что было, ни тем, что есть, ни тем, что будет.
10. Никому не показывать этого журнала.

Среди этих правил есть для него лёгкие, например правило второе: со школьных лет и до конца жизни Ушинский отличался абсолютной прямо-той, и оттого всю жизнь у него было столько врагов.

Но есть правила и трудные. Он то и дело отмечает в дневнике: «Ошибка против 5-го правила», «Тщеславие разгулялось, и нарушил два правила: 1-е и 9-е», «Изменил первому и самому главному правилу – спокойствию. Частью от забывчивости, частью и нет!.. Врал!..»

Как «врал» и кому «врал», неизвестно, но зато видно, что себе этот молодой человек не лгал, к себе был беспощаден.

Два года спустя после блестящего окончания юридического факультета Ушинский получает прекрасную должность. 22-летний кандидат наук назначается исполнять обязанности профессора в Демидовском лицее в Ярославле. Лицеи по значению своему шли сразу за университетами; их было несколько:

Царскоесельский	– под Петербургом, в нём учился Пушкин;
Нежинский	– на Украине, в нём учился Гоголь;
Ришельевский	– в Одессе;
Демидовский	– в Ярославле.

Демидовским он назывался по имени своего основателя, одного из заводчиков Демидовых.

Ушинский едет в Ярославль, с жаром приступает к лекциям. Он (вспомним Чернышевского!) самый молодой из преподавателей, у него нет никаких прав, но он энергичен, смел, он испытывает жажду преобразования и упорядочения. Он произносит речь, в которой критикует состав и состояние преподававшихся в лицее наук, добивается перераспределения учебных дисциплин по курсам, расширения библиотеки.

И каждое выступление – это стычки, резкие слова, нетерпимость молодого профессора и недовольство потревоженного директора. В результате, поступив в лицей в 1846 году, уже в 1849 Ушинский вынужден взять отпуск в Москву и Петербург «для совещания с тамошними медиками о его болезни», потом второй отпуск, третий... А на его месте уже новый человек.

Машина сработала чётко и бесшумно. Мясорубка должна была в год-два превратить молодого кандидата в послушного чиновника от просвещения; но, оказалось, косточка не мелется, и Ушинский был выброшен вон.

Он не успел опомниться, как остался без места, без средств к существованию, без поприща деятельности – выплеснутым. А так легко было удержаться! Быть чуть-чуть послушнее.

Ушинский в отчаянии, но не жалеет о случившемся, не обвиняет себя – он был прав. Но что же дальше?

«Сделать как можно более пользы моему отечеству, – пишет он в дневнике, – вот единственная цель моей жизни, и к ней-то я должен направлять все свои способности. Небольшой толчок судьбы разбил все мои предположения, весь тот мир, который так

долго во мне строился. И если я не вооружусь твёрдой волею, то погибну посреди этих обломков, сделаюсь пустым человеком, тем более жалким, что воспоминания никогда меня не оставят... О, зачем я один? Мой разум и моё сердце просят товарища. Тяжело бороться одному против усыпления, заливающего со всех сторон!...»

Ушинскому 25 лет.

Из первого столкновения с жизнью он вышел побеждённым. Но кое-что он унёс из схватки, кое-что вытащил из огня, чуть не опалившего его насмерть. Он нашёл своё призвание! Преподавание, общение со студентами увлекли его. Теперь он знает: его поприще – педагогика. Непаханое поле, огромный простор для деятельности...

Он посылает прошения в тридцать (тридцать!) уездных училищ, ищет места. От Шуи и до Симферополя – готов учительствовать где угодно. Только учительствовать! Но места нет. Кандидата, профессора, блестящего выпускника Московского университета не берут даже в уездное училище! Может быть, пугает именно его послужной список? Профессор Демидовского лицея просится в училище на жалкий оклад... Что-то не так.

Делать нечего – Ушинский решает пересидеть какое-то время. Устраняется чиновником в захудалый департамент на 400 рублей в год (в лице он получал в два раза больше). Зато он может почти и не являться на службу.

Он не служит – персбивается. Ждёт. Бедствует. Борется с «усыплени-ем»...

А тут семья появилась.

Ушинский подрабатывает переводами, обзорами зарубежной печати в «Современнике», потом в «Библиотеке для чтения» – незаметный человек, литературный подёнщик, ночами сидящий над переводами ради жалких копеек... Его литературный талант не может проявиться, потому что он не нашёл ещё свою тему: он не знает, что рождён именно для педагогической публицистики, что в этой области ему не будет равных.

И так не год, не два – пять лет почти полного безделья в том возрасте, когда так хочется действовать!

Сколько бы это ещё продолжалось?

Но вдруг, встретив своего бывшего начальника по Демидовскому лицей, Ушинский получает приглашение на педагогическую работу в Гатчинский сиротский институт. 1855 год... Первые новые веянья. Неприимность к рутине теперь начинает выглядеть не пороком, а достоинством. И вскоре преподаватель словесности в Гатчинском сиротском институте становится инспектором этого института – заведующим учебной частью, завучем, как сказали бы сегодня.

Но очень вероятно, что мы и не услышали бы имени Ушинского, если бы не одно обстоятельство, которое неминуемо должно произойти в жизни каждого педагога.

Вот что случилось с Ушинским.

Когда-то, за много лет до него, инспектором Гатчинского института был выдающийся педагог, ученик Песталоцци, Е. Гугель. Его считали чудачком-мечтателем. У него были странные, как всем казалось, идеи, но он всё же проводил их в жизнь, пока позволяли обстоятельства. Потом обстоятельства изменились, система подавила Гугеля – он кончил жизнь в сумасшедшем доме. Но в институте осталось после него два больших книжных шкафа, в которых что-то было, а что – этого не знал никто, ибо шкафы двадцать лет стояли запечатанные. К ним, говорят, даже и не прикасались, вроде как к зачумлённым. Что может остаться от сумасшедшего? Почерневшие, запylённые шкафы не привлекали внимания.

Ушинский попросил открыть их.

Перед ним было сокровище. Полное собрание педагогических книг, наследство славного Гугеля Ушинскому, которого он не знал, но на приход которого, видимо, надеялся.

«Это было первый раз, что я видел собрание педагогических книг в русском учебном заведении, – писал Ушинский. – Этими двумя шкафами я обязан в жизни очень, очень многим, и – боже мой! – от скольких бы грубых ошибок был избавлен я, если бы познакомился с этими двумя шкафами, прежде чем вступил на педагогическое поприще!»

Вот что должно быть в жизни каждого учителя: два шкафа педагогической литературы. Если они умно подобраны, то и нынче, сто с лишним лет спустя, двух шкафов вполне достаточно. Когда они должны появиться? В студенческие годы? Или, может, для Ушинского было счастьем, что он открыл их поздно и прежде успел «наделать ошибок»?

Но когда эти Гугелевы шкафы с книгами были прочитаны, Ушинский имел всё необходимое для педагога-профессионала, и прежде всего три основных качества: нравственную силу, воспитанную в детстве, идейное основание жизни, выработанное в юности, и теоретические знания, добытые сознательным штудированием педагогических книг.

Едва дочитав Гугелевы шкафы, Ушинский пишет горячую, быть может, лучшую свою статью – «О пользе педагогической литературы». Это одно из самых страстных произведений русской публицистики XIX века: человек открыл для себя новую веру и, потрясённый, спешит сообщить об открытии всем-всем. Новая вера – вера в педагогику. Не всякий взявший в одну руку учебник, а в другую – линейку, чтобы щёлкать по рукам, – не

всякий есть учитель, — пишет Ушинский. Педагогика — это наука, искусство, она требует глубоких специальных знаний, особого таланта. Педагогика — прекрасная наука, собрание замечательно тонких мыслей, — нельзя полагаться только на свой собственный опыт, надо учиться учить!

Статья имела большой успех: искренность и страстность молодого педагога могла тронуть даже зачерствевшие сердца. Ушинский воодушевлён. Он чувствует свои возможности, у него развязаны руки, ему есть где печататься и что сказать. (После «Вопросов жизни» Пирогова появилось сразу несколько педагогических журналов: школа и воспитание стали интересовать всех.) Он пишет много, одно время даже редактирует «Журнал министерства народного просвещения». Было не время для монографий. Статья, написанная в две-три ночи, в порыве, в возбуждении, полная восклицаний, риторических вопросов, едкого сарказма, одушевлённая горячей любовью к школе и её будущему, — вот Ушинский тех лет.

О чём его статьи? Какая педагогика в них? Можно сказать, педагогика действия, теория воспитания энергичного и трудолюбивого человека. Ушинский подмечает простой закон-парадокс: «Воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его *не для счастья*, а приготавливать к труду жизни». Только трудом и может быть счастлив человек.

Вновь могут возразить: но это говорили и до Ушинского («Всякий праздный человек — плут»; Руссо). И вновь на это можно повторить: педагогика развивается не так, как летит стрела, и не так, как строят дом. Во все времена бывают хорошие школы и дурные, бывают педагоги прогрессивные и педагоги-мракобесы, педагоги-воспитатели и педагоги-надзиратели; каждого педагога надо расценивать по тому, к какому лагерю он приспосабливается: то ли это лагерь педагогики для детей, то ли лагерь педагогики, направленной против детей.

Ушинский выражал идеи, важные именно для 60-х годов. Школа, ещё недавно выросшая из пелёнок екатерининских времён, пережила в первой половине века детство: её баловали, как балуют малышей, в начале александровского времени; её пороли, как подростка, в эпоху николаевщины, но всё же это было детство, довольно-таки мечтательное, как и положено детству. Латынь и древние авторы были ещё не пугалом: школа действительно давала неплохое гуманитарное образование, какое получил, например, Пушкин или, ещё лучше сказать, его Евгений Онегин. Ирония иронией, но не так-то это просто — «потолковать о Ювенале, в конце письма поставить «*valc*». Пушкин и люди его круга читали латинских авторов «без греха», были

очень образованными людьми. Но это образование абсолютно отрывалось от действительности, оно настраивало человека на возвышенный, мечтательный лад; пожалуй, оно и декабристам помешало быть до конца решительными на Сенатской площади; оно породило массу «лишних» людей, мечтателей, совершенно не умеющих приложить свои знания к делу, да и не было возможности дела, как мы видели: исполнение параграфов и предписаний – это не дело, не жизнь. Блестяще образованный человек, с мрачным видом стоящий на балу у колонны, скрестив руки на груди, Чаадаев, при первой же попытке сказать что-то откровенное официально объявляемый сумасшедшим, – вот, пожалуй, символ того воспитания, которое давала школа где-то в первой трети XIX века. Это было мечтательное детство школы. Теперь, в 60-е годы, образовались другие обстоятельства. Время стоять у колонны со скрещенными руками прошло, вновь наступало время просветителей, а вслед за просветителями всегда шли революционеры.

В 60-е годы, открылись возможности действовать, причём действовать в разных направлениях. С одной стороны, с 60-х годов бурно расцвело капиталистическое предпринимательство: стали создавать акционерные общества, строить заводы и железные дороги. Подрядчики, биржевики, акционеры, банкиры, заводчики, купцы и купчишки, маклеры, бойкие журналисты разных толков, богатые адвокаты – вся эта масса новых для России фигур появилась на общественной арене. С другой стороны, появились возможности для революционной деятельности полуправильной или нелегальной и для деятельности общественной: скажем, в качестве учителя воскресной школы или врача земской управы. Теперь все классы, все слои населения нуждались в людях-деятелях, выдвигали их; теперь всеми стали цениться предприимчивость, инициатива, живой характер, яркое и точное слово.

Ушинский своими статьями как раз и выразил эту общую потребность в *действии*, в воспитании людей действия.

С Ушинского школа вступала в период энергичной юности и возмущения.

Шаг за шагом Ушинский пересматривает все основные «элементы» школы. Её устройство. Её учебники. Её методы преподавания. Он добивается, чтобы ученики действовали, были активными на каждом уроке, внимательны, заинтересованы, энергичны. Педагог не «машина для задачи и спрашивания урока и наказания тех, кто попадаетея ему под руку». «Как бы ни были чисты и возвышенны цели воспитания, оно должно ещё иметь силу, чтобы достигь этих целей».

Ушинскому 31 год. Он молод, умён, глубоко образован; он

и сам деятелен, сам полон энергии, которая годами не могла излиться ни на что полезное. Подобно Л. Толстому, он пришёл в педагогику со стороны, с самыми широкими взглядами, не связанный традициями, не зная педагогической рутины, – пришёл преобразователем, и пришёл в годы, подходящие для преобразований. Как раздражённо заметил один из его сослуживцев, недовольный новшествами Ушинского, он стремился во что бы то ни стало переделать все старые порядки, «включительно до расстановки стульев».

И в это же самое время начинается работа, которая навсегда упрочила громкую славу Ушинского. Он пишет «Детский мир». Он не только рассуждает, как надо учить, – он и сам может учить! Не только высказывает соображения относительно учебников – сам пишет учебник, и какой! По коротеньким занимательным рассказам его книги дети узнают мир, учатся сопоставлять, сравнивать, классифицировать, задавать вопросы – думать! Учебник Ушинского обладал очень важным и новым для того времени качеством: он не просто сообщал знания – он развивал.

И, главное, он был интересен детям!

Увлекательный учебник – видано ли такое?

Вскоре после выхода книги на Ушинского посыпались смешные обвинения. «Обманщик!» – писали родители. – Обещал книгу на год, а мы с сыном проглотили её в два месяца».

«Детский мир» ещё не вышел, а Ушинский задумывает другое: «План книги, долженствующей иметь 25 изданий», то есть план «Родного слова» – учебника русского языка. Ушинский объявил, что основа образования – родной язык, а не западный и не древний, и это было переворотом в педагогике его времени, новшеством для всей той эпохи, начавшейся в середине XVIII века, когда каждый знавший иностранные языки считался уже и образованным, независимо от того, какие книги он читал на этих чужих языках; а каждый, кто языков не знал, считался невеждой. Позже Ушинский создаст свой учебник русского языка, и тогда обнаружится, что он просчитался. Не 25 изданий выдержит его учебник, а 157! Более десяти миллионов экземпляров книг Ушинского вышло до революции – неслыханная, небывалая цифра!

...Но это будет позже. А пока что Ушинский – инспектор классов Гатчинского сиротского института, воюет, «переставляет стулья», ссорится и, как следовало ожидать, уважаемые его коллеги, огорчённые столь решительной ломкой, начали писать на Ушинского первые доносы. Проработай он в Гатчине ещё два-три года, повторение ярославской истории было бы неминуемо.

Но Ушинского переводят на новую должность, с большим

повышеним. Он отлично зарекомендовал себя и назначается инспектором классов двух закрытых женских учебных заведений, в обиходе объединявшихся названием Смольный институт, который за сто лет до описываемого времени создал известный педагог И. И. Бецкой и который за эти сто лет, кажется, ни в чём не изменился...

Если бы кто-то поставил перед собой задачу столкнуть две крайние противоположности в русской педагогике и долго, перебирая возможные варианты, прикидывал бы, как эту задачу решить, или если бы такая задача была предложена, например, современной счётной машине, в обоих случаях ответ был бы, наверно, один: надо взять Ушинского и послать его в Смольный институт. Самое передовое в русской педагогике и самое отсталое сшиблось, вступило в борьбу.

Смольный институт – это «кофейный», «голубой» (по цвету платьев) классы, где воспитанницы не имеют права задавать вопросы учителю и даже поднимать руку на занятиях; где девочек называют не иначе, как «госпожа» («Госпожа Сергеева, сколько будет дважды пять?»); где к приходу Ушинского никто из воспитанниц не читал ни «Евгения Онегина», ни Гоголя, ни Лермонтова; где на каждом уроке сидит классная дама, чтобы благородные девицы – упаси бог! – не остались с глазу на глаз с учителем; где учениц не отпускают домой даже на каникулы...

Появление Ушинского в этих замшелых стенах было подобно грому небесному. Он был худощавый, нервный. Из-под чёрных густых бровей лихорадочно сверкали тёмно-карие глаза. Бледный высокий лоб, тонкие бескровные губы, суровый вид и вдохновенный, пронизательный взор... Увидев красивого мужчину, нового инспектора, одна из институток проклатась на вешалку и облила его шляпу духами – знак обожания, обычно льстивший преподавателям. Ушинский вбежал в класс, возмущённый до нельзя.

– Ведь вы же здесь специально изучаете нравственность, – кричал он, – а не знаете, что портить чужую вещь духами или другой дрянью не деликатно!.. Не каждый выносит эти пошлости! Наконец, почём вы знаете... может быть, я настолько беден, что не имею возможности купить другую шляпу... Да куда вам думать о бедности!

Но это было лишь начало. На уроке немецкого языка Ушинский устроил экзамен и, убедившись в полной неграмотности учениц, тут же выгнал и учителя, затем – классную даму, вздумавшую было наводить порядок в классе в присутствии Ушинского, через день – обожаемого воспитанницами преподавателя русской словесности, про которого Ушинский сказал, что тот «кадит всякие пошлости»...

Всколыхнуть эти замороженные души, пробудить в них хоть какое-то человеческое чувство, хоть проблеск мысли, хоть каплю энергии...

В несколько месяцев один за другим ушли многие из прежних преподавателей; их место заняли новые, приглашённые Ушинским. Почти все они потом стали знаменитыми педагогами. В короткое время девочки изменились. Они начали много читать. Они больше не стеснялись преподавателей. Они, наконец, решались задавать вопросы... Воспитанница Е. Водовозова получила от матери такое письмо:

«До сих пор ты писала мне деревянные, официальные письма, глубоко огорчавшие меня. Если такая перемена могла произойти с тобой, которую я считала совсем окаменевшей, то это мог произвести только гениальный педагог».

В последних словах заключался невольный приговор. Гениальный математик вызывает восторг, гениальный писатель – опасение, гениального педагога просто не терпят.

И то поразительно, что Ушинскому дали кое-какую свободу действий на целых три года. Потом замешкавшийся было механизм сработал так же чётко, как и в Ярославском лицее. Донос за доносом посыпались на Ушинского.

Он принимал институтского попа отца Гречуловича у себя на квартире – в халате!

Он сидел во время экзамена в присутствии императрицы! Инспектор Ушинский был отстранён от исполнения обязанностей; ему предстояло объясняться относительно его поступков.

Но ни одно обвинение не предъявили ему в открытую! Несколько суток, почти не вставая, писал Ушинский оправдание, чтобы восстановить доброе имя, отвести угрозу от семьи. Доносы, если бы их приняли к сведению, угрожали ему гибелью. Ушинский обвинялся в неблагонадёжности. Он был умный человек, Ушинский, но он был просто человек, а не пророк и не провидец. Он не мог знать, что за Чернышевским уже неотступно следят и через три месяца увезут в крепость; что над школой Толстого нависла угроза; что какое бы оправдание он, Ушинский, ни написал, карьера его кончена, потому что дело тут не в поле Гречуловиче, а в том, что он, Ушинский, стал опасен. Ничего этого Ушинский не знал; он видел только своё бессилие, а сильного человека сознание собственного бессилия разрушает, приводит в отчаяние.

«Неужели это награда мне за все трёхлетние труды мои?.. – не писал, а, кажется, кричал Ушинский. – Какое же преступление сделал я в это время?» Он сделал преступление: он проявил свою гениальность, не утаил её.

Бумага была окончена. Ушинский принёс её в Смольный. Но сослуживцы, увидав его, отшатнулись: он поседел за эти несколько страшных для него дней и ночей и стал харкать кровью. Трагическое столкновение нового и старого в русской педагогике привело к гибели обеих сторон. Ушинский заболел и больше не смог оправиться, но и к старым порядкам возврата не было.

Из института Ушинскому пришлось уйти. Ему оставили прежнес содержание и послали за границу, в командировку. Что угодно, только подальше от детей и учителей. Пять лет прожил Ушинский с семьёй в Швейцарии. Там он познакомился и, конечно, подружился с Пироговым, тоже оставленным от педагогической работы. Два великих русских педагога, признанных, уважаемых, обласканных, награждённых, но не допущенных к детям...

Много успел сделать Ушинский за эти годы; несмотря на тяжёлую болезнь, и главное – написать два из трёх задуманных им томов «Педагогической антропологии».

Ушинский считал, что прежде всего нужно выработать научное представление о том, кого педагог воспитывает, – о ребёнке, о его физической и духовной жизни. Всё о природе ребёнка!

Пять заграничных лет ушли на подготовку материалов к этой первой энциклопедии русских учителей. Не два шкафа – сотни и сотни книг мыслителей и естествоиспытателей всех времён перечитывает Ушинский.

Потом он вернулся на родину. Всё лучшее, что было в среде русских педагогов, тянулось к нему за советом и поддержкой. И это понятно: он ответил на те вопросы, которые Пирогов поставил перед обществом, – вопросы жизни. Он показал, как воспитывать и обучать деятельного *человека* и каким быть учителю. Позже о нём говорили: как профессия педагогия существовала и до Ушинского, но после Ушинского она стала для людей призванием, *служением*, а не службой. Он был, как уже говорились, учителем русских учителей.

Жизнь Ушинского прошла невероятно трудно. Но самое большое несчастье обрушилось на него перед смертью. Старший его сын, только что прекрасно окончивший гимназию, любимец отца, смертельно ранил себя на охоте. Ушинский приехал домой вечером того дня, когда состоялись похороны. Он упал в обморок и больше уже, кажется, и не встал. Это было в 1870 году. Константин Дмитриевич Ушинский умер 47 лет – в возрасте, в котором Песталотци ещё по-настоящему и не начинал своей педагогической деятельности, а Пирогов только приступал к ней...

Глава тринадцатая

Чтобы лучше представить себе общий ход развития народного образования в стране, составим короткую сводку: где и как учились знаменитые её люди.

Державин, родился в 1743 году. Учился сначала в пансионе немца Розе (Оренбург), затем в Казанской гимназии с её открытия (1759 год).

Лобачевский, родился в 1792 году. Учился на казённый счёт в Казанской гимназии и затем в только что открытом Казанском университете (с 1807 года).

Грибоедов, родился в 1795 году. Учился сначала дома у иностранных гувернёров, с пятнадцати лет ходил с гувернёром на этический факультет Московского университета.

Пушкин, родился в 1799 году. Грамоте выучился у бабушки, иностранным языкам – у гувернёров; с 1811 по 1817 год учился в только что открытом Царскоевском Лицее.

Гоголь, родился в 1809 году. Грамоте его научил семинарист; затем поступил в только что открытую Нежинскую гимназию (или лицей).

Пирогов, родился в 1810 году. Грамоте выучился дома с матерью и сестрой, потом с ним занимались студенты; затем – частный пансион, Московский и Дерптский университеты.

Гончаров, родился в 1812 году. Учился в Симбирском частном пансионе, содержавшемся священником, затем в Москве – в дворянском пансионе и в Московском университете.

Ушинский, родился в 1824 году. Окончил Новгород-Северскую гимназию, Московский университет.

Чернышевский, родился в 1828 году: Учился в Саратовской духовной семинарии; окончил Петербургский университет.

Добролюбов, родился в 1836 году. Учился в Нижегородской духовной семинарии, потом в Петербургском педагогическом институте.

Писарев, родился в 1840 году. Окончил Петербургскую гимназию, потом филологический факультет Петербургского университета.

Яблочков, родился в 1847 году. Окончил Саратовскую гимназию, затем – Николаевское инженерное училище в Петербурге.

Короленко, родился в 1853 году. Учился в Житомирской гимназии, в Технологическом институте, Петровской земледельческой академии.

Тенденция обозначается ясно. С каждым десятилетием

образование всё более упорядочено. Если продолжить этот список, то всё чаще станут попадаться два слова: гимназия и университет (или высшее техническое училище, или институт).

Вспомним, что в начале XIX века всех гимназий в России было тридцать две. К середине века их стало около ста, к концу века – полтора ста (точнее, 165), а в 1915 году средних учебных заведений в России было около двух тысяч (точнее, 1798). Как понять эти цифры? Любопытство задаёт вопросы «что?» да «сколько?». Главный вопрос любознательности – «почему?». Почему стала расти сеть школ и гимназий? Какие внутренние силы двигали дело образования в стране?

Общее направление развития образования в России можно было бы определить как некую равнодействующую сил, приложенных к одной точке – к школе, но направленных в разные стороны и неравных по своей величине.

Самая мощная сила – потребность промышленности в грамотных людях. К концу XIX века, по сравнению с его началом, неизмеримо выросло количество заводов и число рабочих на них; крестьяне были освобождены от крепостной зависимости, а многие и от земли; они хлынули в город. Фабрика – это машина, машиной нужно управлять, и если даже и не понимать её устройства, то какие-то инструкции по управлению воспринимать надо. Школа в конце века нужна была практически всем, и речь идёт теперь не просто об увеличении числа школ, а о том, чтобы довести это число до максимума, то есть дать возможность учиться каждому.

Экономическая потребность в образовании – это главная сила.

Рядом, почти в этом же направлении (но не совпадая!), действует сила общественная, культурная. Уровень культуры в стране за век тоже поднялся очень высоко. Совсем недавно, кажется, вводили образовательный ценз для получения *чина*, устраивали чиновникам экзамены. Теперь в этом нужды нет, теперь все что-нибудь да кончили: кто гимназию, кто университет, кто лицей, кто училище правоведения. В списке министров народного просвещения чуть ли не подряд идут профессора, учёные!

Общая культура страны влияет на школу, заставляет её развиваться. Грубо говоря, если отец грамотен, то он из сил выбьется, но и сына своего сделает грамотным.

Третья сила – сила прогрессивной части общества, в частности прогрессивной интеллигенции, которую волнует дело народного образования, ибо оно – объективно – содействует освобождению страны от гнёта, приближает революцию. Каждый шаг на пути просвещения – шаг к революции.

А вот и четвёртая сила – страх перед революцией и, следовательно, перед образованием. Революционные идеи всегда рассматривались как *излишний* продукт образования. Мол, «учился, учился и доучился». С общественной точки зрения, образование должно якобы приводить к умиротворению, к некому «культурному» (по отношению к властям) поведению. А если студенты («Учат их, учат! И чему только учат?») бросают бомбу в царя, то это как-то не укладывается в представление о «культурном» поведении. Значит, переучились. Значит, знания надо давать в сдержанных дозах. Или прямо противоположный, «интеллигентный» аргумент: истинно культурный человек бунтовать не станет, ибо он «понимает» ужас и бессмысленность всякого бунта; значит, не доучились, получили несомнительные, неглубокие знания; значит, надо ограничить число учащихся с тем, чтобы они получили «серьёзные» знания, тогда они, вырастая, не станут бунтовать. Это был излюбленный, самый распространённый аргумент царских чиновников от просвещения: «Недоучки!» Школа не должна выпускать «недоучек», и потому пусть она «доучивает» до состояния отупения. И, главное, следует давать знания не всем, а лишь тем людям, в благонамеренности которых можно быть уверенными заранее. Так, предполагается (хоть и ошибочно), что дворянин бунтовать не будет, а рабочий – будет; оттого дворянину знание давать, а рабочего от университета подальше. В конце XVIII века школа посылала полицейских за учениками; в конце XIX века полицейских высылали против учеников. Прежде говорили: «Стройте школы, не нужны будут тюрьмы». Когда школ понастроили, понадобилось ещё больше тюрем, но уже политических.

И наконец, есть пятая сила – сила общего дремучего невежества, огромного количества неграмотных в стране, в том числе и неграмотных (в переносном смысле), стоящих у власти на разных уровнях. Эту силу инерции никак нельзя забывать – ею питается реакция. Она становится особенно опасной, когда вырастает число *полубразованных* людей. Неграмотный благоговейно перед учёным, как верующий – перед жрецом. Знание кажется ему недостижимым, таинственным. Полуграмотный же, недоучившийся, ненавидит человека истинно образованного – отчасти из зависти, отчасти потому, что не понимает различия между ним и собой: «Что в нём такого особенного, в учёном-то? Я и сам учён!»

Итак, вокруг первой, главной, из экономики вытекающей объективной силы, двигающей образование вперёд, силы абсолютно непреодолимой, группируются ещё две пары «чистых» сил и «нечистых». Силы культурного движения и революционного

прогресса – с одной стороны, инерция невежества и сила реакции – с другой.

Вся история развития народного образования есть история противостояния этих сил. В разные времена то одна сторона, то другая берёт верх, но, как бы там ни было, в целом возможности получить образование всё расширялись, особенно после 1864 года, когда появились выборные органы местного самоуправления – земства. У земств были средства (за счёт местных налогов с предприятий, помещиков и крестьян), и вот эти-то средства – одна двадцатая часть доходов в каждой губернии – и были направлены на новые школы, больницы, на борьбу с голодом и нуждой. После долгих лет николаевщины, не позволявшей никакой общественной деятельности, считавшей крамолой всякую инициативу, всякий самый невинный, но самостоятельный порыв, наконец-то смогло проявить себя культурное движение. В числе земских деятелей – земцев, особенно в первые годы самоуправления, было немало деятельных людей с благородными устремлениями, вроде известного педагога барона Николая Александровича Корфа, который основал в одном из уездов Екатеринославской губернии 50 земских школ и показал, как может работать трёхклассное сельское училище с одним учителем. Это было важное дело: именно такие школы, с одним учителем, ведущим одновременно на одном уроке три класса, распространились по всей стране. За первые десять лет существования земств открылись 10 тысяч земских начальных школ. И, в общем-то, получилось, что именно этот «приступ» и дал необходимый стране минимум грамотных людей, которые впоследствии взяли за оружие – против царя и против самих же земцев-помещиков. Если бы во второй половине прошлого века не открывали так много школ для народа, если бы не появилось столько грамотных среди крестьян и рабочих, кто впоследствии смог бы *читать* листовки революционеров?

По закону земства имели право заниматься только хозяйственными делами школ, но на практике они сами приискивали кандидатов в учителя, выбирали и покупали лучшие из существовавших учебники, снабжали школы наглядными пособиями, а с 900-х годов почти полностью содержали свои школы. Земства создали несколько педагогических семинарий, открывали педагогические курсы, стали впервые проводить учительские съезды. В это же время складывались так называемые «частные» методики: педагоги искали лучшие пути преподавания отдельных предметов – литературы, истории, географии, математики. Появился учебник физики К. Краевича, по которому учились ещё и в начале века. В 80-е годы стали выходить учебники А. Киселёва по математике – их можно было встретить у любого

ученика до недавних дней, спустя почти сто лет. И задачник Н. Шапошникова и Н. Вальцева, известный любому взрослому человеку в наши дни, появился тоже чуть ли не век назад, в 1887 году.

Педагогика спускалась с небес на землю – точнее, «земля» тоже начала интересоваться её вместе с педагогическими небесами. Прежде педагогические сочинения чаще трактовали о пользе образования и воспитания вообще; теперь начинается детальная разработка технологии обучения и воспитания, появляется много специальной педагогической литературы. Какой должна быть программа? Сколько надо задавать на дом? Как проводить беседы на уроке? Как обучить писать сочинения? Как построить урок, чтобы ученики не дремали, не сидели «без мысли в голове, без занятия в руках»?

В любой «частной» методике наших дней мы найдём положения, выработанные ещё тогда, во второй половине XIX века. Сто лет назад начались споры о перегрузке учащихся; о том, надо ли исключать учеников из школы; нужны ли переводные экзамены; нужны ли школы с различными уклонами; как преподавать литературу, чтобы сохранить любовь к книге, а не препарировать произведения на «образы», – всё это обсуждалось в своё время.

Но вернёмся к нашему «параллелограмму» сил. Движение за культуру приобрело всё больший размах, значит, должны были активнее действовать и силы реакции.

В 1866 году, после того как бывший студент Казанского и Московского университетов 26-летний Дмитрий Каракозов выстрелил у Летнего сада в императора Александра II, министром народного просвещения был назначен гофмейстер, сенатор и Почётный член Императорской Академии наук граф Дмитрий Андреевич Толстой.

Если бы не жаль было времени и места, стоило бы посвятить отдельную главу этому человеку с подозрительно прищуренным взглядом, маленьким, узеньким подбородочком, с нелепо торчащими вверх, словно приклеенными к лицу, усами, на манер прусского офицера, стоило бы подробно разобраться в этом характере и представить, что есть культурный мракобес.

Толстой сразу объявил, что школа – именно школа! – виновата в распространении «пагубного лжеучения».

– Я постараюсь, – заявил Дмитрий Андреевич Толстой, вступая на пост, – я постараюсь, чтобы из гимназии выходили не самонадеянные верхоглядья, всё знающие и ничего не знающие, но молодые люди скромные и солидно образованные.

Что же значит «скромность» по-министерски?

Это объяснено. Надо искоренить «стремления и умствования,

дерзновенно посягающие на всё, для России искони священное, на религиозное верование, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и уважение к установленным властям».

Скромность заключается в том, чтобы «не посягать». Скромность – это покорность.

– Ещё шесть лет латыни, и вы увидите, как утомонится ваша молодежь, – сказал Толстой одному из своих знакомых.

Чтобы понять, как это выглядело на деле, почему слова о невинной латыни, об этом красивейшем из языков, выглядят так угрожающе, рассмотрим таблицу уроков в гимназии, введённую толстовским уставом 1871 года. Такие таблицы вообще интересно разглядывать, к какому бы времени они ни относились: они дают возможность *реально* представить себе школу и школьную политику.

Предметы	Классы								Общее число уроков
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Закон божий	2	2	2	2	2	1	1	1	13
Русский язык с церковнославянским	4	4	4	3	3	2	2	2	24
Логика	–	–	–	–	–	–	1	–	1
Латинский язык	8	7	5	6	6	6	6	6	49
Греческий язык	–	–	5	6	6	6	6	7	36
Математика (с физикой, математической географией и кратким естествознанием)	5	4	3	3	4	6	6	6	37
География	2	2	2	2	–	–	1	1	10
История	–	–	2	2	2	2	2	2	12
Французский язык	–	3	3	3	3	3	2	2	19
Немецкий язык	–	3	3	3	3	3	2	2	19
Чистописание	3	2	–	–	–	–	–	–	5

Таблица, как это принято, показывает число уроков по каждому предмету за неделю по классам. В последней колонке общее число уроков в неделю за восемь лет обучения. Восьмой класс был добавлен, кстати, этим же уставом; до того времени гимназия была семилетней. Принимали в гимназии со вступительными экзаменами: проверяли умение ребят читать, писать и считать.

Если внимательно рассмотреть эту таблицу и сравнить её с расписанием уроков в дневнике нынешнего школьника, нельзя не удивиться.

Ну, прежде всего, где же литература? Как же – среднее образование без литературы? Изучение литературы «спрятано» в уроки русского языка, русской словесности. Мало их? Но больше и не надо, говорит Д. А. Толстой, ибо учителя «находят возможности тратить эти уроки... на самые разнородные рассуждения, совершенно бесполезные, а иногда даже положительно вредные». То же и с уроками истории. Толстой объясняет: если увеличить их число, то учителя начинают сообщать ученикам «общие взгляды на исторические лица и события – взгляды, способные лишь противодействовать правильному умственному и нравственному развитию юношества».

Что же остаётся? В основном, языки. Предположим, вы учитесь сейчас в восьмом классе, что примерно соответствует шестому классу гимназии. Значит, у вас в неделю шесть уроков латинского (каждый день!), шесть уроков древнегреческого (каждый день!) и ещё "каждый день немецкий или французский. И каждый день надо готовить переводы по трём языкам – с русского на латынь, с греческого – на русский, с немецкого, с французского... Древние языки занимали 41 процент – почти половину! – всего учебного времени.

Во времена Ломоносова латынь была необходима: все учёные мира писали свои труды по-латински. Прошло полвека, и Пушкин написал: «Латынь из моды вышла ныне»; ещё полвека минуло, а этой уже ненужной, давным-давно вышедшей из моды латыни гимназисты всё ещё приносили в жертву полчаса из каждого часа, проведённого ими за книгами.

«Ещё шесть лет латыни, и вы увидите, как угомонится ваша молодежь»...

Нелепость такого способа учить была очевидной. Составлялись петиции, потоком шли докладные записки, появлялись статьи в газетах...

В Малом театре артист Музиль однажды пропел куплет:

У нас сильное внимание
На одно обращено,
Чтобы наше воспитание
Ведено было умно.
И теперь уж есть надежда,
Что чрез несколько годов
Выйдут круглые невежды
Из классических голов...

«Едва пропел этот куплет г. Музиль, – писала газета «Голос», – как зала преобразилась: всё, что было в театре, застучало, поднялись крики: браво, bis, bis! Оркестр начал было продолжать, но крики всё сильнее и сильнее вынудили его остановиться. Публика неистово кричала bis, оркестр молчит, г. Музиль озирается по сторонам. «Bis, bis!» – не перестаёт кричать публика, стуча стульями и неистово аплодируя. Оркестр опять было за своё, но шум и крики стали до того требовательны, что надо было уступить публике, и гимн классикам был повторён при новом и дружном гоме рукоплесканий всего театра».

Обиженный гофмейстер, граф Д. Толстой обратился за помощью к министру внутренних дел. Министр оказал ему дружескую услугу: запретил исполнение куплета «на будущее время».

Древние языки делали своё дело. Получить аттестат зрелости было невероятно трудно. Около половины всех учеников оставались на второй и третий год. Гимназию в ту пору кончали в 19-20 лет, а четверть всех выпускников была 21 года и старше. В 1873 году в Ярославской гимназии держали выпускные экзамены 17 человек, аттестаты же получили лишь пять из них: остальные срезались на древних языках. Общий же итог обещанных Толстым «шести лет латыни» был таким: за эти шесть лет окончил гимназию шесть с половиной тысяч человек, а вышло из гимназии – больше пятидесяти тысяч. Для учеников первого класса шансы окончить гимназию и поступить в университет составляли один к девяти! В 1873 году ввели дневники для записывания уроков, годом раньше – «красные доски» для записи на них имён отличнейших учеников по успехам и поведению. Особенное значение стали придавать экзаменам. Их обставляли с невероятной торжественностью. С 1872 года директор гимназии стал получать темы для сочинений и тексты для переводов в особом конверте, на котором написано было: «Вскрывать в присутствии членов испытательной комиссии и учеников перед самым началом письменного испытания по предмету».

Экзамены были кошмаром для гимназистов. «В Петербурге каждый год весной в часовне Спасителя устраивается настоящее паломничество, – пишет журнал «Образование». – Сотни и тысячи гимназистов, реалистов, воспитанников, кадет, гимназисток и пр. запружают все окрестности часовни, служат молебны, ставят свечи и многие молятся с горячими слезами... Ходят целыми партиями даже в далёкую Сергиеву Пустынь, всё с той же целью – искать помощи в страшный день экзаменов, день судный...»

Ученик четвёртого класса 5-й московской гимназии, не выдержав этих мучений и нахватав единиц, бросился под поезд. Педагоги же, пишет в воспоминаниях один учитель, «утешали себя тем, что такая важная вещь, как латинская грамматика, требует себе жертв».

Но, может быть, мы несправедливы к гимназии? Может быть, она была строга и требовательна, да зато давала серьёзные и прочные знания?

На этот вопрос будет легче ответить, если подумать сначала над одним ленинским выражением. Незадолго до революции Ленин сказал, что массы народа были «ограблены в смысле образования, света и знания». Мы ещё встретимся в своём месте с этой мыслью Ленина, а сейчас только о значении слова «ограблены».

Человек ограблен – значит, у него отнято нечто ему принадлежавшее. Но можно ли считать отнятыми знания, если их и не было?

Можно. Было *право* получить знания. Каждый рождённый на свет человек имеет право получить знания, свет, стать просвещённым. Если человеку причиталось большое наследство, а его кто-то прикарманил, и притом так ловко, что человек даже и не знает о наследстве, даже и не добивается его, не думает о нём, – ограблен он или нет? Учитель – человек, который охраняет и осуществляет право каждого ребёнка быть обученным, он – адвокат детей перед обществом, он вводит ребёнка в права наследства, наследства особого рода: оно может принадлежать всем, не только не уменьшаясь, но увеличиваясь от раздачи и раздела.

Но можно и послать ученика в школу, однако при этом учить его так, что он не сможет, не захочет, не станет учиться. Назовём его лентяем, неспособным, как угодно: переложим всю вину на него, но факт остаётся фактом: этот ученик окажется обездоленным, ибо он, как те 50 тысяч исключённых из гимназии, не получит причитавшегося ему от человечества наследства знаний. Учитель, не сумевший обучить ученика, – адвокат, проигравший процесс.

Ведь рядом с казёнными гимназиями существовали гимназий частные, с их прекрасными (но дорогостоящими!) педагогами, с их самыми современными и экономными способами преподавания, с их добрым отношением к детям, с их экскурсиями и летними походами по всей стране, с гимназическими театрами и кружками... И там, в этих частных гимназиях, все или почти все успевали, получали аттестаты зрелости. Беда не в том, что гимназистам приходилось изучать древние языки, – беда в том, что таким бессмысленным занятием отнимали право

на «просвещение, свет, знания». А когда латыни оказалось недостаточно, прибегли к другим, более прямым средствам.

Вот хроника событий:

1874 год. Среди учителей обнаружены «бунтари». Управление школами отнято у местных обществ, земств и передано чиновникам. Каждое народное училище находится под надзором губернатора, архиепископа, двух училищных советов и попечителя!

1881 год. Начали спешно открывать церковноприходские школы; им отдают большую часть средств. Приходскую школу противопоставляют прогрессивной для того времени земской школе.

1884 год. Надзор над школами кажется недостаточным, его передали духовенству. Училищные советы упразднены.

1887 год. Циркуляр министра просвещения Делянова о «кухаркиных детях»: освободить гимназии от «поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одарённых гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию».

1888 год. Закрыты подготовительные классы в гимназиях. Обнаружено: треть учеников в них – из низших сословий.

Но сладу с гимназиями не было. Революционные кружки обнаруживались то в одной из них, то в другой. Ведь в это время в гимназиях, прогимназиях, реальных училищах, церковноприходских и земских школах сидели за партами все те, кто потом возглавил революционное движение... Александр Ульянов, брат Ленина, заявил на следствии, что он примкнул к «террористической партии ещё в седьмом классе Симбирской гимназии». Запрещённая литература передавалась из рук в руки. Существовал даже негласный список наказаний, в котором точно определялось, какое именно наказание следует гимназисту, если у него найдут книги того или иного автора. По примеру папской инквизиции его называли «Index Librorum Prohibitorum» – «Список запрещённых книг». Наказаний предусматривалось два: карцер и «аминь», то есть исключение из гимназии с «волчьим» билетом, без права поступления в другое среднее учебное заведение. Вот этот любопытный список:

Index Librorum Prohibitorum

За Белинского – 6 часов карцера.

За Шелгунова – 10 (и более).

За Добролюбова – в первый раз 12 часов, во второй 24 часа.

За Писарева – аминь!

За Герцена – аминь!

За Льва Толстого (рукопись) – аминь!

Аминь, аминь, аминь... Всё в школе было до предела напряжено, но параллелограмм сил складывался не в пользу «затемнителей» всякого рода. Если на гимназию и попадался один «человек в футляре», вроде Беликова, то остальные учителя (вспомним знаменитый рассказ Чехова) были народ «мыслящий, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневе и Щедрине». Да, Беликов мог запугать своими доносами не только гимназию – весь город, на его стороне была власть. Но чем кончалось дело? Беликова так или иначе «спускали с лестницы», – гимназия всё-таки была гимназией, а не полицейской «управой благочиния».

Именно тогда, в эти годы, окончательно сложился характер русского народного учителя, «сеятеля разумного, доброго, вечного».

Ещё в начале XIX века при слове «учитель» в сознании людей возникал обычно образ приезжего немца (француза) или полуграмотного дьячка, обедневшего служивого и т. д.

Теперь, в конце века, профессия учителя была наконец признана общественным мнением благородной и уважаемой профессией; учитель предстал перед всеми образованным и бескорыстно служащим народу человеком. В канун революции в стране работали 280 тысяч учителей, было 189 учительских семинарий, 48 педагогических институтов.

Один, в глуши, среди неграмотных, невежественных, забытых и подчас звереющих от своей забитости людей, учитель не только воспитывал ребятишек – он был светом для всей деревни. И с тех пор появилось в народе уважение к учителю: не к чину его, не к состоянию, а именно к учителю – человеку знания, своего рода праведнику. Кого только не высмеивает народная сказка, басня, анекдот: попа, царя, урядника, генерала. Но учитель – фигура неприкосновенная. Бескорыстие, вообще-то говоря, не всегда ценится людьми, но учителю прощали даже его бедность. Бескорыстие, некоторый идеализм, способность долгие годы работать, не теряя воодушевления в самых тяжёлых обстоятельствах, – из таких качеств складывался образ русского учителя. Он не просто обучал грамоте – он растил новое поколение, надеялся на него...

Познакомимся с человеком, который в конце прошлого столетия восхищал людей именно потому, что в нём видели лучшие черты народного учителя.

Глава четырнадцатая

В одной из самых последних, уже не написанных, а продиктованных большим Лениным работ есть строчка, на которую хотелось бы обратить внимание читателя. Мы часто спрашиваем: что же такое просвещённый, образованный человек? Тот, кто много учился? Кто много знает? Кто производит впечатление культурного человека?

Ленин, размышляя о том, как преобразовать государственный аппарат, чтобы он действовал чётко, надёжно, без бюрократизма, пишет, что для этого нам нужны, в частности, люди «действительно просвещённые», и дальше – вот тут-то и начинается самое главное! – коротко объясняет, что же это такое – «действительно просвещённые» люди. Вот как он говорит: это люди,

«...за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести...».

Сначала это кажется несожиданным, как будто совсем не о том речь. Но если поразмыслить, то ведь так оно и получается.

Только очень образованный человек, «действительно просвещённый», впитавший в себя всю человеческую культуру, понимающий ход истории и характеры людей, – только такой человек абсолютно не подвержен суевериям, не поддаётся никаким дурманам, общим фразам, лжи намеренной и нечаянной, ни слова не возьмёт на веру.

Чтобы понимать факты жизни, чтобы иметь *свою* точку зрения, надо очень много знать!

Но образованность человека – пустой звук, и годы, проведённые в ученье, – впустую потраченные годы, если знание не стало сущностью человека, основой его нравственности, не стало его совестью. Знание, которое не позволяет предавать это знание, – вот совесть действительно просвещённого человека.

Столетиями идёт спор о том, как влияют знания на нравственность и есть ли между ними связь. Для Ленина эта связь несомненна: действительно просвещённый человек ни слова не скажет против совести.

Быть может, Владимир Ильич потому так мимоходом, в придаточном предложении, бросил это интереснейшее определение, что оно разумелось для него само собой. Он просто напомнил о том, что сам знал давно, быть может с детства, как нечто даже не подлежащее спору и сомнению. Потому что Ленин с детства видел перед собой действительно просвещённого человека, не способного ни слова взять на веру и ни слова сказать против совести.

Этим человеком был его отец, Илья Николаевич Ульянов.

Известность пришла к Илье Николаевичу задолго до того, как всей стране, а потом всему миру стали известны имена его сыновей – сначала Александра, потом Владимира.

Если бы Илья Николаевич и не был педагогом по профессии, всё равно о его деятельности стоило бы писать в каждом учебнике педагогики, потому что мы знаем результат его воспитания, мы знаем, какими стали его дети, и пройти мимо такого результата нельзя – это было бы ненаучно.

Но Илья Николаевич был педагог-профессионал, да ещё какой!

После его смерти – и не только в некрологах, а спустя десятилетия! – в газетах и журналах Симбирска, Петербурга писали:

«Одним из украшений того времени несомненно были учителя нового типа, выпущенные из педагогических курсов И. Н. Ульянова» («Вестник Европы», Петербург, 1898 г.).

Публицист В. Н. Назарьев писал редактору журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевичу: «В своей статье я... обязан был сказать правду о нашем бывшем инспекторе Ульянове, представляющем редкое, исключительное явление между инспекторами. Это старый студент, сохранившийся таким, каким сидел на студенческой скамье, до настоящего времени, это одна из личностей, которые когда-то так мастерски изображал Тургенев, это студент в лучшем смысле этого слова».

«Мы и мечтать не могли приблизиться к тому идеалу человека и гражданина, какой воплощал в себе И. Н. Ульянов и его ближайшие питомцы... Да, редко дарит и балует нас мачеха-судьба такими выдающимися деятелями...» («Волжский вестник», 1898 г.).

Мальчик Илья Ульянов родился в Астрахани в 1831 году, в небогатой семье местного мещанина. Ему было всего семь лет, когда умер отец. Осталось четверо детей; старшему, Василию, было шестнадцать. Всего шестнадцать, но он взял на себя заботы о младших и всех детей вырастил. Мы ничего о нём не знаем, но, возможно, это был один из самых удивительных людей в этой удивительной семье. Известно, например, что он был очень образован, хотя и не учился; занимался сам. Если бы сегодня 16-летний мальчишка взвалил на себя такую обузу, о нём, пожалуй, написали бы в газетах.

Из всех четверых детей Ульяновых лишь Илье удалось учиться в гимназии. Он окончил её в 1850 году с серебряной медалью и опять был в числе четверых: только четверо гимназистов смогли в том году получить аттестаты, и лишь один из этих четверых пробился в университет – Илья Ульянов.

Образованно он получил математическое. Наверно, физико-математический факультет был лучшим в Казанском университете, потому что ректором университета был самый выдающийся русский учёный первой половины прошлого века: великий математик Лобачевский. К тому времени, когда Илья Ульянов стал студентом, Лобачевский был уже стар, в отставке, но на факультете преподавали прекрасные профессора. Ульянов учился серьёзно, страстно: он понимал цену учёно, он не мог подвести старшего брата. Очень развитое чувство долга с этих лет стало главной чертой Ильи Ульянова. Нет, он был не принижённый *должник*, он был человек долга – долга перед наукой, если он занимался наукой; долга перед учениками, если он учил; долга перед семьёй, когда у него появилась семья, и всегда – долга перед народом. Долг такого рода не гнетёт человека, а возвышает его.

После университета молодой кандидат наук поступил преподавателем в Дворянский институт в Пензе. Это было что-то вроде гимназии, но особой – детей разночинцев туда не принимали. Таких институтов с третьего десятилетия XIX века было открыто около полусотни – на пожертвования дворян, однако вскоре они все позакрывались, а те, что ещё существовали, постепенно хирели. Один из воспитанников института писал с некоторым удивлением: «Почему из нас вышли люди, а не нравственные уроды?» Вся система воспитания и обучения, видимо, вела к тому, чтобы из института выходили «нравственные уроды». Ученик этот находит объяснение: «Мы обязаны отчасти влиянию своих родителей... отчасти же влиянию тех учителей, которые вносили в нашу жизнь честный взгляд и высокие нравственные принципы». И называет этих учителей: Логинова, Захарова и преподавателя математики Ульянова.

Логинов был вскоре уволен «за стремление проводить между учащимися идеи крайнего социализма».

Захаров – за то, что «в высшей степени вредно влиял на учеников политически».

На Илью Николаевича ни разу за всю его жизнь не падало подозрение в политической неблагонадёжности. Никто никогда не слышал от него противоправительственных речей, даже самые близкие люди. Он уклонялся от подобных разговоров.

Это кажется тем более странным, что Илья Николаевич был, несомненно, отчасти идеалистом, «студентом», человеком живым и страстным, верным поклонником революционеров-демократов. Добролюбова он любил больше других писателей, Некрасова – больше других поэтов. Быть может, оттого он так «странно» вёл себя, что был он человеком дела, а не слова? Что,

не видя никаких *конкретных* путей борьбы, не хотел и говорить о ней?

Вот судьба человека (и в ней судьба многих учителей этого времени); он не призывал к свержению правительства, не вёл «возмутительных» речей, но все, кто с ним соприкасался, становились революционерами!

Ульянов уже пересёхал с женой из Пензы в Нижний Новгород, когда несколько бывших учеников Пензенского дворянского института организовали маленькое тайное общество, так называемый «Иштутинский кружок», и один из них, уже упоминавшийся Д. Каракозов, стрелял у Летнего сада в Александра II, да промахнулся и был схвачен и повешен.

И революционерами стали все дети Ульянова... Все!

Бить может, лучший способ воспитания революционеров – прививать с детства «честный взгляд и высокие нравственные принципы»? Только в рамках честности и чувства долга удаётся человеку идеально совмещать такие трудно совместимые, но необходимые качества, как доброта и строгость, мягкость и требовательность.

По одним воспоминаниям, Илья Николаевич был предельно мягок и добр. По другим – предельно строг, даже суховат, официален.

Нижегородские гимназисты уважали его «за прекрасное знание им своего предмета и за талантливое, толковое изложение его и любили его за его неизречённую доброту и снисходительность к нашим проступкам в поведении и промахах в математике», писал в 1925 году бывший ученик И. Н. Ульянова – М. Карякин. «Сора из своего класса он не выносил, покрывая всё своим удивительным незлобием и добродушием». Вместо двоек Илья Николаевич ставил в журнале точки, впрочем, разной величины, так, чтобы отметки-точки были понятны лишь ему да ученикам, но не гимназическому начальству. Говорил он мягким, нестрогим голосом, картавя на «р» и «л», был небольшого роста, худощав, с карими глазами. Знакомые черты... Мария Ильинична Ульянова говорит, что Ленин был «очень похож на отца» – монгольский разрез глаз, большой лоб, живой характер, привычка хохотать до слёз... М. Карякин вспоминает: входя в класс, Илья Николаевич подсаживался с журналом к первой парте и начинал вызывать.

«Авейкиев! (то есть Аверкиев). На вызов, – пишет Карякин, – лениво поднимается с парты могучий Аверкиев и глухим, но грубым басом вещает: «Я, Илья Николаевич, сегодня не читал» (точно это был не урок из геометрии, а какой-то роман). На лице Ильи Николаевича появляется грустное выражение, и он каким-то грустным тоном говорит: «Ну, вот, Авейкиев, вы

опять не приготовили (не приготовили) уока (урока). Как же это?» Аверкиев стоит, тербит свою начинающую расти бородку и упорно молчит... «Ну, садитесь, я вам *точку* поставлю, в будущий раз спрошу вас и старое, и новое». Впрочем, учились у Ильи Николаевича все хорошо, и тот же Аверкиев на другой раз обычно отвечал...»

«Это была кристальная душа. Мир праху его!» – кончат свои записки об Илье Николаевиче его бывший ученик.

Осенью 1869 года Илья Николаевич решил занять должность инспектора народных училищ Симбирской губернии. Это означало пересечь в глухой по сравнению с Нижним городишко, мотаться по деревням, не зная покоя ни днём ни ночью, взвалить на себя огромную ответственность.

Начались тяжёлые и радостные годы. Инспектор в то время не столько «проверял», сколько сам организовывал. Доставал деньги на школы, строил новые школьные здания, готовил учителей на курсах, подбирал их, устраивал их судьбу, проводил учительские съезды, внедрял новые методы обучения, добывал учебники и наглядные пособия. Многообразную деятельность Ульянова невозможно охватить даже взглядом. В наши дни ту работу, которую он делал один, выполняют целые учреждения.

«Личность Ильи Николаевича, этого беспримерного труженика, при всей своей простоте, трогательной, почти детской наивности и несколько преувеличенной вере в успех своего дела, в людей, в то, что они добры... так высока, что не поддаётся описанию...» – вспоминал об Ульянове его сослуживец В. Н. Назарьев.

«Бывало, сидишь в тёплой, покойной комнате с книгой в руках, возможно прислушиваясь к яростным воплям зимней метели, уже третьи сутки не выпускавшей мужика из избы, остановившей всякое движение, всякие работы, – и вдруг под самым окном прозвонит колокольчик. Думаешь, кто, зачем в такую пору, а сам уже спешишь в прихожую, чтобы встретить гостя. Входная дверь открывается, и передо мной – Ульянов, весь занесённый снегом, с обледеневшими баками и посиневшим лицом. Он не в состоянии говорить от холода и только, по своему обыкновению, добродушно посмеивается, с величайшими усилиями вылезая из своего нагольного тупа и наполняя всю прихожую снегом. Начинаются заботы о том, чтобы как можно скорее обогреть и успокоить скитальца. Но тот как ни в чём не бывало быстро ходит взад и вперёд по комнате... а сам уже заводит разговор о школе, о своих наблюдениях, школьных радостях и горестях и продолжает говорить всё об одном и том же предмете во время чая, ужина; вас клонит ко сну, а он всё продолжает говорить, и первое слово, с которым встретит вас

поутру, это всё та же школа, никогда не сходявшая с языка...»

«В одно и то же время Ульянов был просветителем целой губернии, строителем сельских школ, вечным просителем, назойливо вымаливавшим у земства лишний грош на школы, единственным руководителем педагогических курсов, им же заведённых при городском приходском училище, заступником и добрым гением учителей и учительниц, входившим во все мелочи их незавидного существования и в то же время только что не вечным курьером, обязанным скакать на перскладных по нашим просёлкам, замерзать во время зимних морозов и метелей, утопать в весенних зазорах, голодать и угорать в так называемых взъезжих избах. И он в течение многих лет безропотно скакал, голодал, рисковал жизнью и здоровьем, по целым месяцам не видал своей семьи...»

«Он никогда... не озлоблялся и не впадал в уныние, а такую выносливость и силу может дать только одна безграничная, доходящая до самозабвения, преданность делу», – писал о нём современник.

Можно добавить: и честность. И любовь к детям. Илья Николаевич был администратором очень редкого типа: таким, для которого административная деятельность не заслоняет людей. Он управлял школами, вёл отчётность, вёл переписку с министерством и учреждениями, но за всем этим видел тех детей, ради которых он работал. Учителю легко любить детей: они на его глазах, в классе. Администратор-педагог стоит высоко... Обычно дети как-то исчезают из поля его зрения, остаются лишь дела. Илья Николаевич любил детей.

Иван Яковлевич Зайцев, ученик одного из симбирских училищ, вспоминает такую историю. Однажды к ним на урок пришёл директор Ульянов и стал задавать задачу. В ней всё время встречалось слово «гривенник». Директор произносил его так: «ггивенник». Вот малыш и задумался: «Я ученик, и то умею правильно произносить звук «р», а он директор, такой большой и учёный человек, не умеет произносить звук «р», а говорит «гг». Директор ушёл, а ребятам задали сочинение: «Впечатления сегодняшнего дня». Кто о чём писал, а Ваня Зайцев – про то, что директор картавит. Это очень поразило его! Через два дня учитель возвращал сочинения. Он бросил Ване тетрадь в лицо: «Свинья!» Сочинение было перечёркнуто крест-накрест красным карандашом, внизу стояла отметка – 0. Ноль. Мальчик чуть не расплакался. А тут опять директор пришёл. Взял тетрадь, прочитал и говорит учителю:

– За что вы, Василий Андреевич, наградили этого мальчика орденом красного креста и огромнейшей картошкой? Сочинение

грамотнос, последовательное, и нет здесь ничего выдуманного, искусственного. Главное – написано *искренне*.

Ульянов взял тетрадь и написал внизу: «Отлично!» И подписался.

Когда симбирские ребята кончали учебный год, Илья Николаевич устраивал для них праздник. Утром был торжественный акт, директор говорил речь, раздавали награды, а к вечеру, часа в четыре, все вновь собирались в училищной управе и «оттуда с оркестром музыки направлялись вместе с Ильёй Николаевичем и преподавателями в Александровский городской сад на детский праздник. У входа в сад их встречали члены управы и попечители школ. Детям раздавали пакеты с гостинцами, угощенье получали и преподаватели».

И в то же время об Ульянове шёл слух как об очень строгом и требовательном начальнике. Заметив погрешности в преподавании, он мог сухо сказать учителю, что «если при следующем осмотре будут замечены те же недостатки, то он будет заменён другим, более усердным лицом».

С годами И. Н. Ульянову приходилось всё труднее и труднее. Народовольцы убили Александра II. Наступила реакция. Илья Николаевич был на плохом счету в министерстве. Существовал порядок: если чиновник по возрасту должен выходить на пенсию, но ещё в состоянии работать, ему предоставляют такую возможность на пять лет. Министр просвещения распорядился: Ульянова оставить только на год... Илья Николаевич стал замкнут, суров; его волновало будущее семьи. Пришёл новый министр, он оставил Ульянова на его посту. И до самой смерти Илья Николаевич всё ездил по губернии...

12 января 1886 года Илья Николаевич работал над отчётом; вышел в столовую, где обедала его семья, посмотрел на всех – как попрощался, – вернулся в кабинет... Через два часа его не стало.

За гробом Ильи Николаевича шли толпы людей; многие газеты поместили сообщения об этой преждевременной смерти. Не было человека, который мог бы вспомнить об Илье Николаевиче что-нибудь худое: он до последнего дня, до последнего часа оставался верен своему долгу учителя. Ни слова на веру, ни слова против совести.

Учитель – святая профессия. Как врач отвечает за здоровье людей перед своей совестью, и только перед нею, так и учитель отвечает перед своей совестью за то, какое знание он несёт людям. В самую глухую пору реакции служил Илья Николаевич, служил на должности, которая специально была изобретена для обуздания выходивших из-под правительственного контроля земских деятелей просвещения; был чиновником и дослужился

до генеральского чина – был действительным статским советником, «превосходительством», но остался честным человеком. Честным одинаково можно быть (и одинаково трудно быть!) в любом положении: и в нищете, и в богатстве, находясь на самом низу общественной иерархии и почти на самом верху её.

Состоял учителем мологинской земской школы с 1869 года сентября 10 дня по 1916 год июня 26 дня и вышел на пенсию, прослужив на ниве народного просвещения сорок семь лет.

Николай Раменский, 28 июня 1916 года. Село Мологино Ржевского уезда Тверской губернии.

*Четвёртая запись в семейной хронике учителей
Раменских*

Опять всё по-новому на берегах неутомимой Итомли, молчаливо продолжающей свой бег.

Река Итомля, река Итомля... Речка, речушка, ручей в сравнении с Волгой, Камой, Москвой или с сибирскими широкими реками... Но что станет с их воспетым полноводьем, если пересохнут маленькие Итомли?

И чья вода в тех рейках – разве не из Итомли?

В мологинской школе по-прежнему Раменский, но другой, новый, не по имени новый, а всем своим существом, всеми связями с миром, положением своим новый. По званию – тот же: звание – учитель. А содержание у этого слова теперь другое. Вечно только то, что обновляется, способно обновиться. Вечный учитель – вечно новый учитель. Всё та же нива – поле народного просвещения, и та же семья трудится на своей полоске, доставшейся от деда и прадеда, на поле, где не бывает жатвы – только посев и рост, и опять посев, опять рост...

У каждого человека своя полоска, своя часть земного шара, своя доля в общей ноше земных трудов, – как вы несёте её, новый учитель Раменский, не сгибаетесь ли под тяжестью?

Завидной силы человек. Его отец Пахом Алексеевич учительствовал 35 лет, его дядя Пафнутий Алексеевич – страшно сказать! – 60 лет... Глубоко корнями, врастают в землю старики Раменские, шута

играют, перекидываются всками: дед начинал одно столетие, а внук уже в другое выходит вместе со своей новой школой, которую сам, с помощью крестьянской общины, выстроил на месте дедовой.

Хорошая школа, толстостенная, крепкая, с двумя классами, с большими окнами. На два или три поколения Раменских хватило бы, простояла бы лет сто-сто двадцать, если бы...

Но об этом – в своём месте.

Строили школу, думали: просторна будет. Да всё больше и больше ребятшек набивалось в неё.

По статистическим ведомостям, случайно сохранившимся, видно, что в Мологине:

в 1897 году было 75 учеников (среди них 19 девочек),

в 1899 году, при постройке школы, – 107 учеников,

в 1911 году – 131 ученик (среди них 49 девочек).

Приходилось тесниться, ставить скамеечки поуже. Сидеть на них резко? Ничего, одежку под себя подложи – вот и просидишь урок, не сомлеешь. Терпи, всё терпи, школьник, – грамотеем будешь... А грамотей – большой человек, ему в городах-то славу поют! Или не слышал?

Слава, слава тебе, грамотей,

Радостью будешь семье ты своей,

Да будет наука ни пользу тебе,

Родному селенью и русской земле!

Грамотеев в Мологине становилось всё больше: традиция. Уже безграмотному-то стыдно! А ведь тогда, можно сказать, и начинается культура, когда перестают хвастать, как хвастал один древний начётчик «Аз бо сьмь умом груб и словом невежа»; перестают гордиться: «Мы академиев не кончали», а стыдятся своего невежества и самым большим оскорблением считают презрительное слово «неуч».

В новой школе новый Раменский и учит по-новому. Уже, не псалтырь – настоящие учебники в руках его учеников, на стенах класса не только икона, а большая карта земных полушарий, таблицы, плакаты; есть в училище своя библиотека и даже волшебный фонарь с диапозитивами, – чем не современная школа?

Николай Пахомович держится в ней уверенно, он не самый бедный в селе и не зависит от мирского схода: земство платит ему, хотя и немного: 200 рублей в год (вспомним, что Ушинский, служа в департаменте и бедствуя, получал 400). Но ничего, в селе жизнь дешевле, перебивается: пасеку завёл, мёдом приторговывает, и после него у всех Раменских пасеки будут.

Значительное лицо в своём селе Николай Раменский. Держится недоступно, в классе строг. Одним видом своим внушает уважение к учению, такую беспрекословность, невозможность даже и порассуждать: надо ли, мол, учиться? Надо.

Растёт семья учеников, растёт и семья учителя: каждый Раменский, сколько их было, оставил за собой не только с тысячу-другую грамотеев, а ещё и пятерых-шестерых потомственных учителей. Уже все школы в окрестных сёлах заняты потомками первого Раменского. Николай Пахомович тоже растит себе смену, на его иждивении семь лиц: жена, два сына и четыре дочери. Дочери теперь не обуза: новые времена, теперь и дочерей к учительской кафедре допустят, было бы образование, но это уж забота отца... Николай Пахомович детей своих держит строго, как и учеников. Сын приедет на каникулы из семинарии:

– Здравствуй, папа!

– Нет, сначала покажи табель, потом здороваться будешь.

За образованием детей следил, потому что всех хотел видеть учителями (и всех увидел учителями). Объяснял, почему так:

– Служба учителя – самая чистая, никуда не собьёшься.

Пока дети растут, страшно за них, за их честь: а ну как случится худое? А в учительском деле какие соблазны? Богатство учителю не светит, лихоимством учителя не занимаются, не то что чиновники, карьеру не делают – чистая служба, никуда не собьёшься.

Дети учились на учителей кто где, а летом съезжались в Мологино. Николай Пахомович говорил про свой дом:

– Это гнездо для всех, слетайтесь, как голуби. Слетались голуби-голубчики. Хорошо им было дома – «на своей даче, на своей террасе». Река

рядом, лес рядом, в комнатах много книг: 150 лет собирали библиотеку Раменских.

Приезжали дети, приезжал издалека и брат с семьёй, Алексей Пахомович Раменский, большой человек – действительный статский советник, генерал, как Илья Николаевич Ульянов. Алексей Пахомович под крылом Ульянова и вырос, помощником его был, а потом занял такой же пост, что и Ульянов, только не в Симбирске, а в соседней губернии – в Пермской. Человек выдающихся способностей, прошёл он через духовное училище, духовную семинарию, духовную академию и вышел в большой свет, чтобы громко, на всю Россию объявить, наконец, о существовании Раменских. «Пермская губерния в деле народного просвещения занимает одно из самых видных мест во всей Российской империи», – с гордостью писал он.

Это ведь неверно – представлять себе, будто до революции какая-нибудь, скажем, Пермская или Тверская губернии были чем-то вроде пустыни: ни школ, ни библиотек – ничего. Под управлением пермского земства было без малого девятьсот библиотек, а в них – больше полумиллиона книг. В школах – гербарии, коллекции минералов, модели земледельческих орудий, образцы почв, а в некоторых училищах, как сообщал Раменский, были и небольшие физические кабинеты. Всего этого очень мало, но – пустыня? Нет, деды и прадеды нынешних калининских или пермских ребят не сидели сложа руки.

Среди знакомых первого Раменского был Радищев, знакомства второго Раменского – Карамзин и Пушкин, а в списке людей, которых знал Алексей Пахомович, – Шаляпин, Комиссаржевская, Левитан, Тимирязев, изобретатель радио Александр Попов. По некоторым сведениям, Раменский бывал во Франции, Италии, Персии, Индии...

Но как далеко ни продвигался по службе Алексей Пахомович, летом его видели возле школы своего деда и прадеда – он был её почётным попечителем.

По царским дням Раменский-младший ходил по селу в расшитом синем вицмундире, со шпагой, а так – в простом сюртуке. Приезжая на родину, первым посещал деревенских стариков, с которыми в молодости учился у отца своего Пахома Алексеевича.

Высоко поднялся Алексей Пахомович, но не выше брата. Зависти между ними не было, старшинство уважали, а главным наследством, главным наделом для всех Раменских всегда была их мологинская школа. Понимали они: пока стоит их школа, пока сбегаются в неё ребятишки, стоит на земле и род Раменских. Наверно, ни одно дворянское семейство не оберегало так своё родовое поместье, как Раменские – свою школу. Да и то сказать: школу ведь не заложишь, не перезаложишь. Взять с неё нечего – только отдай. А «отдай» дороже, чем «возьми», ближе к сердцу.

...Они собирались большой семьёй – все учителя. Николай Пахомович немножко играл на скрипке; сын Аркадий – на гитаре, он же и пел, у него был хороший голос; дочь Антонина пела романсы. Приходили любимые ученики Николая Пахомовича: Иван Гаврилов, Иван Королёв, Калачёв (они тоже все стали учителями). Гаврилов заводил на фисгармонии:

Отречёмся от старого мира,
Отряхнём его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры –
Ненавиден нам царский чертог!

Николай Пахомович сердился:

– Помолчи, сейчас урядник!

Как-то Нина, одна из дочерей, приехала в Мологино радостная:

– Папа, мы в училище забастовали!

– Вот хорошо-то, – отвечал отец. – Вы забастовали, Аркадий в семинарии забастовал, – что же я вас, в кадке солить буду?

Впрочем, Николай Пахомович ворчал больше для порядка, больше по строгости своей природной. Дом его с начала 900-х годов был всегда полон «забастовщиков», особенно с тех пор, как семнадцатилетняя Нина вышла замуж за поднадзорного революционера, учителя Николая Яковлевича Смолькова, сына мологинского врача. Смольков так уговаривал Нину пойти за него:

– Учитель теперь какой должен быть? Ему на сходках выступать, на маёвках, доклады делать... Вы должны быть первой в семье, чтобы уважали вас, как отца вашего. Авторитет заслужить надо...

Смольков показался Нине авторитетным, она пошла за него: он был босвой человек, большевик-подпольщик, в то же время хороший учитель – ему даже премию давали за его работу в школе.

В те годы в библиотеке Раменских, где хранились ещё номера пушкинского «Современника» и некрасовских «Отечественных записок», появилась тоненькая двенадцатикопеечная брошюрка; её прятали то в коплекте журнала «Нива», то в алфавитном указателе к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Это была программа и устав Российской социал-демократической рабочей партии, да ещё к тому же очень дорогой экземпляр программы и устава: с пометками самого Ленина. Когда после 1905 года все Раменские попали под подозрение полиции, Смольков зарыл программу в подвале; нашли её лишь спустя сорок лет.

Что первые Раменские были знакомы с Радищевым и Пушкиным, этому можно было ещё удивляться, считать интересной случайностью. Но уже и не удивляешься, когда в семейную биографию сельских учителей вляется имя Ленин (а впереди ещё визит Раменского к Ленину, подарок Раменскому от Ленина!), – это кажется естественным. Разве могло быть иначе?

Из поколения в поколение Раменские вбирают в себя всё лучшее в русской культуре, словно взяли на себя обязанность сохранять её и передавать потомкам. Маленькая речушка Итомля, маленький ручеек культуры в Мологине, а пересохнет – беда стране.

Глава пятнадцатая

До сих пор мы *описывали* наследство, доставшееся Советской власти от царской России; теперь нам нужно *посчитать* его. Школа на берегу реки Итомли и другие такие же школы – драгоценные камушки, но сколько их, таких камней, в короне народного образования? Что она стоит в целом, эта корона? Прежде, говоря о числе школ и гимназий, приходилось считать их от нуля, радоваться увеличению цифр. Но вот уже не екатерининские времена – XX век наступил, и теперь меняется

точка отсчёта: не от нуля надо считать школы, а от ста процентов необходимого их количества. Веком прежде всякая цифра могла показаться большой, теперь она же, эта цифра, становится маленькой, если она не сто процентов...

Четвёртого июня 1913 года на трибуну IV Государственной думы поднялся депутат-большевик Алексей Бадаев. Когда Бадаев выступал впервые, хоры для публики и ложи для журналистов были переполнены. Дамы наводили лорнеты: любопытно! Рабочий-слесарь, молодой красивый человек – и депутат Думы!

Но в этот июньский день Бадаев выступал уже привычно, почти не волнуясь.

Бадаев разложил перед собой листочки с текстом речи. Это было важно выступление, и оно требовало серьёзной подготовки. В Думе шли прения о бюджете министерства народного просвещения. Никто в Думе не знал, конечно, что речь для Бадаева написал неделю тому назад в Польше, в Поронине, Владимир Ильич Ленин и тайными путями переправил в Россию. Опытный оратор подготовил речь не очень опытного – это естественно. Бадаев говорил словами Ленина, публично читая с трибуны Думы его записки. Хотя, по установленным правилам, речи читать не полагалось, требовалось «говорить своими словами», хотя председатель мог сделать за это замечание и даже лишить трибуны, Бадаев читал почти слово в слово, и сегодня можно цитировать его речь по двум источникам – по XXIII тому полного Собрания сочинений В. И. Ленина, где она напечатана с рукописи, и по официальному стенографическому отчёту IV Государственной думы, – тексты почти совпадают, хотя, конечно, Бадаев внёс свою окраску – это была всё-таки *его* речь.

Господа члены Государственной думы, – начал Бадаев, – наше министерство просвещения чрезвычайно похвально тем, что расходы его растут особенно быстро...

Действительно, по отчётам выходило: расходы на народное просвещение выросли колоссально – на 167 процентов.

Но что значит это увеличение? «...До смешного маленькие цифры в процентном исчислении их возрастания растут всегда с «громадной» быстротой. Если нищему, имеющему три копейки, вы дадите пятак, увеличение его «имущества» сразу будет «громадное»; на целых 167%!»

Но нищий останется нищим, и «бюджет» его будет нищенским...

Ленин показывает: в Северо-Американских Штатах расходы на образование составляют в среднем 9 рублей 24 копейки на одного жителя страны.

В Бельгии, Англии, Германии – 2-3 рубля, 3 рубля с полтиной.

А в России? 1 рубль 20 копеек... Вдвое, втрое, в семь раз меньше!

Нет, это не министерство народного «просвещения». Бадаев убирает кавычки и без обиняков бросает в зал ленинское:

– Министерство народного одурачения!

В зале поднимается шум. Министерство оскорблять нельзя – это неэтично.

Но Бадаев продолжает читать записки Ленина. Каждое слово обосновано и подкреплено цифрами, взятыми из официальных справочников. И среди всех цифр главная, убийственная цифра: дети школьного возраста составляют 22 процента всего населения России, а учителя в школе – страшнейшая цифра! – 4,7 процента населения, то есть «почти впятеро меньше!!». Бадаев выбрасывает в зал эти слова, жирно подчеркнутые Ильичей: «*почти впятеро меньше!!*»

– Это значит, – с гневом продолжает он, – что около *четырёх пятых* детей и подростков в России *лишено* народного образования!!

Бадаев делает короткую паузу и произносит ленинские слова, которые потом будут цитировать бесчисленное число раз, потому что в них – итог всей политики царизма:

Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания, – такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России.

Серьёзнейшее обвинение: «такой страны в Европе не осталось ни одной». Обосновано ли оно? Может, сказано в запальчивости, в гневе?

Нет. Обвинение это абсолютно справедливо. Чтобы не было никаких сомнений, вот точные цифры, которые Бадаев не приводил, но, конечно, мог бы привести, если бы от него это потребовали.

В 1910 году «показатель образования» – число учащихся на сто человек населения – составлял:

в Англии	–	17,1,
в Германии	–	17,0,
во Франции	–	14,2,
в Бельгии	–	12,3,
в Испании	–	11,9,
в Италии	–	8,0,
в Румынии	–	7,6.

Каков же «показатель образования» в России?

Его стоит написать буквами, а не цифрами, чтобы не подумали, будто здесь опечатка:

четыре и шестьдесят семь сотых (4,67)!

Ниже России в мире (а не в Европе – в Европе никого ниже не было) стояли лишь

Перу	– 3,8,
Гондурас	– 3,48,
Бразилия	– 3,3,
Гватемала	– 2,7,
Сан-Сальвадор	– 2,05.

...Ещё раньше, до речи для Бадаева, Ленин приводил в статье «Русские и негры» такие цифры:

В России неграмотных – 73 процента (не считая детей до 9 лет), а среди американских негров – лишь 44,5 процента.

Население Российской империи имело вдвое меньше грамотных, чем недавно вышедшие из рабства негры. «...Безграмотность – один из следов рабства», – писал тогда Ленин.

И в речи для Бадаева:

«Американские негры, как ни придавлены они к стыду американской республики, всё же счастливее русских крестьян ...»

Вот ещё любопытное, хоть и частное свидетельство, отысканное уже в наши дни: подписи на брачных свидетельствах. Простое дело: когда человек вступает в брак, он должен расписаться в соответствующей книге. Сейчас даже существует такое просторечное словечко: «расписаться». Говорят: «Мы с ним расписались», то есть «мы с ним поженились, зарегистрировали брак». До революции крестьянину «расписаться» было не так-то просто – поставить свою подпись умел далеко не всякий...

В Вятской губернии, например, как показали исследования записей о браках, в 1859-1868 годах из ста женихов 29 были грамотны (то есть умели расписаться!), а из ста их невест – лишь одна...

К 1907 году цифра эта выросла: теперь в той же Вятской губернии умели расписаться 58 женихов из ста и 19 их невест...

Общая неграмотность приводила к курьёзнейшим случаям. В августе 1913 года во многих газетах страны было перепечатано

¹ Эту цифру приводит В. И. Ленин, ссылаясь на официальный «Ежегодник России», изданный в 1910 году. По данным однодневной школьной переписи 1911 года, показатель образования в России был ещё ниже: 3,85.

смешное сообщение из Тобольской губернии, где волостной писарь, по невсестеству не поняв какой-то присланной ему бумаги, объявил по волости... мобилизацию. Запасные солдаты распродали за бесценок свои пожитки и двинулись в уездный город; их было несколько сот человек. На пути им встретился кто-то пограмотнее; разобрались, в чём дело, – чуть не растерзали своего писаря-грамотея...

Но самое страшное заключалось вот в чём: «ограблен в смысле образования, свста и знания» был именно простой народ.

Из тысячи крестьянских детей в канун нынешнего века лишь один имел надежду закончить гимназию, а получить высшее образование мог один из ста тысяч сельских ребят!

– И не забывайте, – говорил Ленин, – что мещан и крестьян в России 88 процентов населения, т. е. без малого *девять десятых* народа. А дворян всего *полтора процента*. И вот, правительство берёт деньги с девяти десятых народа на школы и учебные заведения всех видов и *на эти деньги* учит дворян, *заграждая путь* мещанам и крестьянам!! Неужели не ясно, чего заслуживает это дворянское правительство?

После революции 1905 года положение несколько изменилось: в гимназиях, например, дети из сельских сословий уже составляли 22 процента, а дети дворян и чиновников – «лишь» 32 процента.

Люди выходили на баррикады, в них стреляли из пушек, кони давили восставших, падали убитые на бульжкные мостовые Красной Пресни, в дома рабочих вползала страшная весть: отец убит... муж не вернётся... Революция. Она принесла перемены, и в том числе перемены в тех «процентах», которые только что были указаны. Каждый процент сочился кровью... Образование – первейшая потребность человека; за него приходится воевать не только речами, статьями и докладами – винтовками и бомбами.

С конца прошлого века начали говорить наконец о всеобщем и обязательном обучении детей, то есть о том, что давно уже было введено в других странах Европы. Количество начальных школ быстро возрастало. С 1869 по 1883 год открывали по тысяче школ ежегодно, начиная с 1884 года – почти по две тысячи школ, потом по три тысячи... За сорок лет после освобождения крестьян число учеников выросло почти в четыре раза и перевалило за три миллиона, и вот эта-то огромная цифра и составляла всего одну пятую всех детей. Остальные были по-прежнему «ограблены»... Педагоги и публицисты подсчитали: когда же в России будет всеобщее начальное обучение?

Педагог А. П. Страннолюбский в статье «Пятна невежества» привёл свой расчёт: через 125 лет...

В губерниях создавались комиссии по всеобщему обучению. Комиссии запрашивали сведения о состоянии дел. Вот ответы, приведённые в «Протоколе занятий» такой комиссии в Тверской губернии.

Председатель Корчевской земской управы сообщает:

«Приступить в настоящее время к организации всеобщего необязательного (!) обучения весьма желательно, но невозможно по неимению средств».

Председатель Старицкого училищного совета (в Старицкий уезд входило и наше село Мологино):

«На просьбу губернской управы сообщить ей о возможности в ближайшем будущем сделать народное образование доступным для всего мужского населения уезда, честь имею сообщить следующее: ...главное препятствие для введения в уезде общеобразовательного обучения для мальчиков замечается в том, что значительная часть населения по бедности своей не может посещать школу и по недостатку тёплой одежды... Небольшое количество учеников в некоторых земских школах не происходит от недостатка населения школьного возраста, а просто по невозможности посещения школ... Некоторые из крестьян потому не посылают детей в школу, что они им необходимы нянчить маленьких; другие берут своих детей из школ до окончания учебного года, желая их отдать в заработки...

Предводитель дворянства Головин. 17 марта 1894 г.».

В суховатом ответе уездного предводителя дворянства, председателя училищного совета затронута самая суть проблемы.

Даже если бы к 1910-1914 годам открыли вдвое и втрое больше школ, всё равно народ по-прежнему оказался бы *ограбленным*, ибо возможности учить детей хотя бы в начальной школе у многих крестьянских семей не было по самым простым причинам: не было тёплой одежды, чтобы посылать детей на уроки (см. ответ Головина).

Но вернёмся в зал Государственной думы. Депутат-большевик слесарь Бадаев продолжает своё выступление, перебирая записи по материалам Ленина:

– Россия бедна, когда речь идёт о жалованье народным учителям. Им платят жалкие гроши. Народные учителя голодают и мёрзнут в нетопленных и почти нежилых избах. Народные учителя живут вместе со скотом, который крестьяне

зимой берут в избу. Народных учителей травит любой урядник, любой деревенский черносотенец или добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придирках и преследованиях со стороны начальства. Россия бедна, чтобы платить честным работникам народного просвещения, но Россия очень богата, чтобы кидать миллионы и десятки миллионов на дворян-тусядцев, на военные авантюры, на подачки сахарозаводчикам и нефтяным королям и тому подобно...

И, чтобы речь Бадасва не выглядела голословной, Ленин приводит поддержку из выступления депутата-октябриста Клюжова: «Загнан, как заяц, педагог».

Это положение можно подтвердить многими и многими фактами.

Известный педагог того времени Н. В. Чехов писал, что из-за низкого жалования учителя «стремились при первом удобном случае переменить это дело на всякое другое, потому что всякий другой наёмный труд оплачивался лучше учительского».

По данным департамента полиции, за годы первой русской революции подверглись всевозможным репрессиям – от увольнения до ссылки, до казни, до виселицы – 23 тысячи учителей!

Учитель первым отвечал за революционные взгляды своих учеников, независимо от того, «виноват» он был в распространении этих взглядов или «не виноват».

Пристав Курганского уезда, Тобольской губернии, доносил начальству в 1903 году, что в одной из школ ученики поют песню: «Болванушка-болван наш Николушка Роман»; учил их этому сначала учитель Шмелёв, теперь – учитель Рождественский...

В ночь на 16 мая 1904 года ученики Нигоитского училища на Кавказе «достали со стены портрет государя и, вырезав голову, взяли её с собой, а остальную часть портрета оставили». Учитель был отстранён от должности.

Учитель расплачивался за всё. Его подозревали во всех грехах, его считали неблагонадёжным уже потому, что он – учитель. С девяностых годов многие учителя стали устраивать «народные чтения»: собирали по вечерам крестьян и читали им короткие лекции, отрывки из сочинений классиков. Чуть только распространилось это новшество, как вышло распоряжение: «Назначенные для публичного чтения сочинения не произносятся, а читаются по тексту, без всяких изменений и дополнений», чтобы не дай бог учитель не сказал что-нибудь «от себя»! А для того чтобы устраивать чтения, требовалось разрешение министерства народного просвещения, министерства внутренних дел и обер-прокурора святейшего синода...

...Речь Бадаева шла к концу. Что же предложит Ленин? Увеличить ассигнования? Улучшить быт учителей? Построить новые школы?

Нет. С *такими* предложениями думские депутаты выступали все подряд, и каждое такое предложение было обманом. Оно создавало видимость заботы о просвещении народа и скрывало главное: что царское правительство не может и не хочет дать образование народу, ибо оно враг просвещения.

И Ленин вносит единственно возможное в этих условиях *деловое* предложение, а именно: поскольку главное препятствие для развития школ – царское правительство, то надо это препятствие устранить – выгнать правительство.

Бадаев так и говорит с думской трибуны:

– Не заслуживает ли это правительство того, чтобы народ его *выгнал*?

В зале поднялся шум. Кто-то с правых скамеек выкрикнул:

– Ну, вы, потише, смотрите, чтобы *вас* не выгнали! Назревал скандал. Председательствующий, князь В. М. Волконский, вскочил, затряс колокочником, объявил:

– Член Государственной думы Бадаев, за последнее ваше выражение лишаю вас слова!

Зал захлопал; правые аплодировали «решительности» председателя, кричали в адрес Бадаева:

– Давно его пора выгнать!

Левые хлопали и кричали в поддержку Бадаева.

Речь Ленина осталась недосказанной. Но она была пророческой. Хотя через год с небольшим Бадаев вместе с другими депутатами-большевиками и пошёл под суд (другого пути «выгнать» его из Думы не нашли), но ещё через три года народ *выгнал* царское правительство, а потом и правительство Керенского.

Главное препятствие на пути народного образования было устранено.

Глава шестнадцатая

Нельзя вечно сидеть дома – надо и путешествовать. Но, путешествуя, надо и домой возвращаться... Вернулись.

Мы ещё в истории – в тех временах, о которых историки пишут (пятьдесят лет прошло, полвека!), – и в то же время мы уже в сегодняшнем дне. Дома. Любой день после 25 октября 1917 года – наш, потому что мы за него отвечаем, даже если родились

пятнадцать, двадцать и тридцать пять лет спустя после 25 октября 1917 года. Что это означает – «отвечасм»? В каком смысле – «отвчасасм»?

А во всех. Мы довольно спокойно читасм о том, что относится к прошлому или позапрошлому веку, но мы неравнодушны к каждому нашему дню. Мы злимся, если день – любой в этом семидесятилетии – был плохой; радуемся, если удачный; мы спорим, оценивая его, мы не любим, когда на эти дни нападают с враждебностью, мы морщимся, если их слишком захваливают, словно захваливают нас самих: Лишь только речь заходит об этих днях, счёт которым начался с 26 октября, мы становимся неважными историками – мы слишком пристрастны.

Революция совершилась 25 октября, а через три дня, 29 октября (по старому ещё стилю), было «распубликовано», как тогда говорили, «Обращение народного комиссара по просвещению к населению».

Это был торжественный документ – первый документ Советской власти о народном образовании. Анатолий Васильевич Луначарский, первый нарком по просвещению, написал его быстро, и вряд ли его долго обсуждали перед публикацией. Торжественный стиль, торжественные слова... Близость осуществления мечты, даже если это кажущаяся близость, пьянит, настраивает на восторженный и возвышенный лад.

«Граждане России!

Восстанием 25 октября трудящиеся массы впервые достигли подлинной власти.

...Волею революционного народа я назначен комиссаром по просвещению.

...Всякая истинно-демократическая власть в области просвещения в стране, где царит безграмотность и невежество, должна поставить своей первой целью борьбу против этого мрака. Она должна добиться в кратчайший срок *всеобщей грамотности* путём организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения, а вместе с тем устройство ряда таких учительских институтов и семинарий, которые как можно скорее дали бы могучую армию народных педагогов, потребную для всеобщего обучения населения необъятной России».

Луначарский писал, обращаясь не столько к людям, сколько к мечте, – он её призывал. Он уговаривал: «Щедрый бюджет просвещения – гордость и слава для каждого народа». Он предупреждал: «Взрослые тоже захотят спастись из униженного состояния человека, не умеющего читать и писать». Сердилась: «Было бы позором держать дальше в нищете учителей огромного большинства российских детей».

Прекрасная программа. Все знали, что не в один день она выполнится, что будет много трудностей. Но кто мог предполагать, что трудности будут *такими*, что наступит война и разруха, что школ станет не больше, а меньше, что учителя будут получать не больше, а меньше, чем до революции, и так не год, не два, не три – почти до середины двадцатых годов!

Эту главу можно было бы выдержать в торжественно-парадном стиле: пришла революция и сразу появились школы, дети пошли учиться, всеобщий подъём народного образования. Но писать так – значит приуменьшать значение сделанного позже.

Чтобы оценить подвиг народа, совершившего культурную революцию, надо точно представить себе уровень, с которого пришлось начинать.

Это был не дореволюционный уровень.

Он был ещё ниже, гораздо ниже.

Действительный статский советник Алексей Пахомович Раменский вскоре после революции был послан с делегацией ходоком к Ленину: просить хлеба для тверских учителей. Учителя голодали! Не в мундире шёл он, не с орденами и лентами через грудь: в фуфайке и в валенках с галошами, подвязанными бечёвками, чтобы не потерять. Старый симбирский учитель Егор Иванович Пастухов так передаёт рассказ Алексея Пахомовича об этой поездке:

«Был, говорит, у главного большевика. Когда-то рыбу вместе ловили, а теперь стоит во главе такой империи. Принял приветливо, вспоминал Симбирск». Скромный, головастый, в отца... Хлеба, говорит, Ленин не дал, а вот книгу о хлебе дал. Хлеб, говорит, берите на месте и нам помогайте». Алексей Пахомович всё удивлялся, как это можно: немцы и белые под Питером и Москвой, голод и холод, а он, Ленин, думает, как мужиков грамоте учить. «Правильно, – добавлял от себя Алексей Пахомович, – за главный корень берётся, без грамоты нам нельзя, а то немцы забьют».

«Книга о хлебе», которая упоминается здесь, называлась так: «Н. Ленин. Борьба за хлеб». Владимир Ильич карандашом написал на ней:

«Представителю Тверской губернии
тов. Раменскому.

Передайте учителям Тверской губернии, что их хлеб находится у кулаков и что задача Советской власти заключается в том, чтобы этот хлеб передать трудящимся.

22/II 1919 г.

В. Ульянов (Ленин)».

Когда в конце XVIII века система школ только создавалась, возникла проблема: где взять учителей, учебники и учеников?

Сейчас опять ничего не было – ни учителей (мало! И не все они сразу приняли Советскую власть: учителя Москвы и Петрограда, например, бастовали, требуя Учредительного собрания), ни учебников (старые! Да и тех не было). А ученики?..

Учеников теперь было невероятное количество, вся страна будто с ума сошла – все хотели учиться; но прежде чем учиться, надо было отстаивать жизнь, свободу, отстаивать свою страну. Прежде чем просвещать, надо было спасать тех, кого предстояло просвещать. Прежде чем издавать закон о всеобщем, пришлось объявлять декрет о всеобщем – о всеобщем *военном* обучении. За будущее образование народа пока что приходилось расплачиваться образованием же. Истерзанное гражданской войной государство могло выделить на просвещение лишь крохи, и то приходится удивляться (как удивлялся Алексей Пахомович), что хоть это давали...

Вот Свердловский коммунистический университет: учебное заведение, находившееся в центре внимания. О нём говорили на XI съезде партии в 1922 году. Что же говорили?

«Мы имеем в Свердловском университете до тысячи курсантов больных и истощённых. Мы имеем в течение 10 дней за месяц отсутствие каких бы то ни было приварков к обеду... Мы имеем ряд случаев обмороживания конечностей во время сна за отсутствием топлива, мы имеем перебои в варке пищи. От отсутствия мыла мы имеем тиф и чесотку... Мы имеем там ежемесячно около 600 курсантов босых да 500 в худом белье».

Это 1922 год. А вот уже 1924, май. Надежда Константиновна Крупская докладывает очередному, XIII съезду партии о результатах обследования в Псковской, Гомельской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской губерниях, в Уральской и Чувашской областях.

«Материал, который дало это обследование, – семь больших томов с описанием всех деталей, – показал кошмарную, ужасающую картину состояния дела народного образования в волостях», – говорит Крупская.

Учитель в нищете. «Учителя никто не кормит, он сам кормится». В некоторых губерниях «учитель сведён на положение пастуха в прежнее время. Учитель ходит из дома в дом, сегодня он кормится в одном крестьянском дворе, завтра в другом, послезавтра в третьем, а иногда и ночует так... Учителя, вовсе не религиозные, которые не крестят принципиально своих детей, всё же вынуждены для того, чтобы не умереть с голоду, читать псалтырь по покойникам. Но это уже исключительный случай. Обыкновенно учитель живёт тем, что нанимается

летом в работники к кулаку или вяжет варежки, шьёт обувь, или в лучшем случае хозяйничает на своём хозяйстве, если он местный крестьянин».

В Пензенской губернии «учительница занимается с учениками в своей комнате, а так как комната тоже сле-сле отапливается, то она сидит в лохмотьях на печи и делает диктант по Пуцьковичу, а ученики сидят в страшной грязи на полу и пишут мелом на полу и на стенах».

В той же губернии «есть сёла, в школах которых с начала войны, уже 10 лет, не было ни одной девочки. Мы говорим о ликвидации безграмотности и очень много делаем для неё, затрачиваем на это силы и внимание, а у нас безграмотность растёт. Безграмотность колоссальная. Она растёт с каждым днём потому, что дети и подростки вырастают безграмотными».

«Карандаш стоит 10 фун. хлеба, букварь стоит 1 пуд хлеба, «История» Покровского – 3 пуда хлеба. Всё это недоступно крестьянину...»

«Если бы не отдельные яркие исключения, – делает вывод Надежда Константиновна, – если бы не самоотверженность отдельных коммунистов, работников Политпросвета, не самоотверженность отдельных комсомольцев, не самоотверженность отдельных учителей, – мы погрузились бы в полнейший мрак».

Самоотверженность – вот единственно точное слово для описания борьбы за просвещение тех лет. Всё было самоотверженностью; и учиться, и учить, и даже отношение молодого государства к образованию тоже было самоотверженностью. Как иначе сказать, если, например, в декабре 1919 года, всего лишь через месяц после того, как Деникин был разбит под Орлом и у Воронежа, издаётся Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», которым предписывается:

«Всё население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучиться грамоте на родном или русском языке, по желанию».

Новое слово вошло в русский язык; оно означало целую эпоху. Слово это было остро необходимо; оно честно отслужило свой век и умерло, когда стало не нужно. Это великое слово; рождение его было трагично, а смерть – прекрасна. Слово это – «ликбез», ликвидация безграмотности.

Меры были приняты экстраординарные. Рядом с декретом о ликбезе – «Декрет о мобилизации грамотных», способных к «ясному и толковому чтению вслух», – для ознакомления неграмотных с общим укладом революционной России.

19 июля 1920 года была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности – ВЧК л/б.

В 1923 году – добровольное общество «Долой неграмотность!» – ОДН.

Общество «Долой неграмотность» собирало деньги, выпускало буквари, специальный журнал «Долой неграмотность!». Журнал выходил два раза в месяц и помещал материалы для людей, только что научившихся читать. И ещё газеты для них специальные: «В помощь учёбе» и «Крестьянская газета для начинающих читать».

Курсы ликбеза были открыты даже в Кремле, в помещении арсенала. Там висели плакаты: «Явился новый человек, да здравствует коммуны век!», «Ты расправился с царём, так расправься с букварём!».

С осени 1922 года начали создавать рабфаки – рабочие факультеты.

Революция выдвинула лозунг: образование – для всех!

Но как на практике можно было осуществить эту мечту? Чтобы учиться в институте, надо иметь хорошую подготовку; дети рабочих и крестьян не могли её иметь.

Сколько ни вывешивай плакатов о равенстве, сколько ни зови в институты детей бедняков, путь в аудитории был закрыт для них: они не имели достаточных знаний.

Рабфаки готовили в институты по ускоренной программе: в один-два года. Рабфаки требовали от юношей и девушек чрезмерного, невероятного напряжения, почти героизма (да и годы-то голодные!). Но отбою от желающих поступить на рабфак не было. Сколько ни открывали их, рабфаки не могли вместить всех. В 1927 году было отказано в приёме половине подавших заявления. А. В. Луначарский говорил на XV съезде партии:

Товарищи, это трагическое время, время приёма на рабфаки, когда наши города, в особенности Москва, буквально переполняются этими паломниками за знаниями, людьми в лаптях, людьми, кое-как одетыми, людьми голодающими, проводящими ночи на улице; люди осаждают экзаменационные комиссии и все места, через которые можно пролезть на рабфак. Потом... происходят трагические сцены – слёзы, угрозы самоубийства, заявления о том, что они не могут вернуться домой, и т. д. ...Что это такое? – продолжал Луначарский. – Это совсем не поверхностное явление, это действительно настоящая трагедия.

Страна расплачивалась за грехи царизма. Государство отказалось платить царские долги английским, бельгийским, французским капиталистам; они поносили за это Советскую власть на всех европейских углах и перекрёстках. Но за грех безграмотности пришлось платить сполна – самоотверженностью,

растратой жизни и здоровья, трагедиями тысяч людей, экономической отсталостью. В XX веке безграмотность стоит дороже, чем грамотность. Образование обходится в миллионы, необразование – в миллиарды.

Коммунисты делали то, чего насмерть боялись все правительства, существовавшие в России до Октября 1917 года. Царизм боялся: если открыть школы для всех, то ведь все захотят учиться! А если выучить всех, то все будут требовать каких-то других, лучших условий жизни.

Советская власть бесстрашно открыла все границы: знание стало доступным, как воздух, точнее, каждый получил *право требовать* знаний (воп этого-то и боялись – права требовать!). Никакое другое правительство в мире не устояло бы перед этой лавиной желающих учиться. Нужно было огромное мужество, чтобы не растеряться, не испугаться, а, год за годом преодолевая разруху, привести к своему – к исполнению обещаний, данных в Октябре 1917 года.

Трагедия безграмотности и невозможности дать образование сразу и всем на самом деле была ещё серьёзнее, чем здесь описано, потому что безграмотность и бескультура подрывали основы действий нового государства, отражались на самих этих действиях: во главе учреждений, в аппарате, на очень важных и менее важных постах стояли люди малообразованные, а других взять было негде. Получался заколдованный круг: страна страдала от бескультуры и это самое бескультура сдерживало рост культуры и образования.

Ленин выступал на съезде политпросветов:

– У нас комиссия по ликвидации безграмотности создана 19 июля 1920 года... Мало того – Чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности... Но уже то обстоятельство, что пришлось создать Чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, доказывает, что мы – люди (как бы выразиться помягче?) вроде того, как бы полудикие, потому что в стране, где не полудикие люди, там стыдно было бы создавать Чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности, – там в школах ликвидируют безграмотность. Там есть школы сносные, – и в них учат.

Где же выход из «заколдованного круга»?

Вокруг кричали: нельзя было делать революцию в стране, где нет культуры! Она невозможна!

Ленин отвечал: но кто укажет тот уровень культуры, при котором революцию делать «можно»? И когда, какими страданиями будет этот уровень достигнут? Революция сама приведёт народ к культуре...

«Мы можем (и должны), – писал Владимир Ильич, – начать

строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом».

Он без устали звал: учиться, учиться, учиться! Единственно, что нам нужно сейчас, – культура, образование, элементарная грамотность. Сердился на Луначарского за то, что тот слишком много занимался театрами и мало школами. В раздражении телефонировал ему: «Все театры совستую положить в гроб. Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте» (это уже совсем рассердившись: театры наши выжили в годы войны и разрухи именно благодаря Ленину, как и музеи, как и библиотеки).

«Мы – нищие люди и некультурные люди. Не беда. Было бы сознание того, что надо учиться. Была бы охота учиться» – это в предисловии к школьному учебному пособию по электрификации. А его предсмертные записки-завещания – *все о* культуре. О чём бы ни шла речь – о совершенствовании государственного аппарата, о рабоче-крестьянской инспекции, о кооперации в сельском хозяйстве, – всё для Ленина упиралось в одно: в культуру, в образование. Трудящиеся раздавили капитализм. «Но от раздавленного капитализма сыт не будешь, – иронизировал Ленин. – Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из неё построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем».

Вот что оказалось труднее всего. Власть взяли, заводы, фабрики взяли, землю взяли; это было сделано в день и в год. Но взять культуру? Плоды тысячелетнего развития цивилизации? «Задача – громадной трудности, на которую, чтобы полностью решить её, надо положить десятки лет!» – писал Ленин.

А без культуры всё становилось нереальным: и власть, и заводы, и земля. Без культуры нельзя пользоваться властью, не могут работать заводы и перестанет плодоносить земля... Политик без культуры превращается в политика, администратор – в бюрократа; где нет культуры, там процветает жестокость, там не ценят ни труда людей, ни жизни их, там всё бесчеловечно. Нет на свете ничего хуже, чем тёмная власть, тёмная сила.

Ленин хорошо понимал это. Он был одним из самых образованных людей своего времени и возглавлял самое культурное в мире правительство (по оценке западных специалистов, подсчитавших, сколько иностранных языков знают и сколько книг написали члены правительств крупнейших стран мира).

После того как Советское государство отстояло себя в гражданской

войне, культурная революция была необходима: без неё нельзя было выжить.

Труднейшая, кропотливейшая работа!

Несмотря на массовый поход за ликбез, несмотря на мобилизации, на отчаянные усилия сотен тысяч «культурармейцев», с 1920 по 1926 год число грамотных 20–50-летних мужчин увеличилось на 8 процентов. Много это? Огромное число! Миллионы людей! А в целом? А в целом теперь грамотной была лишь половина всех людей до пятидесяти лет... Половина! И только грамотны. А от грамотности до образованности, понятно же, очень далёкий путь. По инструкции к переписи 1926 года умеющим читать считался тот, кто разбирал печатные слова хотя бы по слогам, а умеющим писать – те, кто мог подписывать свою фамилию.

Да ещё вспомним, что если старшие учились грамоте, то снизу, с младших возрастов, подрастали новые неграмотные – из-за того, что школ было очень мало, и учителей мало, и хлеба мало, и одежды мало...

С конца 20-х годов за народное образование взялись ещё крепче: появились наконец материальные возможности.

Миллион двести тысяч культурармейцев двинулись на неграмотность.

Общество «Долой неграмотность!» объединило пять миллионов человек.

С 1921 года сеть школ сокращалась. Потом стала расти; к 1925 году она была восстановлена.

Но шли годы, и натиск не прекращался, а всё усиливался и усиливался.

И вот осенью 1933 года свершилось: впервые в истории России практически все дети 8-12 лет пошли в школу.

Все! И в бескрайней Российской Федерации, и в среднеазиатских республиках, и в Закавказье. К этому времени 48 народов России, вообще не имевших письменности, получили её (огромного объёма *научная* работа!). Даже по одной этой причине, если бы и не было войны и разрухи, всеобщее обязательное образование вряд ли могло быть введено раньше, ибо невозможно обучать человека грамоте, которой не существует в природе... Нужно было сначала эту грамоту создать.

Вот судьба первого поколения XX века, людей рождения 1900-1910 годов.

Если бы не было революции, среди них было бы 23, ну, 50 процентов грамотных.

На самом деле в 1926 году среди них было 78 процентов грамотных. В 1939 году – 93 процента! В 1959 году – 98,5 процента!

Позор XX века – неграмотность – был ликвидирован в нашей стране экстраординарными методами. Свершилось то, о чём мечтал Ленин: чтобы ликвидировали комиссии по ликвидации неграмотности. Слово «ликбез» умерло.

Уже перед войной все дети в Советском Союзе в обязательном порядке учились в начальной школе.

С 1949 года все *обязаны* учиться семь лет (до революции об этом и речи не было).

С 1959 года все *обязаны* учиться восемь лет.

А к 1975 году наша страна должна была завершить переход ко всеобщему среднему образованию.

Но ещё больше волнует другое: *чему* учатся дети? *Как* учатся? И как *воспитывают* детей в школе?

Проблемы эти возникли с первых же дней после революции. И даже раньше – ещё тогда, когда революция назревала. На II съезде Всероссийского союза учителей в 1900 году один из делегатов говорил коллегам:

– Освободительное движение – я верю! – победит, и тогда нас спросят: чем же вы, так мало участвовавшие в достижении политической и социальной свободы, обеспечите её прочность в будущем? Мы должны ответить – новой школой. Она будет оплотом свободы.

Освободительное движение победило. Какой же будет «новая школа»? Что такое «новая школа»? Насколько она «новее» старой?

Сначала – и ещё долгие годы! – всем казалось, что новая школа должна во всём – и по духу, и по содержанию, и по форме – решительно отличаться от старой школы. Всё старое было ненавистно, отвратительно, всё казалось враждебным и контрреволюционным.

Новая школа строилась как антигимназия: всё наоборот.

Что там было, в старой гимназии?

Отметки? Долой отметки!

Программы? Долой программы!

Правило вставать при входе учителя? Долой это правило, не будем вставать!

Правило ходить на уроки? Долой! Хотим – будем ходить, не хотим – не будем.

Свобода!

«...Однажды я попал на собрание пятиклассников, обсуждавших вопрос: заниматься или не заниматься? Лохматый пестовец, которому все кричали: «Браво, Кавычка!» – доказывал, что ни в коем случае не заниматься. Посещение школы должно быть добровольное, а отметки выставлять большинством голосов.

– Браво, Кавычка!

– Правильно!

– И вообще, товарищи, вопрос упирается в педагогов. Как быть с педагогами, на уроки которых ходит абсолютное меньшинство? Я предлагаю установить норму в пять человек. Если на уроки приходит меньше пяти человек, педагогу в этот день пайка не давать.

– Правильно!

– Дурак!

– Долой!

– Bravo!»

Такой митинг описан в «Двух капитанах» В. Кавserина.

1919 год. Москва. «Пестовец» – ученик гимназии Пестова, бывшей гимназии...

Можно вспомнить и «Швамбриону» Льва Кассиля: «– Пойдите же, ребята! – сказал комиссар.

– Мы не жеребята! – крикнул зал. Товарищи! – сказал комиссар.

– Мы тебе не товарищи! – издевался зал.

– Как же вас изволите величать? – рассердился комиссар. – Троглодиты! – хором отвечал зал».

В общем-то, если бы так продолжалось ещё несколько лет, выпускники тогдашних школ по уровню знаний и вправду мало чем стали бы отличаться от троглодитов...

Быть может, Ленин был единственным в те времена, кто призывал: «...мы должны взять то хорошее, что было в старой школе».

Это было сказано в 1920 году в речи на III съезде комсомола, очень поразившей тогда тех, кто её слушал. Призыв «учиться» казался парням в красноармейских шинелях по крайней мере несвоевременным, а уж взять хорошее из старой школы?.. Это было и вовсе не понятно. Что хорошего могло быть в старой школе, кроме ненавистной зубрёжки?

В то время существовало много различных концепций «новой», «свободной» школы, много «прогрессивных» теорий обучения.

И не только у нас – во всём мире.

Быть может, никто не оказал такого влияния на западную педагогику XX века, как американец Джон Дьюи.

Джон Дьюи, профессор Колумбийского университета, жил очень долго, почти сто лет, с 1859 по 1952 год. В канун нынешнего века он опубликовал небольшое сочинение «Моё педагогическое кредо» (1897 год) и высказал новый взгляд на обучение и воспитание.

Многие педагогические идеи Дьюи долгое время оказывали влияние на педагогику, в том числе и советскую, потому что это

были *современные* идеи. Как бы мы ни были благодарны Коменскому, Руссо, Песталоцци, Герbartу, Дистервегу (если говорить лишь о западных педагогах), всё же в XX веке нельзя учить так же, как это предлагалось в XVII, XVIII или XIX.

– Что такое воспитание? – спрашивал Дьюи и отвечал в несколько торжественной манере: – Я считаю, что воспитание – «это процесс жизни, а не подготовка к будущей жизни».

Мысль не новая, её сто раз повторяли до Дьюи, но каждый раз, когда дело доходит до практики, до организации школьной жизни, её забывают: будущие цели оказываются важнее сегодняшних забот. На самом деле и Дьюи был не совсем прав: незачем презирать подготовку к будущей жизни – готовиться-то действительно надо. Но нельзя, нельзя, нельзя забывать, что ребёнок *живёт* и тогда, когда он только учится жить, и чем полнее он живёт, тем лучше приготовится он к будущей, взрослой своей деятельности.

Дьюи не нравилась современная школа, он критиковал её и переступал в этой критике разумные пределы. Учителя считают, писал он, что школа – «это место, где дают информацию ученикам». Ничего подобного! Школа – часть жизненного опыта ребёнка; «учитель в школе не для того, чтобы внедрить некоторые идеи или сформировать некоторые привычки у детей, – он член коллектива», который помогает детям в отношениях друг с другом, в выборе занятий, помогает им развить то, что в них заложено.

Тут мы подходим к главной мысли Дьюи: «Прогресс школьника не в успехах в изучении наук, а в развитии новых отношений, интересов, обогащении опыта».

Если огрубить это положение, упростить его, то вот какой выбор перед нами: знания или развитие?

Должна школа давать *знания*?

Или она должна *развивать* ученика – его интересы, жизненный опыт, способности (в том числе и способность учиться)?

Мы сейчас сказали бы: зачем же противопоставлять? Пусть школа даёт *знания и тем самым* развивает ученика...

Но это легче сказать, чем сделать. Проблема обучения и развития, их связи и взаимовлияния, пожалуй, самая сложная проблема педагогики, не решённая до сих пор.

Сторонники Дьюи стояли на том, что ученик всё должен познавать своим опытом, учить лишь то, что ему, ученику, сегодня кажется *полезным*. Если он видит, что такое-то знание сегодня может ему пригодиться, если оно практично, ему будет интересно на уроке и он возьмёт это знание без труда.

Американская школа пошла в основном за Дьюи. Было

создано много разных способов обучения, так или иначе опиравшихся на взгляды этого педагога. И в нашей стране в 20-е годы все эти методы применялись.

В. Каверин в «Двух капитанах» весело описывает «комплексный» метод обучения:

«Помнится, мы проходили утку. Это были сразу три урока: география, естествознание и русский. На уроке естествознания утка изучалась как утка: какие у неё крылышки, какие лапки, как она плавает и так далее. На уроке географии та же утка изучалась как житель земного шара: нужно было на карте показать, где она живёт и где её нет. На русском Серафима Петровна учила нас писать «у-т-к-а» и читала что-нибудь об утках из Брема. Мимоходом она сообщала нам, что по-немецки «утка» так-то, а по-французски так-то. Кажется, это называлось тогда «комплексным методом». В общем, всё выходило «мимоходом».

Был ещё «метод проектов», был «бригадный метод»: уроки задавали не каждому в отдельности, а на бригаду. Был метод, который назывался «Дальтон-план» (его очень поддерживала Н. К. Крупская). Учитель составлял вместе с учеником индивидуальный план его занятий на семестр или на месяц, а потом ученик сам занимался, пользуясь консультациями учителя.

Как оценить эти методы? В них было много хорошего по замыслу, но на практике они оказывались прожектерством, оборачивались неудачей, приводили лишь к тому, что школа переставала давать знания, разрушалась. Поэтому все подобные методы были запрещены в нашей стране в начале 30-х годов. Школа опять стала школой: урок в классе, задание на дом, сочинение, контрольная, отметка, твёрдая программа, твёрдый «стабильный», как говорят, учебник. Опытам и проскам был положен конец: школа должна давать знания, прежде всего знания! Твёрдые, прочные, основательные; тот, кто окончит школу, должен быть способным учиться в высшем учебном заведении.

Школа живёт, меняется её возраст, меняются требования к ней. То, что завоёвано ею, – то завоёвано, этого не отнимешь, но впереди опять трудности, и в каком-то смысле опять приходится начинать «всё сначала»: у истории нет привилегированных точек, всякий её отрезок равноправен в сравнении с другими периодами, и если мы сегодня можем учитывать опыт педагогов прежних лет, то это вовсе не значит, что нам «легче», чем было им. Граница знаний о школе, о том, как учить детей, продвинулась трудами многих замечательных людей далеко вперёд, но всё равно перед нами неосвоенное пространство.

И вновь, как и всегда, от учителей требуется и ежедневная борьба, и мужество, и талантливость.

Всеобщее обязательное обучение стало не просто явью – стало привычным, само собою разумеющимся, чем-то таким, о чём и разговаривать долго не стоит: не говорим же мы о том, что всех детей кормят или одевают? Хотя поддерживается оно постоянным тяжёлым трудом очень многих людей, всё ещё есть дети, которые почему-либо не ходят в школу, бросают её, не доучившись; сельским ребятишкам подчас бывает очень трудно добраться до школы – длинна дорога, а интернатов не хватает или они неблагоприятны. Всеобщее образование можно ввести, но после издания соответствующего закона приходится ежедневно добиваться, чтобы он выполнялся. Чуть ослабили усилия – и вот уже опять неграмотные, недоучившиеся: дети подрастают каждый год...

В начале века, вспомним, Россия занимала по уровню образованности последнее место в Европе. Теперь, по данным документов, нашу страну нет смысла сравнивать ни с одной страной в Европе: на каждые 100 человек населения у нас учеников в общеобразовательных школах и средних учебных заведениях больше, чем в любой другой европейской стране.

А в мире? Выберем из соответствующей таблицы страны с самым высоким процентом учащихся ко всему населению:

Канада	– 25 процентов
СССР	– 23 процента
США	– 23 процента
Австралия	– 23 процента
Япония	– 22 процента

Но уже мы все недовольны – и правильно недовольны! – тем, что не каждый, кто хотел бы получить высшее образование, может его сегодня получить (хотя по числу студентов на 10 тыс. человек населения мы на втором месте в мире после США). И тысячи людей, которые семьдесят лет назад не могли бы рассчитывать на то, что их обучат элементарной грамоте, сегодня огорчены из-за отказов принять их в *аспирантуру*.

Тяга к образованию не насытна.

Всё, чем человек может (хотя бы теоретически может) насытиться, всё, что имеет предел насыщения, принижает человека. Но всё, что не имеет предела, возвышает, ибо только это, беспредельное, точно соответствует беспредельности, безмерности человеческой природы.

Глава семнадцатая

Внимательный читатель, очевидно, заметил, что в галерее педагогов, представленных в книге, есть одно несоответствие. В жизни каждый из нас чаще встречает педагогов-женщин, а тут всё мужчины да мужчины...

Оправдаться не трудно: до известной поры и невозможно было бы говорить о женщине-педагоге. Женщина вошла в класс, к учительскому столу, совсем недавно. Ушинскому приходилось доказывать: «Нет причин, почему бы женщина могла отстать от мужчины в науке и в способности преподавания».. Но редакция журнала, поместившего его статью, сделала примечание к этим строчкам: «По нашему мнению, такая учёная женщина перестаёт быть женщиной. Достоинство педагогических способностей женщины есть также пока спорный предмет».

Однако уже в конце 70-х годов десятилетняя девочка сидела в классе, слушала учительницу и рисовала домики с вывеской «Школа», мечтала о том, как она вырастет и тоже будет сельской учительницей. Эту девочку звали Надей Крупской. О том, что она станет во главе народного просвещения целой России, да ещё Советской России, она думать не могла. Но если теперь, задним числом, просмотреть год за годом жизнь Надежды Константиновны до революции, то окажется, что она готовилась к предзнаменительной ей роли самым серьёзным образом. –

Бывают характеры броски: их легко описывать. Два-три выдающиеся черты, два-три драматических эпизода из жизни – и читатель может представить себе человека. В Надежде Константиновне ничего броского нет. Она вся – ровность, сдержанность, скромность; определённость. Даже искания её, почти обязательные в молодости каждого талантливого человека, были не блужданиями, а стремлением к цели, быть может и неосознанной поначалу, но предчувствуемой.

Отец Надежды Константиновны, сначала офицер, потом чиновник, потом юрисконсульт, был, по всей видимости, человеком чрезвычайно пылким и до крайности честным. Сохранилось письмо его к командиру полка с просьбой перевести служить из Польши в родные края, в Казанскую губернию. Это официальный документ, но вот каким языком пишет прошение Константин Игнатьевич:

«От подобных обстоятельств жизни какая-то невыносимая тоска давит душу – весь организм мой, а желание служить на родной земле день ото дня сильнее овладевает моими чувствами – парализует все мои мысли».

Видимо, «какая-то невыносимая тоска» – явление, так

знакомое честным людям в России того времени, – всю жизнь гнала, давила Константина Игнатьевича; всю жизнь искал он связи с людьми, старавшимся что-то сделать для своей страны, – с народниками, с русской секцией I Интернационала. Всю жизнь находился под подозрением начальства, был уволяем «без объяснения причин», был отдан под суд – и оправдан после шестилетнего процесса. Потрясающая деталь, промелькнувшая в одном из воспоминаний: о предполагаемом 1 марта 1881 года убийстве царя Константин Игнатьевич знал заранее! А позже его двенадцатилетняя дочь смотрела из окна гимназического класса на четвёртом этаже, как царевубицу Софью Перовскую с товарищами, в чёрных халатах и чёрных высоких клобуках, везли на казнь, на Семёновский плац.

Человек, не судачливый не из-за бесталанности своей, а именно из-за того, что он знал и видел больше, чем его сослуживцы, Константин Игнатьевич умер очень молодым, оставив жену и дочь почти без средств к существованию. Дочь училась в то время в частной гимназии А. А. Оболенской. Это была хорошая гимназия. Там были первоклассные учителя, и среди них, например, Елизавета Фёдоровна Литвинова – первая в России женщина, которой дозволено было преподавать математику в старших классах гимназии.

Надежда Константиновна писала позже: «Никто на нас не кричал, дети держали себя свободно, были дружны между собой, и я со многими подружилась. Учиться было очень интересно. Я до сих пор вспоминаю эту гимназию с добрым чувством: она дала мне много знаний, умение работать, сделала меня общественным человеком».

Вот, между прочим, короткая и прекрасная программа для любой школы: она должна давать много знаний, умение работать и делать своих учеников общественными людьми.

Жизнь у Надежды Константиновны была в это время трудная, бедная. Ей приходилось зарабатывать репетиторством. Одноклассница, с которой (за плату) занималась Надежда Константиновна, получила при выпуске золотую медаль. Её наставница, Надежда Константиновна, тоже получила золотую медаль. Окончив гимназию, Крупская не покинула её. Она осталась учиться ещё на год в педагогическом классе: она по-прежнему хотела стать учительницей, возможно, под влиянием матери – Елизавета Васильевна до замужества была гувернанткой в помещичьей семье.

Чего искала в жизни тихая, флегматичная на вид девушка? Какой огонь жёг её? Это можно понять из одного письма Крупской. Восемнадцатилетняя Надежда Крупская решает на смелый поступок: пишет самому Льву Толстому. Интонация её

письма заставляют вспомнить строчки Константина Игнатьевича, приводившиеся выше: дочери передалось душевное смятение отца, недовольство собою, стремление жить честно.

«Многоуважаемый Лев Николаевич! – писала Н. Крупская. – ...Последнее время с каждым днём живее и живее чувствую, сколько труда, сил, здоровья стоило многим людям то, что я до сих пор пользовалась чужими трудами. Я пользовалась ими и часть времени употребляла на приобретение знаний, думала, что ими я принесу потом какую-нибудь пользу, а теперь вижу, что те знания, которые у меня есть, никому как-то не нужны, что я не умею применить их к жизни, даже хоть немного заглазить ими то зло, которое я принесла своим ничегонеделанием, – и того я не умею, не знаю, за что для этого надо взяться...»

Обратим внимание: здесь нет самобичевания, наоборот – спокойная уверенность в себе, в своих знаниях, в своих возможностях быть полезной.

По просьбе Крупской Л. Н. Толстой выслал ей книжку: чтобы она свернула перевод, исправила его для дешёвого народного издания. Это был «Граф Монте-Кристо». Надежда Константиновна выполнила эту работу: она изучала много языков (немецкий, французский, английский, польский, еврейский). Но, конечно, не такого дела она искала, не то ей было нужно.

Проходит несколько лет, и Надежда Константиновна переступает порог воскресной школы для взрослых в селе Смоленском на Шлиссельбургском тракте. «...Юная девушка в простом чёрном платье, со скрещенными на груди руками, с глубоким, целеустремлённым взглядом светлых, чуть косо поставленных глаз...» – такую запомнила Крупскую художница Т. Жирмунская. Школа была серьёзным учебным заведением: по воскресеньям и дважды в неделю по вечерам сюда приходили на занятия до тысячи рабочих. Надежда Константиновна была очень молода; ей поначалу доверили лишь класс начинающих: обучать грамоте. «Выучи грамоте – подарю на сарафан», – написал учительнице Надежде Константиновне один из её учеников, рабочий Карасёв. Преподавать было трудно. Послушно рассказав урок о шарообразности Земли, кто-нибудь из учеников мог потом заявить: «Только я этому не верю... Это господа нам, рабочим, голову морочат, – станут они нам правду говорить».

Не смешные слова: в них была чутьём уловленная истина. Конечно, в вопросах о шарообразности Земли обмана не было. Но кто в то время, какие «господа» знали правду о положении рабочих и, главное, о том, как это положение на деле изменить? Эту правду, прежде чем принести её рабочим, надо было самой узнать, самой в сомнениях выстрадать, отыскать.

Крупская идёт в кружки марксистов – слушать, спорить, думать. Читает Марксов «Капитал». Потрясена. До двадцати лет она, как и её мать, верила в бога. «Капитал» разрушает веру и надежду на бога. Нужны реальные действия, реальная борьба, надо искать – или создавать – реальные силы, которые найдут необходимую людям правду и построят жизнь по этой правде.

Так для Крупской с первых дней её работы слились в одно понятие «школа» и «революция».

Она оказалась перед выбором. Занятия в школе, частные уроки (основное средство к жизни) и посещение политических тайных кружков несовместимы – не хватает времени. После колебаний Крупская отказалась от уроков. Остались занятия в школе и кружки. И там, в одном из таких кружков, в доме 99/33 по Большеохтинскому проспекту, на масленице 1894 года молодая учительница встретила человека, о котором в те месяцы много говорили в потаённом Петербурге: приехал-де из Самары молодой юрист, очень образованный, марксистскую литературу знает назубок, великолепный оратор, серьёзный, пылкий, непримиримый... Владимир Ульянов, младший брат повешенного царём Александра Ульянова.

Хозяйину квартиры, где произошла встреча, Инженеру Роберту Классону, было 26, Надежде Крупской – 25, Владимиру Ульянову – 24. Молодые люди, начало жизни, но какое трудное начало!

Они познакомились. Понравились друг другу. Они читали одни и те же книги. Думали об одном. Надежда Константиновна жила школой. Владимир Ильич вырос в доме учителя, где всё жило школой. Он приходил на занятия к Крупской, «усердно читал сочинения и стихи» её учеников; они становились его учениками. Крупская преподавала им в школе то, что разрешено было преподавать; Ульянов преподавал им в тайном кружке то, чего преподавать открыто было нельзя. Кончилось тем, чем не могло не кончиться: арестовали и посадили в тюрьму сначала Ульянова, позже Крупскую. Пока она была ещё на свободе, Владимир Ильич в письмах из камеры спрашивал книгу про какую-то «миногу». Тюремщики могли удивляться странным интересам юриста; друзья же знали, что «минога» – это кличка учительницы из Смоленской школы, Надежды Крупской. Один из друзей Владимира Ильича, Г. М. Кржижановский (тоже, как и Классон, инженер), называл Крупскую Галилеем – наверно, за мудрость и непоколебимость. «А ну-ка, Галилей, что ты мне по этому поводу скажешь?» – обращался он к Надежде Константиновне, как к арбитру в спорах.

А прокурор, заканчивая допрос учительницы, процитировал Некрасова:

– Однако я вижу, что в вас «под маской наружного холода бесконечная скрыта любовь...» – Прокурор сделал эффектную паузу и продолжил: – ... к революционному делу. Любовь к революционному делу.

Ленина сослали в Красноярский край, в село Шушенское. Он звал Крупскую к себе. Писал, что любит, просил стать его женой.

«Ну что ж, женой так женой», – отвечала Надежда Константиновна.

Все, кто знал её в те годы, пишут о ней, не сговариваясь: «На вид флегматичная», «На вид скромная, на первый взгляд незаметная». Но прокурор был прав: «под маской наружного холода бесконечная скрыта любовь», и не только к революции. Георгий Максимилианович Кржижановский (тот, что прозвал Крупскую Галилсес) писал потом о жене Ленина, – в этих его словах чувствуется инженер, человек точного знания и точно выраженной мысли: «Трудно было бы найти друга, который давал бы такой минимум осложнений в жизни и такой максимум крепкой поддержки».

Женой так женой.

Надежда Константиновна с матерью стали собираться в далёкое путешествие к сосланному Ильичу, «Старику» – так звали в подполье Ленина.

Денег на дорогу не было.

Разрешения от полиции не было.

Разрешение дали лишь на том условии, что молодые немедленно по приезде Крупской обвенчаются.

Деньги достала мама, Елизавета Васильевна. Когда умер Константин Игнатьевич и его похоронили, Елизавета Васильевна купила место на кладбище рядом с могилой мужа, чтобы после её смерти им лежать рядом. Теперь она продала эту будущую свою могилу, как бы предчувствуя, что всё равно не быть ей похороненной на русской земле (Елизавета Васильевна умерла в 1915 году в эмиграции и похоронена в Швейцарии). За место на кладбище дали почти 100 рублей – большую по тем временам сумму, вполне достаточную даже для такого трудного переезда.

10 июля 1898 года состоялась свадьба. Рабочий-финн Оскар Александрович Энгберг, сосланный в Шушенское за участие в стачке, смастерил для молодых два медных колечка. Надежда Константиновна всю жизнь хранила их.

Как описать ту необычную жизнь, которая началась с этого дня? Ссылка, эмиграция, возвращение домой (где был дом Ульяновых?). В России Крупская жила по подложному паспорту. Выписывал его не очень серьёзный человек; он придумал Крупской такое имя: Прасковья Евгеньевна Онегина.

С таким паспортом «дочь» Евгения Онгина могла легко попасться. Но всё обошлось: паспорт и не понадобился. Революция 1905 года была разгромлена, приходилось возвращаться в эмиграцию.

Крупская была жена: вела вместе с матерью хозяйство, «обед варила, и на рынок ходила, и старалась купить продукты поэкономней» (это она сама о себе).

Крупская была партийный работник. Каждый месяц она по поручению Ленина отсылала в Россию до трёхсот писем. Десять писем в день – не так уж много? Но каждое надо было написать, потом зашифровать, потом написать какое-нибудь «внешнее», безобидного содержания письмо и затем особыми чернилами внести между строк «внешнего» шифровку. А письма – не две строчки, а длинные, на многих страницах. Кропотливая, утомительная работа, требовавшая огромного внимания и Ответственности: всякая небрежность могла привести к гибели адресата.

И наконец, но это самое важное – Крупская была партийный публицист.

Первая её книга называлась «Женщина – работница». В ней, между прочим, есть такое место:

«Как будет поставлено дело воспитания при социалистическом строе?.. Самое трудное время – это период воспитания детей в дошкольном возрасте». И дальше Надежда Константиновна описывает удивительные, неслыханные учреждения: «так называемые «детские сады»: «Смех и детский говор оглашают дом и сад... Дети поделены на группы, и каждая группа занята своим делом... Учительницы умеют занять и трёх-четырёхлетних малышей, вовремя накормить их, уложить спать. На полу расстилаются широкие тюфяки, и детвора лежит рядком, прикрываясь одним общим одеялом».

Крупская посещает школы, читает педагогическую литературу. Думает: какой же будет школа после революции, какой должна быть? Вот какой: чтобы её ученики, вырастая, становились такими людьми, которые «были бы и сами счастливы, и всюду несли с собой бодрость, знание, любовь к труду».

Всегда было: сидели где-нибудь в глуши чудаки, писали проекты реформ и посылали их министрам или царям. Крупская к таким чудакам не относится. Она, как и её муж, была уверена, что революция неизбежна и близка. Что с того, что Россию, кажется, и века не сдвинут с места? Что лучшие из лучших её людей рассеяны по ссылкам и тюрьмам, заброшены в эмиграцию? Что в реальной русской школьной политике довольно мрачные времена? Крупская пишет о школе будущего, но это не мечта, не утопия и даже не проект реформ, а спокойная, *практическая* работа: завтра её школа станет явью.

Одну из работ 1911 года (кто мог предсказать, что всего шесть лет отделяют это время от Октябрьских дней?) Надежда Константиновна заканчивает так:

«Тот, кто прочтёт эти беглые заметки, скажет, может быть: всё это праздная болтовня, благие пожелания, утопия. Конечно, при существующих условиях свободная трудовая школа может существовать лишь как исключение. Пусть так, что же из этого? Настанет время, когда будет возможность создать такую школу, какая нужна подрастающему поколению. И надо будет уметь её создать, а для этого нужен опыт, нужно, чтобы мысль заранее работала в этом направлении, чтобы ясно было, как браться за дело».

Мысль работала, опыт накапливался, и, когда пришла революция, у большевиков, взявших власть, была определённая программа в области народного образования. Крупская не стала народным комиссаром, она занимала относительно скромные должности, но она была *вдохновительницей* всей работы Наркомпроса. Анатолий Васильевич Луначарский писал потом, вспоминая самые трудные дни: «Конечно, многое в первое время было убого, робко, но в то же время это были дни колоссального по своей широте творческого размаха, возможного только благодаря подготовленности и твёрдости педагогической мысли вдохновительницы Наркомпроса Н. К. Крупской».

Педагогическая подготовленность... Незадолго до революции Крупская закончила большую работу «Народное образование и демократия». Для этой книги она составила 27 тетрадей конспектов на трёх языках. Это был, по существу, обзор всей известной педагогической литературы (Руссо, Песталоцци, Оуэн), сделанный с совершенно новой точки зрения: с точки зрения теории Карла Маркса. И в этом состоит главное значение Н. К. Крупской для мировой педагогики. До неё никто не мог бы так определённо сказать, в чём же заключается марксистский подход к образованию.

Это был серьёзнейший научный вклад в педагогику, и видный историк М. Н. Покровский писал, что Н. К. Крупская занимает «одно из самых выдающихся мест... в истории педагогической мысли всего мира».

Что же было главным для Крупской? Чем отличается марксистское представление о школе от прежних представлений?

Крупская видела советскую школу прежде всего трудовой, политехнической.

Ребята изучают в школе, как трудятся люди. Получают такие знания, которые помогут им в будущем трудиться в любой из многих областей народного хозяйства.

Они будут подготовлены *ко многим* видам технической деятельности.

И пока ребята учатся, они обязательно должны быть заняты коллективным производительным трудом, создавать какие-то реальные ценности, а не просто работать у станков. Крупская, вслед за социалистами-утопистами, вслед за Марксом, придавала этому очень большое значение. Она считала производительный труд в коллективе необходимым условием правильного воспитания детей.

Всё это сложные вопросы. Труд – хорошо. Но какой? В какой форме? Как его организовать, чтобы он действительно воспитывал хороших людей?

И чему должны учиться в новой, советской школе?

И как учить?

И кто будет учить?

И по каким учебникам?

Всем этим занималась Надежда Константиновна.

Она работала невероятно много, нечеловечески много. На одном из совещаний в 1918 году она тихо попросила помощницу: – Наташа, выведи меня, я потеряла зрение.

Оказалось, полная слепота. От общего истощения организма. К счастью, через полтора часа зрение вернулось.

Когда умер Владимир Ильич, Крупская после похорон лишь два дня оставалась дома. Потом вышла на работу.

В 1922 году Крупская, кроме других дел, стала ещё редактировать журнал «На путях к новой школе». В каждом номере журнала появлялись одна или две статьи Надежды Константиновны да ещё четыре-пять рецензий; она просматривала всю педагогическую литературу, выходящую в нашей стране и за рубежом, и всякую интересную книгу тут же и рецензировала, обращала на неё внимание. И так всю жизнь. Ежедневно Надежда Константиновна вставала в пять-шесть часов утра и до того времени, когда надо было идти на работу в Наркомпрос, писала статьи, просматривала чужие рукописи и писала на них отзывы, готовилась к выступлениям. Это у неё называлось «учить уроки». С утра все «уроки» были сделаны.

Крупская была точна и аккуратна во всех своих делах. Регулярно подводила итог: что сделано за месяц, за год. Вот данные за январь 1930 года – за месяц до смерти Надежды Константиновны: статей – 20, выступлений – 16, писем – 240.

За весь 1938 год: статей – 112, выступлений – 172, писем – 2500.

Пожалуй, только журналист оценит эти цифры, поймёт, что значит писать 20 статей в месяц, 100 – в год. Да сейчас, кажется, нет ни одного журналиста, который столько бы писал

(а ведь Крупская ещё и выступала через день, и работала в Наркомпросе, руководила всем политическим просвещением в стране, редактировала журнал, руководила Обществом педагогов-марксистов).

Можно было бы сказать – трудолюбие, но «трудолюбие» – слабое слово для определения такой жизни. «Уйма работёшки!» – только и приговаривала Надежда Константиновна, вздыхая, и в этом ласковом «работёшка» виден весь человек. Ещё одно любимое её выражение – «толчяя непро-толчённая». Это не про людей, про дела: дела толпились, ждали очереди, проталкивались к ней, всем нужна была эта старая немногословная женщина с тихим голосом, добрым сердцем и ясным разумом.

Есть такой метод: создаётся «словесный» портрет человека по самым отрывочным воспоминаниям разных людей. Составим такой портрет из множества опубликованных рассказов о Надежде Константиновне.

...Из кабинета вышла женщина в длинном чёрном платье. Несколько выпуклые глаза её смотрели на нас ласково, внимательно. Говорила она медленно, обдумывая каждое слово.

Милое умное лицо... Вдумчивый тёплый взгляд, мягкая манера обращения, необычайная простота в одежде – серый сарафан, серенькая в полоску батистовая кофточка. Почти поминутно она отбрасывала прядь волос, которая то и дело падала ей на правое ухо и глаз.

Всё в ней было привлекательно: спокойное, немного грустное лицо, седые, завязанные сзади узелком волосы, прядками спадающие у висков...

Она сидела, подперев голову рукой, устремив внимательный взгляд на выступавшего. На руке – простые часы, надетые так, что циферблат находился с внутренней стороны руки. Видимо, так ей было удобнее смотреть время. Тогда уже входили в обиход роговые очки, но Надежда Константиновна предпочитала стальную оправу.

Говорила она так тихо, что, несмотря на абсолютную тишину, воцарившуюся в зале, люди, желая слышать каждое её слово, напряжённо вытягивали шеи и прикладывали руки к ушам.

Голос у неё тихий, приятный. Ни разу она не повышает его, не жестиккулирует, не заглядывает в конспект.

Она была со всеми ровна и спокойна, тем особым, к сожалению, редким для многих спокойствием, которым обладают, только люди большой культуры и сильной воли.

Воспоминания художницы, рисовавшей Крупскую: взглянув на рисунок, Надежда Константиновна «с застенчивой улыбкой сказала:

– Трёпа я, трёпа...»

Ворчала она часто. Воркотня была её особой манерой выражать самые различные настроения.

Это Крупская в воспоминаниях людей, которые её знали.

А сама о себе Крупская написала очень мало. Небольшой очерк для детей. Когда же её уговаривали написать о себе побольше, она отвечала:

«И что же мне писать о себе? Я крепко люблю Ильича; то, что его волновало, волновало и меня, я старалась в меру своих сил и умения помогать ему в работе, но я ведь рядовой работник. Чего тут писать?»

Рядовой работник!..

Глава восемнадцатая

Педагогика одновременно и искусство, мастерство, и сложная наука. И, как у всякой науки, у неё есть свои основания.

Например, перед нами поставлена задача: обучить мальчика (или сорок мальчиков и девочек) математике в пределах, установленных школьной программой. Допустим, что мы сами математику знаем хорошо.

Как приступить к делу?

У нас есть три возможности.

Первая возможность – первый шаг. Мы просто приходим в класс и, сообразуясь со здравым смыслом, начинаем объяснять ребятам, скажем, четыре правила арифметики, давать им упражнения, спрашивать их, вызывать к доске, ставить отметки и т. д.

Каждый, кто знает математику, может, в общем-то, обучать математику любых других людей. Один – более успешно, другой – менее; одних людей быстрее научишь, с другими придётся повозиться.

Кто-то из класса выучится, а кто-то нет.

Но есть вторая возможность – сделаем второй шаг. Прежде чем начать учить, углубимся в специальные книги по дидактике и методике. Там, в этих книгах, мы узнаём, в каком порядке выгоднее расположить материал, какими доказательствами пользоваться, как построить урок и как сделать, чтобы ребята не просто выучивали четыре правила, но ещё и развивались при этом.

Теперь, если у нас ещё к тому же способности к преподаванию, мы успешно выучим гораздо большее число из наших

сорока ребят, выучим их лучше, меньше будем мучить их во время учения. Мы даже можем сделать так, что учение будет им в охоту.

Но откуда берутся все эти правила, методы, приёмы?

И тут перед нами открывается третья возможность – сделаем третий шаг.

Мы учим ребят. Ребята постигают основы наук. Но по каким законам происходит это постижение? Как протекает мышление ребенка? Что происходит в его голове, когда он запоминает правило? Что такое внимание? Что делает ребенок, когда он в уме решает пример?

На все эти вопросы отвечает специальная наука – психология. Если педагог не знает её, он работает вслепую или по подсказке других опытных и учёных педагогов. Он применяет некоторые правила, но не знает, почему он применяет их, откуда эти правила взялись и насколько они действенны.

Психология не отвечает на вопрос «Как лучше учить?». Это дело педагогики. Психология – среди других её проблем – лишь исследует, как человек учится, как и в зависимости от чего изменяется его мышление, как развиваются его чувства, характер, из чего складывается его личность, каково происхождение его способностей и как они изменяются с годами.

Есть ещё одна наука, необходимая педагогу, – физиология. Это наука о человеческом организме, его устройстве, его изменениях.

Эти две науки – две первые помощницы педагогики. Без психологии и физиологии современная педагогика не могла бы существовать.

Но, вообще-то говоря, у педагогики есть ещё более широкое основание, ещё более прочный фундамент: философия, логика, социология, этика, эстетика... А главный источник педагогических идей – опыт. Народный опыт воспитания детей в семьях, многовековой опыт обучения и воспитания детей в школе.

Можно быть педагогом, сделавшим только первый шаг: изучив свой предмет. Это минимум. Не зная предмета, никого ничему не научишь.

Лучше быть педагогом, сделавшим второй шаг: изучив специальную педагогическую науку, теорию обучения и воспитания детей.

Но только тот педагог в самом истинном смысле слова, кто сделал и третий шаг: кто добыл очень серьёзное образование, кто внимательно изучил педагогический опыт народа и школы, кто хорошо знает психологию, физиологию, философию, социологию, логику.

Первым из таких широкообразованных педагогов был в наше

время Павел Петрович Блонский, хотя именно ему принадлежат следующие иронические строчки:

«До конца университета я педагогикой совершенно не интересовался, нигде ей не учился и ничего по ней не читал... Откровенно сознаться, я и сейчас считаю педагогическую литературу самой скучной в мире» – так Блонский начинает автобиографию. А называется автобиография «Как я стал педагогом»...

Если имена, упоминавшиеся в этой книге, наверно почти все были известны читателю и раньше, то имя Блонского, возможно, встретается чуть ли не впервые. До недавнего времени труды Блонского не переиздавали, и нам даже трудно представить себе, как был знаменит – и заслуженно знаменит! – этот педагог сразу после революции, в 20-е годы, и в начале 30-х. Книги П. П. Блонского выходили каждый год. По крайней мере одну из них – «Трудовая школа» – внимательно читал и подчёркивал Владимир Ильич.

От портрета Блонского трудно оторваться. На снимках он выглядит рабочим-революционером, вроде Максима из кинотрилогии, – и рабочий, и интеллигент. Во взгляде его – и воля, и мягкость, и как-то сразу видно, что это очень талантливый человек. Блонский и был невероятно талантлив. Он был и философ, и психолог, и педагог.

Талантом веет от каждой строчки Блонского. В педагогических сочинениях стиль – важная характеристика. Большой педагог – всегда большой публицист, из этого общего правила почти нет исключений.

Блонский был страстен и пылок. Его сочинения можно ставить рядом с книгами Пирогова или Писарева – Блонский не уступит им.

«...Неужели идеал школы – воспитание квалифицированного рабочего?.. Неужели даже в школе человек не самоцель?..»

«Выражаясь резко, мы, учителя, – дрессировщики, гипнотизёры, а ученик – попутай, загипнотизированный авторитетом автомат...»

«Любите не школу, а детей, приходящих в школу; любите не книги о действительности, а самую действительность; не жизнь суживайте до учения, но учение расширяйте до жизни! А самое главное: любите жизнь и как можно больше живите живою жизнью».

Эти выдержки из статьи, написанной в канун революции, приведены здесь не для знакомства читателя с системой взглядов Павла Петровича Блонского, а просто для того, чтобы можно было почувствовать этого человека, его темперамент, его здравый смысл. Его книги не устарели, не к истории относятся, они

и сегодня зовут: «Учитель, стань человеком!» (так называется глава в одной из книг П. Блонского).

С одними людьми бывает много всяких приключений; другие, казалось бы, живут однообразно: день за днём проводят среди книг, в аудитории, в лаборатории. Но приключения духа, приключения мысли, приключения научных взглядов иногда бывают очень острыми, даже опасными, хотя их, конечно, не покажешь в кино.

Когда Блонский начинал свою учёную деятельность, он был философом-идеалистом. Потом, под влиянием Октябрьской революции, которую он принял в числе самых первых педагогов, он начал изучать марксистскую философию и взгляды его стали изменяться. И в то время, когда другие учёные ещё оставались на старых позициях, Блонский написал свой «Очерк научной психологии» – первый марксистский анализ этой сложной науки. Он создал книгу в одиночку, ему не на кого было опереться – как пионер. В наши дни учёные называют эту работу «научным подвигом».

«Мы живём среди людей и находимся в общении с ними. Легко предположить, как много выиграло бы общение с людьми от знания поведения их, сколько нежелательного исчезло бы в нашем быту, если бы мы лучше знали и понимали поведение людей. Наконец, чем лучше мы будем знать, в зависимости от каких условий это поведение изменяется, тем успешнее мы будем влиять на него. И политик, и судья, и моралист должны уметь разбираться в поведении людей. Писатель, артист, оратор – словом, всякий, кто обращается к человечеству, должен знать психологию человечества. Знание того, как и отчего изменяется поведение ребёнка, необходимо воспитателю».

Блонский в юности тренировался в наблюдении за людьми. И студентов своих он заставлял ездить в трамваях и пригородных поездах, чтобы изучать пассажиров: учиться определять по выражению глаз, мимике, жестам душевное состояние человека, его настроение, уровень культуры, склад характера.

Блонский очень не любил учителей, которые приходят на урок, спрашивают, ставят отметки, задают на дом и покидают класс. Он хотел дать советскому учителю истинное, серьёзное знание о ребёнке. Когда появилась новая наука – педология, наука о поведении ребёнка, он увлёкся ею, написал большой труд – «Педология».

Но у педологии была вот такая ошибка: она слишком большое значение придавала наследственности и биологическим особенностям детей. Педологи проводили опросы и испытания детей, устанавливали уровень их умственного развития. По всей

стране существовали специальные педологические кабинеты с наборами тестов, головоломок, вопросников. Мальчишка должен был решать задачи и отгадывать головоломки. В зависимости от результатов его зачисляли в развитые или неразвитые. Методика таких исследований в то время была ещё очень неразработанной, это приводило к ошибкам. К тому же как-то так получилось, что педология вытеснила педагогику. Исследовать способности детей надо, но надо же детей и учить, развивать их способности!

В конце концов педология была раскритикована. Нетрудно представить себе, что пережил учёный, когда его работа оказалась перечёркнутой. Он недолго прожил ещё: в 1941 году Павел Петрович Блонский умер (а родился он в 1884 году).

Долгие годы учителя и психологи, несколько напуганные печальным концом педологии, практически вообще не изучали особенности детей, их поведения.

И лишь в последние десятилетия стала вновь развиваться педагогическая психология, стали исследовать поведение ребёнка в семье, школе, среди товарищей, его симпатии и антипатии, его интересы. И труды Павла Петровича Блонского вновь переиздаются, учёные и педагоги часто обращаются к ним.

* * *

Одни становятся педагогами потому, что в детстве они видели очень хороших учителей и захотели подражать им.

Другие, наоборот, становятся педагогами потому, что в детстве их учили *очень плохо* и захотелось самим найти лучшие способы воспитания и обучения.

Педагоги от радости и педагоги от боли.

Из гимназии Станислав Теофилович Шацкий вынес впечатление: «Так не надо ни учиться, ни учить». Его всю жизнь преследовало воспоминание о товарище-гимназисте: учитель математики собирался поставить ему единицу, «а тот рыдал, целовал его рукав и просил пощады».

Сначала Шацкий сам учился учиться. Он был типичным «вечным студентом». Окончил естественный факультет Московского университета, потом учился в Консерватории, потом поступил в Петровскую (теперь Тимирязевская) земледельческую академию и стал любимым учеником Климентя Аркадьевича Тимирязева.

К 1910 году Шацкий был певец, актёр, режиссёр и агроном. Он был замечательный певец с огромным репертуаром: 300 романсов и песен, 10 оперных партий. Драматический тенор.

Шацкий ездил с концертами по стране, пользовался большим успехом, и наконец, ему предложили дебют в Большом театре! Его ждали слава, успех, почёт, деньги.

Шацкий от всего отказался, даже от дебюта, открывавшего путь во все оперные театры страны.

Ему было в то время уже тридцать два года, и он нашёл наконец своё истинное призвание.

Он научился учиться. Оставалось научиться учить. Шацкий бросает сцену, бросает агрономические занятия и становится педагогом. Его мечта – «вернуть детство детям».

Совратил его на этот путь его друг архитектор Александр Устинович Зеленко. Зеленко вернулся из путешествия по Америке и привёз рассказы о новых способах обучения и воспитания детей, о теориях американского педагога Джона Дьюи. Позже Шацкий сам внимательно изучит книги новых западных педагогов и поймёт, что в них полезно и важно, а что не представляет интереса. Но пока он был увлечён, потрясён. «Американец» Зеленко сыграл в его жизни ту же роль, что два шкафа педагогических книг в жизни Ушинского.

«Так что же нам теперь делать?» – спрашивал себя Шацкий. В это время он был ещё студентом и давал частные уроки, чтобы прожить. Он отказался от уроков: он не мог больше учить по-старому, натаскивать к экзаменам. Он должен развивать учеников, заинтересовывать их! Потом он вновь взял уроки, но не учил своих подопечных в старом смысле слова, а прежде всего развивал их. Он таскал на домашние уроки физические приборы, разные диковины, увлекательные книги: главное – пробудить интерес к науке!

Но частные уроки не могли удовлетворить Шацкого. Весной 1905 года Зеленко и Шацкий обошли дворников, кочегаров, рабочих Земледельческой академии и упросили их отдать им своих детей на лето. Набралось детей немного – 15 человек; они и составили первую трудовую колонию в Щёлкове, под Москвой.

Из этой маленькой Щёлковской колонии выросли все наши нынешние пионерские лагеря, развились самые главные идеи советского воспитания – воспитание в труде и в коллективе.

Три важнейшие мысли родились в Щёлковской и в последующих колониях, организованных Шацким.

Мысль первая: воспитание есть организация жизни детей.

Обратите внимание: воспитывать – это не значит поучать, выговаривать, беседовать. Воспитывать – значит особым образом, педагогически организовать жизнь ребёнка. «Трудовая школа есть, по существу, хорошо организованная детская

жизнь», – писал Шацкий. «Просто» надо умно устроить жизнь детей, и сама эта жизнь будет их воспитывать!

Мысль вторая: ребята, вырастая в этой умно организованной жизни, должны чувствовать, что от них есть какая-то польза, что они уже сегодня, пока они ещё дети, как-то улучшают жизнь. У них появляется цель! Наша колония, говорил Шацкий ребятам, «это место, где мы всё устраиваем кругом себя. Хорошую жизнь, и чем дальше – тем лучше».

Позже, когда Шацкий вместе с женой своей Валентиной Николасвной Шацкой организует под Тулой колонию «Бодрая жизнь», он напишет в стенгазете своих воспитанников: «Здесь было дикое место. А благодаря тому, что мы поселились тут, что мы здесь работаем, всё должно стать лучше: и лес, и земля, и дороги, и ключи, и луг, и поле».

Это было совершенно необычным в то время. Труд ребят приобретал смысл, они учились радоваться совместному коллективному труду!

И наконец, мысль третья: для детей всего важнее детское общество. Сверстники влияют сильнее, чем взрослые. Это тоже было ошеломляющим открытием. В гимназии педагог видел перед собой сплочённый класс, но против кого сплочённый? Против педагога. Детский коллектив становился помощником воспитателя. «Работать вместе с детьми – это значит признавать громадное влияние на детей детского общества». «...Руководители должны быть членами колонии подобно детям...»

Посмотрите, как всё решительно перевернуто. Педагог не *над* детьми – *вместе* с детьми; педагог и дети – одно общество, у них одна цель. Педагог становится другом воспитанника.

После Щёлковской колонии Шацкий и Зеленко организуют несколько детских клубов в Москве, что-то вроде нынешних домов пионеров. В Вадковском переулке, рядом с маленьким деревянным домиком, в котором жили Станислав Теофилович и Валентина Николаевна, на средства от пожертвований построили специальное здание, а в нём открыли столярную, слесарную, переплётную, сапожную, швейную мастерские, обсерваторию. Всё шло хорошо; дети валом валили к Шацкому и Зеленко, и вдруг всю их затею запретили, а самих их арестовали (это было в 1909 году). Арестовали «за попытку проведения социализма среди детей».

Выпустили педагогов очень скоро, но дело развалилось. Зеленко был так потрясён случившимся, что опять уехал в Америку: ничего, мол, здесь не добьёшься.

А Шацкий вновь принялся за учение. Если быть педагогом, надо много знать! И он едет в Скандинавские страны, позже –

в Германию, Бельгию, Францию, чтобы на месте, своими глазами увидеть всё новое в воспитании, самому оценить его. Вернувшись, незадолго до Октябрьской революции, он открывает колонию «Бодрая жизнь» и пишет вместе с женой книгу «Бодрая жизнь» – одну из лучших книг советской педагогики, предшественницу макаренковской «Педагогической поэмы». После революции «Бодрая жизнь» стала Первой опытной станцией по народному образованию при Наркомпросе. Крупская рассказала Ленину о работе Шацкого.

– Вот это настоящее дело, а не болтовня! – отозвался Владимир Ильич.

Глава девятнадцатая

Пожалуй, это самая трудная в книге глава. Слишком нисобычен человек, которому она посвящена. Слишком сложен он. Слишком хорошо его все знают или думают, что хорошо знают. Слишком много споров вызывает его деятельность.

Другие великие имена нашли своё точное место в учебниках: им воздано должное, а если у них были ошибки (с точки зрения нынешнего времени), то ошибки эти получили общепризнанную оценку.

Кто сегодня станет спорить и ссориться из-за Николая Ивановича Новикова?

Кто разгорячится из-за странички сочинений Песталоцци? Кто станет листать тома его сочинений, доказывая: «Вот здесь Песталоцци говорил так!» – а спорщику ответят цитатой из другой статьи. Разве что учёные-историки...

Хотя Макаренко умер около полувека назад, его имя не сходит со страниц газет и участвует в каждом сегодняшнем споре на педагогические темы.

Только на русском языке вышло более восьмисот работ о его жизни и его взглядах.

Толстые книги о Макаренко выходят во многих странах, на многих языках. Макаренко хвалят, Макаренко ругают, Макаренко хотят понять. Каждый исследователь хотел бы представить «подлинного» Макаренко. Но каким он был на самом деле?

Одним этот человек кажется простым и понятным, другим – великим и загадочным. Американцы пытаются по трудам Макаренко постичь «тайны Советской России».

Ни один из русских педагогов не привлекал к себе такого внимания во всём мире, как Макаренко. И вот что поразительно:

с годами споры о Макаренко, о том, как его понимать, как использовать его опыт, не утихают, а обостряются.

Сегодня трудно быть педагогом, не определив своего отношения к Макаренко.

Макаренко поднялся к вершинам мировой славы буквально с самых низов. Он и родился-то (в 1888 году) в подвальном помещении большого дома, принадлежавшего купцу (в местечке Белополье, Харьковской губернии). Отец его был рабочим-маляром, но к моменту рождения сына уже в какой-то степени выбился в люди: служил старшим мастером малярного цеха в железнодорожных мастерских.

Видимо, это был очень интеллигентный человек. Есть свидетельства, что подчинённые тепло относились к нему. На рождение сына товарищи по работе преподнесли семье Макаренко прекрасную люльку из орехового дерева. Таким материалом отделывали вагоны первого класса.

Судьба детей железнодорожников была фактически predetermined: с рождения все они, подрастая, шли работать на железную дорогу. «Вариация на малом диапазоне,— писал Макаренко,— от паровозного слесаря до паровозного машиниста». Семнадцатилетний Антон Макаренко тоже пошёл служить на вагонный завод, где работал отец, но он нашёл новую волну в том же диапазоне: он стал учителем в заводской школе. Для этого он окончил одногодичные педагогические курсы при четырёхклассном городском училище. Образование учительского подмастерья.

Крутятся стрелки часов, щёлкают годы: 18 лет... 19... 20... 25... Макаренко преподаёт. Играет ученикам на скрипке. Ведёт кружок рисования. В его комнате висит портрет Льва Толстого, нарисованный самим Макаренко (через десять лет он нарисует для колонии большой портрет Горького). Учится любить детей, и дети начинают любить его. Позже (но ещё до колонии) ученики его станут даже одеваться, как он, сошьют себе косоворотки «под Макаренко».

Мы очень мало знаем о душевном состоянии Антона Макаренко этих лет и лишь по косвенным «уликаам» можем представить себе, какая напряжённая внутренняя работа шла все эти годы, какие сомнения и смятения одолевали молодого учителя.

Он пробует себя в изобразительном искусстве. Но это чистое любительство. Испытывает своё литературное дарование. Пишет рассказ и посылает его самому Горькому. По его словам, это было в 1914 году, но один из исследователей считает, что это эпизод 1915 года. Неважно. Важно, что придавал значение рассказу, если при всей своей деликатности решился послать его Горькому.

Алексей Максимович отозвался. Поругал рассказ: «Интересен по теме, но написан слабо...» – И прибавил: – Попробуйте написать что-нибудь другое».

Человек может изучать, познавать самого себя двумя способами. Может копаться в своей душе, предаваться бесконечному самоанализу, терзать себя мыслями о собственной бесталанности. Но может стараться проявить себя в самых разных отраслях и, энергично выявляя себя то так, то этак, исследовать свои способности. Молодой Макаренко познавал себя вторым, плодотворным образом. Его самопознание вело к росту, было источником роста, душевным двигателем. Ибо он, узнавая себя, сам себя и конструировал.

Образование, как уже представляет себе читатель, он получил самое мизерное. С таким образованием такой человек жить не мог. Он садится за книги. Спустя примерно 10 лет, в 1922 году, ему придется однажды подвести честный итог: что он знает и чего не знает. Не поленимся прочесть очень длинную цитату из его заявления в Центральный институт организаторов народного просвещения. Это интересный документ. Долгое время о Макаренко говорили: «практик», «малообразован», «отвергает науку». Но вот документ, который показывает: Антон Семёнович был очень образованным человеком.

«Математикой никогда особенно не интересовался, поэтому арифметика, геометрия, алгебра, тригонометрия и физика мне знакомы только в пределах курса дореволюционного Учительского института...

Природоведение. Разумеется, совершенно свободно себя чувствую в области физиологии животных и растений. Анатомические знания слабы. Забыл многие частности из геологии. Астрономию знаю хорошо и занимаюсь практически в Полтавском музее.

Впрочем, знания по астрономии и космографии у меня продукт увлечений юношества.

Сolidные знания имею в общей биологии. Несколько раз прочитывал всего Дарвина, знаю труды Шмидта и Тимирязева, знаком с новейшими выражениями дарвинизма. Читал Мечникова и кое-что другое.

Химию практически не знаю, забыл многие реакции, но общие положения и новейшая философия химии мне хорошо известны. Читал Менделеева, Морозова, Рамзая. Интересуюсь радиоактивностью.

Географию знаю прекрасно, в особенности промышленную жизнь мира и сравнительную географию. Свободно чувствую себя в области экономической политики, знаком с её историей и зародышами будущих форм. Всё это, разумеется, не

из учебников. Очень интересуюсь Австралией и Новой Зеландией.

История мой любимый предмет. Почти на память знаю Ключевского и Покровского. Несколько раз прочитывал Соловьёва. Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильванского. Нерусскую историю знаю по трудам Виппера, Аландского, Петрушевского, Карсева. Вообще говоря, вся литература по истории, имсющаяся на русском языке, мне известна... Гомеровскую Грецию знаю после штудирования “Илиады” и “Одиссеи”...

Маркса читал отдельные сочинения, но “Капитал” не читал, кроме как в изложении. Знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Масло-ва, Лснина...

Читал всё, что имеется на русском языке по психологии...

С философией знаком очень несистематично. Читал Локка, “Критику чистого разума”, Шопенгауэра, Штирнера, Ницше и Бергсона...

Люблю изящную литературу. Больше всего почитаю Шекспира, Пушкина, Достоевского, Гамсуна. Чувствую огромную силу Толстого, но не могу терпеть Диккенса. Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького и А. Н. Толстого...”

Всё это было добыто самообразованием. Широкий кругозор, знание из первоисточников (“разумеется, не по учебникам”, подчёркивает Макаренко) – необходимейшее качество педагога.

Макаренко был скромный человек. Вы редко найдёте в его работах ссылки на прочитанные книги. Он не выставляет знания напоказ. И только высокая культура мысли и речи выдаёт его учёность.

Когда она была добыта? Когда успел он несколько раз перечитать Соловьёва – 15 толстых томов по русской истории? Заниматься астрономией? Перечитать всю литературу по психологии?

Всё в эти первые, подготовительные годы. Учитель становится учителем не сразу. Дело не в том, что нужно много лет для приобретения педагогического опыта. (Проработав в школе 15 лет, Макаренко позже, оценивая себя, скажет, что в области педагогической техники он – после 15 лет работы! – был “юмористически неграмотен”.) Опыт опытом, но ещё больше времени нужно для того, чтобы в трудах и бессонных ночах добыть настоящее образование.

В 1914 году Макаренко подаёт заявление в только что открытый Полтавский учительский институт. Конкурс большой: на 25 мест – сто претендентов. На вступительном экзамене по закону божьему он срезался: двойка. Конец? Но остальные

экзамены он сдал так блестяще, что его всё-таки приняли в институт. Преподаватели и товарищи дивились глубине и обширности его знаний. Пророчили ему, что он станет “профессором истории”. Когда же он окончил институт, ему выдали следующую характеристику:

“Макаренко Антон – выдающийся воспитанник по своим способностям, развитию и трудолюбию, особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым много читал и представлял прекрасные сочинения. Будет весьма хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности же по истории и русскому языку”.

Отметим это: весьма хороший преподаватель по всем предметам.

Макаренко становится директором большой – на 1000 учеников – школы в посаде Крюково, в Кременчуге.

Для него революция – это ощущение свободы, развязанных рук. Наконец-то есть возможность сделать что-то своё, что-то новое, выявить себя и свои возможности!

А в Крюково всё по-старому. Стычки с администрацией, тесные школы, старые педагоги и старые педагогические приёмы...

Макаренко едет в Полтаву, в губернский отдел народного образования. Критикует школу: она не годится для нового, революционного времени!

Ему дают колонию для малолетних преступников. То есть не колонию, а место для неё.

Теперь, после того как мы знаем нынешнего Макаренко, нам всё кажется естественным: человек получил в заведование колонию.

Но представим себе тридцатидвухлетнего молодого человека в пенсне, в косоворотке, в модной фуражке с белым верхом и лакированным козырьком, этого типичного “гуманитария”, интеллигентного учителя, привыкшего сидеть за книгами и находиться в более или менее культурной среде учителей большого города, – представим себе, что значит для такого человека отправиться в глушь, в село, взять на себя ответственность за преступников, которых привозят ему в чёрных каретах и сдают из-под нагана. И остаться с этими беспризорниками, бандитами, ворами один на один в полуразрушенном, холодном здании, не имея денег на самые необходимые нужды, не имея возможности даже одеть, обусть и накормить колонистов. Да ещё предстояло заниматься сельским хозяйством, растить хлеб, разводить свиней, возить навоз на поля – ему, человеку, никогда не жившему в селе, предполагаемому “профессору истории”!..

Но время соби́рания, накопления сил кончилось. Макаренко нужна была свобода и самостоятельность. Он берёт колонию – в будущем знаменитую на весь мир колонию имени Горького. У него не было ещё, судя по всему, тех идей, которые прославили его, но у него было всё необходимое для того, чтобы эти идеи выработать.

Здесь стоит сделать отступление и ещё поразмышлять об этом поступке – переходе из обычной школы в детскую колонию.

Самое распространённое возражение против опыта и теории Макаренко заключается вот в чём: дескать, Макаренко работал с правонарушителями, беспризорниками, в закрытом учреждении, и потому все его находки и мысли для нормальной школы и нормальных детей вроде бы и не пригодны. Очень удобно:

Макаренко хорош, прекрасен, но... не для нас и не для нашего времени, ибо сейчас беспризорников нет.

Наивное рассуждение.

Но мог ли Макаренко выработать свои взгляды в обычной школе, будучи преподавателем любого из предметов или даже всех предметов сразу (к чему он был, как мы видели, готов)? Кто из великих педагогов-практиков сумел выработать новые идеи в обычной школе или гимназии? Песталоцци? Ушинский? Януш Корчак?

Все они работали в закрытых учебных заведениях, в детских домах и приютах. Там дети целиком предоставлены педагогу, полностью находятся под его влиянием. Там педагог берёт на себя безграничную ответственность за воспитание детей.

И только там, где педагог остаётся один на один с детьми, где ему приходится преодолевать невероятное сопротивление воспитанников, окружения, обстоятельств, где ему нужно не просто преподавать, не просто воспитывать, а отстаивать самое своё существование, – там только и высекаются, как искры, великие идеи.

Часто о ком-нибудь говорят: “Его мысль не была плодом кабинетных размышлений”... Ненужная ирония. Многие прекрасные мысли в педагогике (и в других науках) родились именно в кабинетном уединении, среди книг, в ночных озарениях.

“Кабинетная” мысль часто бывает ближе к жизни и больше говорит о жизни, чем мысль, рождённая непосредственно в классе, на заводе, в лаборатории.

Но педагогика Макаренко была вызвала не чистым размышлением, а реальной борьбой. Эта педагогика рождена необходимостью, порою, можно сказать, отчаянием. Нужда и безвыходность заставили этого человека сделать те изобретения, которые он сделал: без них он просто не смог бы выжить.

Но это обстоятельство не уменьшает значения Макаренко, а, наоборот, возвеличивает его. Потому что нужда в новой педагогике была не у него одного – у тысяч учителей. А открытие сделал он, а силы, знания и мужество, необходимые каждому первооткрывателю, нашёл в себе только он.

Где-то на рубеже тридцать второго и тридцать третьего года жизни в нём вдруг проснулись дремавшие силы борца. Ещё правильнее сказать, что не “вдруг” эти силы проснулись – они были разбужены Октябрьской революцией, как и силы миллионов людей. Так военное время делает великих полководцев из людей, которые, родись они в другие годы, всю жизнь прозябали бы в неизвестности. А Макаренко был рождён борцом! Недаром он всю жизнь любил военное – форму, строй, честь, уважение к знамёни, прекрасно знал военную историю; недаром о нём даже распускали слух, будто он “бывший полковник” (а он и был-то всего в армии несколько месяцев после института и освобождён от службы из-за близорукости); недаром он, как Андрей Болконский, хотя и с некоторым юмором, сравнивал себя с Наполеоном. “Солнце Наполеона едва ли способно было затмить мою сегодняшнюю славу, – пишет Антон Семёнович в “Педагогической поэме”, рассказывая о победе над Куражем. – А ведь Наполеону гораздо легче было воевать, чем мне. Хотел бы я посмотреть, что получилось бы из Наполеона, если бы методы союзов для него были так же обязательны, как для меня”.

Кто-то из коллег Макаренко пишет о нём в воспоминаниях: “Он всегда жил в предчувствии победы...”

Один из самых прекрасных документов, оставленных нам Макаренко, – его письмо учительнице Антонине Павловне Сугак, в Крюков, из колонии, 24 марта 1923 года, то есть на третий год работы в колонии. Письмо было вызвано вот каким обстоятельством: Макаренко звали обратно в Крюков. Звали потому, что помнили прекрасного учителя и огорчились, что он уехал; отчасти же и потому, что крюковские коллеги жалели Антона Семёновича, погибающего, по их мнению, в какой-то тем колонии. Друзья были деятельны: они даже послали к Макаренко человека с мандатом “на право изъятия его из колонии”.

Антон Семёнович отвечал:

“Меня очень трогает такая настойчиво высокая оценка моей особы, которую проявляют крюковчане. Я очень и очень рад и тому, что для меня представляется возможность возвратиться в Крюков и помочь маме. Наконец, и в самом деле, до каких же мне пор сидеть в колонии и пропадать, как вы все там думаете. Нужно жить, и прочее.

Но вся беда в том, что вопрос не решается для меня одним

желанием. Я теперь человек крепкий, такой крепкий, каким Вы меня никак не представляете. Таким меня сделала колония. Вы как раз, сударыня, патетически восклицаете: “Что вам дала колония?” Столько дала, Антонина Павловна, что Вам и не приснится никогда. Я сделался другим человеком, я приобрёл прямую линию, железную волю, настойчивость, смелость и, наконец, уверенность в себе... Что бы я ни сделал потом, начало всё-таки нужно будет искать в колонии. И даже не только в том смысле, что я здесь чему-то научился и что-то пережил, но ещё и потому, что здесь я сам над собой произвёл огромный и важный опыт...”

Как истинный исследователь-гуманист, как врач, который вводит себе сильную вакцину, проверяя безопасность её для организма, Макаренко поставил свой опыт прежде на самом себе. Он сам себя переделал, превратился в нового человека и увидел, что хотя эта процедура и не совсем безболезненна, хотя она требует страшного напряжения сил (“...я дошёл уже до того, что сплю через ночь вот уже около полутора месяцев и даже отвык спать”), результаты были прекрасными. Он почувствовал себя человеком! И он хотел, чтобы это же чувство – радость быть собранным, мужественным, деятельным человеком – испытали все его воспитанники. Он дал им эту радость.

Вот малоизвестная песня колонии имени Горького, сочинённая, очевидно, на четвёртом году её существования. В простоватых милых строчках чувствуешь колонию больше, чем в страницах длинных описаний.

Колонисты, на работу!
Колонисты, на работу!
На работу, друзья, на работу!
Нам работа – не забота,
Нам работа – не забота,
Не забота, друзья, не забота!
Дни бывали похуже –
Колонисты, на работу!
Мы живали послабее,
Мы живали послабее,
Да и то не робели –
Но полфунта хлеба ели...
Колонисты, на работу!
Вспоминали мы денёчки,
Отдыхая в холодочке...
Колонисты, на работу!
И три года пролетело,
Наши беды улетели.

Улетели, друзья, улетели.
Колонисты, твёрдым шагом
Все вперёд за красным флагом!
Все вперёд за красным флагом!

Педагогика Макаренко – педагогика борьбы и мужества. В воспитательском деле он вёл себя прежде всего как мужчина. Не боялся риска, брал на себя всю ответственность, смело шёл на обострения – и всегда выигрывал. “Везучий я человек”, – всю жизнь повторял Макаренко. Эпизод, известный каждому:

в порыве отчаяния и гнева Макаренко ударил воспитанника Задорова. Иные только и помнят из всей “Педагогической поэмы” это место, только для того им и нужен бывает Макаренко, чтобы прикрыться: “Видите, и он ударил... Значит, и мне можно...” И почему-то не упоминают при этом, что Задоров был сильнее, крепче своего воспитателя, да к тому же не зависел от него. Макаренко от Задорова зависел, а Задоров с друзьями – нет. Колония имени Горького с самого начала была учреждением открытым: не нравится – уходи. Ни заповор, ни охраны, ни погонь. Подняв руку на Задорова, Макаренко рисковал жизнью.

Но он ни разу не пожалел о своём поступке. В отличие от педагогов, которые воспитывают “вообще” и сами не знают, что из их воспитания выйдет, Макаренко не боялся брать на себя всю ответственность за результаты воспитания.

Он не просто “воспитывал” и даже не “первоспитывал” – он строил человеческие характеры заново, как выстроил заново свой собственный характер.

Что, кроме внезапно разгоревшихся внутренних сил, кроме страсти, двигало им?

Прежде всего бешеная, не знающая границ любовь к детям, вылившаяся в не совсем обычную форму: в ненависть к страданиям детей.

Горький, описывая Макаренко, говорит: “У него, видимо, развита потребность мимоходом, незаметно, приласкать малыша, сказать каждому из них ласковое слово, улыбнуться, погладить по стриженной голове”.

По ночам Макаренко подсовывал под подушки ребят конфеты. “Я очень люблю этот отдел человечества”, – признавался Антон Семёнович. И, пожираемый этой любовью к детям, он не мог, чтобы ребята страдали и мучились, не мог видеть, чтобы кто-то обижал их, подавлял. Все строгости дисциплины Макаренко направлены на одно, и только на одно: на охрану спокойствия детей. Охрану от голода, от унижений и, прежде всего, от притеснений сверстников.

На двух чашах всемирных педагогических весов лежат две

книги, описывающие два воспитательных учреждения. Это “Очерки бурсы” Помяловского и “Педагогическая поэма” Макаренко. Антиподы!

Бурса: полное подавление человеческой сущности в ребёнке, крайнее унижение его, жуткие формы зависимости слабых от сильного.

Колония имени Горького: полная возможность развиваться для каждого ребёнка, возвышение его, абсолютная независимость и защищённость ребёнка от всего, что несправедливо.

И какое воспитательное учреждение ни возьмёшь, какими бы красивыми словами это учреждение ни обволакивали, суть всегда одна, и искать её надо по показаниям этих весов, где-то между бурсой и колонией Макаренко: чем ближе к колонии, тем дальше от бурсы.

Увидев своими глазами Куряж (можно поставить знак равенства: Куряж = Бурса), Макаренко, как он сам пишет, испытывает “гнев тысяча девятьсот двадцатого года”, то есть великий гнев, который заставил его начать работу в колонии. “За моей спиной,— пишет Макаренко,— вдруг обнаружился соблазняющий демон бесшабашной ненависти. Хотелось сейчас, немедленно, не сходя с места, взять кого-то за шиворот, тыкать носом в зловонные кучи и лужи, требовать самых первоначальных действий... нет, не педагогики, но теории совоса, не революционного долга, не коммунистического пафоса, нет, нет,— обыкновенного здравого смысла, обыкновенной презренной мешанской честности”.

Бурса, Куряж — всё несправедливое к детям и вообще всякая несправедливость были ненавистны Макаренко. В этой ярости своей он иногда вторгался в сферы, даже ему неподвластные. Порою, говоря о красоте коллективной жизни, он приводил такой довод: жизнь в коллективе лучше, потому что она не знает “патологии личной жизни”. В личной жизни люди неудачно влюбляются, как бывший колонист Лапоть, вешаются, как Чобот, а он, Макаренко, педагог, ничего не может сделать. Это невыносимо! Макаренко вовсе не посягал на права человеческой личности, тысячу раз предупреждал против попыток “остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон...”. Но он был нетерпим к личному несчастью. Чужое несчастье раздражало его именно потому, что он чувствовал себя бессильным, а он привык нести бремя ответственности за всех и за вся. Сознание собственного бессилия делало несчастным его самого. “Несчастий, несчастных людей быть не должно. Нельзя быть несчастным...— вызывающе утверждал он.— И счастливым человеком нельзя быть по случаю — выиграть, как в рулетку,— счастливым человеком нужно уметь быть...”

Ведь один вид несчастного человека убивает всю радость жизни, отравляет существование”.

Что это – жестокость? Недобросердечие? Нет, такие слова неприменимы к Макаренку. Он знал жалость больше других и сильнее других мог пожалеть. Но он никогда не ограничивался одной лишь жалостью. Жалость для него – потребность в немедленном действии.

Вот одна из историй о Макаренку. Он уже ушёл из колонии имени Горького, когда колонист Землянский, охраняя ночью здание, вздумал баловаться с ружьём и нечаянно убил товарища. Он был вне себя от горя. Макаренку узнал об этом, прискал в колонию, забрал Землянского к себе, в коммуны имени Дзержинского, ни слова не говоря о случившемся; и так до смерти своей ни разу не напомнил ему о несчастье. Таких историй в воспоминаниях о Макаренку можно найти много. Он был добр к ребятам высшей добротой, он, говоря словами Горького, сгорал “в огне действительной любви к детям”. Действенная любовь к детям – вот как надо было бы назвать педагогику Макаренку, если бы пришлось описывать её очень коротко.

Но что мог сделать этот человек, губивший себя бессонницей и непосильной работой, сначала сам отказавшийся от личной жизни (колонисты-горьковцы ревновали его ко всякой женщине), один среди сотни обездоленных ребят, не веривших ни во что на свете и меньше всего веривших в самих себя?

А за сотней вставали миллионы. Пять миллионов беспризорных по стране, пять миллионов ожесточившихся детей – без отца, без матери, без ласки, без доброго слова, без хлеба, без крова, без школы.

Пять миллионов ребят, внезапно и жестоко выброшенных из детства войной и разрухой!

Просто любовь и жалость пасовали перед этими детьми. Одичавшие и ожесточившиеся, они переносили своё презрение и на самых добрых, самых искренних воспитателей, на добро отвечали злом – воровали, отказывались работать, разбегались. Сорок процентов беспризорных, помещённых в различные детские дома, вскоре убежали оттуда!

В патентном деле различают понятия: усовершенствование, изобретение и открытие. На тысячи усовершенствований и изобретений – одно открытие. Открытие – это почти всегда переворот в науке.

Макаренку нашёл сотни усовершенствований педагогической работы, сделал десятки изобретений и одно открытие.

Об этом открытии он написал Горькому в первом же письме после того, как Алексей Максимович вступил в переписку с колонией. Видимо, Макаренку понимал необычайную важность

именно этой из многих его мыслей: «С самого начала мы поставили себе твердым правилом не интересоваться прошлым наших ребят. С точки зрения так называемой педагогики это абсурд...»

В таком изложении открытие Макаренко может показаться одной из частных проблем. Но Горький оценил мысль Макаренко. «Это действительно *система перевоспитания* и лишь такой она и может и должна быть всегда, а в наши дни особенно». (Слова, «система перевоспитания» подчеркнуты мною. – С. С.)

Прошлое не входит в будущее ребенка. Точнее: дурное прошлое не входит в будущее ребенка.

Самая дерзкая мысль за всю историю педагогики! Недаром она оказалась абсурдной. Всякое великое открытие поначалу кажется бредовым. Нынешние физики почти всерьез оценивают новые теории в своей науке по этой мерке: достаточно ли нелепой выглядит теория? И потому великие открытия так трудно принимаются: люди не хотят расставаться с привычными взглядами, примириться с абсурдом.

Что требовала «обычная» педагогика? «...Нужно якобы обязательно разобрать по косточкам все похождения мальчишки, выудить и назвать все его «преступные наклонности», добраться до отца с матерью – короче говоря, вывернуть наизнанку всю ту яму, в которой копошился и погибал ребенок. А собравши все эти замечательные сведения, – иронизирует Макаренко, – по всем правилам науки строить нового человека». Но, продолжает Антон Семёнович, «всё это ведь глупости: никаких правил науки просто нет...»

Если бы он просто сказал: «Прошлое ребенка не входит в его будущее» – и на этом поставил бы точку, его подняли бы на смех, и правильно сделали бы. Мысль, взятая сама по себе, действительно абсурдна. Но он продолжил её. Он на опыте доказал её истинность при одном обязательном условии: если ребенок попадает в крепкий, целеустремлённый, занятый умным трудом и красиво организованный коллектив детей и их воспитателей (дети и воспитатели – один коллектив!). Каждый ребенок, попадая в такой коллектив, быстро – и это очень важно: быстро! – становится таким, как его новое окружение, подчиняется новым требованиям и охотно выполняет их, ибо они разумны и логичны.

Электричество всегда существовало в природе, но люди не сразу открыли его и не в один день научились пользоваться.

Силы коллектива всегда существовали, но не сразу, а лишь в нынешнем веке педагогика открыла их и научилась ими пользоваться.

Это открытие сделал Макаренко своим заявлением о том, что прошлое детей его не интересует, ибо он безгранично верит в могущество главной воспитательной силы – детского коллектива.

Могут сказать, что на коллектив опирались и до Макаренко. Была коммуна Шацкого, были коммуны Пистрака и других педагогов.

О коллективе говорили многие, многие учились работать с коллективом, но только Макаренко сумел довести эти размышления, этот опыт до конца, только он сумел понять, что новое в “работе по-новому” заключается именно в коллективе. У всякого открытия есть предшественники, приблизившиеся к открытию, работавшие на него, но честь самого открытия достаётся одному: тому, кто сумеет его выразить до конца.

На четвёртом году жизни колонии имени Горького вышла маленькая книжечка писательницы Маро (Левитиной) “Работа с беспризорными”. Интересное, беспристрастное свидетельство! Писательница объездила множество колоний для беспризорных на Кавказе, в Крыму, на Украине, в Москве и в других местах и пришла к выводу: “Из обследованных нами сельскохозяйственных колоний по чёткости и цельности педагогической работы на первом месте следует поставить колонию имени М. Горького, близ Полтавы”.

Далее следует сжатое и очень интересное описание колонии, но имени Макаренко не упоминается. Просто “заведующий” – “высший авторитет и любимый друг” ребят. “Интереснейшим созданием колонии, среди моря расхлябанности окружающей жизни Полтавщины, являются её организация, её дисциплина и подтянутость”.

Почему же не упомянуто имя Макаренко в этой книжке, которую Антон Семёнович послал Горькому вместо отчёта о своей работе? Быть может, Макаренко сам просил писательницу об этом? Вот отрывок из его письма того времени: “Я боюсь личной известности, страшно боюсь... Я потому и отдался колонии, что захотелось потонуть в здоровом человеческом коллективе, дисциплинированном, культурном и идущем вперёд, а в то же время и русском, с размахом и страстью. Задача как раз по моим силам. Я теперь убедился, что такой коллектив в России создать можно, во всяком случае, из детей. Раствориться в нём, погибнуть лично – лучший способ рассчитаться с собой”.

Раствориться... в коллективе? Что за странная мысль? Но Макаренко не стал бы таким большим педагогом, если бы не был он сложным, страстным и трудным человеком. Маленькая деталь: у него было несколько почерков. Только жена разбирала все его почерки.

Вот так же и в характере его: он был прямым, но не однослойным.

Его мучают сомнения, он борется с армией не понимающих его людей. И сколько надо мужества, чтобы, вскрикнуть: ты прав, а все – почти все! – вокруг тебя не правы. О нём распускают неслепые слухи, ему досаждают неожиданными проверками.

Проверяющие делают категорические выводы:

– Вы, Макаренко, солдат, а не педагог. Говорят, что вы бывший полковник, и это похоже на правду. Вообще не понимаю, почему здесь с вами носятся. Я бы не пустила вас к детям.

– Коллектив у вас чудесный. Но это ничего не значит, методы ваши ужасны.

А вокруг колонии десятки подобных ей учреждений, где методы воспитания “чудесные”, да коллектив ребят ужасный.

Макаренко едет в соседнюю колонию, спрашивает тамошних ребят: что знают они о колонии имени Горького? Ребята, по воспоминаниям Н. Э. Фере, дружно отвечают ему: там колонистов бьют, и сам заведующий – бывший царский офицер, и воспитатели – тоже, и старшие колонисты – тоже.

Антону Семёновичу всё время угрожает увольнение, и наконец – трагичнейший момент! – его увольняют в тот самый день, когда в колонию приезжает Горький. Макаренко встречает Горького, разговаривает с ним до поздней ночи, показывает колонию – три дня радости. И ни слова об увольнении. Стоило только намекнуть Горькому о неприятностях... Макаренко молчит. Он считает себя слишком маленьким человеком, чтобы досаждать своими неприятностями великому писателю.

А Горький внимательно смотрит на Макаренко. Позже он напишет в очерках “По Союзу Советов”: “Это бесспорно талантливый педагог. Колонисты действительно любят его и говорят о нём тоном такой гордости, как будто они сами создали его. Он – суровый во внешности, малословный человек лет за сорок, с большим носом, с умными и зоркими глазами, он похож на военного и на сельского учителя из “идейных”. Говорит хрипло, сорванным или простуженным голосом, двигается медленно и всюду поспекает, всё видит, знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, будто делает моментальный фотографический снимок с его характера”.

Да, Макаренко имел право писать, что человек обязан быть счастливым. “...Если ты чувствуешь себя несчастным, первая твоя нравственная обязанность – никто об этом не должен знать. Найди в себе силы улыбаться, найди силы презирать несчастье... Найди в себе силы думать о завтрашнем дне, о будущем. А как только ты встанешь на этот путь, ты встанешь на путь предупреждения несчастий”.

Этот человек, больше чем кто-нибудь, знал, что такое несчастье, что – счастье, и он, повторимся, имел право судить об этих категориях.

С колонией имени Горького пришлось расстаться.

Макаренко мог бы сохранить её, если бы пошёл на уступки, но он заявил, что предпочитает “скорее остаться без работы, чем отказаться от ряда организационных находок, имеющих, по моему мнению, важное значение для советского воспитания”.

Тут весь Макаренко: останусь без работы, но не отступлю, а открытие его – всего лишь “ряд организационных находок”...

Макаренко ушёл. Создал новую коммуны – коммуны имени Дзержинского. О ней не надо рассказывать: “Флаги на башнях”.

Первые восемь лет (колония имени Горького) – поиски, вторые восемь лет (коммуна) – утверждение в своих мыслях. Макаренко с изумлением обнаруживает, что если коллектив детей организован по его системе, то “воспитание – очень лёгкое дело, воспитание счастливое дело, никакая другая работа по своей лёгкости... не может сравниться с работой воспитания”. Это почти дерзость. Все педагоги мира твердили и твердят, что воспитание детей необычайно сложно и трудно, а тут – “воспитание – очень лёгкое дело”. Но Макаренко и вправду неделями не приходится делать ребятам ни одного замечания.

Испокон веков шёл спор между педагогами. Одни утверждали, что ребёнок от природы зол и надо это злое подавить в нём; другие – что ребёнок добр и надо это доброе развить. Для Макаренко ребёнок ни добр, ни зол: он таков, каким делает его общество, коллектив. Он безгранично верит в возможности человека изменяться и столь же безгранично – в силу воспитания.

“Сейчас 11 часов, – пишет он любимой женщине, будущей жене своей. – Я прогнал последнего охотника использовать мои педагогические таланты и одинокий стою перед созданным мною в семилетнем напряжении моим миром.

Не думайте, что такой мир очень мал. Мой мир в несколько миллиардов раз сложнее вселенной Фламариона...

Мой мир – люди, моей волей созданная для них разумная жизнь в колонии...

Мой мир – мир организованного созидания человека...”

Эти годы – 1927, 1928, 1929 – были очень напряжёнными для Макаренко (впрочем, какие годы в его жизни были лёгкими?). Он уходил из колонии. Создавал коммуны. Тайно, по вечерам, писал “Педагогическую поэму”. Он любил.

“Вот сейчас в кабинете, когда никого уже нет, я Вам печатаю письмо, и плачу, и мне трудно печатать, потому что сквозь слёзы я плохо вижу...”

“Я много писал в своей жизни всяких бумажек, писал и писем много, но ничто и никогда я не писал так непосредственно и свободно, как пишу письма к тебе. Нет, серьёзно, когда я к тебе пишу, я себя почти буквально чувствую поющей птицей, вот такой самой обыкновенной серенькой глупенькой птицей, которая поёт, поёт и страшно рада, что может петь, страшно рада, что светит солнце! Только, конечно же, я не соловей, так, что-то попроще”.

Проходят ещё годы. Уже вышел отдельной книжкой “Марш тридцатого года”. Уже сдана в издательство повесть “ФД-1”. А главный труд жизни, первая книга, лежит в столе.

Даже не в столе, нет, – с глаз долой! – просто в чемодане. Год, два, три, четыре, пять. Этот бесстрашный человек, один из самых мужественных людей своего времени, боится показать кому-нибудь “Педагогическую поэму”. “Там слишком много правды рассказано, и я боюсь...” “Как-то страшно выворачивать свою душу перед публикой...”

Наконец решился. Показал Горькому. Горький прочитал рукопись в одну ночь. Послал книгу в альманах “Год XVII”. Послал тёплое письмо автору.

Выходит альманах, выходит книга; поднимаются споры. Книгу переиздают, книгу под названием “Дорога в жизнь”, переводят в Англии, во Франции...

Педагог из-под Полтавы становится известным писателем.

Макаренко переезжает в Москву, много пишет, выступает с лекциями, отвечает на вопросы, публикует статьи в журналах и газетах. Вчера его шпыняли и клевали, сегодня его слушают с почтительным вниманием. Его идеи, его методы находят дорогу в научные труды по педагогике, о нём рассказывают с институтских кафедр, о нём пишут.

Потому что открытие Макаренко не ему одному принадлежит. Это – открытие революции, открытие всей Советской страны. Без веры в то, что дурное прошлое не обязательно должно входить в будущее человека, – без этой смелой веры в силу революционного воспитания нельзя было бы даже начинать строить социалистическое государство.

У каждого века своя педагогика. Восемнадцатое столетие дало миру Руссо; в начале девятнадцатого, если помните, просвещённые люди стремились в швейцарский городок Станц, где учил Песталоцци. Век, в котором мы живём, определился Октябрьской революцией, появлением совершенно нового в истории человечества общества и, соответственно, появлением совершенно новой педагогики. Её принципы выразились в работе и в сочинениях Макаренко.

Что отличает большого педагога?

Он вбирает в своём труде весь предшествующий ему мировой опыт и одновременно отвергает этот опыт, создавая нечто новое.

Для поверхностного взгляда педагогика Макаренко кажется абсолютным отрицанием прошлого опыта педагогики.

Но – только для поверхностного. Чтобы проследить истоки макаренковских идей, нам пришлось бы перечислить всех педагогов, упоминавшихся в этой книге.

Один из американских исследователей творчества А. С. Макаренко, Джеймс Боуэн, пишет в книге под названием “Советское воспитание (Антон Макаренко и годы опыта)”:

“Значение Макаренко в том, что он более энергично и более страстно, чем многие из нас, пытался сделать мир более привлекательным местом для жизни. И мы на Западе... не можем не признать величие его вклада”.

Макаренко работал с разными ребятами и всегда добивался успеха. “Не только отдельные выводы, но общая система моих находок может быть применена и к нормальному детскому коллективу”, – писал он. К сожалению, Макаренко не успел лично доказать это на практике: он умер рано, в 1939 году, пятидесяти лет с небольшим. Садился на поезд, чтобы ехать в подмосковном Голицыне, и вдруг сердце, перенапряжённое трудом и страстями, сдало. “Я – писатель Макаренко”, – только и успел он сказать подхватившим его людям.

Если бы пришлось перебирать многих знаменитых людей – кто из них знал счастье? – то Антона Семёновича Макаренко можно было бы назвать в числе первых.

Он долго боролся – и победил.

Он написал прекрасные книги и узнал славу: “Педагогическую поэму” ещё при его жизни читала вся страна. Ему пророчили звание профессора истории – он занял место не на кафедре, а в самой истории.

И он был счастлив, когда писал свои книги в окружении галдящих ребят в своей коммуне – радостной и бодрой.

Глава двадцатая

Примерно в то же самое время, когда Макаренко покинул своих воспитанников, и примерно в том же самом месте, где он работал – неподалёку от Крюкова и неподалёку от Полтавы, – пришёл в маленькую сельскую школу новый учитель, совсем ещё молодой – ему было семнадцать лет. Но он пришёл к первоклассникам,

а для первоклашек семнадцатилетний – взрослый дядя, учитель. Учитель как учитель. О том, что у него ещё нет учительского образования, что он сам ещё учится, ездит в Полтаву сдавать экзамены, дети, возможно, и не знали, потому что Василий Александрович проводил с ребятами целые дни напролёт. В свободное от уроков время они все вместе мастерили лодку; другую лодку купил на свои деньги учитель; ещё на одну лодку собрали деньги родители, и летом весь класс отправился в путешествие по Днестру.

Таких путешествий учителя проводят много, и здесь нет ничего удивительного, ничего такого, о чём стоило бы рассказывать в книжке. И всё-таки это было необыкновенное путешествие. Учитель организовал его не из педагогических соображений, не потому, что каждый учитель обязан вести внеклассную работу, и не потому, что он был молод и, как все молодые учителя, старателен, а совсем по другой, гораздо более простой причине: он любил детей, особенно маленьких, и проводить время с ними ему казалось счастьем.

Спустя тридцать лет после этой весёлой, шумной поездки Василий Александрович Сухомлинский, уже известный педагог, Герой Социалистического Труда, член-корреспондент Академии педагогических наук, заслуженный учитель, директор знаменитой Павлышской школы, куда ездят учителя со всех стран, – спустя тридцать лет Василий Александрович напишет: «Что самое главное было в моей жизни? Без раздумий отвечаю: любовь к детям».

Мы познакомились со многими педагогами прошлого, и в каждой истории их жизни видели, как приходила к человеку слава – трудная слава педагога. Учитель – не поэт, он не может прославиться в двадцать лет, такого случая в истории педагогики не было. Нужны годы и годы труда, раздумий, прежде чем сумеешь сказать в педагогике слово, нужное всем. Ведь педагог всегда говорит что-то самое простое, казалось бы даже всем известное. Однако очень трудно к этому простому пробиться. Но пока мы занимаемся историей и читаем книги о прошлом, в это самое время, сегодня, сейчас где-то рождается это новое прекрасное слово. История – не только то, что было в прошлом. История – это сегодняшнее, которое будет иметь значение и завтра и ещё много лет. Как бы нам научиться смотреть на будничную нашу жизнь как на живую историю! Как бы нам научиться ценить ныне живущих замечательных людей с той же щедростью, с какой мы ценим замечательных людей прошлого! Познакомимся, хотя бы коротко, с жизнью и взглядами Василия Александровича Сухомлинского. Они нам втройне дороги, потому что это жизнь и взгляды нашего современника.

Сухомлинский умер в 1970 году, 2 сентября, в день, когда дети, которых он готовил к школе, пошли на первые свои уроки...

А родился Василий Александрович в 1918 году, на Украине, неподалёку от села Павлыш, которое он прославил. Отец его был бедный крестьянин. Позже он стал первым председателем колхоза.

В этой семье было четверо детей, и все четверо – три брата и сестра – стали учителями, потому что в этой семье всегда очень любили книгу. Или потому, что мать Сухомлинских была человеком великой доброты и нежности. Или, может быть, потому, что отец четверых Сухомлинских был человеком великой принципиальности, великой честности, великого трудолюбия. Коммунистом он стал в первый же год после революции. А может быть, ещё и потому, что школьный учитель и вообще ученик, знание очень высоко ценились в крестьянских домах. Всегда ценились, а после революции особенно.

Сам напрашивается вывод, что все эти причины действовали вместе, и они-то и определили характер учителя Сухомлинского. Ему достались от матери и отца талант, доброта, трудолюбие, честность и тот практический взгляд на жизнь, тот простой здравый смысл, без которого нет народной педагогики.

А ведь искусство воспитания детей, искусство делать их счастливыми и хорошо подготавливать к будущей взрослой жизни – это искусство всегда имеет своим источником народную педагогику. Какие бы книги ни читали люди, как бы ни менялись их взгляды в течение жизни, они всегда помнят, как их самих воспитывали главные воспитатели – отец, мать, первый школьный учитель. И так из поколения в поколение переходят народные традиции воспитания, которые невозможно забыть, да и не надо забывать.

Сухомлинский был учителем малышей недолго – несколько лет. Началась Великая Отечественная война; он ушёл на фронт, сражался под Москвой и Калинином, но тоже недолго: его тяжело ранило. И до самой смерти сохранил он в груди осколки снаряда, и до самой смерти сохранил он ненависть к фашизму, ко всему злему и бесчеловечному. Кто знал в детстве добро и счастье, тот особенно сильно ненавидит зло, грубую силу, несправедливость, когда сталкивается с ними.

Военный санитарный поезд, вагоны которого не разделены на купе, а напоминают большие больничные палаты – только койки вдоль стен подвешены на пружинах, – перевёз, почти не задерживаясь на остановках, тяжело раненного политука Сухомлинского в глубь страны, в Удмуртию, в маленький город Уву. Здесь Василия Александровича долго лечили, а когда он стал на ноги и попросился обратно на фронт, то оказалось, что

никакая комиссия не может признать его годным для боя, для службы в армии. Назначение ему вышло совсем другое – его сделали директором местной школы. А вскоре освободили от фашистов родные края Сухомлинского, он вернулся домой.

Трудную жизнь прожил Сухомлинский.

И потому каждое его слово звучит так сильно, так вско, даже самое обычное слово. С нами говорит человек, знающий жизнь с её страданиями.

Когда Василий Александрович вернулся в родные края, у него были уже и опыт учителя, и опыт директора школы, и опыт политической работы в армии. Естественно, что его назначили заведующим районо – районным отделом народного образования, хотя ему было всего двадцать семь лет. А через два года, когда война окончилась и стало больше работников, Сухомлинский попросился с административной работы назад, в школу. Для учителя школа никогда не может быть «понижением» в должности, школа – это всегда повышение, потому что от самого учителя зависит, какою она станет.

Павлышская школа, в которую Сухомлинский в двадцать девять лет пришёл директором, стала, как уже говорилось, знаменитой почти на весь свет. Сегодня о ней можно прочитать и на немецком языке, и на японском, и на венгерском; и на румынском, и на английском. Сегодня занимать пост директора Павлышской средней школы большая честь.

Многие, наверное, думают, что это какая-то особенная, прекрасная, удивительная школа. А на самом деле она маленькая, двухэтажная, старая – её построили за счёт земства ещё в начале века. Школа старая, но учат в ней по-новому, учат и воспитывают так, как будут учить во всех школах лишь через несколько лет, а может быть, к концу века.

Пройдёмся по этой школе, совершив маленькую экскурсию и посмотрим заодно, какие здесь установлены порядки.

Когдаходишь в Павлышскую школу, то первое, что бросается в глаза, – большой стенд, на котором написано: «Мать, помни, что ты главный педагог, главный воспитатель. От тебя зависит будущее общества».

Под этими словами – картинки с советами для матери. Первый совет такой: «Мамы, рассказывайте своим детям родные сказки».

Ещё большой стенд, на этот раз обращённый к детям: «Берегите ваших матерей!»

Сухомлинский считал, что самое важное в школе, в воспитании, – воспитание чувств. И самое трудное. Коммунистическое воспитание – это воспитание человечности в человеке, и начинается

оно с любви к своей маме, с заботы о ней. Кто научится заботиться о маме, тот научится заботиться обо всех людях, научится чувствовать человека, понимать его состояние, тот никогда не станет грубым, бессердечным, жестоким. Все лучшие чувства человека естественно вырастают из одного – из чувства любви к матери. И высокая любовь к Родине, патриотизм, тоже имеет источником любовь к матери. Школа ничего не может сделать, она почти бессильна, если она не воспитывает вместе с матерью и отцом. Школа не отделена от семьи, и ребёнок, попадая в школу, не становится чужим своей семье, детство его не прекращается – наоборот, школа продлевает детство и даже возвращает его тем ребятам, у которых по каким-нибудь причинам настоящего детства в семье не было.

Поэтому ученики Сухомлинского до четвертого класса носят в школу куклы, играют, слушают, рассказывают и сами составляют сказки, – разве может быть детство счастливым, если нет сказки?

Но если бы только всё куклы да сказки, развитие ребят могло бы задержаться. Про такую школу мы не сказали бы, что она современная. Ребята из Павлышской школы уже в третьем-четвертом классах строят сложные современные модели, учатся обращаться с тонким инструментом, с электромотором, работать на станке, управлять трактором и мотоциклом. В школе на пятьсот её учеников – восемьдесят разных кружков: от кружка вышивания до кибернетического. И вокруг школы прекрасный сад, мастерские, учебная электростанция, теплицы, крольчатник, пасаека, стадион – чего только тут нет! И все выстроили и сделали сами ребята, разумеется, с помощью взрослых мастеров.

Сухомлинский говорил, что человек должен начинать трудиться с того времени, когда он научится сам нести ложку ко рту. И конечно, он должен работать постоянно, каждый день работать, пока он учится в школе. Но это должна быть такая работа – только такая! – которая вызывает любовь, а не отвращение к труду.

Что же, значит, работа полегче? Нет. Настоящая работа не может быть слишком лёгкой. Трудное, порой даже однообразное дело, рассчитанное на год или два, – вот какая работа действительно воспитывает людей с упорным, крепким характером. Например, если нужно вдвоём или втроём собрать двигатель внутреннего сгорания – в один день или в месяц не сделаешь! Но Сухомлинский научился и такую работу делать для ребят интересной. Для этого, оказывается, надо, чтобы не только руки трудились, но и голова: чтобы сначала был замысел, мечта сделать что-то интересное, ценное, важное для людей. Если

у человека нет мечты, если он работает по принуждению, то как же у него появится любовь к труду? А вот любовь-то эта и была для Сухомлинского самым важным результатом его педагогического труда.

Две школы рядом. В одной ребята построили, скажем, стадион и в другой построили примерно такой же стадион. И про одних говорят: «Молодцы», и про других говорят так же. Да только в одной школе работали с охотой, а в другой нехотя. В одной радовались работе, а в другой проклинали её. Но что для педагога, для истинного педагога, важнее – стадион или то, какие чувства вызывает у ребят работа на стадионе? Ответить на этот вопрос может каждый. Однако не каждый сможет сказать, что надо сделать, чтобы труд – всякий труд: и за партой, и в поле, и на строительстве – вызывал радостные чувства, чтобы он вёл к трудолюбию.

Сухомлинский сумел ответить на этот вопрос. В Павлышской школе все учителя заботятся о том, чтобы ребята на уроках и после уроков жили богатой духовной жизнью. Чтобы они не просто ходили в школу, выполняли домашние задания, работали на пришкольном участке и так далее, а чтобы они постоянно задумывались о своей жизни, о своём месте в жизни, о своих человеческих качествах, чтобы они стремились – сами стремились! – стать лучше, чище, богаче душой. А если человек живёт сложной духовной жизнью, если он чувствует постоянную свою связь со всеми людьми, если он чувствует себя в школе человеком, а не только учеником, – тогда и всякая его работа, всякий труд тоже становятся частицей этой духовной жизни, одухотворяются. Тогда это не постылый труд, а радость, жизнь, счастье.

Но если бы мы здесь поставили точку и решили бы, что ответ на вопрос найден, мы поступили бы очень поспешно, опрометчиво. Да, у нас есть ответ, но такой ответ, который вызывает лишь новые вопросы.

Педагогика, особенно в той её части, которая занимается проблемами воспитания, – самая сложная из всех наук, известных человечеству. Её вопросы бесконечны, и каждый ответ ничего не значит, вовсе не является ответом, если не решены тысячи других вопросов. Здесь всё взаимосвязано, всё надо решать не просто, не прямо, а какими-то обходными, иногда очень далёкими путями. Кто в педагогике ищет простые и лёгкие пути, тот, может, и добивается видимости ответа, но не более того. Мы видели это на нашем простом примере со строительством школьного стадиона. «Ребята построили стадион, замечательно потрудились», – говорят иногда, и так и хочется сделать вывод, так и просятся на язык слова: «Какие трудолюбивые ребята!»

А на самом деле, как мы уже говорили, слова «построили стадион» и сам факт строительства стадиона, если нет ясности насчёт многих других обстоятельств стройки, – сам этот факт для педагога ничего не значит. Может, трудолюбивые ребята, а может, и нет... Может, после этой грандиозной стройки труд разлюбил даже тот, кто прежде любил его.

Так и во всех случаях: никогда нельзя ограничиваться слишком простым ответом. «Духовная жизнь школы» – красивое понятие. Но как сделать, чтобы ребята действительно стремились к высокому?

Для этого, говорит Сухомлинский, нужно, чтобы в школе каждый ребёнок чувствовал себя человеком. Чтобы прежде всего на него никто не кричал, не унижал криком его человеческое достоинство, чтобы учитель был добр и ласков с каждым учеником, чтобы в школе не было наказаний, потому что в большей своей части наказания несправедливы.

Воспитывать без наказаний? Возможно ли это?

Возможно, утверждает Сухомлинский. Он даже статью такую написал: «Воспитание без наказания». Эта статья была опубликована в газете «Правда».

Вот строчки из одного письма Василия Александровича:

«...Наших советских детей можно воспитывать только добром, только лаской, без наказаний. Десять лет я воспитывал своих питомцев абсолютно без наказаний, и они стали настоящими людьми...»

Да, мы живём без наказаний, и живём очень хорошо. И мы верим, что именно такой будет коммунистическая школа. Что другой она и быть не может. Если вы хотите, чтобы, став взрослым, человек глубоко переживал малейшее порицание коллектива, воспитывайте его в детстве без наказаний. И если в массовом масштабе во всех школах сделать это пока невозможно, то не потому, что воспитание без наказаний невозможно, а потому, что многие учителя не умеют воспитывать без наказаний. Если вы хотите, чтобы в нашей стране не было преступников... воспитывайте детей без наказаний...»

Если мы оглянемся в прошлое, перелистаем труды великих педагогов прежних времён, мы легко заметим, что призыв воспитывать без наказаний, добром и лаской, всегда исходил от воспитателей. Учителю же любить всех детей гораздо труднее.

Учитель сталкивается с детской ленью, с нежеланием учиться. Учителю постоянно приходится наказывать ребят хотя бы двойкой, и это всегда казалось неизбежным. Надо же заставить учиться и тех, кто по глупости своей мальчишечей учиться вовсе не хочет, – заставить ради пользы самого этого мальчишки.

Мы помним школу в Ясной Поляне – школу, где учили без принуждения. Что же, может быть, просто повторить этот опыт? Вспомнить о педагоге Льве Толстом хотя бы через сто лет?

Вспомнить, конечно, следует. Но ведь Толстой учил только в начальной школе. Маленькие дети вообще учатся охотнее, чем большие. И затем, мало сказать: «Не принуждайте детей». Надо сделать так, чтобы в принуждении учиться не было необходимости – чтобы все дети сами учились с охотой! И чтобы это было доступно каждому учителю, а не только таким выдающимся людям, как Толстой или Сухомлинский.

Здесь мы подходим к самому интересному в педагогической системе Сухомлинского. И наименее известному. Все знают, что Сухомлинский был замечательным воспитателем, что он призывал быть гуманным с ребёнком, воспитывать добром и лаской, заботиться о детском счастье, но гораздо меньше известен Сухомлинский-учитель, Сухомлинский-дидакт.

Дидактика – наука, которая изучает процесс обучения. Дидактика отвечает на вопрос «Как учить?».

Так как же учить по Сухомлинскому?

* * *

Это похоже на лабиринт: мы всё уходим вглубь, и, возможно, кто-нибудь из читателей уже потерял спасительную нить рассуждений, заскучал. И всё же будем терпеливы и мужественны, всё же пройдем всё здание, выстроенное Сухомлинским, до конца. История дала нам счастливую возможность увидеть всю современную педагогику, понять все трудности воспитания и обучения детей в конце XX века в опыте одного педагога.

Воспользуемся же этой возможностью, будем прилежно изучать Сухомлинского. Сегодня педагог, незнакомый с его взглядами, не может считаться передовым человеком, он не имеет права даже сказать, что знает педагогику, хотя, быть может, изучал её всю жизнь.

Мы прошли по школе Сухомлинского в Павлыше. Заглянем теперь в святая святых всякой школы – на урок. Любые, даже самые прекрасные воспитательные мероприятия теряют значение, если школьнику плохо, скучно, тоскливо на уроке, если он не понимает, о чём говорит учитель, если дневник его полон двоек, если он идёт на урок с тоской в сердце и оживляется лишь с последним звонком.

«Все наши замыслы превращаются в прах... если нет детского желания учиться», – писал Василий Александрович.

– Ученик,– говорил он,– это прежде всего отношения – отношение ученика к учителю, к предмету, к своей работе. Желание детей хорошо учиться – основа школы, без него школы нет. Учитель обязан возбудить и поддерживать это желание постоянно.

Но учение – это труд, тяжёлый умственный труд, постоянные усилия понять, запомнить, научиться, решить, усвоить... Люди, которые, быть может, никогда в жизни сами не испытали радости труда, склонны считать, что коли труд – значит, обязательно должно быть скучно, нудно, значит, обязательно должно быть принуждение или самопринуждение. Из аксиомы «учение есть труд» такие люди делают вывод: значит, учение не может быть всегда интересным и увлекательным. Да к тому же, говорят, в жизни не может быть всё интересно, и надо с детства приучать ребёнка к долгу, к выполнению и непривлекательной работы.

Но мы уже видели, что, заставляя трудиться, трудолюбие не воспитаешь.

Да, учение – труд, но это должен быть радостный труд, ибо только радостный, свободный труд воспитывает любовь ко всякой необходимой работе. Долг и радость в советской школе должны не расходиться, а сливаться в одно чувство.

Уже через несколько лет после того, как Сухомлинский принял школу в Павлыше, он поставил перед своими учителями такой вопрос: как сделать, чтобы все ребята испытывали страсть к учению?

Не интерес – страсть!

Почему, спрашивал директор школы Сухомлинский, дети приходят в школу с огромным желанием учиться, тянут руки, просят, чтобы их вызвали, а через несколько лет, примерно к пятому классу, этот огонёк постепенно угасает? В чём дело? В чём секрет?

С подобным явлением встречается каждый учитель, каждый директор. Но обычно ограничиваются тем, что вздыхают: «Да, вот так... В первом классе все молодцы, а к пятому – полкласса лентяев... Ничего не поделаешь...» Ничего не поделаешь?

Вот с этим-то Сухомлинский и не мог примириться. «Нет, так больше продолжаться не может!» – решил он.

Собственно говоря, этим и отличается большой человек от заурядного. Оба видят перед собой одни и те же явления, но один говорит: «С этим ничего не поделаешь», а другой: «Так больше продолжаться не может». И его не смущает, что тысячи людей примиряются с бедой, что педагогика веками бьётся над этими проклятыми вопросами,– его ничего не смущает, не пугает.

Выдающиеся люди могут быть в жизни и тихими и робкими, даже и ничем не выделяться среди других, но в решении труднейших вопросов жизни они бывают безумно смелыми.

Сухомлинский начинает титанический труд – ищет ответ на вопрос, который его мучит. Каждый день он ходит с урока на урок – то в первый класс, то в пятый, то в седьмой, то во второй... Почему дети теряют охоту к учению? Как воспитать страсть учиться? И не только директор бьётся над этим вопросом – он сумел увлечь всех учителей в школе. Каждый пересматривал свой труд, даже самые опытные, те, что преподавали уже по тридцать лет и, казалось, всё знали и всё умели.

И вот что постепенно стало выясняться. Для того чтобы детям было интересно учиться, вовсе не обязательно делать каждый урок занимательным, не нужно развлекать детей и придумывать что-то необыкновенное. Секрет интереса вовсе не в занимательности, а в успехах детей, в их ощущении роста, движения, достижения трудного.

Вчера не понимал – сегодня понял. Вот где радость! Вчера не умел – сегодня научился. Вот в чём счастье!

Выходит, чтобы дети хорошо учились, надо, чтобы они... хорошо учились?

Парадокс?

Этот парадокс, наверно, и войдёт в историю педагогики как «парадокс Сухомлинского»: чтобы дети хорошо учились, надо, чтобы они хорошо учились.

Но никакого парадокса здесь, конечно, нет. Ларчик открывается хотя и не просто, но всё же открывается: чтобы дети хорошо учились, надо научить их учиться.

Сухомлинский обнаружил, что многие учителя смотрят на школьников примерно так, как мастер смотрит на станок: есть станок – он должен давать определённую продукцию. Есть ученик – он должен «выдавать» знания.

Да ведь ученик – не станок! Ученик вечно в развитии, он растёт, умнеет, развивается, и надо прежде всего заботиться о его развитии.

В прежние времена, когда образование было необязательным, учитель мог сказать ученику: «Ты, братец, туп, школьной премудрости тебе не одолеть, ступай вон». Впрочем, такие тирады и не обязательно было произносить: достаточно было выставить энное количество двоек... Вспомним, сколько ребят поступало в царскую гимназию и сколько кончало её.

Василий Александрович Сухомлинский считает, что ленивыми ребята становятся в самой школе оттого, что их с первых классов не научили любить школьный труд и не дали им почувствовать радость успеха в учении. Малоспособные от

природы дети, конечно, есть, но и их способности могут быть разными, и они могут успешно кончить среднюю школу, если их не «глушить» двойками, если поддерживать каждое их усилие, если не внушать им, что они неспособные...

Испокон веков перед каждым учителем стоит две пары задач:

обучать детей и одновременно воспитывать их;

обучать детей и одновременно развивать их способности.

А Сухомлинский показал, что все эти задачи фактически невозможно решить, если не поставить перед собой и не решить ещё одну, такую же важную пару задач:

вызывать страсть к знанию и учить учиться.

Незачем говорить – надюсь на сообразительность читателя, – что в отдельности эти задачи не могут быть решены: страсть к знанию нельзя воспитать, если не научить ребят учиться...

* * *

Итак, все загадки разгаданы?

Увы, я должен опять огорчить нетерпеливого читателя, желающего овладеть всеми премудростями современной педагогики с маху.

Это всё была только присказка, сказка же начинается дальше...

«Учить учиться...» Хорошо. Но что это значит? Что на практике должен делать учитель, чтобы даже самых неспособных учеников сделать способными?

Таких секретов тысячи: чтобы овладеть ими, надо получить специальное педагогическое образование да потом ещё много лет работать в школе. Но всё-таки попробуем перечислить самые главные находки Павлышской школы.

Уроки мысли. Многие ребята не умеют думать, не знают радости внезапного пробуждения мысли. Но мысль ребёнка начинает усиленно работать, если повести класс в лес, на луг, в поле и там задавать детям тысячу вопросов «Почему?», и там ждать от них ответа и добиваться его. Совместное переживание красоты природы, совместное стремление понять её тайны пробуждает мысль. Сухомлинский называет это «эмоциональным пробуждением разума». Без такой подготовки, без того, чтобы дети не задумывались над явлениями природы, начинать учить детей в классе нельзя.

Творчество. Труд мысли, пробуждение мысли невозможно, если нет детского творчества. Дети у Сухомлинского начинают складывать сказки ещё до того, как выучатся писать, пишут огромное количество маленьких сочинений с самого первого

класса, сами составляют математические задачи – все виды творчества детей используются в Павлыше.

Домашние уроки. В Павлыше стараются так подготовить ученика, чтобы ему не надо было слишком долго сидеть над уроками. Время, необходимое для занятий дома, обратно пропорционально свободному времени ученика. Чем больше свободного времени для занятий в кружках, для занятий любимым предметом, для чтения книг, словом, для общего развития, тем быстрее справляется ученик с уроками. А чем больше он сидит над уроками, чем меньше у него свободного времени, тем больше ему сидеть и приходится.

Интеллектуальный фон. Интерес к учению, общее развитие ученика невозможно, если в классе нет богатого интеллектуального фона – постоянного обмена знаниями, общего стремления к знанию, интересных и содержательных разговоров между ребятами. Этот интеллектуальный фон и помогает обходиться без зубрёжки, помогает работе мысли.

Отметка. Отметка, считает Сухомлинский, всегда должна приносить радость, отмечать успех. Нельзя ловить учеников на незнании, надо добиться, чтобы они узнали, поняли, справились с работой, и лишь тогда ставить отметку. Отметка не может быть наказанием, средством принуждения, угрозой. Отметка всегда говорит об успехе. Поэтому и тройку, считает Сухомлинский, надо считать хорошей отметкой – и тройка говорит о большой работе ученика, который ещё вчера не мог ответить на тройку.

Увлечение. В Павлышской школе добиваются, чтобы у каждого ученика был любимый предмет, в котором он превосходит других ребят. Это и создаёт интеллектуальный фон класса, развивает интерес к знанию, поддерживает таланты.

Проблемное обучение. Этими двумя словами называют обычно систему разнообразных приёмов пробуждения мысли. Новый материал во многих случаях задаётся как проблема, которую ребята с помощью учителя должны решить. Методы проблемного обучения в последние годы разрабатываются самыми крупными учёными, все признают их передовыми методами обучения. В Павлыше они применяются ещё с начала 50-х годов.

Ну, как говорят, и так далее, и так далее, и так далее...

Каков же результат применения всех этих идей и методов всей этой работы?

Когда в Павлыш приезжают гости – а в Павлыш приезжает много гостей, – то больше всего их поражает, что десятиклассники на уроках тянут руки – хотят отвечать! – как первоклашки. Интерес к знанию здесь не угасает с годами, а, наоборот, развивается и сохраняется на всю жизнь.

А в нашем веке, в эпоху научно-технической революции, это,

пожалуй, можно назвать самым главным результатом обучения, потому что наука и техника развиваются теперь так быстро, что каждому человеку приходится несколько раз переучиваться за время его жизни. Кому школа не привила страсти к учению, стремления узнать новое, тот сегодня не будет хорошим работником.

Второй главный результат не менее важен. Он заключается в том, что Сухомлинский научился учить всех ребят до десятого класса включительно – всех подряд, не разделяя их на способных и неспособных.

Какое значение имеет этот результат для нашей страны, которая перешла ко всеобщему среднему образованию, об этом, пожалуй, и не надо говорить...

Может возникнуть вопрос: что же, Сухомлинский сделал всё это один?

Конечно, нет. В его работах собрано всё лучшее, что накопила наша советская школа за полвека работы. Труды десятков учёных, опыт тысяч учителей сконцентрировались в тридцати книгах Сухомлинского и в сотнях его статей. Так было у Макаренко, так должно быть у каждого выдающегося педагога.

А самое важное заключается в том, что как бы много ни сделал этот человек, сжигавший себя в неустанной своей работе, ещё больше дел и нерешённых задач осталось на долю тех, кто идёт сегодня в школу учителем, кто решил посвятить себя педагогической науке.

Сухомлинский как бы подвёл итог: он показал всему миру, что советская школа – добрая школа, что она уважает в школьнике человека и что она может хорошо выучить, хорошо подготовить к счастливой, бодрой, трудовой жизни каждого ребёнка, что наша школа отвечает на все вызовы трудного XX века.

Но кто сделает следующий шаг?

На воротах истории образования белеют записки с большими буквами: «Требуется...» Требуется новый Песталоцци, новый Ушинский, новый Макаренко, новый Сухомлинский. Кто попробует? Кто рискнёт? Кто не побоятся обречь себя на постоянную тревогу, на поиск, на неудачи, на риск?..

Люди вчитываются в биографии замечательных учителей прошлого, в их книги и статьи вовсе не для того, чтобы восхищаться ими, и только. И не для того, конечно, чтобы повторять их жизни: подвиги учёных неповторимы. Однако их пример прибавляет силы, возвышает дух, – настала наша очередь действовать...

Но что бы новое ни было изобретено, какие бы открытия ни совершались, пусть сохранится у каждого уважение к школе,

к её добрым традициям, к самому простому, основному: к учителю и к ученику. В конце концов, какие бы методы ни открывали, какое бы оборудование ни привозили в класс – пусть доску с мелом, пусть киноаппарат или телевизор, пусть даже обучающую машину, – главным, вечным и неизменным остаётся в школе учитель.

И потому, прежде чем закрыть книгу, побывав в последний раз на берегах прекрасной – в своём постоянстве и в своей изменчивости реки Итомли, отдадим поклон вечным учителям Раменским.

Я, Раменский Аркадий Николаевич, сын учителя с. Молодино, Ржевского уезда, Тверской губернии, начал учительствовать с 1910 года. Работал зав. школой с. Берёзки, зав. школой № 5 города Бологое, учителем Мологинской СШ., учителем Зареченской НСШ, Вышневолоцкого р-на Калининской области, и вышел на пенсию в 1952 году, проработав на педагогической работе сорок два года.

Последняя запись в семейной хронике учителей Раменских

Итак, последний в хронике Раменских – Раменский наших дней. Об основателях рода известно по семейным преданиям и документам, о Николае Пахомовиче рассказывали его ученики, теперь уже очень старые мологинские крестьяне, а с нынешними Раменскими, детьми Николая Пахомовича и его внуками, автор этой книги знаком сам. Древняя история и сегодняшняя день слились в одно, и ясно стала видна связь нынешнего урожая с первыми зёрнышками посева.

...Тёплым августовским вечером я сошёл с автобуса и леском, полем, мелкими тропинками добрался до деревни Лялино, к большому дому на окраине, старинной усадьбе. Высокие окна выходят в сад, высокие двустворчатые двери с фигурными накладками ведут из комнаты в комнату.

Меня встретил худощавый старик. Держался он прямо, но без напряжения, легко. Встретил приветливо, лишь едва заметной усмешкой блестя глаза, – у всех Раменских слегка насмешливый взгляд.

Старик этот был сын Николая Раменского – Аркадий Николаевич Раменский.

Всё, что есть лучшее в Раменских, соединилось в нём: высокая культура прадеда Алексея, независимость деда Пахома, серьёзность и профессионализм отца его Николая Пахомовича. А сверх того, было у него мудрое спокойствие старого учителя, для которого все люди вокруг – ученики, все могли бы сидеть в его классе, всех он видит насквозь и всех готов пропустить.

Признаться, я всматривался в этого человека как в живое чудо. Думал увидеть в нём стариков Раменских, почувствовать следы той борьбы, которую вели люди вроде Пирогова, Ушинского или Ульянова, – должно же это как-то сказаться в современном Раменском? Но нет – просто старый учитель, каких нередко встретишь. Или надо обладать особым взором, чтобы увидеть в человеке страдания и радости живших до него людей? Чтобы понять невидимую, но реальную – где-то в нём самом существующую – связь его с просветителями, декабристами, шестидесятниками, народниками... А ведь, наверно, такая связь есть, и за каждым учителем, входящим сегодня с журналом и указкой в класс, стоят незримой, чередой образы тех великих людей, великих педагогов... И вот старый учитель в домашней куртке...

Имена его знаменитых предков по семье и по профессии не тяжестью ложились ему на плечи, а давали ту внутреннюю поддержку, с которой человеку легче переносить трудности жизни. Не надо ему выглядеть лучше, чем он есть, не надо стараться утвердить себя на земле: всё, что он делал, он делал, не особенно торопясь, делал уверенно, потому что у него не только собственный опыт – наследственный инстинкт учителя, прижизненное чувство школы. Длинную-длинную жизнь прожил старик. А от кого он зависел?

Ни от кого.

Когда Аркадий Николаевич закончил духовную семинарию и должен был идти в класс (многие Раменские кончали духовные учебные заведения – это было дешевле гимназии и образование хорошее), место в Мологине ещё занимал отец. Отец до глубокой старости работал, а когда вышел на пенсию, то помогал дочери проверять тетради её учеников

и сердился: «Что они у тебя, не знают, где «ять» пишется?» А «ять» в ту пору уже отменили. Школа в Мологине была занята, Аркадий Николаевич получил должность в селе Берёзки (это было за четыре года до первой мировой войны) и стал строить свою и, конечно, новую школу, непохожую ни на дедовскую, ни на отцовскую, иначе он, Аркадий Николаевич, не был бы Раменским. Не будь у Раменских этого качества – стремления к новому, – род их давно сгинул бы в неизвестности.

В те годы Аркадий Николаевич думал о том же, над чем работали Шацкий, Блонский, потом Макаренко: как соединить учение в классе с трудом, как научить ребят коллективной жизни, – таких забот не знали его отец и дед. При своей школе он создал отличную сапожную мастерскую, потом мебельную мастерскую, мастерскую резьбы по дереву, а для девушек – золотошвейную. Продукцию учеников Раменского показывали на зарубежных выставках. Сам министр народного просвещения побывал в Берёзках, об опыте Раменского написали специальную брошюру. Но Аркадий Николаевич не остановился на этом: он создал при школе интернат для крестьянских детей, и не просто интернат – коммуна. Местному начальству коммуна показала себя заведением подозрительным. Попечители пожаловались на Раменского в министерство. Но его не тронули.

– Лицо я был значительное, – неторопливо рассказывал Аркадий Николаевич, подшучивая над собой, – меня голыми руками не возьмёшь, со мной считались...

После революции его сделали волостным комиссаром по просвещению – инспектором.

– Инспектировать, значит... А что инспектировать, если ребята и учителя голодные и холодные?

Тянуло его в Мологино, в отцовскую школу, но только в конце 30-х годов вошёл он в класс, где прежде учил отец. А вскоре началась война, немцы заняли Мологино. Недолго, всего несколько недель, были они здесь, и как не было Мологина. Сгорел и разрушен красавец храм, построенный ещё при первом Раменском, дотла сгорели отцовская школа, отцовский дом, знаменитая библиотека Раменских. Горе, какого не знал никто в роду Раменских.

Пятидесятилетний учитель молча смотрел на пожар из лесу, где скрывались от немцев моголинцы.

А когда немцев прогнали и женщины с ребятами вернулись в село, на другой же день собрал Аркадий Николаевич детей в избу и стал учить их, как и прежде, только немножко торопился. Сердился на ребят чаще. «Что ты за экземпляр? – говорил. – Я к тебе душой, а ты ко мне спиной. Нехорошо».

Война войной, голод голодом, всё можно пережить, но, если перестать учить детей, настанет мрак... Война отняла у моголинских детей отцов, отняла хлеб и дом, но жив учитель, и ученые у ребят не отнимут.

Кто это говорит, что в учителя подаются лишь люди, не способные на большее? Аркадию Николаевичу предлагали в молодости в город идти, сделал был он карьеру, может, и не хуже, чем дядя его, Алексей Пахомович, что в орденах и с лентой ходил. Раменским ли способности занимать? Но отказался Аркадий Николаевич, только и проговорил:

– Нет, около озера я останусь да около лесу...

Около озера да около лесу, на берегу милой реки Итомли, в невысоких чинах, но с высокой культурой; с небогатым доходом, но с ежедневной прибылью радости – человеческой радости учиться, радости обновляться, радости учить и видеть, как люди умнеют и обновляются, чтобы сказать, как говорил Аркадий Николаевич незадолго перед своей смертью:

– Жил я честно, никого не обидел, что мог, делал.

Если вдуматься в эту формулу-итог, так чего лучшего желать человеку? «Жил я честно, никого не обидел, что мог, делал».

Каждый делал что мог, и все вместе подняли культуру необозримой страны и, в маленьком селе на берегу Итомли проведя свои жизни, встали в ряд с великими просветителями.

После войны, спустя много лет, в 1963 году, было в отстроенном Моголине торжество: праздновали двухсотлетие династии учителей Раменских. Был здесь Аркадий Николаевич, были его сёстры – старые учительницы Нина Николаевна и Людмила Николаевна (у каждой по сорок с лишним лет стажа), была бесчисленная родня Раменских – Виноградовы, Синадские, Смольковы, Разумихины; зять, дядя, племянники – все учителя. Все до одного. Раменские точно отражают ход истории: где прежде был один

учитель – теперь десять. Многовскую борьбу вынесли, многотысяче детское через души свои пропустили – каждого полюби, каждого вызнай, каждого на ноги поставь и вслед ему, когда по житейской дороге отправится, улыбнись, чтоб легче путь был. Напутствие учителя сливается с отцовским благословением.

«Предки нашей семьи учились у народных учителей Рамских. Один из них, Кузьма Васильев в Отечественную войну 1812 году возглавлял отряд мологинских партизан в борьбе с наполеоновскими захватчиками. Наш дед, Александр Кузьмич Мансветов, был учеником Пахома Рамского, а наш отец, Василий Александрович Мансветов, и его 7 братьев и сестёр были учениками Николая Пахомовича Рамского. В годы Советской власти 21 член нашей семьи и ближайшие родственники окончили Мологинскую школу, и все, получив высшее образование, работают учёными, инженерами, педагогами, военнослужащими...»

Эти надпись сделал на букваре, подарив его Каменским, один из их учеников – В. В. Мансветов.

Две семьи вместе преодолевали пространство веков, держались друг за друга. Может быть, десятилетиями жили в соседних избах. Учителя и ученики.

Ученики – крестьянин, партизан, учёный, инженер.

Учитель – учитель. И этим всё сказано.

Чей род добился в жизни большего?

Можно, конечно, задать и такой вопрос. Но зачем?

Первым при встрече с учителем кланяется ученик. И чем старше становится он, тем ниже наклоняет голову, быть может уже и седую.

Кланяются люди учителю.

Каждый, перебирая дни и часы своей жизни, хотя бы в самой глубине памяти находит тот сладкий час, когда он слушал учителя с открытой душой и тёплым доверием. Час ученичества.

УЧЕНИЕ С УВЛЕЧЕНИЕМ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Учение с увлечением	214
Глава 1. УЧЕНИЕ	215
Глава 2. УВЛЕЧЕНИЕ	223
Глава 3. ВРЕМЯ	240
Глава 4. ВОЛЯ	252
Глава 5. ВЕРА В СЕБЯ	271
Глава 6. УМСТВЕННЫЙ ТРУД	281
Глава 7. ТРУД ДУШИ	297
Глава 8. ВНИМАНИЕ	310
Глава 9. ПАМЯТЬ	321
Глава 10. УРОКИ В ШКОЛЕ	336
Глава 11. УРОКИ ДОМА	352
Глава 12. ЧТЕНИЕ	366
Послесловие	379

При ссылке на бумажное издание прибавляйте «3» к ном страницы!

– Да какой это роман! – возмутится читатель, перелистав страницы книги. – Это не роман, а обман!

Нет обмана. Роман. Потому что о любви, потому что в книге десятки героев, а действие её происходит по всему миру. Чем не роман?

Это роман о любви к учению, такой же драматичной, как и всякая любовь: здесь страдания, страсти, томления, надежды и разочарования, через которые проходит каждый человек.

В учении всё зависит от науки, от учителя и от ученика.

О науке написаны десятки миллионов книг. Для учителя – миллионы. А для ученика?

Есть руководства для юных конструкторов, созданы инструкции по разведению рыбок в аквариуме, есть самоучители игры на гитаре. Но книги о любви к учению нет!

Ужасная несправедливость!

Этот роман – попытка исправить положение. Автор был бы мошенником, если бы уверял, будто всякий, кто в ночь прочтёт книгу, наутро проснётся отличником. Конечно, нет! Все советы в этой книге ещё нуждаются в дополнительной проверке, потому что главная наша цель – не советы, а исследование, опыты на себе. На первых порах в исследовании участвовало больше трёх тысяч экспериментаторов от десяти до шестнадцати лет. Они поставили первые опыты, провели первые наблюдения, и автор приносит им глубокую благодарность за труд, за веру и за самоотверженность. Но кто продолжит это важное исследование в одной из самых таинственных областей человеческой жизни – в науке хорошо учиться?

Может быть, вы, читатель?

Учение с увлечением!

Глава 1 • УЧЕНИЕ

1

Проделаем такой фантастический опыт. Помножим число людей на Земле на число мыслей, какие только приходят в голову человеку за всю его жизнь. Произведение получится огромным. Теперь прикинем, как распределяются мысли людей по содержанию, о чём люди думают.

Если не быть слишком строгими в подсчётах, то можно сказать, что приблизительно из каждых ста мыслей

девятьюто – о практических заботах сегодняшнего дня, о себе и окружающих людях;

девять – о всей своей жизни и о всей стране;

одна мысль – о вечности и человечестве.

Люди думают о дне, о жизни и о вечности. Люди думают о себе, о стране и о человечестве. Мысли, не выходящие за границы сиюминутных забот, занимают почти всё наше время – иначе быть и не может. Нельзя вечно думать о вечном: человек живёт сейчас, а не в будущем. Но нельзя, невозможно не думать и о высоком – о людях, о стране, о вечности и человечестве.

Вот круг на плоскости. В нём можно разместить неисчислимое множество точек. Но только одна точка из этого множества – центральная, центр. Она одна в бесконечном числе других точек, но она определяет место всего круга. Так и среди мыслей наших есть центральные мысли; и что с того, что мы не сосредоточиваемся на них с утра до вечера, что не каждый день они приходят в голову? Они есть, эти центральные мысли, и именно они определяют центр тяжести нашей души, её устойчивость, составляют духовную жизнь человека.

Все остальные главы этой книги будут посвящены сугубо практическим вещам, деловым проблемам учения.

Но несколько минут жизни, несколько первых страниц книги посвятим главным, трудным, центральным мыслям.

2

Центральные мысли обладают тем свойством, что они касаются вопросов, на которые нет простого, абсолютно ясного и для всех одинакового ответа. Потому они и занимают людей тысячелетиями. Например: «Зачем человек живёт?» Или вытекающий отсюда вопрос: «Зачем человек учится?»

Само собой разумеется, что книга про учение должна открываться разъяснениями, зачем же человеку учиться. Пожалуй, и читатель будет расстроен, если автор не убедит его, что учиться – хорошо, а не учиться – плохо. Что хорошо учиться – лучше, чем учиться плохо. Что «ученье – свет, а неученье – тьма», как говорили раньше.

Признаться, я с этого и начал: я написал не одну, а несколько глав, в которых доказывал, что учиться – это хорошо, а не учиться – плохо. Я привёл прямые доказательства и доказательства от противного, собрал мнения многих мыслителей, подобрал примеры из жизни великих людей, доказывающие, что ученье – свет, свет и свет. А неученье – тьма. Тень тёмная и непроглядная. Даже предельно невежественный человек, тот, для кого неученье не тьма, а именины сердца, – даже он, прочитав эти главы, дрогнул бы душой, задумался бы о своей неправильной жизни и, сам того не замечая, потянулся бы к учебнику ботаники, всем существом своим осознав, что ученье (вы слышали?) – свет, а неученье, что там ни говори, – тьма.

Но не дрогнет ничья душа. Никто не читает прекрасные главы. Я их выбросил. Никому они не нужны. Потому что любой читатель, только попроси его, с изумительным вдохновением докажет, что ученье – свет, а неученье... Докажет и это: что неученье – тьма!

Нет такого вопроса – «Зачем учиться?»

Сколько мир стоит, все, у кого была возможность, учились. И в древнем мире, о котором мы много знаем, и в средние века, о которых мы знаем меньше, и в «век девятнадцатый, железный», и в наш атомный век вопрос решался и решается просто: у кого есть средства учиться, тот и учится. Состоятельные люди никогда не спрашивали, зачем учиться, а посылали своих детей в школы, гимназии и университеты. Никто из ныне здравствующих миллионеров не пишет в газеты письма с мучительным вопросом: «Зачем учиться?» Они отправляют своих детей в школы сверхдорогие и сверхпрекрасные. Возможность получить образование всегда сопутствовала богатству.

Вслушася в слова: образование дают, образование получают... Дают и получают – как наследство, как богатство. В нашей стране образование бесплатное, чтобы все дети получили одинаковую возможность учиться, независимо от положения родителей. Но ведь и за это бесплатное образование народ платит своим трудом. Из воздуха, сами собой, средства для содержания школ не появляются. Бесплатно – для семьи, но для народа – вовсе не бесплатно.

Так что же понапрасну рассуждать, зачем и для чего учиться? Что уж так интересоваться, свет учение или не свет? Есть один простой и деловой вопрос: какие у нас, у меня реальные возможности получить хорошее образование? Как этими возможностями воспользоваться?

Ещё не кончилась гражданская война, когда в зале на Малой Дмитровке, в Москве, где сейчас Театр имени Ленинского комсомола, собрались молодые люди со всех концов страны, многие – с фронта. Они знали, что должен выступить Ленин, и нетерпеливо ждали, что же он скажет, потому что этот человек, Ленин, вот уже почти четверть века говорил самое нужное людям.

Ленин приехал на этот съезд и действительно сказал точное и своевременное слово, хотя оно и показалось неожиданным. Слово было такое: учиться.

Слово «учиться» существовало всегда, но теперь это было как будто совсем новое слово, вновь открытое, вновь найденное, потому что в нём было совершенно новое содержание.

В то время, в 1920 году, многие люди думали, что достаточно лишить власти царя, помещиков, капиталистов, как сразу начнётся совсем прекрасная жизнь. Но, оказывается, после победы революции почти всё начинает зависеть от того, как освобождённая страна будет учиться: учиться не только в школе, а всюду и во всём. Учиться считать и планировать, учиться управлять, учиться работать сообща, учиться думать обо всей стране,

учиться быть свободными людьми, учиться новой нравственности – «учиться коммунизму», как сказал Ленин.

«...Задачи молодёжи... можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться», – сказал Ленин тогда, на Третьем съезде комсомола. Именно то, чего молодёжь всегда была лишена, теперь стало доступно – обязательным!

С тех пор слова «учиться», «воспитывать», «овладеть культурой» стали одними из самых важных, самых распространённых слов в стране. Они сейчас привычны нам, а тогда ошеломили своей новизной. Учение всегда казалось благородным, но никак не самым важным делом. У людей и мысли в голове не было, что учиться должны и могут все.

Никогда ещё не было государства, в котором вся жизнь, всё его развитие, всё счастье в такой степени зависело бы от учения и воспитания всех людей.

Никогда ещё не было государства, в котором учение и воспитание каждого в такой большой степени было бы не личным, а общественно важным делом.

Слово «учиться» в нашей стране имеет особый смысл, потому что и вся страна наша – ученик в истории. Мы учимся строить новую жизнь, учимся со всеми признаками учения: с трудом, с ошибками, с постепенным приближением к истине.

Жить в такой учащейся стране, соответствовать сути её, быть её частью – значит постоянно учиться.

Когда мы утром идём на уроки, мы ни о чём таком не думаем, и ещё реже говорим об этом между собой. Центральные мысли, то есть мысли о высоком, редко овладевают нами. Но они есть в нашем сознании, они определяют наше поведение, хотя мы не замечаем этого, как не замечаем своего дыхания.

Мы ходим в школу, потому что это простая забота каждого дня и потому что это наш долг перед страной и перед своей жизнью. Мы не можем думать об этом каждую минуту, но в действительности дело обстоит именно так. На каждом нашем поступке стоит тройная печать: день, жизнь, вечность. В каждом нашем поступке так или иначе отражены интересы собственные, интересы страны, интересы всего человечества. Так мы вписываемся в пространство и время. Кто не поймёт всего этого, тот вечно будет хныкать, как маленький: «Зачем учиться? Зачем мне математика? Зачем биология? Не хочу!»

А кто поймёт, для чего жить, для чего учиться (это, по сути, одно и то же), кто поймёт, что только в учении душа разрастается и в ней появляются человеческие желания, тот будет учиться напряжённо и радостно. Свободно.

Образование дают, образование получают...

Но надо ещё уметь его взять!

Однажды учёные задали большой группе ребят простой вопрос: «Как вы сами считаете, соответствуют ли результаты учения вашим возможностям?»

Больше половины старшеклассников ответили: «Нет, не соответствуют». А в последнем, десятом классе почти семьдесят процентов ребят считают, что они могли бы учиться лучше. Что же им мешает? Может быть, не хватает способностей, трудно учиться?

Все ребята, как один, ответили: «Нет!» Конечно, одним учиться труднее, чем другим, способности у людей разные, но «труднее» – не значит «невозможно». Никто не жалуется на свои способности, и это правильно, это честно. Из этого исходило и наше государство, когда принимало закон о всеобщем среднем образовании: все ребята действительно могут овладеть серьезными знаниями, у всех достаточно способностей для того, чтобы не просто отсидеть в школе десять лет, а реально выучиться.

И мы в нашей книге почти не будем говорить о способностях – нет этой проблемы!

Проблема в другом. Большая часть ребят жалуется, что им не хватает организованности и нет у них достаточного интереса к учению, к школе. Но две эти причины можно свести в одну, потому что тот, кому интересно учиться, никогда не страдает от лени и неорганизованности.

Вот главная причина наших школьных бед и неприятностей, вот что мешает многим из нас получить достойное образование: неумение заинтересоваться учением! Между тем только любовь к знанию, к школе даёт силы для того, чтобы преодолеть десятитысячный массив уроков (десять классов – это примерно десять тысяч уроков) и получить хорошее среднее образование.

Долгое время считали, что без скуки учения вообще нет, а нелюбовь к учению – обычное, естественное явление. В некоторых странах учителям до сих пор разрешено бить детей на уроках. Считают, что это нормально: дети не хотят учиться, а учитель заставляет их.

И вдруг сегодня, в последней четверти XX века, положение резко изменилось. Вдруг оказалось, что недостаточно просто учиться, а необходимо всем учиться с увлечением.

Учение с увлечением нужно всем без исключения!

Что же произошло?

Есть по крайней мере три причины этой перемены.

Первая причина – в обязанности среднего образования.

Прежде было так: не хочешь учиться после восьмилетки – не учишь, твоё дело. А теперь и в техническом училище надо получать общее среднее образование, и на заводе покоя не дадут: иди в школу рабочей молодёжи, получай среднее образование. Закон один на всех: всем – среднее. Теперь никто не спрашивает, хочешь или не хочешь, считаешь себя способным или не считаешь. Учись! Развивай способности!

Но если охоты учиться нет – учение мучительно и бессмысленно. Только увлечение создаёт то напряжение духовных сил, которое ведёт к развитию способностей. Все знают: у кого больше способности, у того больше есть интерес к занятиям. Но не все знают обратное правило: у кого больше интереса, у того быстрее развиваются способности. Увлечение и способности тесно связаны между собой.

Вторая причина – в быстром прогрессе науки и техники. Каждому приходится учиться и переучиваться почти всю жизнь. Прежде говорили: «Учись!» Теперь правильно будет добавлять: «Учись учиться!» Кто не научился в школе учиться, у кого нет любви к учению, тот рано или поздно отстанет от жизни. Идея непрерывного учения, учения всю жизнь, висит в воздухе. Интерес к учению и умение учиться теперь становятся такими же важными результатами школьных лет, как и знания. Кто заканчивает школу с ненавистью к учению – пропадёт, даже если у него в аттестате все пятёрки. Кто заканчивает школу с желанием учиться – тот в выигрыше, даже если у него не блестящий аттестат. В аттестате отметок за увлечение не ставят, но жизнь их ставит каждому.

Третья причина в том, что когда среднее образование становится обязательным для всех, то, несмотря на увеличение числа институтов, поступает в них меньший процент выпускников.

Как же подготовиться к тому, что и с хорошим средним образованием надо будет работать на заводе или в поле? Иначе образование не пойдёт впрок, приведёт лишь к разочарованию. Образование с разочарованием – это ещё зачем?

Путь один: приучить себя везде работать с интересом, никогда не терять чувства полноты жизни. Совсем недавно можно было допустить роскошь учиться без увлечения, лишь бы закончить школу. Сегодня учиться без интереса – значит подрывать основу будущей своей жизни, заранее приписываться к лагерю разочарованных и унывающих.

Таково положение дел, если смотреть правде в глаза. Учение без увлечения стало не просто плохим учением, как было всегда, – оно теперь немислимо. Сегодня учение с увлечением – завтра увлекательная жизнь.

Но, скажут, в жизни часто приходится делать то, чего не хочется. Разве может всякая работа быть увлекательной? Разве могут, например, все школьные предметы быть одинаково интересны? И что получится, если человек привыкнет делать только интересное для него?

Здесь что ни вопрос – то ошибка.

В жизни часто приходится делать неинтересное? Нет! Расспросите людей, добившихся значительных успехов, будь то учёный, журналист, сталевар, слесарь, учитель. Все они скажут, что никогда не делали того, что не хочется делать. Они выполняют всё, что требует от них жизнь и долг, но именно это они и сами хотели бы делать. Долг – на первом месте для таких людей, интерес – на втором, но долг и интерес идут следом, как два сцепленных тепловоза, везущих тяжёлый состав. У тех, кто работает по чувству долга, но с отвращением, и у тех, кто работает с интересом, но при этом не выполняет свой долг, у тех и у других неполная, неполноценная, мучительная жизнь. Радость приходит к тому, кто выполняет свой долг с радостью.

Спрашивают: разве может всякая работа быть увлекательной?

Может! Присмотримся к окружающим нас людям. Одни за всякую работу бьются серьёзно, с охотой, даже если это мытьё посуды или другая вроде бы нудная домашняя работа. Старое правило: всё, что стоит делать, стоит и того, чтобы делать хорошо.

Другие же, наоборот, стонут от всякой работы, она кажется им обременительной и скучной. Ах! Опять эта посуда! Ах! Опять идти на работу! Ах! Ах! И всегда кажется, что есть на свете какие-то другие, более интересные дела... Катастрофическая неспособность увлекаться любой работой заложена в таких людях ещё в детстве. Это самые несчастные люди. Среди них больше всего завистников.

Есть молодые люди, которые знакомятся с одной девушкой, потом с другой, третьей, и кажется им, что и та нехороша, и другая, и третья... А вот четвёртая будет хороша. Но и четвёртая будет не по душе, потому что молодой человек не умеет любить, не научился...

Точно так же и с работой.

Исполнение долга приносит радость, чувство удовлетворения, и если этого нет, значит, что-то не так с человеком, неправильно он воспитан, неправильно понимает жизнь.

Учение с увлечением – первый шаг к будущей ответственной, серьёзной жизни, полной смысла и радости.

Умение работать с любовью на всякой машине, умение с увлечением заниматься любым необходимым и важным делом, умение искать и находить интерес в нём – это свойство характера самому можно воспитать в себе. Вот основная мысль этой книги, основная цель исследования, главная гипотеза: человек может сам научиться работать с увлечением!

5

Как бы ни был увлечён человек историей, спортом или математикой, он должен быть достаточно культурен, чтобы все необходимые дела встречать без отвращения.

Ведь что такое культура? Культурным мы называем всё, что обработано в интересах человека и в традициях общества, к чему приложены усилия. Культурное противоположно дикому. Яблоня-дичок даёт кислые, сморщенные плоды, в рот не возьмёшь. Яблоня, над которой работали, даёт плоды большие, красивые и вкусные. Это культурное растение. Так и в человеке: у него есть культура мысли, если он много учился, и культура поведения, если его хорошо воспитывали, и культура тела, если он занимался спортом... А культура чувств? Культура желаний? Культура интересов? Эти виды культуры тоже не приходят сами собой, тоже требуют работы, воспитания и самовоспитания. Иначе выходит человек-дичок, дикий человек среди развитых, культурных людей. Дикарь в наши дни не тот, кто ходит в набедренной повязке и ест сырое мясо, – дикарь тот, к воспитанию которого не приложено никаких усилий, и потому он не умеет управлять собой, своим телом, своими движениями, своими мыслями, желаниями, чувствами, интересами.

Макаренко писал одному своему бывшему ученику:

«...У человека должна быть единственная специальность – он должен быть большим человеком, человеком настоящим. Если ты сумеешь это требование понять... везде для тебя будет интересно и везде ты сможешь дать что-нибудь ценное в жизни».

Везде тебе будет интересно! Везде дашь ценное!

Кто не развил в себе общего интереса к жизни, кто не умеет увлекаться каждым делом, каким ему приходится заниматься, тот может и не найти своего главного увлечения, своего призвания.

Могут ли все учебные предметы в школе быть интересными?

Могут! Каждому человеку одними предметами легче увлечься, а для того, чтобы полюбить другие, требуются определённые старания. Культурному человеку это не страшно. Культурный человек причащает себя ко всем предметам относиться творчески, увлечённо, с уважением. Он не позволяет себе делать какую-нибудь

работу со скукой. Здоровый, нормально развивающийся человек никогда не скучает, не знает, что такое скука.

Иногда говорят: «Что получится, если человек с детства привыкнет делать только интересное для него?»

Но кто же к этому призывает? Никакого «только» нет. Учение с увлечением – это вовсе не учение с развлечением. Школа не цирк, она не может развлекать, не должна этого делать. Школа – труд, серьёзный, долгий, иногда и тяжёлый умственный труд. В школьной программе есть предметы потруднее и полегче, и в каждом предмете есть разделы поинтереснее и поскучнее. Школа даёт знания в системе, в этом её главная ценность, и потому она не может выбирать лишь то, что интересно: никакого учения не получится.

Именно потому, что школа не развлекает и не даёт выбора, учиться в школе с увлечением – это и значит воспитывать в себе чувство долга и учиться выполнять долг охотно, творчески. Именно школа воспитывает культуру отношения к жизни.

Не только интересное делать, а всё, что нужно, делать с интересом. Понятна ли разница?

6

Но если уж читатель так любознателен, что всё же хотел бы получить точный ответ на вопрос «Зачем учиться?», то лучше всего привести слова выдающегося педагога Василия Александровича Сухомлинского. Вдумаемся в них, это одна из самых важных центральных мыслей. Каждый сам сумеет доказать её истинность: Человек должен учиться потому, что он человек.

Глава 2 • УВЛЕЧЕНИЕ

1

– Центральные мысли тогда хороши, когда они ведут к практическим делам, к улучшению жизни. Поэтому без дальних околичностей возьмёмся за работу.

Обычные романы строятся по такой схеме: двое встречаются, и сразу, с первого взгляда, вспыхивает любовь. Но что-то мешает им, возникают препятствия. Влюблённые преодолевают их, совершая героические поступки, и наконец соединяют свои жизни. Или умирают, как Ромео и Джульетта.

В школьном «романе», романе учения, всё не так. Двос, например человек и математика, встречаются, но любви не выходит... Какая-то сила, не столь явная, как вражда двух семейств, но такая же опасная, мешает любви. Человек не любит математику, а математика не любит человека, что и выражается двойками в дневнике. Школьный дневник – это сборник рассказов о счастливой или несчастной любви...

Итак, безнадежный случай? Неминуем трагический конец?

Нет, как и во всяком романе, здесь тоже возможны два окончания, печальное или счастливое: человек преодолевает таинственную враждебную силу, любовь его разгорается, и любовью он побеждает математику или другие страшные для него предметы.

Наша практическая задача – привести роман с обычными школьными науками к счастливому концу, к победе любви.

Но возможно ли это?

Даже сама мысль – научиться любить – кажется на первый взгляд странной, сумасшедшей и чем-то неприятной. Разве любовь приходит по желанию? Разве мы можем управлять своими интересами?

Но не стоит торопиться. В науке всегда так: каждая новая мысль сначала кажется абсурдной. Потом говорят, что в ней ничего нового нет. Потом привыкают к ней и оценивают её по справедливости.

2

Вспомним какое-нибудь занятие, которое мы любим, самое простое. Ну, скажем, катание на коньках. Если мы любим кататься, значит, мы вполне прилично держимся на льду, не хуже других, и уж, во всяком случае, не стыдимся ходить на каток. Кто не может устоять на коньках, тому и мысль о катке ненавистна. А кто не пробовал выйти на лёд, тот просто равнодушен к катанию.

Катание на коньках само по себе не интересно и не скучно: всё зависит от того, насколько хорошо умеем мы кататься.

И так всё в жизни, тут нет никакого открытия: интерес прячется не в делах, не в занятиях, а в нас самих. Что умеем делать хорошо – то и любим. Чего не умеем – того и не любим. Любовь всегда требует хоть немного взаимности!

В учении – то же самое. Отчего неорганизованность, «слабая воля», «не хочу», «не могу», «не люблю» и прочее? Да не получается у нас в той степени, как нам хотелось бы, вот и всё! Запустили, пропустили – тысячи причин можно найти, но

в основе всегда будет одно: не получается. Потому и скучно. А коли скучно, то и лень и бессилие.

Выходит то, что называют заколдованным, или, ещё страшнее, порочным кругом. Неприятно потому, что не занимаешься, а не занимаешься потому, что неприятно!

Вот серьёзная беда всех, кто не успевает в школе. К несчастью, эту беду не всегда замечают. Рассуждают просто: сиди да учись! И не принимают во внимание, что как раз это и есть самое трудное – сесть за книги. Сил не хватает, потому что нет интереса.

Если неприятно и потому нет сил заниматься, то нельзя от этого отмахнуться, как от причины недостойной, неважной, надуманной, неуважительной. Эта причина действительно существует, и она так сильно действует, что, сколько бы человека ни ругали, сколько ни объясняли бы ему, что география увлекательна, а геометрия полезна, а литература необходима, сколько бы ни повторяли, что не учиться – стыдно, дело с места не сдвинется, потому что причина слабого учения остаётся: заколдованный круг продолжает вертеться, одни только двойки слетают с него.

Можно самым прекрасным образом понимать необходимость учиться и сознавать свой долг; можно мучиться от стыда и презирать себя; но до тех пор, пока не преодолеешь этот порочный круг, настоящего учения не будет. Серьёзные проблемы нельзя обходить, их надо решать. Будем искать выход!

Если мне уже пять лет исполнилось и первые мысли забрезжили в моей голове, с этой поры я сам отвечаю за свой характер, за своё образование, за свою судьбу, и нет в мире виноватых! Нечего мне жаловаться! Я должен сам искать и находить выход из любого трудного положения!

Нельзя в жизни всё и сразу понять, нельзя всё и сразу исправить. Так не получается. Но двигаться в сторону понимания и исправления – можно!

И из порочного круга, в который попадает тот, кто недостаточно хорошо учится, должен быть выход. Такой, чтобы каждый мог сам, ни на кого не надеясь, переменить ход своей учебной судьбы, вырваться из неблагоприятных обстоятельств и начать учиться хорошо и с неизменным увлечением.

Только надо найти его, этот выход! Что с того, что он никому не известен? Надо найти его.

3

Я стал расспрашивать учителей: может, кто-нибудь натолкнёт на ответ?

Учителя хорошо знают, как учить детей. Но никто не мог сказать, что делать человеку, если он попал в заколдованный круг скуки и неумения работать. Некоторые сердились: «Да что тут такого? Какие ещё хитрости нужны? Позаниматься как следует, вот и вся хитрость! Безнадёжно отстал! А кто виноват?»

Я засел за книги, месяцами ходил в Ленинскую библиотеку, самую богатую библиотеку в нашей стране. Там тысячи книг об учении в школе. Но все они о том же – как учить ребят или как лучше учиться тому, кто хочет учиться лучше. Но что делать человеку, если он не в состоянии сесть за книгу и подумывает о том, чтобы бросить школу, об этом в книгах не написано!

Тогда я стал расспрашивать учёных: нет ли общего правила, по которому можно было бы преодолеть инерцию заколдованного круга?

Один крупный учёный, профессор психологии, сказал мне, что он не слышал о таких правилах, но что, очевидно, надо найти слабое звено, слабое место в этом круге и на него направить все усилия. Однако этот совет не годился. Если бы всё было так просто, то не было бы никакого круга, была бы цепь причин – устрани какой-то один недостаток, поломку в цепи, и всё в порядке. А у нас – безвыходное положение! Человек не может заниматься с успехом, пока он не позанимается...

4

Однако долгие поиски редко остаются безрезультатными, и в конце концов оказалось, что есть правило обращения с порочными кругами, оно известно! Его знают, например, физики. Когда они в своих теоретических рассуждениях встречаются с подобной трудностью, они используют метод последовательного приближения. То есть не пытаются сначала полностью преодолеть одну беду, потом – другую, а постепенно, последовательно уменьшают то одну трудность, то другую и так приближаются к цели.

Среди двух наших врагов – нежелания и неумения – нет слабейшего, их нельзя победить поодиночке, они набираются силы один от другого, именно поэтому победить их так сложно. Надо бороться сразу с обоими.

Если ты попал в порочный круг, то бесполезно устремлять все силы на устранение лишь одной трудности. Надо браться за обе задачи сразу, браться за это «чёртово колесо» не одной, а двумя руками и постепенно, постепенно раскручивать его в противоположную сторону!

Что получается?

Немного поленился и поработал меньше, чем нужно, – немного меньше стало интереса – немного труднее стало работать – ещё меньше успеха – ещё меньше интереса – совсем мало работы – совсем нет интереса – всё плохо.

Так действует заколдованный круг.

А если хоть немножко интереса? Тогда чуть-чуть прибавится работы – последует первый, маленький успех – чуть больше интереса и желания работать – больше работы – больше успеха – ещё больше работы – ещё больше успеха – ещё больше интереса – и, наконец, учение с увлечением.

Так, в идеале, можно было бы раскрутить заколдованный круг в обратную сторону, использовать его коварные свойства против него же!

Весь вопрос в том, за что ухватиться. В заколдованном круге надо искать не слабое место – его нет, а просто что-нибудь, за что сподручнее взяться, к чему можно приложить силу.

Но за что именно браться?

5

В начале века одного немецкого революционера посадили в тюрьму, да не просто в тюрьму, а в камеру-одиночку. Заключённых заставляли целыми днями заниматься нудной работой, вроде плетения дамских соломенных шляпок. Многие не выдерживали, заболели от скуки, от тоски, слезили с ума, умирали. Скука убивает, и чем моложе человек, тем опаснее скука для его здоровья.

Что было делать революционеру, о котором идёт речь? С отвращением плести шляпки? Его ждала гибель. Тогда он понял: единственная возможность спастись – самому заинтересовать себя работой. Найти интерес в плетении дамских соломенных шляп!

Надо, решил он, не просто плести их, с тоской выполняя ежедневный урок и ожидая с нетерпением окончания дня, а плести с увлечением, с азартом, с удовольствием!

Каким-то образом – а каким, не известно – революционер сумел заинтересоваться плетением шляпок, стал работать с увлечением. Время в ужасной одиночке потекло быстрее. Здоровье человека и ум его сохранились, он вышел из тюрьмы бодрым и энергичным и мог вновь приступить к подпольной работе.

Что именно делал революционер, чтобы увлечься плетением шляпок, осталось, повторяю, неизвестным.

Однако, значит, в принципе это возможно? Человек может сам приобрести интерес, по своей воле? Если бы мне сказали это

несколько лет назад, я не поверил бы. Я всю жизнь был уверен, что есть дела скучные, есть – интересные, а какие мне скучны, а какие интересны – это не от меня зависит.

Но, выходит, всё не так. Выходит, можно заинтересоваться и самому, заставить себя заинтересоваться... Только надо знать какие-то секреты.

Однажды, роюсь в книгах, я нашёл работу психолога, который занимался с отстающими первоклассниками и обнаружил, что стоило чуть-чуть повысить желание ребят работать, как все они стали нормально учиться, даже те, кто считался неспособным. Правда, то были первоклассники, и с ними рядом был опытный человек, который вёл их... А если самому? Если самому хоть немного повысить каким-нибудь образом интерес к работе – нет ли здесь возможности «ухватиться» за наш заколдованный круг? Ведь нам на первых порах нужна хоть капля интереса, совсем немножко, а потом уж мы сумеем развить его.

Попробуем порассуждать. Что происходит, когда нам предстоит сесть за скучную работу. Мы заранее знаем, что она скучна, что ничего у нас не получится. Работа ещё не началась, а уже скучно! Действует «установка»: так, в цирке выходит клоун, ещё ничего не сказал, а нам уже весело – мы заранее знаем, что будет весело, у нас установка на веселье. Однако установку можно изменять по собственной воле, потому что она поддаётся влиянию воображения. Это доказано на опытах. Если бы мы могли вообразить, что будет интересно, мы внутренне настроились бы на интересную работу, а это как раз нам и нужно на первых порах! Вообразить? Это кажется доступным...

Итак, задача сводится к тому, чтобы каким-то образом настроить себя на интересное, привести себя в хорошее настроение. Но эту задачу решить можно, потому что известно: человек смеётся, когда ему весело, но даже грустному становится веселее, если его каким-то образом рассмешить. Некоторые психологи считают, что и грустно нам потому, что мы плачем, а не наоборот! И боимся мы потому, что дрожим, а не потому дрожим, что боимся! Это не совсем верно, но что связь между нашими действиями и нашими чувствами двусторонняя – это несомненно. В человеке всё взаимосвязано, все причины и следствия постоянно меняются местами.

6

Переберём факты, которые есть в нашем распоряжении:

1. Стоит хоть немного повысить интерес, как работа сразу идёт лучше (опыт с первоклассниками).

2. Человек в принципе может сам заинтересоваться даже очень скучным делом (история революционера).

3. Работа кажется более интересной, если мы настроились на то, что она будет интересной (теория установки).

4. Не только поведение зависит от настроения, но и настроение зависит от поведения.

Руководствуясь этими фактами, можно, пожалуй, выработать некоторую стратегию – генеральный план борьбы с порочным кругом, мешающим учиться.

Если нам так важно садиться за работу с определённым настроением, а настроение зависит от поведения, то надо сначала посмотреть, что же с нами происходит, когда мы принимаемся за любимую работу.

Мы потираем руки от удовольствия.

Мы улыбаемся.

Мы тщательно готовимся, предвкушая удовольствие.

Мы словно говорим себе: «Я люблю тебя, ботаника! Я с удовольствием почитаю, что написано в книге, и с удовольствием буду учить!»

Другими словами, мы производим ряд физических (потирание рук) и мысленных действий.

Вот точно то же самое надо делать тогда – и особенно тогда! – когда садишься за приготовление урока по нелюбимому предмету.

По закону взаимосвязи, после некоторых повторений – а не в первый раз! – обязательно должно появиться хорошее настроение. Появится установка на интересную работу, и она, работа, действительно станет хоть немножко интереснее!

Нет, не надо ожидать, что мы сразу и навсегда полюбим, например, географию, если прежде не любили её. Чтобы полюбить какой-нибудь учебный предмет, надо хорошенько позаниматься им, мы уже говорили об этом.

Не географию полюбим сначала, а свою работу над нею! К работе отнесёмся с интересом!

А это уже выглядит вполне реальным. Полюбить работу – это доступно всем, даже самым ярлым ненавистникам географии.

7

...Вот первый шаг, первая зацепка: психологическая подготовка к работе, настрой на работу. Потираем руки, улыбаемся и объясняем в любви будущей работе. Неважно, что мы вроде бы кривим душой (никакой любви нет, а мы говорим: «Я люблю тебя!»). География ведь не человек, мы никого не обманываем и даже себя не обманываем, потому что мы и вправду не знаем,

любим мы географию или нет, – мы с ней попросту незнакомы, так как мало и без удовольствия занимались ею. Как в известном романсе: «Люблю тебя, я не знаю, но кажется мне, что люблю...»

И тут же вспомним метод борьбы с порочным кругом: последовательное приближение! Устранять обе зловредные причины сразу! Браться за дело двумя руками!

Одной установки на интересную работу мало. Надо приложить чуть-чуть старания (после психологической подготовки это будет легче) и сделать работу более тщательно, чем всегда. Более внимательно. Отдать ей больше времени. Не торопиться. Потому что тщательность – основной источник увлечения работой.

Глубокое заблуждение считать, будто мы плохо работаем оттого, что нам скучно и неинтересно. Дело обстоит как раз наоборот: нам неинтересно оттого, что мы работаем плохо, не тщательно, без духовной активности!

Это можно было бы доказать на многих примерах. Я видал людей самых увлекательных профессий – артистов, журналистов, учёных, которые проклинают свою работу и считают её невероятно скучной. Почему? Потому что не умеют делать её хорошо. Кто старается работать лучше, тому интересно, кто отлынивает от работы – тому скучно.

8

Психологическая подготовка плюс тщательность в работе... Теоретически всё получается. Но пока что у нас в руках не правило, а только гипотеза – предположение. Мы предполагаем, что каждый человек может вырваться из порочного круга плохого учения, если в качестве первого шага будет психологически готовиться к работе и делать её тщательно. Но так ли это на самом деле?

Это надо было проверить на опыте. Надо было найти добровольцев, готовых провести опыты на себе. Причём следует сказать, что опыты эти не столь безопасны, как может показаться на первый взгляд. Ведь если никакого интереса не возникнет и улучшения работы не получится, то человек испытает разочарование, а разочарование не остаётся без следа. «Вот, – начнёт думать человек, – у меня такой безнадежный случай, что никакие приёмы не помогают! Нет, наверно, я и вправду неспособен к учению».

Согласитесь, что это не очень приятно.

И всё же было решено рискнуть и обратиться к читателям всесоюзного журнала «Пионер» – может быть, хоть кто-нибудь

решится проверить нашу гипотезу на себе? Признаться, было страшновато: найдутся ли желающие?

Однако на первый же призыв откликнулись тысяча семьсот учеников: они сообщили, что готовы немедленно приступить к опытам на себе. Позже и другие ребята принялись за опыты, всего – больше трёх тысяч человек.

Первой откликнулась Лена Жукова из Москвы. «Меня зовут Лена, – сообщила она, – я учусь в 6 «Б» классе. Завтра у нас литература, и учить я её не собиралась, но, прочитав о вашем опыте, я решила провести его, и вот передо мной лежит ненавистный учебник литературы. Ну, приступаю!!! Учись с увлечением!»

Итак, к опыту приступили сотни мальчиков и девочек по всей стране.

Вот с какими учебными предметами начали экспериментировать самые первые участники опыта:

География	– 328 человек.
Родной язык	– 251 человек.
Математика	– 212 человек.
Физика	– 200 человек.
Иностранный язык	– 175 человек.
Ботаника	– 104 человека.
Зоология	– 100 человек.
Литература	– 47 человек.
Химия	– 33 человека.
Анатомия	– 28 человек.

Несколько ребят сочли, что самые нелюбимые для них учебные предметы – рисование, пение, природоведение, черчение и физкультура, но таких было мало. Ришат Хатмулин из города Карабаш понял слово «предмет» несколько буквально и сообщил: «Самый скучный для меня предмет – таскать ведра с водой. Я приступаю к опыту с этим предметом со 2 октября». Как видим, предметы в основном распределялись по степени трудности и по количеству возможных неприятностей: действительно, больше затруднений бывает у школьников с грамматикой и математикой. Это закономерно. Но почему интереснейшая география вдруг вышла на первое место среди нелюбимых предметов – это загадка, и сказать по этому поводу решительно ничего невозможно. Когда ставишь эксперимент, тебя всегда поджидают неожиданности, к этому надо быть готовым.

Прошло несколько недель, и начали приходить письма-отчёты.

Результаты превзошли все ожидания!

«Когда я начинаю учить русский язык, я... позёвываю, – признавалась Катя Тукмачёва. – Так мне скучно! Я начала опыт с того, что первым делом бросила позёвывать. Так хочется, а сожму челюсти – ничего. Перед выполнением русского языка я нарочно делаю себя весёлой, как перед историей (мой любимый предмет). Я прыгаю, кувыркаюсь, пою, представляю себе, что будет интересно, как история. Так продолжалось 12 дней. И, представьте себе, это вошло в мою привычку – веселиться. На самом деле русский язык стал казаться мне интересным предметом!» (г. Нолинск, Кировской области.)

Катя абсолютно верно поняла правило. Надо вспомнить, как ты ведёшь себя, когда приступаешь к любимому занятию, и точно так же поступать перед нелюбимым уроком!

«Меня зовут Пестя Грибанов, – сообщал другой участник опыта из Днепропетровска. – Я продолжал опыт 14 дней. Я садился за английский язык так, как вы советовали, с весёлым лицом, хотя самому плакать хотелось. Я хотел сделать учёбу английского языка делом весёлым, что у меня понемногу и стало получаться. Опыт удался, я всё больше и больше понимал. Спасибо Вам за хороший и добрый совет! Ученик с увлечением!

С уважением, Пестя».

«У меня скучный предмет география. Мне было скучно на уроках, я не мог дожидаться, когда же будет звонок. Потом мы в классе стали проводить эксперимент «Учение с увлечением». Я подумала, что у меня опыт должен получиться обязательно. Когда кончился классный час, я пришла домой и села за географию со смешными упражнениями. «Я люблю тебя, география!» – повторяла я. Мне она показалась не такой скучной, как было раньше. На другой день я ходила в библиотеку и взяла книгу по географии. Дома я сначала убралась в комнате и с весёлым настроением взялась за географию. И вот урок. Я стала слушать внимательно. Теперь мне география нравится. Я с нетерпением жду этого урока. Галя Малышенко» (село Амурзет, Еврейской автономной области).

«После того, как я получил журнал, я решил заняться опытом. На другой день по расписанию была физика – скучный предмет. Я решил её превратить в интересный предмет. Физику я начал учить первую (хотя всегда учил последнюю). У меня создалось приподнятое настроение, а настроение – залог успеха. Прочитав параграф, я заставил себя вдуматься в содержание,

представляя все положительные стороны физики. Раньше я «зазубривал», и поэтому ещё сильнее она казалась мне скучной. Сейчас я, почти понимая смысл, пересказал основное, что запомнил. Прочитав ещё несколько раз, я уже знал параграф (приписка в письме: «Хотя всё же я отвлекался, и в этом мой недостаток»). По моему мнению, каждый человек может превращать скучное занятие в интересное. Ведь тут никаких талантов не нужно. Получив скучное задание, нужно не падать духом и представить его себе с лучшей стороны. Если человек старается сделать работу хорошо, ему становится интересно. В этом я убедился на своём примере. На другой день нам были заданы задачи по физике. Это не весёлое дело. Я старался решить как можно больше и получше, а не сдуть их в классе. Решение двух задач воодушевило меня, и я с интересом начал решать остальные. Меня даже огорчило то, что, решив последнюю, задач для решения уже не было» (Александр Кладеев, с. Разумовка, Алтайского края).

Человек сжимает зубы, чтобы не зевать, улыбается, хотя готов плакать. Подшучивая над собой, повторяет: «Я люблю тебя, география!» – и всё-таки придвигает к себе «ненавистный учебник», оставляя свою ненависть за пределами часа работы, или берётся решать задачи, хотя это и «не весело».

Законцованный круг приостанавливает своё вредное движение и даже – пусть едва заметно! – начинает крутиться в противоположную сторону.

Приведу ещё несколько отрывков из писем – это важные для науки свидетельства. Как будто на сотни голосов звучат сообщения!

Рамиль Шаймухаметов. Узнав про «учение с увлечением», я восторжился и попробовал. И... получилось! (г. Уфа.)

Сергей Цымбулов. Дела пошли куда лучше! (Нижний Тагил.)

Аня Тресцова. Вдруг и вправду стало интересно, я даже полюбила молекулы! (г. Кинешма.)

Николай Рухлев. После трёх двоек стоят у меня по немецкому положительные отметки. Учение с увлечением! Спасибо за совет! (Армавир.)

Сергей Ветошкин. Опыт удался, и ещё как! Теперь русский язык – мой самый лучший предмет. Мне стали нравиться диктанты, параграфы, выученные наизусть, упражнения (с. Карасево, Новосибирской области).

Надя Серохватова. Теперь у меня всё пошло на лад! (Омск.)

Игорь Каплюк. Мои родители, зная, как я не люблю географию, удивились, когда увидели, как я потираю руки от удовольствия и улыбаюсь. Заданный урок я выучил на «пять».

А главное, я не почувствовал ни тени скуки! (пос. Комсомольск, Тюменской области.)

Серёжа Никифоров. Полюбил я географию, и хочу опять получить (как в пятом классе) за год оценку «пять»! (с. Кушалино, Калининской области.)

Алексей Зубашенко. Мне стало чуть-чуть хотеться сесть за книжку. Потом меня потянуло к зоологии. Всё-таки можно скучное занятие превратить в интересное! (г. Россошь, Воронежской области.)

Николай Саковец. Сначала, как я прочитал про учение с увлечением, я даже не поверил, что может что-нибудь получиться. Но вдруг подумал: «А что, если получится? Надо попробовать!» Теперь я хорошо понял, что урок всегда надо учить с увлечением! (г. Раздан, Армянской ССР.)

Сообщений, что эксперимент не удался, было мало: всего двенадцать. «Все могут увлечься скучным предметом, только не я!» – с горечью обнаружил один семиклассник. С ним, как видно, произошло то, чего мы боялись, когда начинали эксперимент: человек разочаровался в себе. Можно, конечно, утешать себя тем, что наука требует жертв, но всё-таки этого мальчика жалко. Чтобы он не думал о себе так плохо, стоит заметить, что далеко не все смогли довести эксперимент до конца и прислать победное письмо. А рассказывать о неудаче, видно, не хотелось. Поэтому так мало сообщений о неудачах. На самом деле неудач, конечно, было больше.

Так что обольщаться результатами эксперимента не стоит.

Он доказал, что многие действительно могут сами заинтересоваться нелюбимым для себя предметом. Но все ли? Но каждый ли человек?

Вопрос до сих пор остаётся нерешённым, ответить на него предстоит читателям этой книги.

Важно другое. В ходе опытов возникли неясности, затруднения и вместе с тем появились экспериментальные данные, позволяющие из этих затруднений выйти.

10

Возникла, например, такая проблема. Мы говорили: заниматься более тщательно, чем обычно... Но что это значит – тщательно!

Люда Дмитренко из Ленинграда поступала так. «Например, – рассказывает она, – я решила сделать географию за полчаса.

Если я сделала этот предмет раньше, то я радуюсь, а если позже – то огорчаюсь».

Казалось бы, разумный подход. Но он таит в себе опасность, если не знать, сколько же времени отводить на работу.

Разберёмся в этом.

...Однажды знакомые попросили меня прийти к ним и завесить старыми газетами книжные полки, чтобы книги не пылились в пустой квартире, пока хозяева будут в отпуске. Я взялся за дело, приколот кнопками первые газетные листы... И вдруг такая тоска меня взяла! Ужасно нудное занятие. Полок много, газеты противно шуршат, кнопки гнутся, на стуле стоять неудобно... Да и вообще, зачем это мне? Зачем я взялся помогать? И без меня справились бы.

Почувствовав, что больше неспособен, я сказал себе: как бы там ни было, я отвожу на работу час. Не торопясь и не думая о результатах, я просто отдаю работе час. Сколько сделаю, столько и сделаю и торопиться не буду.

Но пока час не кончится, никакими другими делами заниматься не стану.

И представьте, мне сразу стало легче! Я заметил, что теперь я невольно стараюсь завешивать полки аккуратнее, чтобы получилось красиво, хотя кому нужна красота в пустой, запертой квартире! Но я неторопливо выравнивал листы, и кнопки отчего-то перестали гнуться, и на стуле стоять было удобно и даже интересно. Не всю ведь жизнь на стуле стоишь! Естественно, что я закончил работу раньше чем за час, был очень доволен собой, не сердился на хозяев и ушёл от них в самом прекрасном настроении.

Перемена произошла оттого, что я отвёл работе большой срок, не пожадничал отдать положенное ей время, и в награду за эту маленькую и ничего не стоившую мне щедрость получил удовольствие от работы.

Всякое дело платит за нашу щедрость удовольствием!

То же самое происходит и с уроками, особенно с теми, которые кажутся скучными.

Когда торопишься, внимание расплывается: и работаешь, и следишь за временем. Но если внимание не сосредоточено полностью на работе, то неминуемо она покажется скучноватой, ибо интерес – это и есть сосредоточение внимания!

«Я стала делать так, – сообщает Рая Ц. из Новокузнецка. – Вот я учу по литературе и к стольким-то часам должна это сделать. И я тогда не торопилась, потому что знаю, что успею, и учила хорошо. И удивительно, что у меня оставалось свободное время! Раньше же, хотя я и торопилась всё сделать побыстрее, я едва успевала сделать уроки. Наверно, потому, что, глядя на часы, ахала, что уже много времени, а я ещё ничего не сделала, и сразу хваталась за что попало».

Назначим работе время с избытком – и оно, время, вернётся вдвойне, да ещё заплатит и радостью учения.

Лучший способ экономить время в учении – не экономить его за счёт учения.

Следовательно, необходимо внести такую поправку: работать тщательно – значит заранее отвести на работу время с избытком и не торопиться, не выгадывать минуты! Обычно говорят: «Береги минуту». Но когда садишься за уроки, беречь минуты как раз и не надо!

11

И ещё один важный вопрос возник: сколько времени надо продолжать опыт?

Теоретически рассуждая, даже один-единственный опыт остаётся в памяти человека, один-единственный поступок может стать основой полезной привычки. Если бы это было не так, если бы каждый наш поступок проходил бесследно для души, то привычек не было бы вовсе. А мы видим, что привычки то и дело создаются – как хорошие, так и дурные. Все они начинаются с одного-единственного поступка.

Нам нужна именно привычка садиться за работу в хорошем настроении и делать её тщательно. Нельзя же тратить слишком много душевных сил на приёмы работы, Надо оставлять их для самой работы! К тому же всё-таки утомительно каждый раз, садясь за уроки, помнить ещё о каких-то правилах. Надо, чтобы правила действовали автоматически, сами собой, а этого невозможно добиться с первого или со второго раза.

Некоторые психологи утверждают, что для образования привычки нужно ни много ни мало, а именно три недели, двадцать один день. Почему так – неизвестно. Но я на собственном опыте убедился, что, например, на новом месте начинаешь чувствовать себя как дома именно через три недели.

Однако посмотрим, что показывает опыт ребят.

Вот несколько сообщений.

«Ничего у меня не вышло, – рассказывает Лена Нагибова из посёлка Рудничного, Свердловской области. – И так было 10 дней, и я уже подумала, что у меня совсем ничего не выйдет, но вот на 11-й день я взяла в руки учебник и уже не могла от него оторваться!»

Значит, нужно потерпеть дней десять? Похоже на правду. У москвички Тани Скалдиной интерес появился тоже примерно через такое же время – на 14-й день.

«Мой самый скучный предмет – математика, – сообщила Таня. – И вот 14 дней назад я приступила к опыту с этим

предметом. Села за стол и открыла учебник. Когда я потёрла руки и сказала учебнику: «Я люблю тебя!» – конечно, я думала, что мне сразу будет интересно и, может быть, я даже полюблю математику. Но случилось не так. После этого маленького упражнения мне и вправду стало веселее, и я с хорошим настроением начала решать пример. Пример попался трудный, я уже хотела зевнуть, но вспомнила об опыте и не зевнула. Но не получился у меня в этот день опыт. Только я начинала хоть немножко заинтересовываться, как вдруг вспоминала опыт и начинала думать о том, что у меня уже что-то получится, и после этого весь интерес, конечно, уходил. И это продолжалось не один день. Но вот что было 21 сентября. Я опять решала примеры. Второй пример у меня никак не получался, Я попробовала решить его и так и эдак, но ничего не выходило. Я уже потеряла почти всю надежду, но всё ещё писала что-то, и вдруг... получился правильный ответ. Я бросилась к учебнику, проверила: всё было правильно. Остальные примеры стали как-то сами собой решаться, и спать я легла очень радостной. И только лёжа в постели, я подумала, что математика – всё-таки интересный предмет. На следующий день в школе оказалось, что я вместо трёх примеров решила пять. С того дня я математику делаю с увлечением и считаю, что опыт удался».

А восьмикласснику Вене Семёнову из Новочебоксарска понадобилось гораздо меньше времени: «Самый скучный для меня предмет – химия. Я собираюсь стать врачом. Говорят, чтобы стать врачом, надо знать химию. Но у меня не получалось ничего. Я ненавижу химию. Решил взяться за опыт. Несколько раз я внимательно прочитал заданный урок. Очень хорошо всё обдумал. На уроке химии меня не спросили. У меня испортилось настроение. Дома рассказал отцу, а он говорит, что нельзя вешать носа. И каждый раз я хорошо учил химию. Наступил долгожданный день. На уроке химии учитель спросил меня. Я так хорошо рассказал, что даже учитель удивился. И поставил против моей фамилии «пять». Теперь я с увлечением занимаюсь химией. Думаю, что у меня опыт удался».

Но вот у Вити Савинова из города Губкина опыт получился с первого раза!

«Моим самым скучным предметом является геометрия, – пишет Витя. – Я рассказал об «Учении с увлечением» Коле, моему другу. Мы разбили весь материал на предложения. Затем внимательно прочитали каждое предложение. Затем взяли в руки карандаши и начертили то, что нам требовалось. На следующий день меня вызвала учительница, и я уже ответил на «четыре». Эта оценка была переломной в моей жизни. На следующий день я сам поднимал руку и дополнял ответы учеников.

И всё время я дополнял правильно. За это учительница поставила мне оценку «пять». Я воспрянул духом. В последующие дни я хорошо понимал геометрию, а ведь недавно еле тянул на «три».

Так сколько же дней надо продолжать опыт?

Ответ напрашивается сам собою: до первого успеха – и дальше.

Успех – вот что окрыляет человека и даёт ему силы, вот что ведёт к увлечению.

«Это были трудные деньки, – рассказывает Лена Медведева из Новокузнецка. – Я пыхтела, я ложилась спать в час, в два часа ночи. Я боролась с математикой, как тигр! Я получила первую пятёрку. Домой я мчалась со скоростью двадцать метров в секунду. О, как было здорово!»

«Я заставил себя раз и второй выучить на пятёрку, а потом они у меня пошли одна за другой. У меня получилась победа», – кратко, но внушительно пишет Витя Е. из Загорска, Московской области.

Марина К. из Красноярска так описывает «чудо», которое с ней произошло:

«...Некоторые могут подумать, что всё это пустой разговор (я, честно говоря, тоже сначала так подумала), но потом на моих глазах произошло... ну, чудом это, конечно, не назовёшь, но нечто похожее на чудо совершилось.

Это было на уроке алгебры. Объявили самостоятельную работу. Да, рядовую самостоятельную работу. Я невольно вздрогнула, для меня это было контрольной проверкой после недели «нескучной» математики. Я дала себе слово ни разу не списать ни одной цифры у соседа. Да ко мне и не пришлось такое желание, так я увлеклась работой. Написав самостоятельную, я последний раз взглянула на неё и вздохнула: мои работы по математике никогда не оценивались выше тройки.

Когда нам выдали работы, я накинулась на тетрадку, как хищник, но зато, когда я посмотрела туда, мои движения стали неуверенные, взгляд навстречу, глупый и удивлённый: там стояла пятёрка и как-то с сомнением смотрела на меня. Она не была уверена, что надолго задержится тут. Как-то неуютно было ей среди двоек и троек. Моя маленькая победа над собой придавала мне уверенность в победе. Я поверила в свои силы. Итак, опыт продолжается!»

Вот радость человеческая: «У меня получилась победа!», «Я мчалась домой со скоростью двадцать метров в секунду!», «Я воспрянул духом!»

Уолт Уитмен, великий американский поэт, писал, обращаясь к каждому человеку:

Ни у кого нет таких дарований, которых бы не было и у тебя,
Ни такой красоты, ни такой доброты, какие есть у тебя,
Ни дерзання такого, ни терпенья такого, какие есть у тебя,
И какие других наслаждения ждут, такие же ждут и тебя!

Некоторые люди не верят, что есть на свете любовь, они думают, что любовь бывает только в книгах. Но это неправда. Любовь есть в жизни, это самое радостное чувство, его может испытать каждый. И любовь к учению, радость от победы в учении – тоже, как мы видели, не только в книгах есть. Это не басни, не выдумки, это реальность. Многие ребята из тех, кто прежде не понимал, в чём радость учения, теперь испытали её сами:

И какие других наслаждения ждут, такие же ждут и тебя!

ОПЫТЫ НА СЕБЕ

«Прочитав о предлагаемом опыте, я заинтересовался. И мне показалось, что я смогу ответить за всех: «Нет на свете скучных дел, человек всё может сделать, всё в его правах». Мне эта мысль никогда не приходила в голову и вот теперь пришла. Но устных рассуждений мне показалось недостаточно, и я приступил к практике...»

Последуем примеру автора этого письма и приступим к практике.

В конце концов, лучший способ жить на свете – всё время стараться усовершенствовать своё дело, искать, экспериментировать и так, в делах и стремлениях, узнавать себя – не того, какой я есть сегодня, это нетрудно, а того, каким я могу быть. Как узнать скрытое в себе? Раскрыть! А как раскрыть? В работе!

Начнём опыт немедленно и не раздумывая, не откладывая даже до окончания этой книги.

Выберем самый трудный, нелюбимый предмет и, когда будем садиться за работу, подготовимся сначала психологически: потрём руки, улыбнёмся, скажем (лучше вслух): «Я люблю заниматься геометрией!» – а можно даже и перекувырнуться, как делает Катя Тукмачёва, хотя, конечно, и не обязательно.

Будем делать уроки со всей тщательностью, на какую только мы способны. Для этого отведём работе время с лихвой и больше не станем думать о времени и сроках!

Продолжим опыт десять, пятнадцать дней – до тех пор, пока не придёт первый успех и мы не почувствуем, что и вправду интересно. После этого не бросим опыт, а будем продолжать его,

пока нормальное учение не войдет в привычку и опыт перестанет быть опытом, а станет нормой.

Предупреждение. Мы видели, что увлечение приходит после первого успеха. Но что считать успехом? Некоторые ребята совершили вот какую ошибку: успехом они считали только хорошую отметку. Но отметки бывают, естественно, после вызова к доске. А если не вызывали – значит, не успех? Андрей Баранов из Московской области написал: «Меня не вызвали ни разу, как я ни старался и ни поднимал руку (выше всех). Так что сдвигов никаких, кроме двойки, которую я получил в завершение опыта. Двойка не за ошибки, а за содержание. В качестве примера на местоимение я написал предложение: «Его несли на кладбище». Это почему-то не понравилось учительнице. По-моему, человек не может заинтересоваться скучным делом. Андрей».

Чтобы с нами не случилось такой истории и не пришлось бы наше увлечение «нести на кладбище», будем считать за успех не вызов-отметку, а собственный наш интерес. Будет интерес – рано или поздно будут хорошие отметки, это обязательно, это и доказывать не нужно!

А если всё же ничего не получается? Тогда поступим так, как Оля Тихоновская из совхоза имени Чкалова, Павлодарской области. Она записала в свой план действий:

«В случае неудачи повторить всё сначала».

Глава 3 • ВРЕМЯ

1

В делах учения не всё так просто, как кажется с первого взгляда. Только мы выбрались из одного заколдованного круга, как тут же попадаем в следующий: чем больше сидишь над уроками, тем больше сидеть и приходится!

Потому что время, необходимое для тщательного приготовления уроков, во многом зависит от нашего общего развития, от того, как много знаем мы разных вещей вне школьной программы, от способности быстро схватывать и запоминать материал. А для общего развития нужно много читать, заниматься в кружках, разговаривать с умными людьми на умные темы, почаще и подолгу размышлять над чем-нибудь дельным. Для всего нужно время – то самое время, которое у многих ребят целиком уходит на уроки: они сидят над учебниками по четыре-пять часов.

«Я прихожу из школы в половине второго. Придя домой, поев, сразу же сажусь за уроки. Учю уроки до семи вечера, без отдыха, так как боюсь, что не успею сделать их, а их очень много. В семь часов вечера после уроков я очень устаю. И так каждый день. В результате я с усталой головой не могу читать внешкольную литературу. Не могу смотреть телевизор. Начинает болеть голова. И я сразу же ложусь спать...» – пишет Рубен Х. из Кировабада.

Но теперь мы знаем общее правило: надо действовать методом последовательного приближения. Постепенно стараться сокращать время работы над домашними уроками до разумных пределов и постепенно наращивать свою способность к быстрому усвоению материала, к продуктивной работе. И знаем, что главное – найти что-то такое, за что можно было бы ухватиться, чтобы раскручивать порочный круг в обратную сторону.

2

В спокойную минуту двадцатидвухлетний Пушкин писал из южной ссылки другу:

Владею днём моим; с порядком дружен ум.
Учусь удерживать вниманье долгих дум...

Многие проблемы были бы решены, если бы мы могли овладеть своим днём! Доказано: шестьдесят процентов ребят (возможно, и вы в их числе, читатель) жалуются на неорганизованность, на неумение или неспособность распорядиться временем, овладеть своим днём, соблюдать режим дня. Каждый год начинается с составления режима, его переписывают на листке бумаги, раскрашивают цветными карандашами, вешают над столом, но... Проходит день, другой, пожелтый листок по-прежнему висит, да лучше бы глаза на него не смотрели. Только совесть тревожит. Остроумно написал Слава Саймитов из посёлка Буюклы на Сахалине: «Режим у меня есть, только я его не выполняю...»

Много у нас есть всяких режимов и правил, все мы знаем, как именно нужно жить и работать. Только выполнять правила трудно. И никакие рассуждения о пользе времени и цене минуты не помогают.

Не будем рассуждать, посмотрим, что можно сделать практически.

Время оттого трудно контролировать, что оно бесформенно – течёт непрерывной рекой. Люди совершенно не могли бы подчинить себе время, если бы не догадались разделить его на части: год – на месяцы, сутки – на часы, часы – на минуты. Деление это в какой-то степени условно: в самом времени никаких делений нет. Ничто не мешало бы нам уговориться, что в сутках не 24 часа, а, скажем, 48 – по тридцать минут в каждом. Уходили бы из школы в двадцать пятом часу пополудни, а спать ложились бы в сорок втором.

Мы искусственно делим время на равные отрезки, лишь с одной целью: чтобы как-то управлять им. Иначе с ним не справишься. Представим себе, что время, которое мы проводим в школе, не было бы разделено на уроки. Нет расписания, нет звонков. Начался урок немецкого языка – и никак не кончится. Учитель говорит: «Ещё немножко позанимаемся».

Началась перемена, но и она не кончается: «Ещё немножко побегам», – говорят ребята.

Занятия в такой школе были бы бессмысленны: мы ничего не успевали бы сделать.

Но почему же мы только школьное время разделяем на части, на уроки?

А всё остальное?

Человек не спит примерно пятнадцать часов в сутки. Пять из них – школьных – разделены, управляемы, находятся под контролем. А остальные десять – бесформенная масса, которой трудно управлять даже очень организованному человеку!

Попробуем и на эти десять часов, на наши собственные десять часов, наложить какую-то невидимую решётку, разделить их на части.

Если эта операция удастся, мы станем властелинами своего дня, своего времени и будем успевать гораздо больше.

Сделаем так: каждый час будем непременно менять занятие, как в школе. Время мало отмечать в сознании, его надо отмечать, разделять реально – переменной дел, переменной «урока». Чем бы мы ни занимались, какое бы долгое занятие у нас ни было, разделим его на порции, внесём во время какую-то структуру и каждый час будем менять занятие. Даже если страшная лень напала – что ж, каждый час будем лениться каким-то другим способом, в этом всё дело!

Важно только точно подчиняться неслышному ежечасному «звонку», как это происходит в школе.

Знаменитый английский адмирал Нельсон сделал однажды убийственное для лентяев всего мира заявление:

«Я обязан своими успехами тому, что никогда в жизни не тратил даром и четверти часа».

Время тратится попусту не столько часами, сколько четвертями часов – из потери этих четвертушек и складываются все несчастья нашей жизни. Но если строго каждый час менять занятия, то легче будет избежать и потери «четвертушки» часа.

Но что же выходит – опять режим?

Нет.

Режим – это планирование наперёд, и оно, как мы видели, не всем удаётся. Слишком много разных житейских обстоятельств мешают выполнить план, и не у каждого достаточно характера противостоять этим обстоятельствам.

Кто живёт строго по режиму – это замечательно.

Но кто чувствует себя не в силах жить по режиму, тот может взять время под контроль, если будет отмечать каждый час после того, как этот час прошёл. Это же совсем нетрудно! Просто отмечать, что час ушёл на то и теперь надо сменить занятия.

Очень хорошие хозяйки, получив зарплату, заранее определяют, на какие нужды сколько денег отложить.

Но есть просто хорошие хозяйки – они записывают на бумажке, на что потратили деньги. И это помогает им тратить бережно!

Плохие же хозяйки тратят деньги как попало и даже приблизительно не представляют себе, куда же они девались.

Со временем – как с деньгами. Если нет сил быть очень хорошими хозяевами времени и соблюдать режим, попробуем для начала быть хозяевами просто хорошими: станем разделять время на части, каждый час менять занятие (хотя, конечно, не исключены и сдвоенные часы – так и в школе бывает) и для начала записывать, на что ушёл каждый час.

Планирование и учёт внутренне связаны между собой. Планирование не удаётся? Наладим хотя бы учёт! И мы не заметим, как перейдём к планированию...

4

Чтобы проверить, как работает «решётка времени», ребят-добровольцев попросили провести хотя бы одну экспериментальную неделю. Три первых дня отмечать каждый час на бумажке, а потом, если с бумажкой возиться надоедет, то в уме. Вот какие отчёты были присланы.

«Сначала у меня не всё удавалось, не укладывался в часы, но сегодня, в последний день эксперимента, я уже научился так хорошо укладывать свою работу по часам, что сам удивляюсь. Я считаю, что опыт поможет экономить время и бороться с «ещё

немножко». Лично у меня в эту неделю всё шло ладно. И уроки успевал сделать, и любимым делом заняться, и маме помочь, и книги читать» (Роман Лёвин, Москва).

«Ещё с первых дней опыта я заметила, что за какое-то дело ни возьмись – всё я делаю аккуратно, точно до мельчайших мелочей, и результаты значительно улучшаются. Даже появляется какая-то нестерпимость. Моя экспериментальная неделя значительно отличалась от других – дни проходили как-то наполненнее, интереснее, вообще я осталась довольна» (Ира Рахманова, Москва).

«Этот опыт мне понравился, и мне было интересно проводить его. Я очень доволен своей экспериментальной неделей. Когда я начинал опыт, мне не хотелось расставаться с «ещё немножко», но всё же я с ним расстался» (Саша Гнева, с. Украинка, Харьковской области).

«Я убедился, что нашего общего врага «ещё немножко» можно победить в трудной борьбе, определив для работы определённый срок и меняя вид занятия каждый час» (Александр Кладеев, с. Разумовка, Алтайского края).

«В первые три дня всё шло хорошо, но на четвёртый день заболела мама, и за временем следить удавалось не всегда. Но всё равно за это время я стал чаще смотреть на часы и за день успевал делать всё или почти всё» (Володя Кулушев, пос. Сотово, Татарской АССР).

«Самым трудным был для меня первый день. Я часто забывалась, спонялась без дела. Часто забывала «дать себе звонок».

Особенно трудно мне было оторваться от гулянья. Но в этом мне помогла мама: она позвала меня домой.

Второй день был уже легче. Вот только когда я читала книгу («Чёрный тольпан»), я забыла себе «дать звонок» – очень увлеклась. И поэтому я гуляла не час, а полчаса. Дальше всё пошло гладко. Вечером я снова читала книгу, и опять чуть не забыла «дать звонок», но вовремя вспомнила и оборвала своё чтение на самом интересном месте.

Третий день мне было уже значительно легче. Я давала себе звонок как бы по инерции. Я как-то внутренне чувствовала, что надо «дать звонок». Но это не всегда, пока ещё надо было напрягать свою волю, чтобы освободиться от «ещё немножко».

А на четвёртый день я решила все уроки сделать вечером, а завтра утром гулять до самого обеда. Я хотела проверить, смогу ли я держать в руках время. Я решила не всё время гулять одинаково: час я хожу с девочками по городу, ем мороженое и т. д. и т. п. Второй час я около дома играю с друзьями в разные игры. В третий час я просто стою или сижу на улице, разговариваю

со знакомыми. Мама мне дала на этот день свои старые часы. И всё время я следила за временем.

Когда я просто стояла на улице, мне очень хотелось побегать, поиграть, но я сказала себе: «Не смей!» И это мне помогло.

Остальные два часа у меня прошли хорошо. А в последний день (это было воскресенье) я, когда пошла гулять, без часов, сама, через час пришла домой. Конечно, не ровно через час, но примерно плюс-минус 7 минут. Хотя мне очень хотелось ещё погулять, я села читать книгу. А через час снова пошла гулять. И вернулась уже только на 2 минуты позже срока.

Судя по результатам, контроль над временем значительно удлиняет сутки. Я успеваю сделать за день очень много дел, особенно в воскресенье. И конечно, все дела стали для меня интереснее, чем были прежде. Если раньше я уборку квартиры старалась поскорее закончить, то сейчас я не тороплюсь, делаю всё тщательно, не оставляю ни одной пылинки. И каждый день поддерживаю чистоту. До свидания. С уважением – Оля Черепанова» (г. Омск).

Понравился опыт и Петру Прохорову из г. Щёкино, Тульской области. Он прислал свою «решётку» времени за экспериментальную неделю.

Первый день у Пети получился таким:

7-8 ч.	– завтрак;
8-9	– гулял;
9-10	– трудился;
10-11	– письменные уроки;
11- 12	– скучал;
12-13	– готовился к школе;
13-17	– школа;
17-18	– гулял;
18-19	– играл в шахматы;
19-20	– смотрел телевизор;
20-21	– смотрел телевизор;
21-22	– делал устные предметы.

У Саши Симонова из г. Никитовна, Белгородской области, нашлась записная книжечка, на каждой странице которой 20 клеток. «Я отделил, – пишет Саша, – 15 клеток на каждой странице и слева нависал: 1, 2, 3, 4, 5... 14, 15. Я ношу книжку в кармане и через час отмечаю, что я сделал. Хотя мне хотелось ещё поиграть и почитать, но я упорно решил делать что-нибудь другое». «Решётка дня» (за первый день) у Саши в записной книжке получилась такой:

1. Туалет и завтрак.
2. Иду в школу.
3. 1 урок. Решали задачи.
4. 2 урок. Читали о Петре I.
5. 3 урок. Играли в футбол.
6. 4 урок. Изучали лягушку.
7. 5 урок. Чертили деталь.
8. Иду из школы.
9. Обедаю и читаю книгу.
10. Играю в футбол.
11. Учю уроки. Сначала трудные.
12. Учю уроки. Лёгкие.
13. Читаю книгу.
14. Рассматриваю почту.
15. Бью баклуши.

«Бью баклуши» или что-нибудь в этом роде – такое обязательно должно быть, особенно у тех, кто плотно заполняет свой день. «Решётка времени» не для того, чтобы превращать человека в механизм, зачем она тогда была бы нужна?

Просто она помогает тем, кто не умеет жить по режиму. Можно, как уже говорилось, планировать время наперёд (режим дня), а можно учитывать прошедшее время («решётка времени»). И в том и другом случае, как это ни странно, результаты оказываются одинаковыми, только второй способ распоряжаться временем легче, чем жить по режиму.

Светлана Кадырова из Рязани считает, что опыт с «решёткой времени» лучше бы провести в каникулы, «потому что тогда и одно хочется сделать, и другое, а в итоге «тянешь резину», как мама говорит, и ничего не успеваешь».

Что ж, и такой опыт был. Его провёл Саша Бердников из посёлка Первомайский, Удмуртской АССР. Действительно, в каникулы распоряжаться временем труднее, чем в обычные дни.

Вот Сашины пятнадцать часов, пятнадцать клеток «решётки времени» за 5 ноября.

- 1 – встал, зарядка, завтрак;
- 2 – читал «Лето, отданное врагу»;
- 3 – отдыхал, писал письмо;
- 4 – делал обед;
- 5 – менялся марками;
- 6 – мыл пол и лестницу;
- 7 – катался на коньках;
- 8 – катался на коньках;

- 9 – делал открытку;
- 10 – смотрел «Земное притяжение»;
- 11 – делал пудинг и сметанник;
- 12 – смотрел футбол;
- 13 – смотрел «Время» и «Повесть о чекисте»;
- 14 – ужинали и слушали концерт;
- 15 – лёг спать.

Как видим, обычные житейские дела, ничего особенного – но сколько успел человек за день.

5

Но можно и ещё более решительно перестроить свою работу так, чтобы освободить время для общего развития.

Вот что советовал учитель Василий Александрович Сухомлинский своим ученикам: после того, как вы вернулись из школы домой (если уроки в первой смене), всю вторую половину дня надо проводить отчасти на воздухе, отчасти за книгами, не относящимися прямо к урокам, отчасти – в кружках, на факультативных занятиях, за работой в саду, в спортивных секциях.

Почти весь день – любимым, и только любимым занятиям!

Но как же быть с уроками?

Сухомлинский советовал: делайте большую часть уроков утром, до школы.

Вставайте в 6 часов утра, и за два утренних часа вы поработаете успешнее, чем за четыре вечерних!

Утром голова человека работает продуктивнее, и задачи решаются быстрее, и всё запоминается прочнее.

Утром никто и ничего не отвлекает. Никаких соблазнов.

Нелепо же вставать в шесть утра, чтобы играть с котёнком!

Утром всё делаешь хорошо и быстро, потому что деваться некуда. Цейтнот – нехватка времени. А в цейтноте – и при большом желании, и если нет страха – ум человеческий работает очень быстро,

Менделеев долгое время мучился над своей таблицей, но вот настал день, когда ему надо было надолго уезжать из города и отрываться от работы. Именно в этот последний день, в цейтноте, утром блеснула у него догадка, а к вечеру готовая «таблица Менделеева» была послана в типографию, и учёный уехал по своим делам.

Разумеется, для того, чтобы рано встать, надо и спать

ложиться пораньше. Кстати, Сухомлинский напоминал ребятам, что сон до 12 часов ночи полезнее и приносит больше отдыха, чем сон после 12-ти. Человек, который спит с 10 часов вечера до 6 часов утра (8 часов), высыпается лучше того, кто спит с 11 вечера до 8 утра (9 часов).

Одна женщина с Дальнего Востока рассказывает, как она использовала совет Сухомлинского в своей семье.

У неё два сына-старшеклассника, в девятом классе и в десятом. Ребята сидели над уроками день и ночь, очень уставали, здоровье их пошатнулось, времени на любимые занятия не было. Что делать?

Установили такой режим: подъём в 5 часов 30 минут, зарядка, умывание, первый завтрак – стакан молока – 15 минут; 5 час. 45 мин. – 8 час. – приготовление уроков, 8 час. – второй завтрак (горячий); в 8 час. 15 мин. – уход в школу. После школы до 21 часа – время свободное. Перед сном (в 21 час) приготовить всё по расписанию на утро.

«Не описываю, как мы волновались», – рассказывает мама. – Необычно, не верилось, что всё это возможно, что вместо 4-6 часов занятий – 2 часа, и лишь изредка (смотря по расписанию) занятия вечером – например, когда перевод большой или две математики. Но ребята сразу оценили преимущества такого режима и только очень удивлялись: «Как же так, я стихотворение Маяковского ровно десять минут учил? Математика идёт утром очень легко, запоминаешь тоже быстро».

Ребята занимались по такому режиму целый год, стали хорошо учиться, и здоровье их улучшилось. Словом, утренние занятия пошли на пользу.

После долгих колебаний решено было рассказать об этой системе ребятам.

Некоторое время спустя вновь стали приходить отчёты об опыте. Всё-таки это очень интересно – экспериментировать с самим собой!

«Вначале было страшновато: а вдруг просплю и пойду в школу с невыученным заданием? Но всё-таки, несмотря на то, что учебный год подходил к концу, я начала жить по новому режиму. И теперь об этом не жалею.

Встал вопрос: как не проспать подъём? Но всё получилось лучше, чем я ожидала. Вначале я просыпалась лишь по звонку будильника, а потом и без него. Ровно в 5.30 уже на ногах!

Сначала я теряла много времени попусту. Потом дела пошли на лад. Я действительно выучивала стихи буквально за 10 минут, параграф запоминала после одного прочтения. Результаты, как

и ожидалось, отличные. Я перешла в 8-й класс с хорошими оценками.

Вот уже прошла первая четверть нового учебного года. Я продолжаю жить по режиму Сухомлинского.

До свидания. Учение с увлечением!» (Мария Копач, г. Инта, Коми АССР.)

«Я занимаюсь по системе Сухомлинского неделю. Уроки теперь делать значительно легче. Советую всем, кто переходит на систему Сухомлинского, делать пусть короткую, но энергичную утреннюю зарядку. Времени, отведённого мной на уроки, хватает, даже остаётся. 1,5 часа вместо 3-4! Свободное время я провожу в основном над книгами. Самос трудное было – научиться быстро засыпать. А то вечером лежишь без сна, а потом «кляёшь носом». Я сагитировал и моего друга Вову Злобина, и мы теперь занимаемся так вдвоём, хотя и по отдельности. Остальные ребята подшучивают. Но уверен, в будущем году «утренников» будет гораздо больше!» (В. С.)

Итак, «утренник» – это не праздник в школе. «Утренник» – это человек, который делает уроки утром...

Вот ещё письма от «утренников» и «утренниц»:

«До этого я всегда делала уроки очень долго и томительно, всегда ужасно уставала. Никогда не оставалось времени на любимые занятия. Никогда я не выходила за пределы учебника.

Но вот я прочитала о совете Сухомлинского. Я решила испытать свою волю. Два дня вставать не хотелось, и вместо того, чтобы вникать в условия задачи или в содержание параграфа, я высчитывала, сколько минут мне бы осталось поспать, но я не сдаюсь – попробовала раз, другой, третий, никаких сдвигов. Я снова стала делать уроки днём. Но вот задали нам решить дома очень трудную задачу. Сколько я ни билась – решить не могла. И я решила ещё раз сделать её утром.

Встала в 6 часов утра. Умылась, убрала свою постель и стала решать задачу. Я не думала ни о чём, кроме задачи, и решила её за 30 минут. А вечером я её решала примерно 2 часа. С тех пор я встаю в 5 часов утра и делаю уроки, а днём я читаю, гуляю, записалась в спортивную секцию. Вот как помог мне совет Василия Александровича!» (Людя Сазонова, г. Красноярск.)

«Я учусь в 5-м классе и занимаюсь в балетной школе. В общем, дел хватает. Часто я пропускала занятия в балетной школе из-за большого количества уроков, заданных в школе. А когда узнала об этом способе, я так обрадовалась, что и передать нельзя.

Теперь я прихожу из школы, немного гуляю, потом иду

в балетную школу. Утром просыпаюсь в 5 часов и превосходно делаю уроки. Теперь я хорошо стала заниматься и в общеобразовательной школе, и в балетной. Огромное вам спасибо» (Ольга Егорова, г. Куйбышев.)

«Решил я провести этот «опасный» эксперимент. Для меня он не опасен, так как я учусь во вторую смену. Но, встав сегодня в 6 утра, я с 6.30 начал делать уроки по трём предметам и сделал... за 40 минут против 1,5 часа. Я вот что могу сказать по этому поводу. Вряд ли здесь особенную роль играет то, что утром человек лучше запоминает, то есть что утром мозг работает лучше. Дело, видимо, в том, что утром легче сосредоточить внимание на чём-то одном.

Постараюсь вести далес своего рода дневник, куда буду заносить все те данные, которые появятся» (Николай Жернаков, с. Наровчат, Пензенской области).

«Я решила попробовать делать уроки утром. Начала я на следующий день. За всё время проведения этого опыта я ни разу не проспала. Вставала я около шести, иногда в полседьмого. Но утром я делала не только уроки, я занималась и другими делами. Всего у меня на уроки уходило минут сорок. Зато днём у меня было много свободного времени. И успеваемость повысилась. Опыт я проводила с 29 апреля, а сейчас уже 14 мая. Но вообще-то я не считаю, что у меня есть сила воли или твёрдый характер. Просто я привыкла делать так, как захочу. А когда делаешь то, что хочешь, и жить интересно» (Альбина Эрбис, д. Большая Ченчерь, Тюменской области).

Однако обнаружили и затруднения.

Алла Москаленко из Челябинска никак не может встать утром: «Вот сегодня я хотела встать в 5 часов, и главное, меня разбудили честь по чести, и представляете, я не встала, вот не хватает воли подняться с постели, но я лежу с открытыми глазами и ругаю себя, что не поднимаюсь. Всё равно не могу, и всё».

А у восьмиклассницы Лиды Гаврюшиной из Москвы другая беда. «Трудно было засыпать в 9 часов вечера,– пишет она.– Но за неделю я привыкла к этому».

Наташе Левит из Ленинграда не разрешили делать уроки утром родители. «Я им доказывала, какую это приносит пользу, но они не согласились,– пишет Наташа.– Как мне быть?»

Валерий Шамшур из Казани спрашивает: «А стакан молока обязательно или можно чем-нибудь заменить? Я не очень употребляю его».

«Больших трудностей не было,– пишет Ирина К. из Свердловска,– только я боялась разбудить маму. Эксперимент удался, я учу все уроки за два часа. Спасибо за совет».

Однако были трудности и посерьёзнее.

Надо предупредить, что опыт этот очень опасен, не всем он под силу.

«Сначала всё было хорошо, – пишет Лариса Симонова из посёлка Мян-джа, Магаданской области, – Я высыпалась и не уставала. Но сейчас мне хочется спать утром и днём! Одно время я спала днём по два часа, но всё-таки жалко тратить два часа на сон: лучше почитать... Придётся отказаться от этой системы и делать уроки днём. Жалко, конечно, но всё-таки надо». Может быть, Лариса поздно ложилась спать? А может быть, она была очень напряжена, волновалась. Пока привычка не выработалась, организм перестраивается. А перестройка всегда ведёт за собой перегрузки, и не все могут их выдержать, не все могут дождаться несомности...

Но, пожалуй, точнее всех нашла причину своей неудачи десятиклассница Тая Кузьякина из г. Фрунзе:

«Утром я вставала в 5 часов 30 минут и садилась за уроки. До начала школьных занятий я успевала делать всё. Первую неделю учителя меня не спрашивали, а со второй недели спросили. Ответы были на удивление хорошие, и это даже заметили в классе. В конце третьей недели успеваемость начала постепенно снижаться – я получила две тройки, а на четвёртой неделе наступил кризис: уже не хотелось рано вставать, сильно болела голова, то есть наступило большое переутомление. Безусловно, опыт провалился, и было очень трудно восстанавливать первоначальный режим, то есть учить уроки вечером.

Но я решила всё-таки написать вам, потому что, как я думала, я нашла причину этого провала.

Всё дело в том, что свободное время у меня пропадало. Я приходила из школы и ничего не делала или всё время читала книги; у меня не было увлечения, любимого дела. Самое главное: чтобы время не улетало безвозвратно и чтобы обязательно было любимое дело, любимое увлечение или занятие спортом». Совершенно верно! Если не знаешь, на что употребить свободное время, то зачем же рано вставать?

Режим Сухомлинского требует больших душевных сил, а силы надо восстанавливать любимыми занятиями. Увлечение – вот что даёт силы.

можно больше дней подряд записывать свой расход времени в часах. Особенно аккуратничать не стоит, иначе записи могут занять весь день. Короткие, сокращённые или зашифрованные заметочки в тетрадке – этого будет вполне достаточно.

Второй опыт – для храбрых: постепенно (лучше постепенно, а не сразу!) часть уроков переносить на утро. Кому страшно, переносить то, что полгоче. Если первый опыт можно делать втайне от всех, то насчёт второго правильнее посоветоваться с мамой и заручиться её согласием. Иначе просто сочтут за лентяя и будут ругать: «Вот, весь день пробегал, уроков не выучил и теперь встал ни свет ни заря, весь дом поднял!» Зачем лишние неприятности?

Но каким бы опытом мы ни занялись, будем помнить главное: для чего нам нужно свободное время. Вовсе не для того, чтобы бегать по улицам!

Оно нужно для чтения умных книг, для работы в библиотеке, для занятий в кружке – для общего развития.

Главный резерв времени дают не все эти наши ухищрения, а только общее развитие способностей, которое помогает быстрее схватывать материал и прочно усваивать его.

Опыты же нужны лишь для того, чтобы выйти из порочного круга: чем больше сидишь над уроками, тем больше сидеть приходится.

Глава 4 • ВОЛЯ

1

Вполне вероятно, что первые опыты на себе привели к желанному результату. Коль скоро многие ребята сумели заинтересоваться, научиться управлять временем, то почему бы не могло получиться и у вас?

Но, может быть, не хватило сил взяться за дело? Или подкосила коварнейшая из мыслей, которая так часто губит людей: «Всё равно у меня ничего не получится»? Или другая, не менее злобедная мысль могла на корню придавить шелохнувшееся желание взяться за дело: «А зачем мне всё это? И так проживу...»

Как бы то ни было – не получилось!

Есть десятки книг и брошюр о развитии воли. В них немало остроумных мыслей, много хороших советов, и написаны они интересно. Но сколько их ни читаешь, никогда не возникает

ощущения, что немного прибавляется этой самой воли. Ничуть не становишься сильнее! Слова на волю не действуют, вот в чём трагедия. Кто-то даже написал, что борьба слов с волей – это борьба глиняного горшка с чугуном...

Есть сотни способов закалять свою волю: обливаться холодной водой, спать на гвоздях, отказывать себе в том, что любишь, – словом, истязать себя всевозможно.

Про эти способы я ничего не могу сказать, так как никогда не пробовал их на себе.

Речь пойдёт об одном – о работе. В конце концов, слабая воля, если она не ведёт к тяжёлым проступкам, не такой уж страшный грех, от которого каждому человеку во что бы то ни стало надо избавиться. Лишь на одно не должно распространяться наше слабование: на работу. Работать нужно, и нужно уметь заставить себя работать, иначе и сам пропадёшь, и все, окружающие тебя, все, кому ты дорог и кто дорог тебе, – пострадают.

2

Однажды авиационного конструктора А. Н. Туполева спросили:

– Трудно ли втянуться в работу после перерыва, трудно ли сосредоточиться на работе?

Туполев ответил:

– Вопрос следовало бы поставить наоборот. Труднее отказаться от думанья, чем перейти к нему. И, находясь в театре, я во время антракта могу начать думать о тех вопросах, которые меня занимают. Это может быть и в гостях.

Ничего неожиданного в ответе нет. Мы привыкли читать о громадной работоспособности великих людей – тех, кто страстно увлечён своим делом. Но что же выходит: конструктору совсем не приходилось прикладывать усилий воли? Воля ему вроде бы и не нужна, раз её полностью заменяет увлечение?

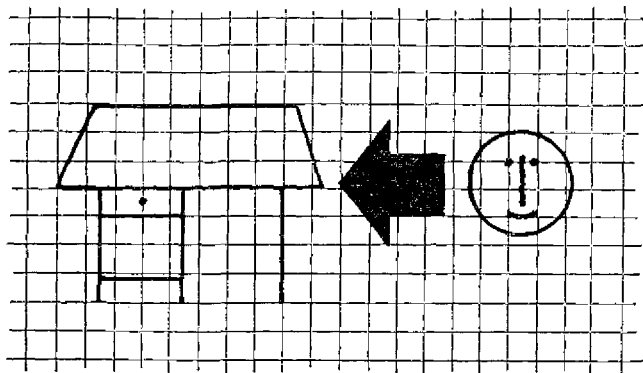
Однако это предположение нелепо. Про Туполева известно, что это был человек огромной воли.

В чём же секрет? Почему одним людям надо заставлять себя работать, а другим – заставлять себя не работать хотя бы в театре или в гостях?

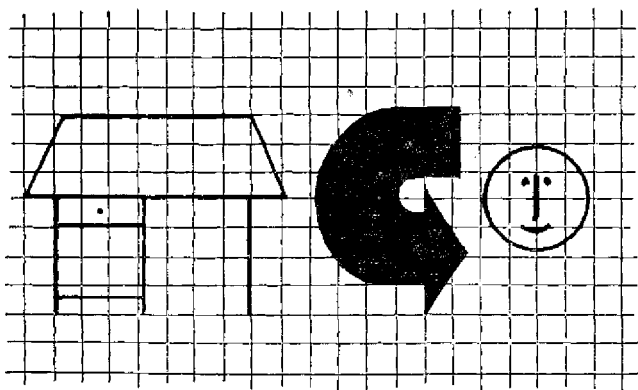
Попробуем понять это с помощью простой схемы.

Есть человек и есть его дело. Поскольку наше дело – учебное, обозначим его изображением письменного стола, того самого стола, к которому мы никак не можем присесть.

Воля человека (в нашем случае) – сила, направленная на дело. Простую эту ситуацию можно изобразить так:

Но что получится, когда мы никак не можем сесть за работу или бросим её, не доведя до конца? Мы ругаем себя, заставляем себя... Сила направлена не на дело, а на себя, вот так:

А дело, как видим, в стороне!

Мы неправильно направляем нашу силу!

У конструктора была огромная воля, но направлена она была не на то, чтобы заставлять себя, не на себя, а на дело. Он весь был

устремлён к достижению лучших результатов в работе. Воля для него была не шатким мостиком от безделья к делу, а крепкой дорогой «внутри» самого дела, к вершине мастерства и успеха.

Значит, всякий раз, когда не хочется приниматься за работу, надо заставить себя думать – сначала просто думать! – не о том, что не хочется приниматься за работу, а о самой работе. Направлять ту слабую волю, которая всё-таки есть у каждого живого человека, не на себя, а на дело!

Между прочим, в этом случае нас меньше начинает волновать успех, мы меньше думаем о том, получится работа или не получится, и поэтому она получится вернее!

Чем меньше у человека сил, тем точнее должны быть они направлены.

3

Вместо общего вопроса о развитии воли перед нами более понятная задача: как научиться направлять свою волю к цели – то есть к занятиям, к работе?

Чтобы подойти к решению этой задачи, разберём историю из книги доктора военно-морских наук Ю. С. Солнышкова, посвящённой проблеме выбора вооружения.

Как-то перед учёными одной страны была поставлена задача: улучшить силы и средства обороны против вражеских подводных лодок.

Учёные начали обсуждать эту проблему и вдруг задали нелепый на первый взгляд вопрос: «А для чего, собственно, надо топить вражеские подводные лодки?»

Им ответили: «Потому что они мешают перевозке военных грузов. Если бы они не топили транспорты, то пусть бы себе и плавали по морям...»

Тогда учёные сказали: «Значит, цель – в перевозке военных грузов? Вот и давайте работать над этой проблемой. Может быть, надо сделать короче плечо перевозки, может, другие какие-то меры принять, и в частности меры борьбы с подлодками... Но будем держать перед глазами главную цель – перевозку грузов!»

Истории подобного рода производят сильное впечатление, потому что они имеют эвристическое значение: они наводят на мысль, помогают открытию. «Эврика!» – «Нашёл!»

Ведь и в жизни мы иногда проигрываем оттого, что не совсем ясно представляем себе, чего же именно мы хотим.

Например, мы говорим себе: моя цель – получить образование.

На самом же деле мы просто хотим закончить школу с

хорошими отметками в аттестате. А это не одно и то же, хотя и близко!

Или мы говорим себе: «Я хочу окончить год на четвёрки и пятёрки».

На самом же деле тайная наша цель состоит в том, чтобы тратить на занятия как можно меньше сил и времени. А это, разумеется, не одно и то же!

И при этом мы почти всегда достигаем цели, всегда! Но не той, что объявлена (пусть в мыслях), а тайной, настоящей нашей цели. То, чего мы действительно всей душой хотим, того мы и достигаем. Если цель была отлынивать от работы – так и получается. Мы прекрасно проводим время, то есть добиваемся того, чего втайне желали. Но в таком случае глупо огорчаться из-за плохих отметок. Мы вовсе не желали пятёрок, мы говорили о них только для приличия и успокоения совести. Истинная цель была другой – не слишком утруждаться учением.

Человек достигает того, чего он действительно хочет, но он не может достичь двух целей сразу, даже если они и близки между собой. Из двух целей – «хорошо окончить год» и «весело провести год» – можно добиться любой, но только одной из двух: или первой, или второй.

Нетрудно объяснить, почему так происходит. Дело в том, что для достижения каждой цели возникает или создаётся людьми специальная система, предназначенная для достижения именно этой цели. Для очистки комнаты от пыли – пылесос, для чистоты зубов – зубная щётка. Система всегда создаётся для определённой цели: трудно убирать комнату зубной щёткой, ещё труднее чистить зубы пылесосом.

И примерно так же в душе человека! В человеке тоже всё настраивается на достижение определённой цели, как бы создаётся специальная система. Настроимся на бездельное прохождение времени – и весь организм переключится на эту цель. Нас будет постоянно клонить ко сну, станет невыносимо трудно вставать по утрам, лобой учебник будет вызывать отвращение. Настроимся на деятельную, бодрую жизнь – и нам будет достаточно пяти-шести часов сна, всё будет кипеть в руках и даже минутное безделье будет причинять страдание. Организм перестроился, система чувств, воли, желаний подчинилась цели. Организм сам подлаживается к желанной цели, нам надо только сильно хотеть чего-то – и не хотеть в то же самое время чего-то другого!

А если всё-таки не получается? Значит, произошла незаметная подмена цели, произошёл какой-то обман: вместо одной цели, мы, незаметно для себя, стали стремиться к другой – и её достигли.

Каждый раз, садясь за работу, стоит на мгновение задуматься: чего же, собственно говоря, мы хотим?

Узнать причины падения Римской империи – одна цель.

Получше выучить урок, чтобы завтра на уроке истории поставили хорошую отметку, – другая цель, не полностью совпадающая с первой.

Выучить урок хоть как-нибудь, чтобы не получить двойки и связанных с ней неприятностей, – третья цель.

Побыстрее сделать урок, чтобы отправиться гулять, – четвёртая цель, отличная от первых.

Провести какое-то время за столом, чтобы мама видела нас за работой и не ругала, – пятая цель, снова резко отличающаяся от предыдущих.

Нам кажется, что это всё равно всякий раз всё будет происходить одним и тем же образом: и в первом, и во втором, и в третьем, и в четвёртом, и в пятом случае мы сядем за стол и откроем книгу. Но каждый раз будет совсем другая работа – с другим результатом! Потому что каждый раз мы обязательно добьёмся своей истинной цели.

Не будем жаловаться на волю, отбросим эти пустые разговоры. Научимся направлять свою волю к цели, то есть точно определять цель. Может быть, не воля у нас слабая, а нет культуры желания, не умеем хотеть?

4

А нельзя ли в этой беде хоть чем-то помочь? Нельзя ли научиться хотеть?

Вот эксперимент.

Три группы не очень опытных баскетболистов психологи попросили двадцать минут бросать мяч в корзину. Посчитали, сколько попаданий у каждой группы.

Затем первая группа тренировалась в зале двадцать дней по двадцать минут ежедневно.

Вторая совсем не тренировалась.

А третья группа двадцать дней занималась таким странным делом: каждый игрок должен был ежедневно двадцать минут сидеть в зале и представлять себе, что он бросает мяч и попадает точно в корзину. Сидеть не двигаясь – только представлять!

Через двадцать дней первая группа – та, что тренировалась, – показала результат на двадцать четыре процента лучше начального. Этого можно было ожидать.

Вторая группа – та, что не тренировалась, – никакого улучшения не показала. Тоже естественно.

А что же третья группа, та, что тренировалась мысленно?

Она показала результаты на двадцать три процента выше первоначального – почти такое же улучшение, как у игроков, каждый день кидавших мяч!

Но чуда нет.

Попадание в цель почти полностью зависит от того, как точно глаз видит её. Рука, если она не дрогнет, действует автоматически, сама собой. Рука подчиняется глазу. Поэтому и говорят: «меткий глаз», а не «меткая рука», хотя кидает рука, а не глаз.

И точно так же, как рука – глазу, точно так же душевные силы человека подчиняются представлению о цели.

Если мы хотим привыкнуть к чему-нибудь – например, делать уроки вовремя или ежедневно принимать холодный душ, – то в голове возникает желаемый образ цели, и человек подтягивает себя к этой цели, к образу. Словно он забрасывает якорь подальше, в будущее, а потом подтягивает свою «лодку» к этому якорю.

Другими словами, чтобы достичь цели, надо представлять её очень отчётливо – с подробностями! Надо мысленно проделать всю ту работу, которую мы хотим проделать в действительности, – мысленно забросить мяч в корзину. Попросту говоря, надо не бояться немножко помечтать. Мечта – это ведь и есть подробный образ цели. Когда в песне поют: «Мечтать, надо мечтать!» – то имеют в виду именно это: кто умсет мечтать, ясно представляет себе свою цель, тот умсет и хотеть, у того всё получится.

Но если вместо того, чтобы решать задачу на контрольной, мы будем сидеть и мечтать о том, как будет хорошо, когда задача решится, – задача никогда не будет решена. Мечта тоже должна быть направлена на дело, а не на себя. Когда люди строят город в тайге, они мечтают о том, какими красивыми будут улицы, и это помогает им в работе. Они мечтают о городе, а не о том, как им, строителям, будет хорошо. Когда человек мечтает быть артистом и видит себя на изнурительных репетициях, слышит себя в роли Гамлета, мысленно играет на сцене, такая мечта помогает ему, и он добивается своей цели. Если же он в мечтах видит себя в окружении поклонников, слышит гром аплодисментов, любуется своими фотографиями, которые когда-нибудь будут опубликованы, то это занятие, само по себе весьма приятное, ни на шаг не подвигает человека к цели, потому что он мечтает не о работе, а только о результатах её.

Вот, пожалуй, чем отличается мечта действительности от мечты бесплодной: первая – это мечта о работе и успехе; вторая – только об успехе.

Что поделать! Работа входит в суть человеческой жизни, а даже мечтать о безделье и то небезопасно.

5

Посмотрим теперь, как все эти наши прекрасные рассуждения отвечают практике. Обратимся к первым экспериментам «Учение с увлечением».

«Когда я прочёл об опыте «Учение с увлечением», то сначала заколебался, – рассказывает Павел Беспрозванный из Одессы. – Ведь сколько времени прошло, занимался кое-как, и всё было спокойно. Но потом решил: попробую, попытка не пытка».

Вывод правильный, но не совсем. В нём не хватает именно решительности добиться победы. «Попробую» – лучше, чем вовсе не браться за дело, но если браться, то с желанием! Естественно, что вскоре Павел обнаружил: «Оказалось, не так-то просто учиться на совесть, ведь учиться спустя рукава легче, да я и привык уже».

И вот тут П. Беспрозванный сделал правильный, точный шаг: он представил себе будущую работу, он поставил перед собой цель! «Я решил, – пишет Павел, – хорошенько подумать, есть у меня сила воли или нет?»

Другими словами, он представил себе – себя же, но сильного! Он забросил якорь в будущее – и подтянулся к нему.

«И сила воли победила! С трудом, но победила! Самый скучный предмет для меня был география. Но сейчас он для меня едва ли не самый интересный. Сажусь за стол, открываю учебники, и перед глазами встаёт знойная Африка, Сахара, караван верблюдов в Ливийской пустыне. Всё очень интересно и совсем не скучно. А как было раньше? Сажусь за книгу с видом великого мученика, учить, разумеется, не хочется. Я подавляю тяжёлый вздох. Перед глазами встаёт иная картина: сражение отважных мушкетёров...»

Как раз об этом мы и говорили: очень важно, что именно встаёт перед глазами, когда садишься за работу. Не могут быть перед глазами одновременно и мушкетёры и Сахара. Что-нибудь одно!

Алик Меликов из города Хачмас, Азербайджанской ССР, тоже вёл тяжёлое сражение с интересной книгой, из-за которой он запустил математику. «Прихожу домой, сажусь читать и так не могу оторваться до самого вечера. Очухаюсь, посмотрю на часы, а уже двенадцать часов ночи. Ну какие там уроки! На другой день вызывают меня к доске, а я стою как баран перед новыми воротами».

И вот Алик взялся за опыты «Учение с увлечением». Он терпел страшные муки! «Одну страницу, всего одну страницу»,— молил голос, призывавший его к интересной книге. «А другой требовал, чтобы я учил уроки»,— пишет Алик. И неизвестно, какой из голосов победил бы, если бы Алик не вспомнил, как ему худо было у доски. «И я решительно взялся за уроки»,— заключает Алик. Появилось желание хорошо ответить, избежать стыда – и сразу воля была направлена на работу, и сразу умолк голос, соблазняющий книжкой.

Это происходит со многими: прежде чем начать работать, приходится выдержать борьбу с соблазнами всякого рода. Но как только появляется точная и ясная цель – соблазны исчезают, приходит упорство, необходимое для успеха.

«Мне сейчас стыдно вспомнить своё первое письмо о том, что приступаю к опыту»,— пишет Сергей Н. из Кропоткина.— Я писал, но не надеялся, что опыт удастся. Приступая к опытам, я имел маленький план. Вот он: попросить хорошую ученицу (ученицу лучше – она более усидчивая), чтобы она подтянула меня. Я попросил... Она сначала согласилась, но затем отказалась.

Затем я попросил другую девочку. Но она в тот же день уехала в Ленинград. И я решил: опыт проделываю я? Я! Ну и вытравиться буду сам. По химии у меня дела такие: я её запустил с самого 7-го класса. И всё-таки я нашёл в себе силу воли и начал всё с самого начала. Вы не можете знать, как я мучился. Я решил бросить этот опыт. Но опять – сила воли! Я сидел и «упивался» химией. Понемногу я стал понимать её. И чем больше понимал, тем больше она мне нравилась. И вот – успех! Успех небольшой. Я сначала закрыл двойки тройкой, а затем четвёркой. В этом помогли вы! Огромное вам спасибо! Сейчас я готовлюсь к контрольной по химии. Думаю, что напишу. Ещё раз спасибо! Учение с увлечением!»

6

Вот ещё несколько историй о ребятах, которые, по всей видимости, не отличались сильной волей, но они сумели **направить** волю точно к цели, сумели захотеть добиться победы.

«16 октября. Прочитал о том, как заставить себя хорошо учиться. Ну что ж, попробуем. Сегодня я выучил несколько параграфов по алгебре, решал уравнения. На это у меня ушло два дневных часа и три вечерних.

18 октября. Занимался алгеброй 3 часа. Трудно и непонятно! Почти никаких сдвигов. Может, бросить?»

21 октября. Сегодня алгебра отняла у меня всё свободное время. Половину параграфов уже выучил. В голове уже кое-что прояснилось! На уроке я уже не сижу таким балбесом, как сидел раньше.

23 октября. Весь теоретический материал выучил. Во многих уравнениях легко разбираюсь.

25 октября. Вот здорово! У меня появился интерес к алгебре. Я уже во всём разбираюсь. Вот что значит учиться с увлечением!

30 октября. Всё! Опыт удался: По алгебре получил 5.

Учение с увлечением!

Писал Аксёнов Саша.

Спасибо!

Хутор Караженский, Волгоградской области».

* * *

«Меня зовут Нелли, фамилия – Савушкина. Я из города Армавира, Краснодарского края.

Я не знаю, удался мой опыт или нет, так как до 5 мне ещё нужно долго, долго трудиться. По-моему, человек может (если этого сам очень сильно захочет) заинтересовать себя скучным делом. Вот как я занималась эти 12 дней.

7 октября. Сегодня я решила всерьёз заняться физкультурой. Ведь очень обидно, когда все хоть что-то умеют и лишь ты не можешь даже правильно сделать кувырок назад. Пока займусь утренней физзарядкой.

Начну делать приседания (они укрепляют ноги), каждый день увеличивая на 5 приседаний.

8 октября. Сегодня я прочла об операции «Учение с увлечением». Решила принять в ней участие. Ведь это только поможет мне увлечься заниматься физкультурой. Занималась по-прежнему: 15 приседаний, 25 подпрыгиваний на месте, наклоны, упражнения для рук, ног, шеи. Ноги болят нестерпимо. Но нужно терпеть. На войне, так на войне (это становится моим девизом).

10 октября. Сегодня была физкультура. Все прыгали через козла, а я не могу. Вряд ничего сложного, а подбегу, глаза закрываются, так страшно. Лазали по канату. Опять все лезут, а я не могу. Мальчишки смеются, девочки все наперсбой показывают. В зале ничего не слышно, а обидно так, что слёзы на глаза накапываются. А учителя вызвали с урока. Командует наш физорг. Меня вызвали. Стала у каната, а сама не знаю, что делать. Слышу, у мальчишек раздаётся такой ехиднёвский голосок: «Это же Савушкина! Разве она что-нибудь сделает, утка!» Это С. Меня такое зло взяло, и я решила. Твёрдо. Если не

залезу, то я самый ничтожный человек на свете. И получилось! Залезла! До самого конца!

А слезть боюсь. Как обезьяна, виспилась в канат и смотрю вниз. Все смеются. Я слезла вниз, а девчонки давай поздравлять! Но всё-таки, думаю, если бы не слово С., то в жизни бы не залезла.

11 октября. Сегодня воскресенье. Вставать рано не хочется. Но вспомнила... Я же решила делать утреннюю гимнастику! С трудом встала! Ноги как деревянные, не пошевельнуть. Всё же делаю 25 приседаний, наклоны, повороты. Шаркая ногами, как старуха, ползу умыться.

12 октября. Понедельник. Это самый трудный день, шесть уроков. Встала в полседьмого. Сделала с горем пополам всё те же упражнения. Боль в ногах всё та же.

13 октября. После 35 приседаний и других упражнений ноги не стоят, то и дело подгибаются и дрожат. Настроение вялое. Мама посоветовала пропарить ноги. Сделала. Ложусь с надеждой на лучшее.

14 октября. Вроде полегчало от вчерашних припарок. Сегодня опять физкультура. Сделала утреннюю гимнастику. Физкультура прошла быстро. Обидно только, что не смогла перепрыгнуть через козла. А на перемене... Прыгала, прыгала – нет, страшно. А после подумала, какая же я пионерка? Пионеры должны приказывать себе. Ведь боролись они с фашистами, хотя и было им страшно! Неужели я не достойна их? Не может быть! Я докажу, я перепрыгну! Разбежалась, оттолкнулась... и очутилась по другую сторону козла. Ура! Вот и вторая победа! Нужно только приказывать себе, и всё.

Но как это трудно, приказывать себе! Но, как говорится, на войне, так на войне.

15 октября. Встала одухотворённая вчерашней победой. Как это чудесно, приказывать себе! Я подскочила, сделала всё. Даже 45 приседаний, после которых всегда болят ноги.

19 октября. Сегодня понедельник. С трудом подняла глаза. Опять, как в первые дни, ноги как деревянные, поясница ноет, руки еле сгибаются в суставах. Всё же с превеликим трудом сделала физзарядку и 50 приседаний.

На войне, так на войне.

20 октября. Как и вчера встала. С таким же трудом сделала свои *pushing exercises*. На войне, так на войне. Нужно бороться до последнего дыхания и сил, только с таким условием победишь трудности.

21 октября. Опять сегодня физкультура. Пасовали на оценку. Получила 3. Ну ничего, с волейбольным мячом я редко играю. Для первого раза, тем паче для меня, это ничего. Нужно

бороться. Цель у меня одна. Или я её сразу пятёркой, или она меня двойкой. На войне, так на войне.

22 октября. Встала в полседьмого. Сделала всё по порядку, даже 65 приседаний. Это мой первый рекорд. Когда-то это было для меня величиной икс и стояло под огромным вопросом, и вот! Занятия буду продолжать. На пути к победе над врагом (физкультурой) лежит огромное количество подстергающих меня трудностей. Их нужно преодолеть. Я постараюсь дойти до конца и выйти победителем в неравной борьбе, сокрушив окончательно врага. Четвёрка, а может быть, даже и 5 в году. На войне, так на войне! Учись с увлечением!»

7

После грандиозной битвы в спортивном зале маленькое сражение волгоградского пятиклассника Лёни Гринина может показаться боем местного значения, но разве в воспитании воли есть мелочи?

«12 октября. Я никак не могу писать чисто, красиво, без зачёркиваний. Если постараться, то можно хорошо написать. Но я никак не могу писать так же на протяжении всего года. Буквы у меня получаются каждый раз разные, и часть их (те, что хвостиком вниз – «д», «у») получаются некрасивые. У «ц» такой же хвост, как у «у». «Д» загнута в другую сторону.

Другая часть (что хвостиком вверх – «в», «б»...) получаются лучше. Остальные когда как. Особенно плохо получаются «ы» и «ь».

Сегодня я, как обычно, сел за русский язык, но с приподнятым настроением. Сегодня первый день моего опыта. С величайшей осторожностью я начал писать. Сначала я писал медленно, но красиво. Постепенно я начал убыстрять письмо, буквы стали получаться немного хуже. Я быстро спохватился и стал выполнять работу медленнее. Сначала надо научиться писать красиво, а потом быстро. Я как мог старался увлечь себя, и мне действительно стало интересно. Каждая плохо написанная буква огорчала меня. Эту работу я выполнил чисто и аккуратно.

Очень жду результатов!

За неё я получил 4.

13 октября. Сегодня идёт второй день моего эксперимента. По-моему, он прошёл удачно. Я всё более убеждаюсь в том, что человек может полюбить трудную, безынтесную работу. С завтрашнего дня я начну убыстрять своё письмо. Я уверен, что научусь писать красиво и аккуратно. А пока буду ждать результатов.

14 октября. Русского не было.

15 октября. Не было заданий.

16 октября. На этот раз задание было. За эту работу я получил 4. Хотя от красоты букв она мало зависела. Но я не могу уже выполнять задание плохо. Даже трудно заставить сейчас себя писать так, как я писал раньше. Очевидно, причиной плохого письма была шариковая ручка. А раньше я просто не хотел писать хорошо.

18 октября. Сегодня я писал не совсем хорошо. Хотя работу сделал чисто и аккуратно, но буквы получились не совсем правильные. К тому же я забыл сделать одно задание, и мне пришлось написать его в классе. Но я думаю, что завтра сделаю лучше.

19 октября. Сегодня сделал лучше. Больше старался. Правда, некоторые буквы получались хуже, но, в общем, работу сделал хорошо. На «четыре» с плюсом. Посмотрим, что поставит мне учительница.

Работу оценили на 4+. Как я и предполагал.

20 октября. Русского не было.

21 октября. Не было заданий.

22 октября. И русский был, и задание было. Работу сделал хорошо, чисто, аккуратно. Буквы все ровные, за некоторым исключением. Я, как Акакий Акакиевич, полюбил буквы. Правда, на черновиках пишу по-прежнему, но думаю, что исправлюсь.

Кончился срок эксперимента. За это время я многому научился, но многого не успел. Но я буду продолжать этот эксперимент».

8

Не правда ли, впечатляющие описания? Вот битвы, которые каждый сам может устроить у себя дома, и при этом испытать, в случае победы, все радости великого полководца.

Но в школьных делах есть ещё одно великое поле сражений и испытаний воли. Это – всевозможные неприятности, с которыми нам приходится сталкиваться.

Предположим, у нас сложились плохие отношения с химией. Мы запустили её, на уроках ничего не понимаем, все кажется ненужным и неинтересным – и опыты, и формулы. Каждый урок химии – мучение.

И учительница химии, кажется нам, смеётся над нами, и ей доставляет удовольствие ставить нам двойки. А на последнем уроке и того хуже вышло: не сдержались, нагрубили, и вот

в дневнике появилась запись красными чернилами: «Прошу родителей зайти в школу...» Не покажешь ведь такой дневник отцу! Приходится обманывать, будто дневник в эту субботу не выдавали, а учительнице говорить, что отец в командировке, потом ещё что-то придумывать... А между тем появляется новая запись теми же чернилами и тем же строгим почерком: «Вторично прошу родителей зайти в школу...» Что же теперь делать?

9

Существуют разные виды поведения людей, попавших в трудное положение.

Довольно часто в этих случаях начинают... фантазировать. Человек ходит по улицам (какая уж тут школа, когда всё пропало!) или сидит над тем же учебником химии, а в голове у него сладкие картины, этакий домашний кинопрокат. Сюжеты – один лучше другого. Мол, завтра я прихожу в школу, а учительница химии уехала из нашего города... Надолго, на месяц или даже на полгода... За это время я выучу учебник наизусть... Татьяна Николаевна приходит, а я на первом же уроке поднимаю руку – не высоко, тихонько, скромненько так... Никто в школе не знает химии, все позабыли её давно, а я иду к доске... «Молодец, – говорит Татьяна Николаевна, – ты будешь великим химиком!» И так далее.

Фантазировать таким образом можно очень долго, часами и сутками. В зависимости от характера одни мечтают о приятном, другие, наоборот, о сладостно-неприятном. Мол, я иду отвечать к доске, меня просят сделать опыт, я выливаю какую-то жидкость из колбы, и вдруг – взрыв! Я лежу мёртвый, а Татьяна Николаевна плачет надо мной и говорит: «Что я надедала! Это был мой лучший ученик!» И она плачет обо мне – из-за меня! – всю свою жизнь...

Заметим, что в таких сюжетах никогда не убивают учительницу, а непременно самого себя. Кто убит, того и жалко, а ведь все эти фантазии – от жалости к себе.

Другие ребята начинают рассуждать: «Ах, так? Двойка в четверти по химии? А зачем, собственно, мне химия? Что я, химиком стать собираюсь? Не пустят в школу из-за неподписанного дневника? Ну и пусть! Чего я там, в школе, не видел?»

И, убеждая себя таким образом, они действительно перестают заниматься химией, а то и вовсе бросают школу из-за какой-то мелочи.

Лисица из басни Крылова не могла дотянуться до винограда, и вот –

«зелен виноград...» В каждом из нас сидит такая «гордая» лисица, и слишком часто, вместо того, чтобы добиваться цели, мы отказываемся от неё, уверяя себя, что вовсе и не собирались добиваться цели, обойдёмся и так.

И всей нашей жизнью в этом случае руководим не мы сами, а нелепые и пустяковые случаи на пути.

Есть люди, которые ни о чём таком не думают, не фантазируют, ни от чего не отказываются, а просто тоскуют... тоскуют долго-долго... И ничего не предпринимают: ждут, пока дело не обойдётся каким-нибудь образом – всё равно каким... Например, учительница потеряет терпение, сама позвонит или даже придёт домой, или ещё что-нибудь такое неприятное случится. Так и живут в тоске и страхе...

У некоторых даже болезнь развивается с учёным названием «дидактофобия» – страх перед школой. Школа кажется таким ребятам постоянным источником неприятностей, больше ничем.

Наконец, некоторые люди, в отличие от описанных выше, не мечтают, не уговаривают себя, не тоскуют, а действуют. Но как действуют? Каким способом? Опять-таки совершенно фантастическим. Такие ребята, когда у них в дневнике появляются нежелательные записи, могут поехать за город, в лес, и там закопать дневник, совершенно не думая о последствиях.

Или вдруг человек начинает грубить учительнице, нарываться на скандал, хулиганить на уроках.

В психологии такое поведение называется «неадекватным».

«Адекватный», – значит «соответствующий».

«Неадекватный» – «несоответствующий». Поведение, не отвечающее реальному положению дел. Оно ещё больше запутывает нас. Маленькая неприятность, маленькая вина постепенно превращается в большую, приходится придумывать ещё более странные способы выбраться из беды... И так без конца. «У меня было несколько неприятностей в школе, – рассказывает Володя Бойко из Железногорска, Курской области. – Начнём по порядку.

В шестом классе я баловался на уроках, и наш классный руководитель И. П. Ильяшенко написал в дневнике, чтобы родители пришли в школу. Но я вырвал лист, а Иван Павлович с группой учеников пришёл ко мне домой, но дома была только сестра. Потому что мать была на работе, а отец уехал на курорт.

Сестра сказала матери, и мать пошла в школу. Там ей всё рассказали, а когда я пришёл из школы, я перед ней извинился. А в 7-м классе учительница по английскому языку поставила меня за парту за то, что я поднял тетрадь с полу. В дневнике была такая надпись: «На уроке английского языка не умеет сосредоточить внимание, отвлекается». Потом я ни за

что оказался в углу. За то, что я оказался в углу, я ей нагрубил и появилась вторая надпись: «Очень бы хотелось поговорить с Вами о сыне. Постарайтесь прийти на собрание». Дома до собрания я не говорил об этом случае, но перед собранием признался. Отец пошёл на собрание, и она начала доказывать свою правоту. Когда отец пришёл домой, он сказал, чтобы я перед ней извинился, но я даже и не думал перед ней извиняться. А сейчас всё нормально.

Чувство у меня тогда было спокойное. Чтобы не показать, что я обеспокоен, я выходил на улицу и там пребывал до 10 часов, пока родители не засыпали. Главное, надо показать, что ты не упал духом».

Что верно, то верно: главное – не пасть духом. Но, кроме того, не стоит делать такие неслепости, как вырывание листа из дневника и т. п., тогда не придётся «пребывать» на улице до десяти часов вечера.

Валя Аристова из г. Черемхово, Иркутской области, тоже сначала вроде бы струсил перед неприятностью, но вовремя собрала с силами. С ней такая история приключилась:

«Один раз я получила двойку за сочинение по русскому. Сочинение и изложение раньше терпеть не могла. И учительница русского языка написала в дневнике, чтобы пришли родители. Два дня я не решалась показать маме дневник. Учительница уже сама собрала прийти к нам, и тогда неприятностей вообще не оберёшься. Когда я села выполнять уроки, дневник положила на самое видное место, чтобы мама заметила. Мама, как обычно, спросила, как дела у меня в школе, и взяла дневник. Сижу (и думаю: «Ну, всё, сейчас мне будет, зачем только положила дневник, лучше бы отговорила как-нибудь»). Меня наказали и целый месяц не давали денег на кино».

Если положить на одну чашу весов даже такое тяжёлое наказание, как месяц без кино, а на другую – мучения, страхи, угрызения совести, необходимость прятать дневник и так далее, что перевесит?

10

С каждым из нас случается такое: вместо того чтобы разумно и реально действовать, мы «уходим» в мечту, прячемся от действительности или избираем фантастические, чудовищные способы избежать неприятностей. И нам кажется, что мы сами изобрели их. А на самом деле все эти штуки давно известны, описаны, и мы, таким образом, не можем даже получить того удовольствия, какое имеет великий первооткрыватель.

Все описанные способы сводятся к одному: человек стремится избежать неприятности, уйти от неё, спрятаться.

Но это никогда не приводит к хорошим результатам.

Не стоит слишком бояться неприятностей. Они ведь тоже составляют некоторую часть нашей жизни, они ведь наши, а не чужие, их надо переживать так же, как и радости, открыто. Если бы мы попали в мир, где всё само собой выходит и нет никаких препятствий, ничто не оказывает сопротивления нашим действиям, – это был бы не материальный мир. На Земле и во Вселенной такого мира быть не может.

Некоторые даже любят всякие беды! Эльза Ероян из Еревана создала настоящий гимн неприятностям:

«Мне кажется, что без неприятностей неинтересно было бы жить на свете. Представьте себе человека, которому не встречаются никакие неприятности. Во-первых, у него не будет развита фантазия, во-вторых, он будет неопытным в более больших неприятностях. Когда у человека неприятность с каким-нибудь другим человеком, то он всегда спорит с ним. Споря, он узнаёт внутренний мир и характер этого человека. Неприятность сопровождает человека всю его жизнь, помогает ему стать твёрдым, храбрым и решительным».

Как взглянуть на дело! Можно и полюбить неприятности.

Когда впереди опасность, у каждого человека собираются силы, притом огромные. У одних – в руках, чтобы драться, у других – в ногах, чтобы бежать.

Если мы чувствуем, что боимся показать дневник отцу, то самое правильное – показать его немедленно, пусть даже в неподходящее, худшее для нас время. Сделаем именно то, чего мы боимся, – откроем дневник перед отцом, и будь что будет. Самое главное – не откладывать ни на минуту, как только мы почувствовали страх, не давать страху жить в нашем сердце хоть минуту, иначе он укоренится. Это свойство страха, впусти его – потом не выгонишь. Не будем бояться, хитрить, выжидать удобного момента: такой момент может и не наступить, и наше положение усложнится.

Я знаю девочку, которая, когда получит пятёрки, молчит про это; но о двойке кричит с самого порога, ещё и дверь не успевает открыть: «Мама, я двойку получила!» Мама удивляется: что так поспешно? Мама не знает, что умная эта девочка борется со страхом, не хочет его держать в себе и одного мгновения.

Когда на горизонте появилась неприятность, смело пойдём ей навстречу. Лучше сегодня, потому что завтра неприятность эта станет ещё больше, потом ещё, и, наконец, она станет сильнее нас, сильнее нашей смелости.

Запустили физику? Перестали понимать учителя? Быстрее

начнём учить с самого начала, начнём сегодня, потому что с каждым днём дело будет всё хуже и хуже, и всё равно придётся сидеть над учебником.

Старые солдаты говорят, что страшно только перед боем, а в бою человек обо всём забывает, и ему уже не так страшно. На земле есть только одно укрытие от страха – бой, сражение, действие. Общий закон развития воли простой: воля развивается только в волевых действиях!

Всякий раз, когда мы стараемся чего-то избежать – работы ли, неприятности ли, – наша воля ослабевает. Всякий раз, когда мы идём навстречу работе или неприятностям, воля укрепляется.

Навстречу – вот заветное слово людей, которые хотят иметь сильную волю.

Особенно укрепляется воля тогда, когда нам удаётся что-то доказать – не в споре, а поступком, действием. Это можно пояснить на примере Коли Гончара из города Венёва, Тульской области.

«Учусь я неважно, – пишет Коля, – даже, можно сказать, плохо. В первой четверти я принёс четыре двойки, но все говорят, что я могу учиться на «отлично», и всё из-за моей лени это у меня так получается. Это мнение и учителей, и знакомых. Я сам тоже так считаю, но это не главное. Я очень люблю читать. Особенно «Библиотеку приключений» и всякие другие книги. Но мои родители против этого, они говорят, что книги мне мешают, и заставляют меня сидеть за уроками 3–4 часа, когда я сам знаю, что мне надо самое большее 1 ч. 30 мин. – 2 часа, чтобы выучить уроки. Но не это главное, я прошу, напишите ответ, может, это подействует на папу и маму, и они разрешат мне читать. Они мне разрешают читать только по субботам и воскресеньям.

Гончар Николай.

Я даю честное слово, что тут нет ни капли лжи».

Правдивости этих слов не поверить нельзя. Перед Колей замечательная, редкая возможность доказать свою правоту: надо просто хоть несколько дней делать уроки полтора-два часа и при этом приносить отметки, достойные коллиных способностей. Право читать книги приходится завоевывать точно так же, как и все другие права, – неуклонным исполнением обязанностей.

Но кто хоть раз докажет другим людям или самому себе, что он способен добиться трудной цели, тот в следующий раз добьётся её гораздо легче, потому что, доказывая, человек идёт навстречу – и воля его укрепляется.

ОПЫТЫ НА СЕБЕ

В первых опытах психологическая подготовка заключалась в том, чтобы привести себя в хорошее настроение, создать установку на интересную работу. Теперь эту подготовку можно усложнить, и результаты должны быть лучше.

Если, несмотря ни на что, нет никаких сил взяться за нелюбимый предмет, то попробуем сначала просто заглянуть в учебник, прочитать материал, хотя бы для того, чтобы узнать, о чём идёт речь, и сразу начинаем думать о том, как лучше выполнить задание, как будто все мы – Туполевы. То есть направим волю не на себя, а на работу. По возможности точно представим себе, зачем мы садимся за урок, чего мы хотим добиться. Постаремся определить цель повыше, позначительнее: цель «узнать» – выше цели «получить пятёрку», цель «получить пятёрку» – выше цели «сделать уроки побыстрее».

Второе, главное упражнение: поставим перед собой нашу собственную цель и постараемся её достичь. Ставить цель – это и значит идти навстречу жизни, быть активным. Цель выберем такую, чтобы достичь её можно было в две-три недели:

«Ненависть к предмету забыть и приобрести радость к нему» (Саша Чистяков из посёлка Вуктыл, Коми АССР).

«Покорить физику и добиться успеха в физкультуре» (Женя Медведев из города Арзамаса, Горьковской области).

«Написать небольшой рассказ о человеке, усыновившем и удочерившем ребят» (Саша Скрябин из Донецка).

«Сделать макет по истории «Древнеегипетский храм» (Олег Жуковский из посёлка Дымер, Киевской области).

«Мне нужно заставить себя ложиться и вставать в определённое время и постепенно укорачивать время сна,» пишет из Харькова Женя Либин. – Например, если сейчас я сплю 9 часов, то через неделю я буду спать 7 часов 30 мин. Конечно, при этом будут трудности, но я смогу перебороть их, потому что я пионер, а пионеры могут перебороть любые трудности. Нас собралась группа из 13 человек, 13 пионеров-артековцев. Мы решили вместе проводить эксперимент «Учение с увлечением».

Когда выходит из строя какой-нибудь механизм, является мастер и в первую очередь определяет, в чём же поломка. Потом он принимается за ремонт. И врач, придя к больному, не бросается тут же, с порога, лечить, а прежде пытается узнать, что болит и в чём причина болезни.

Так бы следовало поступать и в школе. Если не получается с уроками, то не может быть одной лечебной процедуры на всех: «Сиди и занимайся!» – и одной на всех пилюли – двойки. Надо сначала попытаться понять причины неуспеха!

Присмотримся к себе внимательнее: может быть, причина наших неудач кроется в том, что не хватает веры в себя? Восьмиклассник из Батуми напишет: «Опытами «Учение с увлечением» я не занимаюсь, так как и без опыта знаю, что я человек слабый».

Но это представление о себе как о слабом человеке и есть, по всей видимости, главная причина слабости и сопутствующих ей неудач.

Один американский хирург прославился пластическими операциями на лице. Он делал чудеса и самых уродливых людей превращал в красавцев. Но вот что он заметил. Иные из его больных, несмотря на удачную операцию, приходили к нему и жаловались на то, что они по-прежнему некрасивы: мол, и операция не помогла, они чувствуют, что уродливы.

Тогда врач понял: дело не в том, какое у человека лицо, а в том, каким он видит себя сам!

Если человек видит себя красивым, он и вправду становится красив. Если же его не покидает мысль о том, что он безобразен, он становится угловатым, неуклюжим, глаза его смотрят тускло.

Человек не может быть красивым, если он не чувствует себя красивым, не может быть умным, если он не чувствует себя умным, не может быть добрым, если он не чувствует себя – хоть в самой глубине души! – добрым. Стоит ему внушить, что он красивый, добрый и умный, и он действительно становится таким, каким его хотят видеть.

Однажды психологи выбрали в группе студентов самую неумную и непривлекательную девушку и попросили её товарищей изменить отношение к ней. В один прекрасный день все наперебой стали ухаживать за девушкой, добиваться её внимания, провожать её домой, уверять, что она красивая и умная. И что же? Не прошло и года, как эта девушка и вправду

стала привлекательной, милой, и по-другому она держалась, и умнее отвечала: переродилась. Она не стала другой – в ней открылось то прекрасное, что есть в каждом человеке и что раскрывается только тогда, когда мы видим в себя и все окружающие верят в нас – любят нас.

Многие думают, что уверенность и неуверенность даны от природы, что это неизменные качества. Но это не так, природа тут ни при чём. Кого очень любили в детстве, тот создал в своём сознании представление о себе как о человеке, достойном любви, то есть добром и умном. Он всем своим поведением старается придерживаться этого образа. А кого не любили, кому внушали: «Ты глуп, ты неряха, лентяй, бездельник» – тот и вправду приобретает дурные качества, потому что поведение человека в основном зависит от того, каким он представляет себя. У каждого из нас есть некая модель себя самого, мы постоянно сравниваем своё поведение с этой моделью – и так и поступаем. Поэтому если мы хотим, чтобы какой-нибудь человек изменился в лучшую сторону, то мало ругать его – надо помочь ему создать лучшее представление о себе, «исправить» ту модель, которая заложена в его сознании. И если мы хотим измениться сами, воспитать себя в каком-то отношении, мы должны прежде всего менять представление о себе, иначе все наши попытки самовоспитания будут тщетными. Чтобы исправить мотор, нужно действовать на него непосредственно; что-то подвинтить, что-то заменить, что-то отшлифовать. Но человек – не машина, на человека непосредственно действовать невозможно, есть только один путь: действовать на внутренний мир человека. Внешние причины действуют только через внутренние – это один из основных законов человеческой психики.

Представление о самом себе как о хорошем, умном, добром человеке настолько важно для нас, что мы инстинктивно охраняем его всеми силами. Мы принимаем критику, но только доброжелательную и только от того человека, который – мы чувствуем это – верит в нас и любит нас. Но когда нас хотят унижить, то есть понизить нас в собственных глазах, внушить нам, что мы глупы или дурны, всё в нас восстает против этого. Наша психика сама охраняет нас, охраняет самое дорогое в человеке – представление о самом себе, образ самого себя. Если кому-нибудь удастся это наше представление ухудшить, мы действительно станем хуже, наше стремление быть хорошим уменьшится.

Итак, представление о себе, «модель себя» очень важны для человека. Посмотрим, как строится эта модель, что на неё влияет, без этого мы не сможем понять, что делать, если «модель» работает неисправно, мешает учиться с увлечением и вообще жить достойно.

Наше внутреннее представление о себе состоит из трёх слагаемых, зависит от трёх условий:

от того, насколько успешны все наши действия;

от того, как относятся к нам люди, чьё отношение нам дорого;

от того, насколько мы сами умеем правильно оценивать свои успехи и отношение других людей к нам.

Если хотя бы с одним из этих трёх взаимосвязанных условий что-то не в порядке, портится вся «модель себя», и мы начинаем испытывать огромные затруднения в жизни. С другой стороны, если хоть одно из этих трёх условий благоприятно, то отрицательное действие двух других ослабевает.

Разберём эти три условия подробнее и посмотрим, что мы в состоянии сделать, чтобы «модель себя» помогала нам.

Начнём с самого трудного и с самого важного – с успехов во всех наших делах. Ничто так не укрепляет веру в себя, как успех, удача, серьёзное достижение. Когда человек плохо учится, он становится проблемой для всех – для отца, матери, для учителей. Постепенно он привыкает смотреть на себя как на «проблему». Но никто из нас не «проблема», все мы обыкновенные люди и можем из всех затруднений выйти обычными человеческими способами. Просто нам надо для начала добиться хоть небольшого успеха. Он прибавит веры в свои силы, увеличит их, и мы сможем и дальше действовать лучше. Если в школе всё плохо, то совершенно не нужно – и даже вредно – стремиться к тому, чтобы сразу всё стало хорошо. Так не бывает, и, кроме разочарования, мы ничего не испытаем, только окончательно разуверимся в своих силах. Всё, что нужно, – маленький первый успех в трудном деле.

К счастью, есть надёжный способ достижения первого, но очень важного, внушительного успеха. Этот способ открыл донецкий учитель математики Виктор Фёдорович Шаталов. Для того чтобы ребята, даже самые отстающие в математике, могли добиться первого успеха, Виктор Фёдорович стал задавать на дом не одну, не две, не три задачи, как обычно, а... сто! Сто задач сразу!

Оказалось, что это не самый тяжёлый, а самый лёгкий урок.

Потому что учитель, разумеется, не требовал решения всех ста задач. Нет, говорил он, выбери сам задачу под силу и реши её. Хотя бы одну. Одну задачу из сотни найти можно, но когда решишь её самостоятельно, сразу прибавляются и силы, и опыт. Ведь есть ребята, которые и за всю школьную жизнь не решили самостоятельно ни одной задачи, всегда списывали. Конечно, им будет трудно найти свою первую задачу. Но трудно – не значит невозможно.

Опыт показывает, что таким способом постепенно все выучиваются решать задачи. Отчего же раньше не умели? Оттого, что боялись плохой отметки, заранее ожидали её и, чтобы избежать неприятностей, списывали решение у товарищей. В девяноста девяти случаях из ста решать математические задачи мешает не отсутствие способностей, а отсутствие знаний, опыта и, главное, главное – страх, неуверенность. Но мы боимся не того, что не решим (этого никто не боится), а последствий: насмешливых взглядов, ущемлённой гордости, плохой отметки.

Однако можно сделать так, чтобы никаких последствий от удачи или неудачи не было, чтобы мы остались с глазу на глаз с математикой, чтобы гордость не страдала даже в случае полнейшей неудачи!

Для этого просто надо решать незаданные задачи или представить себе, что мы учимся у Виктора Фёдоровича и получили на дом сто задач – выбирай любую, отметки всё равно не будет (отметок за решение задач Виктор Фёдорович не ставит, только проверяет работу).

Найдём задачу под силу, решим её – хорошо. Вот он, первый маленький успех.

Не решим – ничего страшного, никто не узнает об этом, да и не обязаны мы были решать.

Но на практике выходит, что незаданные задачи всегда почему-то решаются! И так постепенно развивается способность решать и более трудные задачи, в том числе и те, что задаёт учитель.

Вот как этот опыт проходил у Лены Казимирчук из Волгограда.

«Физику-то я понимала, – рассказывает она, – а вот задачи решать совершенно не могла. Они мне казались какими-то недостижимыми. Всё ждала того часа, когда меня вызовут к доске и я не решу лёгкую задачу. Так и жила. А сестра за физику, подумать над ней даже и не собиралась. И физика стала для меня самой большой неприятностью.

Потом я узнала об эксперименте «Учение с увлечением», мне стало стыдно за себя. «Эх ты, – думала я, – струсила!» Я купила

тонскую книжечку «Проверка знаний и умений учащихся по физике». Там были задачи. И трудные, и лёгкие. Сначала я повторила материал по учебнику. Затем принялась решать задачи с самого начала. Решила думать только над задачей, не отвлекаясь. Долго просидела, задачу решила, обрадовалась неописуемо. Пошла дальше, теперь стало легче. Раз одну решила, ещё решу. Если задачу не понимала, смотрела в решение, разбиралась. Так постепенно стала всё навёрстывать, даже увлеклась.

Теперь я физику люблю. Я поняла простую истину, что никогда не нужно убегать от неприятности, нужно смело бросаться ей навстречу. Большое спасибо за совет! Он так помог мне! Мне очень стыдно, что я раньше так глупо думала. По-моему, этот эксперимент мне удался, но он ещё и многому меня и научил».

Так и должно было случиться, так будет у всякого, кто возьмётся решать незаданные задачи. Обратим внимание на то, что Лена взяла задачи даже не из школьного задачника – настолько стремилась она поступать независимо, чтобы ничего не бояться! И вот – победа.

Ничто так не поддерживает веру в себя, самоуважение, как однажды побеждённый страх.

Ведь страх – это чувство, его нельзя победить умом, можно только чувством же. Каким? Яростью, страстью, злостью! Злостью на себя, за то что боишься, и на задачи – за то что не решаются. Взрослым людям отчасти легче, чем ребятам: у них есть профессия и профессиональные навыки. Им легче сохранить веру в себя. Школьнику же на каждом уроке приходится заново завоевывать веру в свои способности: и на математике, и на литературе, и на физкультуре.

И всё же успех в одной работе не проходит бесследно для другой. Большой успех на уроках математики придаёт уверенность и в других делах. Тому, кто страдает от неуверенности, стоит пересмотреть все свои занятия и подумать, а нельзя ли в каком-нибудь одном деле, на одном уроке, по одному предмету добиться большого, значительного успеха? Может быть, даже превзойти других ребят? Если совсем ничего не получается с математикой, может, приналечь на историю? Может быть, успех ждёт вас в мастерской, у токарного станка? В конструировании радиоприёмников? В баскетболе?

Один успех не заменяет другого, победа в баскетбольной встрече не снимает необходимости решать геометрические задачи, но она улучшает представление о себе и ведёт к новым удачам.

Второе слагаемое той суммы, которая составляет наше представление о себе, – отношение людей к нам. Если оно почему-либо неблагоприятно, если нас никто не любит, особенно те люди, которые нам дороги, в чьих глазах мы хотели бы выглядеть хорошо, нам очень трудно достичь уверенности. Но стоит поразмышлять и понаблюдать за людьми и за собой, как увидим: все люди вокруг нуждаются в нашем внимании к ним, в нашей любви, заботе, поддержке. Все: и папа, и мама, и учитель, и товарищи. Если перестать думать о том, как относятся ко мне, а больше думать о том, как я отношусь к людям, помогаю ли им, поддерживаю ли их, подбадриваю, укрепляю ли их веру в себя, то очень скоро эта вера в людей, которую мы рассеиваем вокруг себя, отражённо возвратится и к нам: отношение к нам переменится. Каким бы слабым ни чувствовал себя человек, если он окажет поддержку другому, он станет увереннее в себе.

Всё это очень сложные проблемы, мимоходом мы затронули самые сердцевинные трудности человеческой жизни. Конечно, те несколько слов, которые здесь сказаны, не могут убедить читателя. Но дело обстоит именно так: если случилось, что у меня враждебные отношения в классе, если меня не уважают или, кажется мне, даже презирают, то единственное, что я могу делать, это не усиливать враждебности, не регистрировать приметы дурного отношения к себе, а вообще перестать думать о том, как ко мне относятся, думать лишь об одном: кому и чем могу помочь я.

Иногда ребята, не встречая одобрения в классе, уходят душой во всевозможные компании – туда, где их поддерживают. Потребность в похвале, поддержке, одобрении так велика у человека, что иные из нас готовы слушать любого, лишь бы говорили нам что-то хорошее, лишь бы не потерять веру в себя. Постепенно такие ребята окончательно отрываются от школы, им становится всё равно, что о них в школе думают, у них теперь другие авторитеты, они нашли себе поддержку в другом месте. Так обычно происходит полный разрыв со школой: учиться становится совсем невозможно, появляются мысли о том, что учиться вроде бы необязательно, и человек бросает школу или ходит в неё только для видимости, только чтобы мама с отцом не ругали. Теперь уж никакого учения, а тем более увлечения учением быть не может: человек потерял ориентир в жизни.

Чтобы не случилось этой большой беды, будем добиваться одобрения, поддержки, хорошего отношения именно в школе, в училище, всюду, где люди учатся. Нам не нужна хоть какая-нибудь поддержка в жизни, мы не калеки и не маменькины

сынки, нам нужна поддержка умных и сильных людей, которые стремятся к знанию. Известно: «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты». Ещё точнее это правило можно сформулировать так: «Скажи мне, чьё одобрение тебе нужно, и я скажу тебе, кто ты».

Можно заметить, что отношения с товарищами, хоть они и чрезвычайно важны для представления о себе, не стоит так уж прямо переносить на дела учения. Да, когда поссорился с друзьями, или, того хуже, с целым классом, или с учительницей поссорился, очень плохо, в школу идти неохота. Но это как раз тот критический момент жизни, когда нужна вся воля, какая только есть, всё мужество, вся собранность: нельзя, чтобы из-за одного какого-то случая, из-за одной ссоры, из-за неудачно сложившихся отношений была поставлена под удар вся дальнейшая жизнь, вся судьба.

5

Насколько важно отношение ребят друг к другу, видно из следующего письма, автора которого я называть не стану:

«Я учусь в седьмом классе, в основном на 3 и 4. Я себя считаю человеком плохим и ни на что не способным. Учусь плохо. Силы воли у меня нет. В школу ходит – сплошное мученье. В классе я, наверно, самый последний человек. Я не могу ответить даже на самый простой вопрос. Даже когда меня принимали в комсомол, я не мог ответить нормально на вопросы, говорил только жалкие и глупые слова. Я не умею постоять за себя, не участвую в разговорах – боюсь неправильно выразить свои мысли, показаться смешным. Но всё равно это получается. Иду я, например, к доске и обязательно наступлю кому-то на ногу, свалю губку, начну её поднимать, она опять упадёт. А когда решаю примеры на доске, то все смеются. Разве не смешно, когда ученик седьмого класса не может сказать, сколько будет, если от 28 отнять 9, бросает мел и говорит, что не будет решать? Такой человек дурак, он не может оставаться в классе. Так мне и сообщают ученики...»

Прервём это грустное письмо. Оно показывает, что получается, когда люди в классе не заботятся друг о друге, не поддерживают в товарищах веру в себя. Ведь то, что для одних повод посмеяться (смешно – губка упала!), для других несчастье, глубокое и неизбывное. Но также обратим внимание и на другое. Даже судя по письму, автор его – человек грамотный, способный, тонко чувствующий. Он не неудачник, он придумал, что он неудачник. Например, он наверняка много читает (это

видно по стилю письма). Зачем же сосредоточиваться именно на неудачах? Упала губка так упала, это никакого отношения к личности человека не имеет!

Но мы уже перешли к третьему «слагасмому» – к умению правильно воспринимать и наши реальные успехи, и неудачи, и отношение других людей к нам. Этот важный механизм самооценки иногда нарушается, и тогда человек начинает думать о себе не то, что он есть на самом деле. Обычно тех, кто думает о себе слишком хорошо, называют воображаками: мол, воображают, что они лучше других. Но ведь и те, кто думает, что они хуже других, те ведь тоже воображают: на самом-то деле они не хуже...

Исследования показывают, что в каждом классе примерно девяносто процентов ребят недовольны собой, им кажется, что они в чём-то хуже других. Но кого – других? Не может же девяносто процентов класса быть хуже других! Это всё кажется, этого нет на самом деле.

Рита Литвинова из Воронежа, размышляя над проблемами «Учения с увлечением», предложила свой метод стать отличником. Она считает, что для этого надо «убедить себя в том, что ты не хуже других, что уж тебе-то пятёрку получить ничего не стоит и что ты не ленивый, не трус, а добросовестный человек».

Это в принципе правильно, но постоянно убеждать себя в том, что ты не ленив, значит, с такой же постоянностью напоминать себе о лени. Пожалуй, лучше принять формулу, известную уже давно: «Я хорош, но не лучше других».

Отчего так любят совсем маленьких детей, новорождённых? Не только потому, что они беззащитны и забавны. А потому ещё, что они лучше всех умеют быть такими, какие они есть, в них нет ничего наносного, никакого притворства, никаких «завихрений». Нет обмана, нет лицемерия – идеально честное и простое существо.

Однажды маленьких школьников спросили: «Кем ты хочешь стать и почему?»

«Я хочу быть самым собой, потому что я мальчик», – написал один.

«Я хочу быть самым собой, потому что я достаточно хорош», – написал другой.

Не изменять себе, не переделываться во что-то другое, а поверить в лучшее в себе (оно обязательно есть в каждом человеке!) и дать ему, этому лучшему, волю и свободу!

Строго по формуле: «Я хорош, но не лучше других».

В одной книге, посвящённой самовоспитанию, приведено «самообязательство» мальчика, Володи С.:

«Мои самообязательства. Воспитывать у себя волю, настоящую дисциплинированность, принципиальность. Хорошо вести себя на уроках, не получать ни одного замечания. Всегда аккуратно дежурить по классу, выполнять домашние задания, даже если это неинтересно и я знаю, что учитель не спросит. Обязательно выполнять свои самоприказания. Систематически заниматься спортом, помогать дома по хозяйству, выполнять режим дня. Ответственно выполнять общественные поручения, перебороть плохую привычку подсказывать на уроках; прямо критиковать плохо ведущих себя на уроках товарищей, всегда выполнять своё слово».

Программа поучительная во всех отношениях.

Как видно, человек решил сразу всего себя переделать. Если он выполнит своё «самообязательство», то через день, через месяц или через год перед нами будет совсем другой человек, совершенно не похожий на нынешнего Володю С.

Каждый поймёт, что это невозможно хотя бы потому, что программа слишком велика, не под силу и человеку с железным характером.

Но программу нельзя выполнить ещё и потому – и, пожалуй, именно потому, – что она вся обращена в прошлое. Глаголы поставлены в будущем времени (слово «буду» предполагается перед каждым пунктом), а сам Володя смотрит в своё прошлое.

Плохо себя вёл на уроках? Буду вести хорошо.

Получал замечания? Не буду получать.

Не всегда аккуратно дежурил по классу? Всегда аккуратно буду дежурить, и так далее.

Тем самым он вынуждает себя помнить о своих ошибках, их держать в уме и всё время будет спотыкаться о них точно так же, как неопытный велосипедист наезжает на дерево, стараясь объехать его. Все цели Володи – отрицательные, все построены на ошибках и недостатках и он не сможет выполнить своего «самообязательства». И чем больше он будет прикладывать сил, тем меньше будет успех.

Между тем многие ребята, подобно Володе, стараются или обещают другим «исправиться». Так и думают, что воспитывать себя – значит, исправлять свои недостатки. А не лучше ли подумать о том, какие есть у нас достоинства, и их развивать, их усиливать? Тогда недостатки сами собой потускнеют и не надо будет их «исправлять».

Не оглядываться в прошлое, а смотреть вперёд; вспоминать

из прошлого не поражения свои и неудачи, а успехи; держать в уме успехи, видеть их как цели. И так, постепенно, стремясь к чему-то лучшему, самому становиться лучше и лучше.

В нашем организме заложено стремление к выживанию, к успеху, к победе; доверимся этому стремлению, и оно обязательно вывезет нас.

ОПЫТЫ НА СЕБЕ

Эту серию опытов стоит проводить лишь после серьёзного размышления о своём характере и только в том случае, если мы придём к выводу, что именно неуверенность, а не что-то другое мешает нам хорошо учиться. Тогда надо подготовиться к долгой борьбе за обретение веры в себя. И кончится она победой, это непременно.

Начнём с того, что постараемся добиться успеха именно в том деле, которое у нас не получается, доставляет много хлопот и вызывает страх. Зададим себе дополнительную работу, будем решать задачи или делать упражнения без отметок. После двух-трёх недель таких «бесстрашных» занятий должно наступить улучшение. Но это пока только гипотеза, на опыте её почти никто не проверял.

Если мы очень стесняемся отвечать у доски, попросим учителя некоторое время спрашивать с места, а к доске вызывать тогда, когда хорошо подготовимся. Учитель пойдёт нам навстречу, потому что мы плохо отвечаем не от незнания, а от стеснения.

Отношения с людьми обычно не складываются у тех, у кого нет друзей. Постараемся подружиться с кем-нибудь в классе. Не будем бояться выглядеть навязчивыми, бояться, что о нас подумают плохо. Лучший способ найти друга – прийти человеку на помощь, пусть в самом простом деле. Нам легче будет сойтись с ребятами, если есть возможность приглашать их к себе домой: дома человек всегда чувствует себя увереннее. Многие ребята обретают веру в себя, когда поработают водителями в младших классах.

И заставим себя не избегать никаких состязаний и соревнований! Для нас они – лекарство, хотя на первых порах и не очень приятное. Спартакиада ли, олимпиада ли в школе или в городе – обязательно будем стремиться попасть на соревнования, не думая о результатах. Лучше пойти на олимпиаду по математике и занять последнее место, чем вообще не ходить на неё. Словом, будем смело лезть в гущу всякого состязания. Это один из надёжных путей укрепления характера.

Из города Молодечно пришло письмо: «Я не могу решать по арифметике трудные задачи и сразу начинаю реветь, потому что они у меня не выходят».

И из Саратова: «Когда открываю задачник и прочитаю задачу, то у меня такое чувство, что я её не решу. И начинаю плакать. С пионерским приветом...»

А чего плакать? Чего реветь? Собрёмся с духом, подумаем над задачей хорошенько, не испугасмся её – и решим. Арифметические задачи – хорошие пилюли от слабоволия.

Глава 6 • УМСТВЕННЫЙ ТРУД

1

Мы прошли через сложные сферы человеческой психики – сферы воли и чувства, немножко научились разбираться в них, поняли, как они «устроены» и «работают», научились управлять ими – управлять собой. Теперь мы выходим в мир мысли, знания, творчества, подбираемся к тому, ради чего, собственно, и приходится стараться заинтересовать себя, прилагать усилия воли, приобретать уверенность в себе, ради чего мы тратим время на уроки. Мы подходим к главному в учении – к умственному труду, направленному на приобретение знаний и умений. Мы должны понять, что же это значит – трудиться умом, и как это делать лучше, чтобы наш умственный труд приносил больше результатов и удовлетворения.

До сих пор мы часто употребляли слово «работа». Мы говорили о том, как сделать работу интересной, как заставить себя взяться за дело, как поставить цель. Но это относилось ко всякой работе вообще, будь то изучение физики, или копанье канавы, или работа на станке: на все виды работы у человека одни правила увлечения.

Однако в каждом деле свои секреты, и каждая работа обладает своей особой, притягательной силой, надо только уметь обнаружить её, эту силу, вызвать её к жизни и подчиниться ей. Надо очень хорошо знать её секреты, владеть ими, то есть работать сознательно, профессионально.

Умственный труд – самый сложный вид деятельности человека. Он особенно сложен потому, что происходит невидимо, неслышно, неосознано. Когда преподаватель учит работать на станке, он показывает: «Возьми деталь так... закрепи её так...» И каждый своими глазами видит, как взять и как закрепить. Мы повторяем

операцию, учитель тоже видит, что мы делаем, и имеет возможность поправить: «Нет, не так берись, а вот так».

Но вот мы решаем задачу у доски и не можем решить. Учитель говорит: «Ну думай, думай, думай же!» А что это значит? Что именно надо делать? Учитель показать этого не может, он только повторяет: «Думай, соображай!» Мы стоим и соображаем, но никто в целом мире не сказал бы, думаем ли мы в этот момент или мечтаем о мороженом, и если думаем, то правильно или неправильно, и если неправильно, то в чём именно мы ошибаемся. Никто не может влезть к нам в голову и понаблюдать происходящее в ней.

Научить думать – самая трудная задача учителя. Научиться думать – самая трудная задача ученика. Все неприятности в школе, всё нежелание учиться, все плохие отметки – всё происходит большей частью оттого, что мы или не умеем думать, или, чаще, не хотим думать, потому что думать тяжело. Умственный труд тяжелее физического, человек быстрее устаёт, да и результаты не всегда налицо.

Когда копают канаву или точат детали, то хорошо ли мы работали, плохо ли, а всё же что-то сделали, что-то есть после нашей работы, что-то изменилось. Но можно продумать день, два, три, год и ничего не придумать, всё впустую, словно и не работал, не трудился. Можно просидеть над задачей три часа и не решить её, так что начинает казаться, что и нечего было сидеть. Умственный труд, в отличие от физического, часто не приносит никаких результатов, несмотря на все наши старания и даже несмотря на умение. Конечно, школьный умственный труд не бывает слишком тяжёлым. Учителя выбирают такие задания, чтобы они были по силам неокрепшему уму, чтобы их можно было выполнить. Для каждого возраста, для каждого класса – свой потолок трудности. Но некоторые ребята не выдерживают и этой небольшой нагрузки и, ещё не успев надорваться, перестают думать – перестают заниматься умственным трудом. Они ходят в школу, что-то отвечают, что-то делают, но каждый раз, когда надо приложить умственные усилия, они пасуют. Или списуют задачку, или ещё как-нибудь обойдутся. Постепенно они совсем отвыкают думать, и вот тогда-то учение и становится настоящим мучением, адом. Учение без умственного труда, без думания, невозможно. Оно нестерпимо скучно.

А кто постепенно разовьёт в себе это главное человеческое умение – умение думать, кто приучит себя думать, у кого появится лучшая из лучших привычек – привычка всегда, постоянно думать, тот будет учиться с увлечением. Потому что

умственный труд, как никакой другой, сам в себе таит радость и обладает замечательным свойством: чем больше работаешь умом, тем больше работать хочется.

2

Самые первые знания о мире человек получает с помощью органов чувств, в ощущениях. Человек видит, слышит, нюхает, пробует на вкус, осязает – трогает рукой, ощупывает. Это всё ощущения. Я никак не могу вам объяснить, какой цвет красный, если вы никогда не видели, не ощущали красного цвета. Весь материальный мир, все предметы, всё в природе, всех людей и животных – всё мы можем ощущать: видеть, или слышать, или чувствовать обонянием. Есть много материальных явлений, которых мы не видим, не слышим и не осязаем, например, атомы, молекулы или электромагнитные колебания. Но, по существу, мы тоже видим их, только с помощью приборов: учёные видят отклонения стрелок или кривую линию, вычерченную прибором самописца, или по каким-то другим следам. Всё материальное, существующее вне нас и независимо от нас, всё, что существовало и будет существовать, даже если бы нас не было, – всё в той или иной форме, непосредственно или с помощью приборов, в принципе можно (или когда-нибудь станет возможным) ощущать.

Ощущения – основа наших знаний о мире. Если бы мы не ощущали, не имели такой способности, если бы у нас не было органов ощущения (органов чувств), мы не знали бы о мире ничего, не знали бы о его существовании, не знали бы даже о том, что мы сами существуем. У нас не было бы никаких знаний вообще и не было бы сознания – мы не были бы людьми и даже вообще не были бы живыми существами: мы были бы камнем или куском железа. Только ощущения, которые доставляются нам с помощью органов чувств, связывают нас с миром; на них, из них и строится всё наше знание о мире, о людях, о себе. Чем больше человек ощущает, то есть чем больше он видит своими глазами, чем больше он слышит своими ушами и так далее, тем богаче его внутренний мир, тем легче приобретает он знания.

Но ощущения живут только в то время, пока то, что мы ощущаем, действует на органы наших чувств. Я ощущаю кошку, пока я вижу её или слышу мяуканье. Но стоит кошке убежать или стоит мне закрыть глаза, убрать руки за спину и отойти от кошки, я мгновенно перестаю ощущать её.

Но зато я могу её представить себе! Я могу закрыть глаза, заткнуть уши, зажать нос, с головой завернуться в толстое

одеяло – всё равно мне ничего не стоит представить себе всё то, что я когда-нибудь ощущал, то есть видел, слышал, осязал, нюхал, пробовал на вкус.

То, чего я никогда не ощущал, я тоже могу представить себе – это и называется фантазией. Но и фантазия моя, если разобраться, составлена из того, что я ощущал. Представьте себе, например, костюм фербенковского цвета. Ну попытайтесь представить!

Никому из читателей это не удастся. Я только что выдумал этот цвет, его никто не мог видеть, и потому не может представить. Фантазия работает только на известных ощущениях. Но если я скажу, что фербенковский цвет – это очень мягкий сине-зелёный тон, но при некотором старании вы представите его, потому что вы ощущали и синес, и зелёное, и мягкое. Остальное сделает фантазия.

Мир ощущений – яркий и сильный мир. От этого мира нам больно, сладко, горько. Это очень богатый, разнообразный мир, и в то же время он очень ограничен: нельзя, невозможно ощущать одновременно вещи, которые разделены между собой пространством и временем. Пока я нахожусь в классе, я могу ощущать только то, что есть и происходит именно здесь, в этих четырёх стенах, и лишь то, что происходит сейчас, сию минуту. Стёрли с доски запись, и я больше не могу ощущать её, я могу только представлять её себе, видеть в уме. И уж подавно не могу я ощущать то, что было сто лет назад или будет через тысячу лет, и не могу ощущать того, что происходит в это мгновение в Африке или даже в соседнем классе. А представить себе могу! Всё что угодно могу, а вернее сказать, не всё что угодно, но всё то, что я когда-то ощущал. Представление – это память об ощущении, это наше воспоминание о том, что мы видели, слышали, осязали. Ощущать можно лишь маленький кусочек мира, а представлять – весь мир сразу. Есть люди, которые живут по преимуществу одними ощущениями: в их сознании лишь то, что непосредственно находится перед ними, что они сейчас видят, слышат, могут потрогать, понюхать, лизнуть. Это бедные люди, у них очень ограниченный мир, и он мелькает перед глазами, не оставляя следа, не оставляя представлений и не развивая способности к представлению.

Мы видели, что было бы с человеком, если бы у него не было способности ощущать: он превратился бы в минерал или в газ, в нечто неживое. Теперь вообразим, что было бы с человеком, если бы у него не было способности воспроизводить в памяти прежние свои ощущения, если бы он не мог представлять. Он знал бы только о тех предметах, которые ощущаются лишь мгновенно, сразу, и не мог бы сопоставить два предмета между

собой, если они разделены временем или пространством, не мог бы ничего знать о психической жизни других людей, потому что её нельзя непосредственно ощущать, не мог бы уловить смысла слов, потому что смысл слова доходит до нас уже после того, как слово прозвучало. Всё прошлое и всё будущее было бы скрыто для такого человека, он стал бы рабом мимолётных ощущений и никогда не мог бы узнать ни сути явлений и предместов, ни их назначения. Мир состоял бы для него из неясных пятен, непонятных шумов и звуков, из твёрдых, мягких, гладких, шероховатых, кислых или сладких предместов туманного происхождения, назначения, свойства.

Короче говоря, человек не был бы человеком, несмотря на то, что имел бы все органы чувств.

Но человек стал человеком, потому что постепенно научился делать орудия труда, от простейших каменных резцов и топоров до новейших и сложнейших станков. А чтобы сделать даже самое простое орудие, надо сначала представить себе, каким оно будет, надо иметь способность представлять. Причём сама эта способность развивалась по мере того, как орудия труда становились всё сложнее и сложнее. Можно сказать, что природа создала способность к представлению. Но можно сказать, что человек в труде и в общении сам научился представлять себе предметы и явления, которых нет непосредственно перед ним.

Современная жизнь даёт необычайно богатые возможности для представлений. На экране кинотеатра и телевизора, из динамиков радио и магнитофонов мы можем увидеть и услышать тысячи вещей, которые в прошлом веке обычный человек никогда не мог бы представить себе. Сознание наше расширяется, внутренний мир становится неизмеримо богаче. И в то же время телевизор у какой-то части людей уменьшает способность к представлениям. Человек смотрит на экран и переживает всё то, что он видит непосредственно, что происходит перед глазами, и так часами и часами. Лишь только экран погас, в голове ничего нет, никаких представлений, никаких воспоминаний. Представления не всегда возникают сами по себе, чаще всего нужна некоторая работа (её уже можно назвать умственным трудом), чтобы удержать в голове виденное и слышанное, снова «прокрутить» в сознании образы, которые прошли перед нами. Без этой работы, без этого усилия сидение перед экраном просто щекочет нервы, доставляет удовольствие, но всё остаётся на уровне ощущений, то есть на дочеловеческом уровне. И способность к представлению не развивается (хотя человек очень много видит и слышит!), а заглушается именно потому, что человек очень много видит и слышит и ограничивается этим. Собственно, для того мы и ходим в школу, учимся, чтобы

получить много представлений о самых разных вещах, с которыми мы никогда не столкнулись бы, если бы провели свою жизнь не участвуя, в замкнутом, узком мире повседневных дел и работ. Учитель прилагает массу стараний для того, чтобы мы могли своими глазами увидеть все эти вещи: он приносит в класс карту, модель, прибор, показывает опыты. Он старается рассказывать ярко, чтобы то, что мы не можем увидеть, мы могли представить себе. И на следующем уроке он вызывает нас к доске и спрашивает, не из любопытства спрашивает, не для того, чтобы поставить отметку, а для того, чтобы побудить нас поработать головой, представить себе всё то, что мы видели и слышали в классе, и тем самым развить нашу способность к представлению. Учитель постепенно, из года в год, одаряет нас одним из самых больших богатств, которые только могут быть у человека, – способностью к представлению. И если мы сопротивляемся этому, если мы вместо работы ума просто заучиваем слова, напечатанные в учебнике, даже и не пытаемся представить, что кроется за словом, не создавая в уме никаких картин, то мы этот труд учителя превращаем в ничто и сами выходим из школы пострадавшими – выходим людьми с очень узким кругом представлений и очень низкой способностью представлять.

К этому стоит добавить, что учить бессмысленный текст (для нас бессмысленный) очень скучно, а вот представлять себе всё то, что кроется за каждым словом, каждым предложением, – одно из самых увлекательных занятий.

3

Для лучшего понимания этих трудных вещей всё здесь было описано не совсем так, как оно есть на самом деле. Теперь можно приблизиться к более точной картине.

Первую поправку мы должны внести вот какую. Ведь на самом деле мы почти никогда не ощущаем предметы так, словно мы прежде никогда ничего не видели и не слышали. У каждого из нас есть более или менее развитый мир представлений, и когда мы что-то видим или слышим, то весь этот набор прежних ощущений и представлений сам собою действует. Поэтому мы получаем не просто отдельные ощущения (запах, вкус, звук), мы каждый предмет воспринимаем целиком и по-своему, в зависимости от того, насколько богат наш внутренний мир представлениями. Два человека смотрят на машину. Глаза у них устроены одинаково, у обоих хорошее зрение. И смотрят они на машину одно и то же время, скажем, минуту. Но один за эту минуту увидит только очертания машины, её цвет, размеры, внешнюю красоту. А другой заметит и марку, и мощность мотора,

и особенности устройства – и всё с одного взгляда. Ощущают два человека машину одинаково, а воспринимают – по-разному.

И так во всём. По-разному – в зависимости от наших знаний и развития – видим мы картины на выставке, и солнце в небе, и мебель в комнате, и людей. Для каждого другой мир, потому что каждый воспринимает его по-разному, в зависимости от того, какой мир содержится в нём самом, в его душе, как много видел он прежде, воспринимал прежде, учился, работал, думал. Ведь и все наши органы чувств – ухо и глаз в первую очередь – существуют не в том виде, в каком их создала природа, они развиты самим человеком в процессе его деятельности. Для того чтобы производить орудия труда и потом работать с этими орудиями, нужно было научиться различать именно то, что сейчас умсет различать наш глаз и рука. Для того чтобы говорить и слушать говорящего, ухо наше должно было научиться различать отдельные звуки и интонации. В незнакомой речи на чужом языке вы не можете различить слов. Для того, кто говорит только по-русски, высота тона в слове не имеет значения, и потому наше ухо не различает тонов в речи. А для вьетнамца, например, от высоты тона зависит смысл слова, и он различает тона, хотя и у русского, и у вьетнамца ухо устроено одинаково.

Обучаясь в школе, сталкиваясь со множеством предметов и явлений, мы обостряем нашу способность к восприятию, мы начинаем постепенно воспринимать вещи не такими, какими их просто видит глаз, а гораздо богаче, сложнее, и мир предстаёт перед нашими глазами сложным, ярким, многокрасочным, богатым смыслом. Всё, что умсет человек вообще – не как отдельный человек, а как человек из человечества, – всё становится доступно и нам, и так мы приближаемся к тому, что можно вообще назвать человеком. Человек не тот, у кого есть глаза да уши, человек тот, у кого развитый глаз и развитый слух, кто способен воспринимать мир и каждое явление мира во всей его сложности, кто не просто ощущает действительность, а воспринимает её во всей полноте и точности. Человек тот, кто много учился и работал и в этих занятиях выработал способность к точному и полному восприятию мира. А тот, кто учился мало и плохо, даже и не подозревает, каких богатств он лишён.

Ощущения, как известно из учебника зоологии, есть и у дождевого червя: он чувствует прикосновение к телу, чувствует вкус пищи, различает свет и тьму. Неразвитый, необразованный, малознающий человек тоже ощущает мир, но воспринимает его самым примитивным образом. Он может быть даже и счастлив (дождевые черви тоже, вероятно, по-своему счастливы), но он не знает счастья быть развитым человеком.

Так от примитивного ощущения мы переходим к сложному восприятию мира. А от простого, житейского представления? От представления – к научному понятию.

Мы говорили о том, как беден был бы человек, если бы у него не было способности к представлениям, если бы он не умел представлять себе явления в своём сознании.

Но жить, но действовать, но преобразовывать мир, имея одни только представления, одну только память о виденном и слышанном, невозможно. Человек познаёт свойства и закономерности мира, учится подчинять себе мир тем, что постигает его сущность, старается не только представить себе мир, но и понять его – создаёт понятия о мире.

Каждый ребёнок представляет себе, что такое твёрдое тело, и отличает его от мягкого и жидкого. Он видал и трогал камни, куски железа, трогал стенку и машину во дворе и знает, что если в твёрдое ткнуть пальцем – больно. У каждого ребёнка есть не только представление о камне или металле, но и понятие о твёрдости. Таких простых житейских понятий огромное множество у всех людей, даже у тех, кто никогда не учился. Но вот человек идёт в школу, доучивается до шестого класса и узнаёт на уроке физики, что главное свойство твёрдого тела – сохранение объёма и формы. А в седьмом классе он узнаёт, что твёрдыми телами называются тела, которые имеют кристаллическое строение. Он получает научное понятие о твёрдом теле и великое множество других научных понятий в самых разных областях жизни – от зоологии до литературы.

Научное понятие отличается от житейского не тем, что оно «точнее», или «яснее», или «правильнее»: оно принципиально другое, оно по-другому образовано, по-другому появилось на свет, не так, как житейское. Житейские понятия постепенно вырабатываются у человека, когда он сталкивается с похожими друг на друга вещами и начинает замечать общее между ними. Он видит блин, сковородку, колесо, подсолнух, солнце и получает понятие о круглом. Блин и солнце объединяются в его сознании тем, что оба эти «предмета» кажутся круглыми, хотя на самом деле блин – плоский, а солнце – шар и хотя между солнцем и блином ничего общего нет. Научные же понятия возникают в результате глубокого, долгого изучения учёными сущности вещей, их изменения и развития, их отношений между собой. Чтобы возникло научное понятие о твёрдом теле как теле кристаллическом, нужно было долгое развитие науки, борьба мнений и учений, сложнейшие многократные эксперименты. Каждое научное понятие, даже такое простое, как понятие

о твёрдом теле, заключает в себе огромной сложности путь, пройденный всем человеческим познанием. Пока отдельный человек живёт понятиями, которые он сам выработал в своём собственном опыте, он ещё не человек в полном смысле этого слова, его сознание ещё не отражает всего пути развития человечества, его сознание беднее бедного. Но когда он начинает учиться в школе, он приобретает научные понятия – то есть понятия, отражающие опыт и мысль всего человечества. Он приобщается к человечеству, начинает мыслить общечеловеческими понятиями и, главное, научается оперировать этими общечеловеческими, научными понятиями – начинает мыслить так, как свойственно мыслить людям.

На первый взгляд дело обстоит просто: значит, надо выучить, запомнить, что твёрдое тело – кристаллическое, что постоянные ветры, дующие от поясов высокого давления к экватору, – это пассаты, что отношением одного числа к другому называется частное от деления одного числа на другое, что однородными членами предложения называются члены предложения, соединённые между собой сочинительной связью, и так далее, и так далее...

Но в том-то и особенность научных понятий, что их практически невозможно выучить наизусть, зазубрить. На этом и спотыкаются многие ребята, потому у них учение идёт плохо, не вызывает никакого интереса. Научное понятие, даже если его получаешь из рассказа учителя или из учебника, то есть в готовом, казалось бы, виде, всё равно требует работы ума, похожей на работу всех тех учёных, которые создавали понятие. Чтобы получить понятие об окружности, мало сравнить между собой блин и солнце, надо мысленно взять циркуль и провести окружность так, чтобы понять, что все точки её равно удалены от центра, от ножки циркуля.

Понятия вырабатывались людьми в процессе труда, деятельности, когда люди пытались делать те или иные вещи. И в голове каждого человека понятие отражает весь этот процесс труда, оно отражает происхождение вещей, оно и есть мысленное создание всех вещей и явлений. Если бы люди только глядели на мир любопытным взглядом, только созерцали его, они никогда не выработали бы научных понятий. Но люди действовали, производили вещи, мастерили, пытались подчинить себе различные материалы, учились ковать и лить металлы, выращивали новые растения, обрабатывали дерево, боролись с болезнями – и во всех этих трудах вырабатывали научные понятия, наиболее точно отражающие суть вещей, их происхождение и развитие. И каждый раз они старались в сознании своём ухватить эту суть, проследить это развитие, отвлечься (говорят – абстрагироваться) от случайных

примет и признаков, выбрать из миллионов признаков каждого предмета самые главные, неизменные, определяющие его развитие – и каждый раз они в голове своей воспроизводили эту суть предметов в её развитии, то есть понимали явление, то есть создавали понятие. Каждый раз они в голове своей, в сознании, за малые доли секунды и даже не замечая этого, воспроизводили весь процесс выработки понятия и закрепляли его в одном слове (пассат, отношение), выражении (однородные члены, твёрдое тело), или в схеме (чертёж машины, схема внутреннего строения майского жука, схема отношения между членами предложения), или в модели.

Когда я говорю, что твёрдое тело – это тело кристаллическое, я фактически создаю в уме не представление о твёрдом теле в житейском понимании его, то есть я не представляю себе кусок камня или железа, а мгновенно создаю в уме модель твёрдого тела – вижу кристаллическую решётку, которую очень трудно нарушить именно потому, что это решётка; вижу, в каком отношении находятся между собой молекулы и атомы, и понимаю, что надо сделать, чтобы твёрдое тело перешло в жидкое состояние, а затем в газообразное. Точнее говоря, ничего этого я не вижу, но в моём сознании возникает точная модель твёрдого тела, которую, если мне нужно, я могу и рассмотреть внутренним своим взором и исследовать. Теперь, для того чтобы сказать что-то существенное о физике твёрдого тела, мне можно и не подходить к микроскопу: если у меня достаточно знаний, я могу мысленно, теоретически исследовать эту модель, высказать какие-то новые предположения в строении твёрдого тела и потом попросить экспериментаторов проверить мои предположения на опыте. Я могу заниматься теоретической деятельностью, то есть оперировать не вещами, а мысленными моделями вещей – моделями, которые отражают характерные свойства вещей и находятся в моём сознании.

Теоретическая деятельность, работа с мысленными моделями и изучение свойств и законов мира – это и есть мышление. Действовать с вещами в какой-то степени может и животное, но к теоретической деятельности оно не способно ни в коей мере: никакое животное не умеет оперировать мысленными моделями. И человек ни за что, никаким способом не может научиться теоретической деятельности, если он не учился (в школе или сам), не умеет вырабатывать понятия, создавать мысленные модели вещей и явлений и оперировать этими моделями. Но пока человек хоть в какой-то степени не научится теоретической деятельности, не научится вырабатывать понятия, не выработает их в достаточном количестве, не научится сопоставлять, сравнивать, изучать мысленные модели действительности, до

тех пор он и не совсем человек, не в полном смысле человек, потому что он не обладает важнейшей способностью человека – мыслить в научных понятиях. Эта способность легче всего и естественно развивается в школе.

Человек должен учиться потому, что он человек: не учась, он не в состоянии приобрести важнейшие человеческие качества. Потому наше государство и отдаёт столько средств и сил, чтобы предоставить каждому возможность долго и хорошо учиться в школе: цель нашей страны не только производство вещей, не только материальное благосостояние людей (без него, разумеется, не может быть и духовной культуры), но, главное, развитие самих людей, их высших способностей. Приближение каждого человека к Человеку. Способность мыслить непременно нужна людям всех профессий, на всех работах, потому что без неё человек не может проявить себя как человек. Только способность и возможность мыслить приносит человеку человеческое удовлетворение, приносит радость, помогает трудиться долго и упорно и при этом чувствовать себя человеком, чувствовать свою связь с народом и человечеством.

5

Теперь мы можем точнее представить себе, что же происходит в нашем сознании, в нашей голове, когда мы учимся, познаём мир, какая цепочка выстраивается:

ощущение – память о нём, то есть представление – обогащённые представлениями восприятия – память о них, знания – ещё более богатые восприятия и представления – простые житейские понятия – затем скачок, который невозможно сделать без школы, скачок к научному понятию – память о них – и ещё более сложное, на понятиях основанное восприятие мира – и ещё более сложные представления, ещё более сложные знания (представления и понятия).

Вот, следовательно, что такое знания: набор сложных представлений и научных понятий, умение создавать их в сознании и пользоваться ими для развития знания и для практической деятельности. Знаний без умений обращаться с ними не бывает, и умственных умений без знаний тоже не бывает, неоткуда им появиться.

Знания невозможно приобрести без усилий мысли, без умственного труда, но и само мышление невозможно без знаний.

Что такое мысль? Мысль невозможна без вопроса. Путь от вопроса к ответу – это и есть мысль. Вырабатываем понятие – значит, стремимся ответить на вопрос, «что это такое»,

и ответить точно. Решаем задачу – значит, есть вопрос, заложенный в задаче, и мы стремимся ответить на него, думаем. Думать без вопросов невозможно. Когда человек идёт по улице и мечтает о том, как будет хорошо, если его сегодня не вызовут, то хотя его и могут спросить: «О чём ты задумался?» – вопрос этот будет не совсем правильный, потому что человек наш вовсе ни о чём не думал, он мечтал, а это совсем другое дело, другое занятие. Многие люди проводят большую часть времени в мечтах, и не так уж многие способны постоянно думать, то есть искать ответы на вопросы, причём на ценные, важные для человека вопросы, и при этом оперировать не житейскими представлениями, а научными понятиями. Когда человек много думает, у него возникают новые вопросы – и это, может быть, самое ценное. Вопрос иногда бывает ценнее ответа.

Школа заставляет нас именно думать и тем самым учит думать, потому что научиться думать можно только на практике, только думая над многими научными вопросами. В учебнике географии сказано: «...У поверхности Земли из областей высокого давления воздух направляется к экватору и в умеренных широтах (подумайте, почему?)». Так и написано: «Подумайте, почему?». Но эти слова можно было бы поставить после любой фразы в любом учебнике: подумайте, почему!

Чтобы найти ответ, нам надо знать всё, что прежде проходили в школе, и приложить усилие мысли, то есть найти ответ. Но на пути мысли как учёного, так и школьника всегда стоит барьер. Если бы его не было, мысль текла бы легко и свободно, никакого усилия не надо было бы, никакого умственного труда бы не существовало. Но всегда есть барьер, и всегда есть такой миг, который очень трудно описать, над пониманием которого бьются много лет учёные и который как бы ускользает от нас: драгоценный миг рождения догадки, нахождения ответа, миг рождения мысли. Перепрыгивание через барьер. Для перепрыгивания через барьер на стадионе нужна определённая сила, нужен определённый навык и нужна храбрость: если одного из этих качеств нет, то не перепрыгнешь ни за что. И точно так же для рождения мысли. Чтобы появилась мысль, нужна «сила», то есть знания, нужны навыки и нужна храбрость, уверенность в себе, которая сама приходит к тому, кто часто задумывался над разными вопросами и знает, что стоит как следует подумать, потолкаться мыслью в разные возможные ответы, как вдруг с необычайной ясностью возникает в голове истинный, красивый ответ, и вместе с ним возникает прекрасное чувство облегчения, радости и гордости. Так человек испытывает радость умственного труда.

Но что это конкретно значит – действовать в уме с мысленными моделями? Как именно действовать?

На такой вопрос в этой книге ответить невозможно. Пришлось бы переписать, по сути, все школьные учебники. Потому что в каждой науке – свой набор умственных операций. Для того и проходят в школе разные предметы, чтобы научиться всем этим действиям. Нелепо говорить: «Мне зоология не нужна». Зоология, быть может, и не будет нужна, но те умственные операции, которым мы обучаемся на зоологии, необходимы.

Из многих умственных операций, какие только вообще могут быть, остановимся только на одной, потому что овладеть этой операцией в совершенстве – значит научиться учиться. Эту операцию можно назвать так: узнавание, опознание.

...Одного ученика спросили: почему танк может идти по глубокому снегу, а собака не может?

Ученик думал, думал, наконец обиженно ответил:

– А собака вообще никакого отношения к физике не имеет!

Это классический пример неумения применять знания на практике, пример формального знания. Ученик знал, что давление равно силе, делённой на площадь той поверхности, на которую эта сила действует перпендикулярно. И если бы его спросили, почему не проваливается лыжник, он, возможно, ответил бы. Пример с лыжником приведён в учебнике физики. Но танк? Но собака? Про собаку в учебнике ничего не сказано – «это мы не проходили, это нам не задавали...».

Три четверти – а может, и больше! – всех школьных затруднений выражают такими словами:

Знаю правило, но не умею применять! Знаю геометрию, но не умею решать задачи! Знаю грамматику, а пишу с ошибками!

Сложность заключается в том, что в жизни – там, где приходится решать практические задачи вроде задачи про танк и собаку, – в жизни правила существуют в скрытом от глаза, изменённом виде. В задаче про танк и собаку надо было увидеть другую, знакомую и простую задачу расчёта силы давления. Но ученик этой знакомой задачи не узнал, а стал, видимо, вообще размышлять о танках и собаках – размышление заведомо бесплодное.

Что значит «применять правило»? Это значит обнаружить тот случай, когда его можно безошибочно применить, и дальше действовать по правилу. Трудность не в том, чтобы знать правило, – это легко, и не в том, чтобы действовать по правилу, – это тоже легко, это работа памяти. А вот знать, где правило

«работает», увидеть в новой задаче старую, увидеть в вопросе возможность применить какое-то из известных правил – вот в чём главная трудность! И про того, кто не справляется с ней, говорят, что он не умеет применять знания на практике, а правильнее было бы говорить, что у него нет знаний. Ибо путь к знанию не кончается с выработки понятий, а только, по сути, начинается: от общего понятия теперь надо подниматься к множеству конкретных случаев и явлений жизни, потому что в жизни существует только конкретное. В жизни есть танки, собаки, мальчики на лыжах и без лыж, но никто ещё не видел, чтобы по снегу ползла формула давления. И всё-таки она, эта формула, есть, она незримо действует всюду, где есть давление, и всюду надо научиться её распознавать, несмотря на то, что она каждый раз выступит в другом обличье: то мальчиком, то танком, то собакой.

Каждое понятие, каждую формулу, каждое правило можно сравнить с человеком, с которым ты когда-то был знаком и который время от времени появляется в толпе незнакомцев, но каждый раз переодевается: наклеивает усы или бороду или красит волосы. Узнать его очень трудно! Единственный способ справиться с этим «злодеем» состоит в том, чтобы каким-то образом почаще встречать его, и встречать именно в новых, неожиданных ситуациях. Надо на практике привыкнуть к его немыслимому коварству и быть готовым к встрече, чтобы вовремя воскликнуть: «А, вот ты кто! Я тебя знаю!»

Море фактов перед нами – как толпа людей в огромном городе. Все они выглядят новыми, незнакомыми, чужими. Но приглядимся внимательно! Почти в каждом факте кроется что-то знакомое, что-то такое, что «проходили» и что «задавали». Кто легче узнаёт знакомое в незнакомом?

Тот, кто твёрже знает главные приметы «злодея» – главные пункты и части правила.

Тот, кто чаще с ним встречается.

Тот, у кого тренировкой развит острый взгляд.

Чтобы преодолеть трудность «знаю, но не умею», или, иначе говоря, для того чтобы научиться узнавать знакомое в незнакомом, общее – в конкретном, выход один: больше работать над выработкой понятий, выводением правил и формул, делать как можно больше сложных и разнообразных упражнений, в которых знакомые правила «неожиданно» выныривают в самых невероятных условиях, потом исчезают надолго и вновь появляются, когда вовсе не ждёшь их, когда уже и забыл про них. Но мы должны быть готовы к встрече. И вот в этих-то столкновениях и развивается острый взгляд, способность к пониманию сути вещей, развивается ум, и постепенно становится

всё легче и легче опознавать старое в новом, и постепенно каждая задача перестанет пугать нас своей необычностью и дикостью – мы в мгновение ока увидим в ней другую задачу, которую уже решали когда-то.

Никакого другого способа преодолеть разрыв между знанием и умением на свете нет: только в самостоятельных упражнениях на «опознание» знакомого в незнакомом.

...Прислушаемся: шумно в наших тихих комнатах, когда мы садимся работать. На тысячу голосов, на сотни языков гудит учащаяся земля; и от напряжения мысли, от суровых попыток постичь тайны земли и её истории, законы всего живого и неживого, от всего этого напряжения, кажется, сгущается воздух.

Миллиарды людей на земле, тысячи миллиардов драгоценных мыслей реют над землёю, украшая её... В час нашей работы рождается ещё одна мысль, пусть маленькая, крошечная, незрелая... Но она рождена, есть, живёт, будет расти. Одной мыслью на земле стало больше, и когда-нибудь весёлым колокольным звоном будут приветствовать этот час рождения мысли!

Пусть нас всегда волнует час работы и его приближение. Это самый человеческий час в человеческой жизни. Час, когда мы по праву можем называть себя людьми.

ОПЫТЫ НА СЕБЕ

Эта серия опытов самая трудная хотя бы потому, что здесь нет и не может быть конца. «Опыты» такого рода надо начинать немедленно, а продолжать... до окончания школы? Нет, всю жизнь.

Вот некоторые советы, не слишком лёгкие, но всё же вполне доступные каждому.

1. Развиваем способность к представлениям. Способ простой, его предлагает Тая Деревянко из села Арзгир, Ставропольского края: «Если сказано, к примеру, что каменный уголь залегает на юго-западе Англии, то я должна ясно представить себе этот остров и его юго-запад. Если же просто заучивать слова, зубрить, то это равносильно тому, что совсем не учить, так как в будущем этот текст совершенно изгладится из памяти, потому что мы не знаем его смысла. Такой ученик, который вызубрит параграф, может запнуться в самом неожиданном месте предложения, там, где всё ясно, если судить по смыслу предложения».

Сказано точно. Каждое предложение в учебнике, каждое описание надо стараться представить себе – создать в сознании представление, картинку, по возможности более полную. Когда

изучашь учебник, в уме должен идти нескончаемый спектакль – представление всего того, о чём говорится в учебнике. Не будем допускать пустой сцены – пустоты в голове!

2. Учимся вырабатывать научные понятия. Для этого крепко держим в голове разницу между представлением и научным понятием. Если встретилось в учебнике истории слово «феодализм», то мало представить себе помещика и крепостного, а надо не лениться ещё и ещё раз, заглянув в соответствующее место книги, точно усвоить, в чём состоит сущность феодализма, из каких отношений вырос феодализм, как он развивался, в каких формах существовал в разных странах. Ничего приблизительного, только точно, полное и ясное понимание! Научные понятия – основное наше богатство, его надо увеличивать, используя каждую возможность. Такой способ учить уроки поначалу покажется очень неэкономным; мы скоро с ужасом убедимся, как мало у нас точных и ясных понятий. Но с каждым днём дело пойдёт быстрее и быстрее, всё меньше нужно будет возвращений и повторений, и в результате мы сэкономим массу времени и приобретём твёрдые знания на всю жизнь, не говоря уже о том, что постепенно выработается драгоценное стремление к точному уяснению вещей, к ясному знанию: стремление, которое доставляет нам много хлопот и ещё больше радости и уверенности в себе.

3. Учимся думать. Сделаем своим девизом простые слова: «Подумай, почему?» После каждой фразы в учебнике вспомним: «Подумай, почему?» Не будем торопиться говорить себе: «Это понятно», вообще не будем торопиться. Чем проще кажется материал, тем обычно труднее отвечать на вопросы «почему?», поставленные после каждой фразы. Убедиться в этом легко, например, на учебнике ботаники. Многие считают, что это лёгкий предмет: выучи, да и дело с концом. Но поставьте в этом учебнике вопросы после каждой фразы, и вы увидите, что на половину из них вы не сможете ответить! И уж конечно, особенно бдительными надо быть с учебниками математики. Стоит один раз забыть о вопросе «почему?», проскочить мимо непонятого места – и весь урок пошёл насмарку.

4. Учимся применять знания. Обычно думают, что применять знания можно, только в практической работе: в кружках, в мастерских и так далее. Но гораздо труднее выработать привычку применять знания на каждом шагу. По дороге из школы присмотримся вокруг – тысячи вопросов из физики окружают нас! Когда мы открываем новую книжку, не будем думать, будто она не имеет никакого отношения к тому, о чём говорили на уроках литературы. Когда мы пишем письмо бабушке, не будем надеяться на то, что бабушка не поставит

отметки и можно писать безграмотно. Когда мы смотрим передачу «Клуб путешественников», то не будем думать, что сейчас мы отдохнем и потому можем напрочь забыть учебник географии. Вся жизнь вокруг школы – отчасти и арена для сражения за знания, поле для применения и развития знаний. Попробуем прожить таким образом хоть неделю, постоянно задавая вопросы, попробуем самостоятельно найти ответ хоть на некоторые из них, и мы с удивлением увидим: школьные знания, о которых мы склонны были думать, что они не очень-то и нужны нам, – эти самые школьные знания в неявном виде окружают нас со всех сторон.

5. Учимся проверять понимание. Все знают, как проверить, запомнил материал или нет: надо повторить его вслух или про себя. Но как проверить понимание? Повторение обманчиво, никогда не знаешь, что же сработало – ум или просто память. Так как же? Надо поставить перед собой два вопроса:

- а) понимаешь ли дальнейшее?
- б) сохранился ли интерес к материалу?

Если вдруг стало непонятно, значит, непонятное осталось позади. Вернись и пойми!

Если стало скучно, значит, ты ничего не понимаешь!

Интерес к занятиям – вернейший признак понимания. Понимание рождает увлечение, а увлечение помогает пониманию.

Глава 7 • ТРУД ДУШИ

1

В практических делах неполное знание часто бывает хуже полного незнания. Если я не умею водить машину, я просто не сяду за руль; но если меня научили всему, кроме управления тормозом, то я разобьюсь.

Кто решил узнать все главные секреты учения, тот не должен пропускать ничего важного, иначе его знание будет не знание, а обман.

Учёные давно уже старались постичь тайны познания, учения и творчества. Но относительно недавно задача эта стала особенно важной. Появились электронные вычислительные машины, компьютеры, и желание охватило людей: научить машины думать... Создать искусственный мозг, машинный разум. Сначала казалось, что это довольно легко. Машину

научили не только считать и производить всевозможные математические операции, но и сравнивать, различать, выбирать лучшие варианты решения из многих, искать ошибки в собственных вычислениях, доказывать теоремы и даже играть в шахматы! Чем не «разум»? Про человека, который умеет извлекать корни, логарифмировать, переводить (хоть и коряво) с языка на язык и обыгрывает шахматиста-перворазрядника, – про такого человека мы сказали бы, что он ничего, способный!

Машины оказались очень способными учениками – и в то же время непроходимо тупыми. Они могут проделать в своём электронном уме миллионы операций в секунду и запомнить целые библиотеки книг, но они не могут произвести на свет ни одной новой мысли. Они не способны к творчеству. Не способны, другими словами, к мышлению, потому что всякая мысль – мысль творческая, только что созданная; нетворческого мышления не бывает.

Что же за порок в нынешних машинах? Отчего они, такие быстродействующие и дисциплинированные, не способны на то, на что способен даже первоклассник: не могут создать новую мысль?

Всё дело, по-видимому, в том, что машины не могут... чувствовать. А мыслить, не чувствуя, невозможно! Не бывает этого. Мысль без чувства не просто «плохая мысль», «холодная». Её просто нет.

Чувство, страсть – не спутник умственной работы, как иногда думают, а сотрудник ума! Чувство – соавтор каждой мысли, рождённой в уме. Потому что мысль рождается не от другой мысли, а в сфере воли и чувств. Об этом говорил выдающийся советский психолог Л. С. Выготский.

Почему же некоторым ребятам удаётся учиться, переходить из класса в класс, не испытывая никаких чувств, никаких переживаний по поводу учения? Да потому, что они учатся лишь для видимости. Они запоминают правила (машина это делает мгновенно) и даже применяют их более или менее верно (машина это делает безошибочно), но ни разу не родится у них в голове собственной мысли, и что такое умственный труд, они не знают. Умственный труд абсолютно невозможен без труда души, работа ума – без работы сердца. И любые попытки учить урок и вообще учиться, ничего при этом не чувствуя, кроме скуки (а скука, понятно, уму не товарищ), – все эти попытки ни к чему привести не могут. Пустая трата времени.

Зачем же нам этот глупый, бесполезный труд? Будем учиться чувствовать! Будем учиться работать головой и сердцем.

Легко сказать – учиться чувствовать! Да разве это возможно?

Кто сердцем мог повелевать?

Кто раб усилий бесполезных?

Но ещё и ещё раз надо сказать: если бы в делах учения всё было бы до конца понятно и легко поправимо, то уж давно все учились бы, не зная никаких затруднений. Но учение – сложное, быть может, самое сложное из всех человеческих дел. Что ж, тем интереснее узнавать его секреты!

...Прежде всего заметим, что испытать какое-то чувство по описанию невозможно. Я могу описать состояние голодного человека, рассказать, как он мечтает о куске хлеба, но если вы сами никогда не испытывали голода и сейчас его не испытывали, вы голода не почувствуете, как бы ни старались. Вы можете узнать о состоянии голодного, но знать и чувствовать – разное. Знание о голоде и чувство голода – не одно и то же. Чтобы чувствовать, надо самому голодать, насыщаться, страдать, любить, тосковать, ненавидеть, радоваться, злиться, печалиться, горевать, испытывать несчастье и счастье.

Значит, есть единственный путь учиться чувствовать: ставить себя в такие условия жизни, чтобы они вызвали чувства.

Проделаем такой маленький эксперимент. Зададим ученику третьего класса и машине одну и ту же задачу. Несложную, но такую, которую ни машина, ни ученик никогда не решали. Что сделает машина? Она переберёт все правила решения более или менее похожих задач, обнаружит, что ни одно из этих правил к задаче не подходит, и откажется решать. Решать не по правилам она не может.

А ученик? Он тоже скоро обнаружит, что задача совсем новая. И всё-таки он будет продолжать размышлять! У него не хватает информации, знаний – он не знает хода решения. Если информации не хватает машине, она перестаёт работать. Если же информации не хватает человеку, в данном случае нашему третьекласснику, он начинает... волноваться! Возникает именно то, что называют «чувством». Он тревожится, волнуется, напрягает ум, он всем своим существом стремится к решению, и вдруг после долгих усилий это решение находится, человек словно прозревает. Ничего таинственного в его голове не произошло, никакого чуда – просто от волнения в голове мальчика внезапно связались вместе самые далёкие мысли, и они-то привели к догадке.

Волнение не просто сопровождает поиск, оно необходимое средство поиска. Оно возникает там, где что-то неизвестно, но есть потребность найти это неизвестное. Волнение помогает найти недостающую информацию.

Нет поиска – нет волнения.

Нет волнения – нет поиска.

Поиск и волнение, поиск и чувство неразрывно связаны, не могут существовать друг без друга!

Много лет назад, словно предвидя нынешние затруднения кибернетиков – создателей искусственного разума, – эту мысль выразил Ленин. «Без «человеческих эмоций», – писал он, – никогда не бывало, нет и не может быть человеческого искания истины».

Обратим внимание: не истина связана с чувством, а искание истины!

Значит, чтобы научиться чувствовать в учении, чтобы вступило в работу и сердце, знание надо искать. Учиться – значит искать знание.

Как мы садимся за урок? Что ищем? Какой вопрос перед нами? Какого ответа добиваемся? Что хотим узнать? – вот путь истинного учения, работы ума и сердца.

А если мы не задаём себе вопросы, не ищем, не стремимся к ответу, а просто заучиваем какие-то наборы сведений, то поиска не происходит, нет волнения, сердце «не работает», не работает, следовательно, и ум – учения не происходит. Видимость учения есть, а учения нет.

Такая беда с учением: оно иногда бывает обманчивым. Со стороны кажется, будто человек учится: сидит над книгами, отвечает учителю, получает отметки, и ему самому кажется, что он учится. Уж слишком всё похоже на учение! Но только похоже: плодов нет, знаний нет.

Будем бдительными, чтобы не обмануть себя. Будем каждый урок превращать в поиск истины. Другими словами, будем создавать условия, в которых может появиться чувство, – и оно появится.

«Когда я натолкнулась на статью «Учение с увлечением», – рассказывает Вера Иванисова из села Московка, Саратовской области, – я подумала: какое может быть в учении увлечение? Но, прочитав, решила проверить. На другой день у нас была алгебра – самый скучный для меня предмет. Была она первым уроком. «Откройте учебники на стр. 104, задача номер 761. Решайте самостоятельно», – сказала учительница. Я со скучным лицом открыла учебник и устала в задачу. В общем-то, я в них немного разбираюсь, но делаю это со страшной скукой. Прочитав задачу раз, другой, я, ничего не поняв, стала смотреть

задачи, которые мы раньше решали. Затем, вспомнив об «учении с увлечением», усмехнулась. Но потом сказала себе: «Нечего улыбаться. Давай решай». И снова со всей волей начала читать задачу. Прочитала, подумала и вдруг словно вышла из тёмного леса на залитую солнцем поляну, такой простой показалась мне задача, что я схватила ручку, начала быстро писать, и вскоре ответ был готов. Сверилась с ответом, оказалось, что задачу я решила правильно. С того самого урока я словно изменилась, алгебру я жду, словно после долгой зимы лета. Решаю уравнения, задачи с восторгом. Когда получится правильно, я вне себя от радости, а получится неверно – снова и снова решаю. Учение с увлечением!»

Отметим в этом сообщении прекрасное слово «восторг». Решала задачи с восторгом... Но вся хитрость в том, что без восторга, без страсти Вера не смогла бы решить задачи! Она не училась чувствовать, но страстно стремилась к ответу, и чувство восторга, необходимое для решения задачи, само родилось в её душе.

3

Внутренний мир другого человека существует реально и независимо от нас, но мы не можем ощущать его непосредственно – не можем его ни увидеть, ни услышать, и приборам он недоступен. Мы узнаём о нём лишь по косвенным приметам, по тому, как этот другой человек выражает себя – взглядом, словом, поступком, мимикой, движением руки и тела. Сами по себе все эти движения и выражения ничего не говорят – мы всю жизнь учимся читать их, учимся постигать чужую душу. Это всё равно что учиться читать: ведь и крючочки на бумаге тоже не говорят, но мы выучиваемся понимать скрытый в них смысл, и притом совершенно точно.

Однако читать книгу мы выучиваемся умом, а «читать» человека по его словам, взглядам, интонациям и жестам можно научиться только чувством. Понимать другого человека – значит чувствовать то же самое, что он сейчас переживает, отзываться на его чувство. Вот одно из самых прекрасных слов в нашем языке: отзывчивый. Вслушаемся в него: отзывчивый... способный отзываться... легко отзывающийся... всегда готовый отзываться... Если бы существовала «школа чувств», то первым предметом в ней, первым уроком был бы урок отзывчивости. Мы учимся чувствовать, отзываясь на чувства других людей. При всей их загадочности, в чувствах нет никакого чуда, ничего волшебного и сверхъестественного. Просто они непостижимы

умом, но чувством постижимы. Чувству нельзя «обучить» в строгом смысле слова, но чувство можно передать, им можно заразить, его можно вызывать. Любовью своей человек вызывает ответственное чувство любви у того, кто никогда не испытывал её. Страстью к знанию человек заражает окружающих. Учитель любовью к своему предмету увлекает и нас.

Следовательно, учиться чувству можно, надо только открыться душой навстречу всему человеческому, что окружает нас. Отозваться!

Но прежде для этого надо сделать один шаг, быть может, самый важный шаг в духовном развитии и становлении человека: надо обнаружить, самому обнаружить однажды, что другие люди, кроме меня, тоже... есть на свете! И что у них свои интересы, никакого отношения к нам не имеющие!

«Случалось ли вам, читатель, в известную пору жизни, вдруг замечать, что ваш взгляд на вещи совершенно изменяется, как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной ещё стороной? Такого рода моральная перемена произошла во мне в первый раз во время нашего путешествия, с которого я и считаю начало моего отрочества.

Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живём на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании. Без сомнения, я и прежде знал всё это; но знал не так, как я это узнал теперь, не сознавал, не чувствовал».

Эта моральная перемена, описанная Л. Толстым в его трилогии о детстве, отрочестве и юности, и есть тот самый первый шаг, который делает человек на пути от детских чувств к взрослым. Случалось ли это с вами, читатель? К беде нашей, со многими людьми эта моральная перемена не происходит и во всю жизнь; они проживают десятилетия и умирают, так и не узнав, что есть на свете другие люди, не чувствуя этого!

Говорят, что счастье – это когда тебя понимают. Это верно. Но никому не будет счастья, если каждый не станет человеком, который понимает других людей, принимает их именно как других, со своей жизнью и чувствами, и умеет сочувствовать им, отзываться на их чувства.

Вот ступеньки в «школе чувств»: другие люди – чужие чувства – отзывчивость к ним – свои чувства...

Да и не только люди учат нас чувствовать. Оглядимся вокруг себя, посмотрим в самые простые предметы, окружающие нас: вот стол, лампа на столе, шкаф с одеждой, обои на стене,

электрическая лампа, занавеска на окне... Каждая вещь сделана человеком, в каждую вложены чьи-то способности, ум, чувство. Это всё застывшее человеческое дело, превратившееся в предметы; живые жизни, воплотившиеся в вещи...

А книги? Даже обычные школьные учебники! Нам кажется, они безличны, что их никто не писал, не мучился над ними, они сами собой откуда-то взялись или выросли, как дерево в лесу или трава на лугу. Но в каждой странице, в каждой строчке – живое, человеческое!

Будем стараться почувствовать живого, другого человека не только в каждом, кого мы встретим, но и за каждой вещью, каждой книгой, каждым учебником. Мы не читаем учебник – мы общаемся с автором, с человеком! И никогда не будем позволять себе обращаться с вещью или с книгой так, будто они мертвы. Нет ничего мёртвого вокруг нас, мёртвое – на кладбище, а вокруг нас, живых, – живое, человеческое, оно во всём, надо только увидеть его и почувствовать. Здесь речь идёт не о том, чтобы беречь вещи, это само собой разумеется, здесь речь о другом: о духовном прозрении, о том, чтобы каждая вещь была для нас живой, чтобы не с книгами-предметами имели мы дело, а с живыми людьми, чьё чувство вложено в книги, чтобы мы видели человеческое в человеческих предметах и вещах!

4

Но какой бы ни была бурной наша собственная жизнь, сколько бы мы сами ни страдали и ни радовались, жизнь наша протекает в довольно ограниченных рамках, и мы никогда не могли бы постичь всего богатства человеческих чувств, если бы не художественная литература.

Вот мы читаем историю героя в книге. Он, если книга хорошая, как живой перед нами: он лобит, страдает, борется... Как же нам понять его? Только одним способом: отзывчивостью. Мы должны, обязаны отозваться на страдания героя, то есть испытать те же чувства, что испытывает он. Сначала со-чувствуем, потом – чувствуем. Если мы никогда подобных чувств не испытывали, то, конечно, мы не сможем понять книгу полностью, но всё же что-то похожее на чувство героя шевельнётся в душе, что-то мы будем знать об этом чувстве, и когда оно придёт к нам самим, мы не испугаемся его, не удивимся, мы обрадуемся ему. Мы будем обладать некоторой культурой чувства ещё до того, как сами испытали его.

Иногда ребята не любят уроки литературы и связанные с ними книги потому, что на уроках эти книги разбирают, то есть

переводят образы в понятия, в схемы. Книга лишается того, ради чего она написана, – способности вызывать ответные чувства. Но стоит помнить, что в школе по необходимости приходится литературу изучать, а это не то, что читать. В школе изучают науку о создании книг и историю создания книг, составляют представления и вырабатывают понятия о литературном творчестве и процессе. Иметь эти представления и понятия совершенно необходимо развитому человеку. Но радоваться красоте цветка и дарить его любимому человеку – одно, а изучать тычинки и пестики – другое. Для образования нужно и то, и другое: нужно уметь наслаждаться цветком и знать ботанику. Так и с книгами: нужно уметь наслаждаться ими, вкладывать в них то же чувство, которое вложил писатель, и нужно знать историю и теорию литературы хотя бы в тех небольших пределах, в каких они изучаются в школе. Но если только изучать литературу, не радуясь книгам, не сочувствуя героям, то литературу и не поймёшь, и она станет невыразимо скучной. Сначала надо понюхать цветок и полюбоваться им, а потом уже рассматривать стебель, лепестки, тычинки и пестики.

«Во вторник у нас была литература, самый скучный для меня предмет, – рассказывает о своём опыте Виктор Феер из села Шумановка, Алтайского края. Материал был скучным: поэты-декабристы, творчество К. Ф. Рыльева, реализм. Я прочитал текст три раза, но ничего интересного не заметил. Тут я задумался. Почему я плохо помню прочитанное? Подумав, я решил, что виной всему невнимание, что я не вникаю в смысл текста, не чувствую его. Только тут я понял, какой опасности подвергал себя Рылеев, опубликовавший свою оду «К временщику». Ведь он направил её против всесильного Аракчеева! Тот мог расправиться с ним, однако это Рыльева не остановило. Никогда бы я не подумал, что стихи – оружие! Ведь именно так и есть, если при помощи стихов люди пробуждаются от ничегонеделания, от наблюдения за действительностью. Возможно, что это только малая часть того, что скрывается в литературе, – подумал я».

Замечательное открытие! Не имеет никакого значения то обстоятельство, что это открытие сделано давно: «в литературе что-то скрывается». Важно, что Виктор понял это... А как он понял? Он почувствовал Кондратию Фёдоровичу Рылееву!

«На следующем уроке меня не спросили, – продолжает Виктор. – Но об этом я не очень жалел. Я ждал нового материала. Учительница рассказала о жизни Грибоедова, его комедии «Горе от ума». Хотя нам задали лишь первое действие, я не отрываясь прочёл её до конца. С этого дня «Горе от ума» заняло у меня место рядом с Вальтером Скоттом, Джеком Лондоном, Майн Ридом и Жюлем Верном. Как я её раньше не заметил?

Понятия не имею. Неужели литература всё-таки интересный предмет? Я начал читать все произведения, которые входят в программу 8-го класса. Мне очень понравился «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Мёртвые души» (жалко, конца нет) и «Демон». После этого я прочитал всё, что говорится об этих произведениях в нашем учебнике. Нет, очень полезный и интересный предмет – литература. Жаль, как жаль, что этого я раньше не видел! Большое спасибо за то, что вы поставили этот вопрос. Учение с увлечением!!!»

Будем больше читать, будем стараться ставить себя на место героев, отзываться на их чувства и так будем учиться чувствовать, узнаём чувства, неизвестные нам из нашей собственной жизни, и душа наша станет богаче. Широкий, творческий ум, богатая, тонко чувствующая душа, ясная, благородная цель, послушная, сильная воля – вот и человек.

5

Но не только художественные книги – учебники чувства. Мы будем учиться вкладывать своё чувство, вырабатывать своё отношение ко всему, что изучаем в школе.

Урок истории. Рассказ о Смутном времени, когда страна наша испытала столько бед, и об ополчении Минина и Пожарского. Бородинское сражение. Сталинградская битва. Можно ли к этому относиться равнодушно, просто «учить»? Нет, мы будем не только вдумываться в значение этих событий для Родины, не только стараться постичь их, составить понятия, мы попытаемся представить себя в нижегородском ополчении, у Семёновских флешей и на узкой кромке земли вдоль Волги – под смертельным огнём... Мы постараемся почувствовать то же, что чувствовали защитники Родины в прошлые века и десятилетия. И так постепенно возникнет у нас чувство истории: мы будем чувствовать, что мы не первые родились на свет, что мы со своими сегодняшними жизнями включены в общий исторический процесс, который давно-давно начался и никогда не кончится... И это чувство истории обогатит все наши другие чувства, окрасит их новой краской. Культура чувств – это обогащение, усложнение чувств. Простые чувства доступны каждому человеку, независимо от того, учился или не учился он. Человеку образованному доступны сложные, невыразимые в словах, из многих красок составленные чувства.

Урок математики. И это – поле для развития чувств. Мы решаем задачу, и в ответе выходит: три с четвертью человека. Решали вроде бы правильно, но ответ смущает нас, он кажется

нам некрасивым – ну что это, в самом деле, «четверть человека»! Мы пересматриваем решение и находим ошибку. Или решаем сложное уравнение, а ответ получился громоздкий, с радикалами в знаменателе. Опять некрасиво! Мы чувствуем это – и добиваемся красоты. Ответ может быть красивым или некрасивым, решение – кратким, изящным, красивым или запутанным, тяжёлым – некрасивым. Математика, вся построенная на логике, на понятиях, не может быть изучена, если у человека нет чувства красоты математических преобразований; об этом так часто говорят выдающиеся учёные, что не хочется и повторяться.

Урок химии волнует нас и по-другому: нас восхищает красота химических формул, мы не перестаём удивляться мощи человеческого разума, который проникает в глубочайшие тайны природы и создаёт материалы, которых природа создать не могла. Химия – наука о чудесах превращения элементов, а чуду ли не удивляться!

А на уроке английского языка мы радуемся своим приобретениям, удивительной нашей способности понимать чужую речь и чужие слова. С годами занятий появляется чувство чужого языка – мы начинаем строить фразы не задумываясь, они как-то сами возникают в сознании, и это всегда приносит удовольствие.

И так на каждом уроке. Учение – волнующее человека дело, развивающее его чувства. Если, конечно, он живой человек или стремится стать живым.

6

Среди многих человеческих чувств ещё одно особенно важно для учения в школе. Это чувство истины. Наслаждение, получаемое от того, что человек узнал правду и глубоко убеждён в том, что его знание истинно, правдиво. Знание становится сильным и ясным только тогда, когда оно соединено с уверенностью в том, что знание это истинно. Знание, соединённое с верой в его истинность, – это убеждение человека. Чем сильнее вера, тем глубже убеждение. Так и говорят: «Моё глубокое убеждение...»

Все знают, что Земля вертится вокруг своей оси и вокруг Солнца. Думаю, что и читатель убеждён в этом. А почему, собственно говоря? Ну-ка, выйдем вместе в поле, и попробуйте доказать, что Земля вертится, а не стоит на месте! Боюсь, что никаких очевидных доказательств вы не обнаружите.

Однако всей системой научных астрономических взглядов мы

убеждены, что Земля действительно круглая и что она и вправду вертится, и даже можем понять, отчего же мы не сваливаемся с этой бесно вертящейся Земли... И вряд ли нас кто-нибудь сумеет переубедить.

Убеждения даются нелегко. Их совершенно невозможно вызубрить. К ним приходится пробиваться, отвергая неправильный, неистинный взгляд, до них нужно донскиваться, их подчас приходится отстаивать. Зато когда убеждения появляются и укрепляются в душе человека, он готов жизнью пожертвовать ради них:

Иди в огонь за честь Отчизны, за убежденья, за любовь!

И действительно, люди шли в огонь, как Джордано Бруно, который поднялся на костёр за свои научные убеждения, или как Сергей Лазо, которого сожгли в паровозной топке за его политические, коммунистические убеждения, как шли на смерть тысячи борцов за счастье людей. Есть какая-то притягательная сила, есть какое-то высокое счастье в убеждениях, если люди даже на смерть идут, но не меняют их, не отказываются от них!

Первые моральные убеждения мы получаем из жизни, первые научные убеждения – из школы, первые политические убеждения – из жизни и школы. Будем стремиться выработать их, будем постоянно спрашивать себя: что я знаю и во что я верю? Будем стараться достичь глубокого убеждения в том, что всё изучаемое нами – действительно правда, истина. Стоит поставить перед собой такую цель, как постепенно начинает появляться и разгораться святое, возвышающее душу стремление к истине, и обычные уроки становятся наслаждением.

...Но пора, наконец, сказать, откуда же пошло это не совсем научное, не строго научное выражение «труд души». В точном смысле слова труд – это всегда операции, действия с орудиями труда, в результате которых появляются какие-то материальные или духовные ценности или знания. В умственном труде такими орудиями, хоть и особыми, умственными, являются слова, понятия, модели, чертежи, формулы. Чувство же никаких «орудий» не имеет, и «операций» тоже не происходит, именно поэтому чувству, как уже говорилось, так трудно учиться. И всё же...

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!
Гони её от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,

По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!
Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в чёрном теле
И не снимай с неё узды!
Коль дать ей вздумашь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвёт,
А ты хватай её за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.
Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Это стихотворение Николая Заболоцкого очень любил учитель Сухолинский. Он и ввёл в педагогику поэтическое понятие «труд души».

ОПЫТЫ НА СЕБЕ

Проделаем для начала простое упражнение: отложим книгу и обойдём комнату, потихоньку прикасаясь ко всем вещам – к обоям на стене, к выключателю... Коснёмся рукой пола, потрогаем стекло в окне. Лучше сделать это, когда никто не видит, чтобы не задавали лишних вопросов. Выйдем на улицу, дотронемся до дерева или куста, до заборчика или двери. И во всём, за всем постараемся представить себе людей, людей, людей, которые делали все эти вещи, строили дом, сажали дерево или просто любовались им до нас, если оно выросло само. Попытаемся почувствовать человеческое во всём, что нас окружает!

Это «упражнение» (не совсем точное слово) полезно повторять почаще, оно вроде духовной гимнастики, оно приучит нас никогда и ни на что не смотреть безразлично, ко всему как-то относиться, всё вокруг стараться полюбить, потому что во всём – человеческий труд и человеческое чувство. Это будет напоминать нам, «что не мы одни живём на свете».

Второе «упражнение» (опять неточное слово, но читатель простит меня!) – с любимой книгой. Из книг, которые мы уже читали, вспомним, выберем одну, которая взволновала нас хоть

немного, и перечитаем её не откладывая. Только будем читать по-новому: стараться сочувствовать героям, переживать их чувства так, будто это всё происходит с нами. Замечательные «учебники чувств» – трилогия Толстого и «Детство» Горького. Их стоит перечитать, сколько бы лет нам ни было.

Но, разумеется, учиться чувствовать только по книгам – невозможно. Книги лишь расширяют наши представления о чувствах людей, а реальные, живые чувства вызываются жизнью, действительными отношениями с людьми, которые нас окружают. Однако превращать эти отношения в какие-то «упражнения» было бы кощунством. В отношениях с людьми не может быть никаких «опытов», ничего искусственного. Да и зачем нам опыты? В каждом из нас есть отзывчивость, способность к добрым чувствам. Будем помнить, что участие, сопереживание всегда поддерживает людей. Будем учиться понимать, то есть чувствовать, что чувствует мама, друг, учитель, любой мало знакомый или совсем не знакомый человек, с которым жизнь свела случайно. Может быть, им грустно? Тогда бестактно быть весёлым. Может быть, им стыдно? Тогда грубость – корить их, увеличивать стыд. Может быть, у них большая радость? Тогда не стоит лезть со своими мелкими неприятностями. Словом, будем настраиваться на чувства других людей, больше всего на свете боясь оскорбить эти чужие чувства невниманием или непониманием. И так постепенно наше сердце станет отзывчивым к сердцам других людей, мы обретём богатство чувств, богатство души.

Но в области чувств, которые называют «интеллектуальными» (то есть связанными с работой ума), мы можем поставить опыты на себе, хотя они не совсем просты. Мы видели, что работы ума не бывает без работы души и что чувства вызываются поиском истины. Значит, надо каждый раз, садясь за уроки, прежде всего поставить перед собой вопрос: «А что именно я хочу узнать? Какую истину я должен добыть?» Но чтобы правильно поставить вопрос, придётся предварительно проштудировать параграф. Следовательно, работа над уроком будет выглядеть так: читаем параграф – формулируем главный вопрос в его связи с предыдущим материалом – пытаемся ответить на него совершенно точно, с полной ясностью и убежденностью. Можно представить себе, что кто-то возражает нам, приводит другие доказательства, а мы их разбираем.

Попробуем две-три недели так учить уроки, и нам не надо будет объяснять, что такое волнение, связанное с работой ума! Мы сами узнаем его, сами почувствуем. И если после этого кто-нибудь скажет нам, что учиться скучно, мы просто пожалеем беднягу...

Главное свойство внимания состоит в том, что оно всё время колеблется, очень подвижно. Оно может быть направлено на несколько предметов сразу, мгновенно останавливаться на чём-то одном, потом постепенно ослабевать или так же быстро переключаться на что-то другое. Внимание – прожектор, у которого всё время меняется фокус (то узкая и сильная полоса света, то широкая и слабая), и с огромной скоростью может он поворачиваться на вышке.

Эта способность к передвижению луча внимания – спасительное свойство человека. Если бы внимание было малоподвижно, люди не замечали бы опасностей, угрожающих им со всех сторон, и, возможно, вымерли бы ещё до того, как стали разумными людьми. Когда человек идёт по джунглям, его внимание должно быстро перекидываться во все стороны – реагировать на каждый шорох. Может, тигр? Может, змея притаилась? Ещё ни один рассеянный не вернулся из джунглей домой.

Но в классе, где нет тигров и змей, и за домашними уроками, где ничто не угрожает нашей жизни, зачем такая подвижность внимания? Вроде бы она мешает. Как было бы удобно устаться в страницу и смотреть не отвлекаясь!

Мы попытаемся сделать что-то подобное и обнаруживаем, что это невозможно. Луч внимания остановить нельзя!

Но вот включён телевизор, на кухне разговаривают, и даже гром гремит за окном, а некий человек сидит, неловко скрючившись за столом, так что нога затекла, но он и этого не замечает. Он углубился в книгу. Что же, его внимание остановилось?

Нет. Внимание не может остановиться. Луч внимания всё время подвижен, он **следит** за движением чего-то вне нас или внутри нас. Если мы в поле и перед нами ничто не движется, луч внимания постепенно оглядывает поле, движется сам. Если же по полю побежит заяц, мы будем следить за зайцем, за его движением, пока нас не привлечёт другое какое-нибудь движение, например охотника с ружьём. Внимание всегда следит за каким-то движением, оно не может останавливаться. В одном из индейских племён детей учат сидеть тихо и смотреть, когда не на что смотреть, и слушать, когда всё вокруг тихо. Но это считается самым тяжёлым испытанием, это всё равно что переносить страшную боль.

Однако вернёмся к нашему человеку с книгой в руках: какое

перед ним движение? Очень бурно: движение мысли автора, движение образов, движение судеб героев. И чем активнее эти движения, тем легче сосредоточить на них внимание, тем больше захватывает книга. Поэтому маленькие ребята не любят описаний природы – в них меньше движения, и внимание ребят сразу рассеивается: не за чем следить. Они умеют пока что следить только за быстрым, энергичным движением, как в приключенческих книгах и фильмах. Но чем больше развивается человек, чем выше его культура, тем более разнообразные движения начинает замечать он.

Когда человек сидит не шелохнувшись и слушает музыку, он следит за движением мысли и чувства композитора. Тот, кто музыки не понимает, тот этого движения заметить не может – музыка кажется ему однообразной, и потому он не в состоянии слушать, не в состоянии собрать внимание. Его внимание как бы засыпает: ухо перестаёт слышать, глаз – видеть, и он сосредоточивается на собственных мыслях, на их движении.

Он может спохватиться, но ненадолго. Через несколько мгновений внимание его опять рассеется.

Пока человек не развит, он способен воспринимать лишь внешнее движение: скачки, погони, приключения. Но чем больше он учится, чем больше его знания о мире, тем больше скрытых движений начинает он различать. Ему становится легко следить за ними, легко быть внимательным к разным сторонам жизни, и он видит гораздо больше неразвитого человека.

Быть внимательным – значит следить за каким-то движением; развиваться – значит учиться различать скрытые движения в жизни, в искусстве, в природе, в науке, в людях.

2

Запасшись этими сведениями о свойствах внимания, отправимся на урок.

Что на уроке происходит?

На уроке порой – беда.

«Вот я плохо учусь. Но это вовсе не потому, что я глупая, невменяемая и т. д. Просто я не могу заставить себя слушать внимательно на уроке... Как это можно исправить?» (Письмо из посёлка Кировска, Могилёвской области.)

«Я давно стала замечать, что когда я стараюсь внимательно слушать учителя, то постепенно мои мысли начинают уводить меня от объяснения, и тогда я не могу сосредоточиться и уловить смысл слов учителя. И тогда дома мне приходится очень много времени тратить на приготовление уроков. И весь день у меня уходит

на приготовление домашнего задания». (Письмо из Алма-Аты.)

В выделенных словах второго письма и скрыта отгадка: если не улавливаешь смысл речи учителя, то, естественно, не можешь следить и за движением его мысли. Слышишь только слова, а они ужасно монотонны. В словах движения нет, движение только в мысли. Речь на незнакомом языке невозможно внимательно слушать и десять минут.

Давно не было перед нами заколдованных, порочных кругов, и вот он опять встретился:

чтобы слушать внимательно, надо следить за движением мысли учителя;

но чтобы следить за движением мысли, особенно когда она трудна, надо сосредоточить внимание.

К тому же здесь нас не спасёт и метод последовательного приближения, который выручал нас не однажды. Нельзя уловить немножко смысла, чтобы появилось немножко внимания. Надо сразу ухватить мысль, держать её в луче, иначе не сумеешь следить за движением и будешь как прожекторист, который потерял вражеский самолёт и шарит лучом по небу.

Что же, безвыходное положение?

Беда усугубляется тем, что даже в самом тихом классе перед нами всегда много разных движений:

соседка пишет кому-то записку;

муха ползёт по оконному стеклу;

солнечный зайчик мелькает.

Да и, кроме того, в голове у нас великое множество интересных дел: вчерашний фильм, ссора с товарищем, незаконченная модель, планы на вечер, новая пластинка.

И все – от мухи до пластинки – претендуют на наше внимание. Можно, при желании, сосредоточиться на лобом из этих движений.

Но как сосредоточиться именно на рассказе учителя, а не на мухе, не на соседке и не на старом фильме?

3

В армии, когда командир отдаёт приказ, подчинённые становятся по стойке «мирно». Отчего это? Не могли бы люди выслушать приказ, развалившись, засунув руки в карманы? Почему надо обязательно вытягивать руки по швам?

Поذا, состояние мускулов очень связаны с вниманием. Подобен человек, не двигается, напряжён – и внимание его само собой обостряется. Чем внимательнее, тем больше собирается

человек, и мускулы на лице его собираются, сдвигаются брови. Мы сдвигаем брови, потому что хотим быть внимательными, и мы становимся внимательными, если примем определённое положение и лицо примет определённое выражение. Словом – смирно!

На симфоническом концерте не подают команду: «Смирно! Слушай музыку!» Но оглянитесь – никто не закинст руку на плечо, не развалится в кресле, все сидят, как первоклашки на первом уроке. Иначе сосредоточенно слушать музыку невозможно.

Значит, если мы хотим быть внимательными на уроке, сделаем сначала то простое, чему нас учили с первого класса: сядем прямо, соберёмся, настроимся слушать... И нам гораздо легче будет сосредоточить внимание на рассказе учителя.

Между прочим (говоря о внимании, полезно и отвлечься), оттого иногда и не любят люди симфоническую музыку, что не были на концертах, а слушали её только по радио, по телевизору, с пластинок – слушали дома, в расслабленных позах. Но расслабившись, полулёжа можно слушать лишь лёгкую музыку, а симфоническую – трудно.

Попробуем два-три раза, оставшись наедине, послушать серьёзную музыку серьёзно – сидя выпрямившись, сосредоточив всё внимание. Если попадётся хорошая музыка, в которой много движения, она сразу поправится.

Дома слушать музыку трудно именно потому, что трудно сосредоточиться. С другой стороны, ничто так не развивает способность к долгому и напряжённому вниманию, как слушание серьёзной музыки, потому что порой приходится улавливать едва заметные движения. Чтобы полюбить серьёзную музыку, надо и дома создавать обстановку, подобную той, что в концертном зале: чтоб никто не говорил, не ходил, не делал резких движений, не смотрел друг на друга – полная и абсолютная тишина, полное и абсолютное внимание!

4

Когда учитель рассказывает интересно, его легко слушать. Что значит – интересно? Значит, есть что-то новое, что представляется нам движением знания, добавлением, переменной. Есть движение мысли. Но, к сожалению, не все уроки одинаково интересны. В школе часто приходится повторять одно и то же или слушать то, в чём никак не уловишь движения.

Значит, надо тренировать способность собирать внимание по своей воле – способность к произвольному вниманию. Выберем

для эксперимента самый скучный для нас урок, на нём и попробуем быть внимательными.

Оля Онуфрисенко из Ростова-на-Дону, начиная свой эксперимент, решила с вниманием слушать учителя на уроке истории – самом скучном для Оли уроке. «Учитель нам рассказывал, – пишет Оля, – как Иван Грозный завоёвывал Поволжье, про Ермака. Я слушала, а потом вспомнила, что меня недавно спрашивали, и подумала, что зря я слушаю, всё равно не спросят. Я как раз дослушала до того, как Ермак начал покорять Сибирь, и стала рисовать. У меня пропал весь интерес к уроку».

Что ж, иначе быть и не могло: если не слушать, какой же может быть интерес?

Какое внимание?

Вот что погубило Олино внимание в тот день: мысль, что слушать не обязательно. Ермак её несколько не волновал, её волновала отметка. Для отметки же, вычислила Оля, можно не слушать... И сразу внимание переключилось на другое, потому что сосредоточиться на том, что нам не нужно – кажется ненужным в эту минуту, – почти невозможно.

Кто учится только для отметки, тот всё время попадает в такие капканы: сегодня вроде бы не надо слушать – завтра надо... А завтра слушать трудно, потому что не привык или потерял общую мысль уроков, отстал.

Значит, чтобы слушать внимательно, мало сидеть прямо – надо ещё убедить себя, что урок действительно нужен тебе.

Ведь что получилось с Олей?

«На следующем уроке, – рассказывает она, – вопреки моим подсчётам, меня спросили...»

Но эта история с хорошим концом: к счастью для Оли, спросили её как раз о том, о чём она слушала, – о покорении Поволжья, и она получила 4, потому что, пишет Оля, «у меня это как будто отпечаталось в мозгу». А если бы дело дошло до Ермака?

Лилия Захарец (Ромоданово, Мордовской АССР) аккуратно записывала в течение недели, как удавалось ей сосредоточиться на уроке.

«22 декабря. Химию я слушала внимательно. В голове пронеслось лишь две мысли.

23 декабря. Физика. В голову лезли мысли, наверно потому, что я не очень люблю этот предмет.

24 декабря. География. В этот день я старалась сосредоточить все свои мысли, и это у меня получилось. Правда, в голове мелькнула лишь одна мысль.

25 декабря. Физика. В этот день я сосредоточила все свои мысли.

Хоть я и не очень люблю этот предмет, но у меня не было ни одной мысли на уроке.

26 декабря. История. В этот день не было ни одной мысли в голове на уроке истории!

Я очень рада, что был такой интересный опыт».

Действительно, результат потрясающий: ни одной мысли!

Но всем понятно, что Лилия имела в виду посторонние, не относящиеся к предмету мысли.

Что же касается деловых мыслей, то их должно быть как можно больше, иначе слушать невозможно.

Быть внимательным, слушать с интересом – это значит думать о том, что рассказывают, а думать, как мы уже видели, значит задавать вопросы и отвечать на них. Слово «думать» означает только одно: искать вопросы, потом искать ответы на них. Нет вопросов – не было никакого «думания», была лишь опасная для человека сладкая дрема ума.

Всеволод Рево из Чернигова проводил этот эксперимент так:

«21 декабря. Физика. Слушал внимательно. Думал:

- 1) не исчезал ли в космических кораблях ток?
- 2) какими электрическими лампочками пользовались в космосе и не разбивались ли в кораблях лампочки?»

Немного опасно. Непонятно: слушал ли Всеволод урок или отвлекся на размышления о лампочках?

«23 декабря. Украинский язык. Никак не мог собраться с мыслями и думать о нём. Постарался долго смотреть на учительницу, следить за каждым её словом.

24 декабря. Химия. Слушал учителя. Думал. Следил за объяснением. Всё было хорошо. Дома провёл два опыта с горением. Было очень интересно.

...Большое спасибо вам за эксперимент. Теперь я знаю, как пользоваться вниманием – заставлять себя слушать учителя и думать только о том, о чём он говорит. Это правило золотое, и для меня оно необходимо».

Очень важное открытие сделала Лена Петрова из Ленинграда. Вот её короткий отчёт:

«Я математику не люблю. И не полюбила. Но после опыта мне стало интереснее. Первые три дня я пробовала многие способы. Ничего не помогало. Как было скучно, так и оставалось. И вдруг мне пришла в голову мысль: «Я двосница? Нет. А почему я никогда не поднимаю руку?» Вот я и решила поднимать руку. И на уроке стало интереснее. Теперь я не иду на математику, как на муку».

Лена открыла для себя: чтобы слушать, надо слушать для чего-нибудь и что-то делать в уме!

Одни слушали и думали – задавали себе вопросы. Получается.

Лена слушала, чтобы ответить после рассказа учителя, – тоже получается.

Люда Шармина (из города Шяуляй, Литовской ССР) установила связь между тем, как подготовишься к уроку, и тем, как слушаешь. Чем больше готовишься, тем легче и интереснее слушать. Все уверяют, что надо слушать для того, чтобы легче было готовить уроки. А Люда поняла, что между этими двумя действиями – слушанием учителя и подготовкой к уроку – не простая связь, а взаимная!

Надо подготовиться к уроку, тогда становится интересно слушать, потому что можно следить за тем, как к уже имеющемуся знанию прибавляются новые факты и мысли. Происходит движение знания, и слушать интересно.

Кто не может справиться со своим вниманием, тому стоит повторить опыт Люды Шарминой: готовиться к урокам заранее.

Но это, конечно, трудно и хлопотно – учить уроки заранее.

Вот один день из экспериментальной недели Люды:

«15 января. Я сегодня к уроку географии подготовилась хорошо. Активно участвовала в уроке. Даже не думала, что меня могут вызвать к доске отвечать. А когда вызвали, почти не волновалась и получила 4!!! Учительница мне сказала, что если я всегда так буду участвовать в уроке, у меня оценка может быть ещё лучше!»

Серёжа Надтокин с рудника «Коммунар» в Красноярском крае не применял особых хитростей, а просто старался «все лишние думы оставить позади». Но это не сразу получилось у него: в голову лезли воспоминания о кино и рассказах. Тогда Серёжа стал не только вслушиваться в рассказ учителя, но ещё и получше готовить урок: «Придя домой, я усердно учил географию. Я искал на карте пункты, которые описывались в книге».

И наконец был достигнут желаемый результат. «Я стал учить географию с интересом», – сообщает Серёжа.

Совсем хорошо удался опыт Ире Дудкиной из деревни Крамской, Тульской области:

«К концу эксперимента я стала чувствовать, что дела пошли в гору. На уроке немецкого языка я уже не смотрю на часы, как это было раньше, и звонок для меня звучит неожиданно. 45 минут пролетают, как одна».

Внимание человека редко бывает равномерным.

Когда мы садимся за уроки, сначала идёт «вработывание» – период неполного, ослабленного внимания. Это потому, что организм ещё не перестроился на урок и потому, что мы ещё не увлеклись, ещё нет сегодня ни малейшего успеха, мы ещё не поймали ту мысль, за которой будем следить.

Пока что нужно волевое внимание, чтобы ощутить хоть маленькое удовлетворение от сделанного, кое-что понять, познакомиться с материалом. Тогда появляется интерес и внимание.

Чем больше интереса, тем меньше нужно усилий воли. И вот – мы и не заметили! – как увлеклись. Теперь работает послепроизвольное внимание – внимание, возникшее в результате наших усилий и «работающее» само. Чем интереснее работа, чем больше мы чувствуем необходимость её, тем больше мы сосредоточены. Теперь хоть из пушек стреляй!

Кстати, о пушках. Пушки не пушки, но какой-то шум, не отвлекающий нас, не слишком важный для нас, полезен, а не вреден. Абсолютная тишина – самый сильный раздражитель. Тишина сама по себе привлекает внимание! В тишине даже собаки в опытах Павлова нервничали, плохо учились. Тогда он открыл двери лабораторий так, чтобы собаки могли видеть людей и небо, слышать шум толпы на улице, и учение их пошло лучше!

Если есть небольшой шум, приходится немного напрягать внимание, чтобы отвлечься, и это напряжение полезно, а не вредно, оно помогает сосредоточению. На шум хорошо сваливать своё нежелание работать, плохое настроение, но когда станет тихо, то окажется, что желание работать от этого не пришло.

Так что не стоит, садясь за уроки, терроризировать всю квартиру и заставлять домашних ходить на цыпочках: «Тише! Коленька уроки делает!» Коленька должен уметь работать при любых обстоятельствах.

Чем больше увлечение работой, тем дольше сохраняется внимание. Даже шестилетние дети могут, не уставая, играть полтора часа. Но слишком долгое внимание, особенно волевое, ведёт к умственной усталости, изнеможению, даже головокружению. Тогда – а лучше не дожидаясь переутомления – надо отдыхать. Есть все основания считать, что человек устаёт не от умственной работы, а именно от усилий сосредоточить внимание. Первый признак усталости – падение внимания.

Так что многочасовое сидение над уроками, многочасовые попытки сосредоточиться почти бесполезны. Любыми средствами собрать всю энергию и сделать работу. Нет ничего хуже, чем

сидеть за столом и думать о чём-то, не относящемся к делу, то есть заниматься рассеянно.

Без внимания невозможен успех в умственной работе. Без успеха невозможно увлечение. Учение с увлечением – это учение со вниманием.

6

Сосредоточиться на рассказе учителя или на учебнике нелегко. Но, оказывается, ещё труднее сосредоточиться на собственных мыслях!

На всё у нас отведено время – на уроки, на гулянье, на умывание, на сон и на еду. Только на размышление времени нет! Для многих самые скучные собеседники на свете – они сами.

Когда Ушинский был юношей, он составил для себя распорядок дня, в котором был и такой пункт: с семи утра до восьми «думать о чём-нибудь дельном». Это он тренировал свою способность к сосредоточению.

Многие люди совершенно неспособны к такому занятию. Мысль скачет с одного предмета на другой, от одного события жизни к другому; происходит не движение мысли, а брожение. Сосредоточиться трудно. И никогда такой человек ни до чего дельного не додумывается.

Попробуем быть внимательными к собственной мысли, попробуем хоть раз в жизни сосредоточиться на каком-нибудь одном предмете и подумать о чём-нибудь долго – полчаса, час, день или неделю. О чём мы будем размышлять? Об интересной для нас лабораторной работе по химии? О книге? О причинах поражения нашей футбольной команды? Для начала важно одно: суметь сосредоточиться на предмете размышлений и думать о нём хоть сколько-нибудь долго! Попятно, что, пока мысль не захватила нас окончательно, надо искать уединения, потому что реальные движения захватывают внимание активнее, чем движения собственной мысли. Серьёзные мысли обычно приходят в голову в уединении.

7

Сосредоточенность зрения, наблюдательность тоже зависят от того, что интересует человека.

Ленинградский психолог А. А. Бодалёв провёл такой опыт. Он попросил ребят и взрослых разного возраста составить «словесные портреты» нескольких людей, а потом подсчитал, сколько раз в этих портретах было обращено внимание на

одежду, на глаза и на причёску. Все видели перед собой одних и тех же людей, а заметили разное, в зависимости от интересов. У каждого возраста свои интересы, поэтому получилось следующее (горизонтальная строчка – возраст, вертикальная – процент людей, обративших внимание на одежду, глаза и причёску) :

	10-11	11-12	13-14	14-15	17-18	21-26
одежда	71	65	62	72	20	6,8
глаза	51	54	75	87	92	75
причёска	26	24	84	97	73	13

В 14-15 лет ребят очень интересуют проблемы причёски – и пожалуй-ста: процент заметивших, как подстрижены и уложены волосы, поднимается до... девяноста семи.

Иногда думают, что внимание и наблюдательность можно тренировать на случайных предметах. Спрашивают:

- Сколько колонн у Большого театра?
- Сколько ступенек на вашем крылечке?

И если не знаешь – значит, считается, мы невнимательны. Но человек, замечающий всякую чепуху, вот он-то и есть, пожалуй, самый рассеянный.

Машинисту паровоза нужно быть очень внимательным, это понятно. Одно время кандидатам на этот пост давали таблички с цифрами: надо было на некоторых, определённых клетках ставить галочки. Так проверяли внимание. Но позже оказалось, что человек может прекрасно уметь ставить галочки в клетках – и быть рассеянным в будке машиниста.

Внимание надо развивать именно в той деятельности, для которой нам внимание нужно. Считая ступеньки, не научишься сосредоточиваться на уроках.

Однако некоторая польза от таких упражнений в наблюдательности и внимании есть. Упражнения эти приучают человека быть всё время собранным, готовым к действию. Мозг не спит, глаза открыты, уши слышат – как у разведчика. Когда разведчики идут в поиск, их чувства обостряются. Ни одна мелочь не ускользнёт от их внимания. И трудно представить себе разведчика, который в минуту опасности вдруг отвлекся, задумался о чём-то своём.

Внимание – жизнь, ясность сознания. Невнимательность – сон, расслабленность, вялость мысли и чувства.

Но лучший способ развить внимание – научить себя быть внимательным к людям. Здесь нам придётся говорить то, о чём уже говорилось в предыдущей главе, но это неизбежно. Учение в школе неразрывно связано с учением в жизни, с отношением человека к человеку. Все способности развиваются не только за книгами, но и в обычной жизни. Так и с вниманием. Каждая встреча с другом, с знакомым, малознакомым, случайным человеком, каждая такая встреча, пусть самая мимолётная, заставляет собравших людей обратить всё своё внимание именно на этого человека. Не разговаривать рассеянно, ни к кому не относиться пренебрежительно, никогда не «спать» в момент общения, а полностью сосредоточиться на том, с кем мы разговариваем, заметить его состояние, постараться понять его.

Что значит сосредоточиться на том человеке, с которым мы разговариваем, работаем, играем, идём по улице? Это значит отвлечься от себя, от своих собственных мыслей и мыслей о себе самом. Но как раз эта способность отвлекаться от мыслей о себе, от своих забот – как раз эта способность и лежит в основе внимания, как раз она и необходима, когда садишься за уроки.

ОПЫТЫ НА СЕБЕ

Выберем самый скучный для нас урок и начнём экспериментировать.

Приведём себя в боевое состояние внешне, то есть сядем прямо, подберёмся, и внутренне, то есть настроимся слушать и убедим себя, что слушать сегодня необходимо.

Следя за рассказом учителя, не будем стараться запоминать его: только понимать, только следить за мыслью. Человек не может сразу и понимать и произвольно запоминать. Будем стараться только понять, да получше, и многое запомнится само собой.

Чтобы легче было следить за мыслью учителя, не упускать её, будем сами мысленно работать. Работы у нас две:

первая – задавать себе вопросы: почему так? Если они остаются без ответа, спросим учителя;

вторая – мысленно составлять в уме план рассказа учителя, то есть делить рассказ на части. Отметить про себя: «Так, это первое... Понятно. Теперь второе... третье...» Эта работа ума чрезвычайно помогает вниманию.

Если же урок всё-таки остаётся непонятным и внимание рассеивается (за непонятным следить невозможно), значит, остаётся одно: готовиться к уроку заранее, чтобы рассказ учителя был не совсем новым, а повторением.

Дома, принимаясь за книгу и проделав сначала необходимые упражнения, соберём все силы на первые минуты работы – и вскоре появится послепроизвольное внимание. Но будем помнить, что, если мы отвлечёмся на что-нибудь, всё придётся начинать сначала – опять вработываться. Это очень невыгодно. Так что не отвлекайтесь!

Но, кроме того, будем разными способами тренировать свою внимательность и способность к глубокому сосредоточению. Будем слушать музыку, подолгу рассматривать картины в музее или их репродукции и, главное, будем заставлять себя – на первых порах заставлять! – полностью сосредоточиваться на каждом человеке, с которым мы вступаем в какие-то отношения.

Глава 9 • ПАМЯТЬ

1

От самого рождения начинает действовать наша память и действует безостановочно всю жизнь. А с какого-то возраста каждый помнит всё или почти всё, что случилось с ним в жизни и что имело значение для его жизни.

Память не есть что-то специально школьное. Памятью обладают все люди, даже если они никогда не учились в школе и не читали ни одной книги. Это – произвольная память. Важное для нас мы запоминаем без всяких усилий, без всякого заучивания, без всякой работы.

В школе же необходимо запоминать многое такое, что само собой не запомнится: нужна волевая память, память по принуждению, нужны специальные усилия, работа по запоминанию. Какими должны быть эти усилия? Что надо делать?

Одно совершенно ясно: действовать надо только в согласии с природой памяти. Всякая попытка действовать против природы в конце концов приведёт лишь к тому, что придётся вздохнуть и пожаловаться: «У меня плохая память». Но нелепо сажать дерево корнями вверх, а потом жаловаться на плохую почву!

Попробуем исследовать природу произвольной памяти, подметить её законы, с тем чтобы перенести эти законы на волевою память.

Начнём, как всегда, с самого очевидного: мы легко и непринуждённо запоминаем то, что нам очень нужно. Предложение выучить наизусть расписание электричек с Белорусского вокзала покажется почти издевательством, и нам понадобится несколько часов изнурительной работы, чтобы запомнить столбец ничего не значащих для нас цифр. Но представьте себе, что вам действительно нужно вечером попасть на электричку, прийти на вокзал вовремя, и вы мгновенно запомните часы и минуты отправления поездов. Телефон друга запоминается сразу, случайный телефон тут же вылетает из головы. И если человек говорит девушке, что он не виноват в том, что не пришёл на свидание, потому что он просто забыл о нём, то девушка может сделать вполне закономерный вывод: её не любят. Любимое не забывается.

Наша память устроена так, что она сама удерживает всё, что нам интересно, важно, необходимо для жизни, и нелегко понять, почему она так устроена. Иначе голова была бы захлаплена тысячами ненужных вещей. Память удерживает только нужное!

Учить, не стараясь выучить, учить без цели, без желания – пустое занятие, глупая растрата времени и сил. Память из всех сил сопротивляется, ей не нужно то, что мы учим – а мы вдалбливаем, вдалбливаем... Может ли быть более глупый способ заниматься?

Это доказано и в опытах психологов. Испытуемых просили выучить наизусть ряд бессмысленных слогов и записывали, сколько повторений для этого потребовалось. Потом старались как-то заинтересовать их в работе: устраивали соревнование или обещали награду. И людям с той же самой памятью нужно было чуть ли не вдвое меньше повторений для заучивания таких же бессмысленных слогов.

Интересно, что многие ребята на опыте своём открыли этот закон и научились пользоваться им. Они старались мысленно поставить себя в такое положение, в котором сегодняшний урок крайне необходим, – и сразу обострилась память, и сразу становилось легче и интереснее учить даже самый ненавистный урок!

Вот рассказ Леры Трояк, которая живёт на станции Варфоломеевка, Приморского края:

«Меня зовут Лера. Я учусь в восьмом классе. Самый скучный для меня предмет – это анатомия. Может, и не так он скучен,

как противен. Учишь сго и не веришь, что ты состоишь из всего того, что там написано. Особенно противно стало, когда учительница отрезала голову лягушке. Этот поступок я даже не знаю, как оценить. Всё-таки чтобы отрезать невинной лягушке голову под хохот бессердечных мальчишек, надо быть и самой бессердечной. Я тогда плакала. Ведь учёные если и делали этот опыт, то от этого только польза, а мы ведь читали в учебнике про опыт, зачем же ещё показывать? Разве мы не верим? И я получила по анатомии тройку. – Но вот прочитала про «Учение с увлечением» и задумалась: может, есть такой способ, чтобы и мне смогла понравиться анатомия? Я подумала: а большую ли пользу приносит этот предмет? И решила: очень большую – ведь наши врачи без анатомии не могли бы вылечить людей, они бы не знали, где у человека сердце, где лёгкие. Я представила себе, что мы с подружкой заблудились в тайге и она сломала себе ногу, а я не читала параграф, где об этом написано, и Люда осталась калеккой. Я так себе это внушила, что даже испугалась, и выучила чуть ли не наизусть этот параграф и ещё один лишний (на всякий случай). Потом пошла к подружке и сделала задание, указанное в учебнике, тренировалась на Люде оказывать первую помощь. Я даже не знала раньше, что можно так интересно учить урок. Мы нашли старые журналы и прочитали все статьи о переломах, вывихах и растяжениях, а потом до самого вечера перевязывали друг друга. Вчера я получила пятёрку и считаю, что мой опыт удался. Потому что опять учу анатомию сегодня, хотя знаю, что меня не спросят завтра. Теперь хочется всегда учить так все предметы. Вдруг ты не научишься читать карту, а тебе это необходимо в данный момент, а вдруг к тебе подойдёт иностранец, а ты не знаешь английского языка, и англичанин везде будет рассказывать, какие глупые люди в Советском Союзе: ведь по одному человеку судят о целом коллективе... Учение с увлечением! Трояк Валерия».

А Вера Рубина из посёлка Октябрьского, Свердловской области, научилась даже... «превращаться» в разных людей, в зависимости от предмета:

«Если я учу химию или физику – я химик или физик, но никто не верит в мои открытия. И мне нужно доказать, убедить людей. А вдруг я ошибаюсь? Проверяю свою работу вновь и вновь. Если решено верно – я рада, что всё хорошо. Когда учишь алгебру или геометрию, здесь можно придумать множество занятий: конструктор (на каждый день разный: авиаконструктор, конструктор космических кораблей и прочее), учёный-математик, архитектор и ещё много.

И вот сию решаю. Нужно разработать новую модель самолёта, но для этого нужно сделать много расчётов.

Учу зоологию – я медик. Мне нужно знать строгие всех живых существ, чтобы потом проводить на них опыты, которые помогут победить болезни человека. Или же я биолог, и я хочу принести пользу человечеству.

И так к каждому предмету можно найти подход. Тогда всё, что ты учишь, покажется интересным, новым и, главное, нужным. Все эти превращения мне очень помогают».

Дальше умная эта девочка рассуждает совсем серьёзно – видимо, её опыты не прошли зря и она научилась предвидеть возможные возражения. Замечательное свойство! Вера Рубина пишет:

«Может быть, кто-нибудь скажет, что такое серьёзное дело, как учение, превратилось в игру. Мне кажется, он будет не прав. Ведь, превращаясь, ученик получает крепкие знания. Ему интересно. Он хочет учиться. И ведь он может выбрать профессию по душе. Он переберёт уйму профессий. И какая-то ему понравится больше всех. Ведь эти превращения помогли мне и заинтересоваться учением, и я уже знаю, кем буду. Я буду инженером-строителем.

До свидания!

Учение с увлечением!

Извините за почерк, но я ещё не очень хорошо могу писать левой рукой».

Почему Вера пишет левой рукой, она забыла сообщить. Может быть, правая – болит, а может быть, Вера «превратилась» в левшу.

Стёпа Мельников из посёлка Уста, Кировской области, «превращается» немножко по-другому. «Моим нелюбимым предметом была математика, – пишет Стёпа. – И я вообразил, что я – великий математик, и стал делать задачу. Через полчаса она у меня получилась». На восьмой день пребывания в великих Стёпа обнаружил: «Когда я сажусь делать уроки по математике, то очень радуюсь! И во всём этом мне помогло учение с увлечением. Теперь у меня такое правило: «Математика – мать учения. Без математики никуда, но с математикой везде».

«Нравится ли вам такой способ учения? – спрашивает Стёпа. – Лично мне – очень».

Ещё бы: Стёпа, как видно из его письма, стал лучше учиться, стал решать задач больше, чем задано. У него и на этот счёт появился девиз: «Чем больше, тем лучше».

Многие ребята, особенно девочки, когда делают уроки, «превращаются» в учителей. Тая Бабий из Ялты рассказывает урок куклам своей младшей сестры, а потом спрашивает их: «Я вызывала каждого ученика и задавала вопрос по теме, а затем, уже в роли отвечающего «ученика», я отвечала на

вопрос. После опроса всех учеников я вновь прочитывала все домашние задания (вслух), ещё раз отвечала на все вопросы в конце текста и закрывала учебник».

А Надя Махова из посёлка Свердловка, Московской области, даже сделала классный журнал, написала в нём по алфавиту список класса и «начала делать опрос (то есть спрашивать сама себя). За каждый ответ ставлю соответствующую отметку». Так Надя с переменным успехом занималась несколько дней, пока не обнаружила: «Раньше мне казалась эта география каторгой, а сейчас, когда приду из школы, так и хочется быстрее сделать уроки и садиться за географию. А почему? Да потому, что когда её так делаешь, то думаешь больше, что ты учитель, а не ученик, и самому становится интересно...»

Этот журнал я буду вести целый год, чтобы география мне опять не разонравилась».

И Лера, и Вера, и Стёпа, и Надя поняли первое и главное природное свойство памяти: она легко впитывает то, что нужно человеку, и не хочет вбирать в себя ненужное.

Следовательно, прежде чем начать урок, надо любым способом убедить себя, что он остро необходим. И если для этого вам нужно мысленно «превратиться» хоть в чудовище морское, не стесняйтесь, «превращайтесь»!

А позже, когда мы увлечёмся предметом и начнём в нём немножко разбираться, все эти превращения станут ненужными, потому что мы станем понимать логику самого предмета, порядок тем, разделов, глав и параграфов, и нам **нужно** будет учить для изучения самого предмета, и память наша будет работать безотказно.

3

Знаменитому разведчику Николаю Кузнецову предстояло пробраться в занятый фашистами город под видом лейтенанта гитлеровской армии Пауля Зиберта. Но чтобы его не разоблачили, Кузнецов должен был выучить наизубок не только биографию Зиберта, имена всех его родных и знакомых, но и всё, что мог знать Зиберт: адреса магазинов, где Зиберт покупал перчатки, названия ресторанов, где он мог бывать, результаты футбольных матчей, которые он мог посещать... И всё это надо было выучить за неделю!

У Кузнецова была хорошая память, он развил её в школе. Вдобавок она ещё больше обострилась, потому что от того, насколько прочно выучит он всё про Зиберта, зависела жизнь разведчика и выполнение задания.

А мы видели уже, что жизненная необходимость резко усиливает память.

Но вот как учил все эти трудные мелочи Кузнецов: он внушил себе, что всё это действительно было с ним, что он действительно покупал перчатки в чужих немецких городах и был на футбольных матчах. Он внушил себе, что он не запоминает новые для него сведения, а только вспоминает их... И задача была выполнена: позже, во вражеском тылу, в разговоре с фашистами, Кузнецов мог непринуждённо отвечать на самые каверзные вопросы.

Легче всего мы запоминаем не слова, не картины, а то, что мы сами делали – реально или в уме. Лучше всего запоминаются наши собственные действия!

Это доказал психолог П. И. Зинченко.

Он проделал такой простой опыт (почти все опыты кажутся простыми после того, как их кто-то поставит): взял карточки с рисунками и пронумеровал их. Потом попросил ребят классифицировать карточки по рисункам, разложить их в определённом порядке. На следующий день ребят спросили: какие рисунки вы запомнили и какие цифры? Оказалось, что хотя ребят и не просили ничего запоминать, многие рисунки они произвольно запомнили. Цифры же почти не запомнили им.

Тогда взяли другую группу ребят и попросили их раскладывать карточки по порядку цифр. На следующий день оказалось, что эти ребята произвольно запомнили цифры, а рисунки запомнили хуже...

В чём же дело? Ведь и те и другие видели перед собой и рисунки и цифры; и те и другие ничего не старались запоминать; но одни запомнили рисунки, другие – цифры...

Значит, сила произвольной памяти зависит не от содержания того, что перед глазами, а от чего-то другого... От чего же?

От наших действий. Действовали с цифрами – запомнили цифры. Действовали с рисунками – запомнили рисунки.

В другом опыте ребятам давали лёгкие задачи, на следующий день просили вспомнить, какие числа были в них. Ребята называли некоторые числа. Тогда давали трудные задачи – и ребята запоминали числа гораздо лучше, потому что они дольше и серьёзнее действовали с этими числами.

Мы произвольно запоминаем то, с чем мы действуем, оперируем. Чем больше работы с материалом, тем больше мы запоминаем произвольно.

Значит, когда учишь урок, то самое невыгодное – повторять слова, написанные в учебнике. И самое выгодное – мысленно действовать с параграфом или страничкой, заданной на дом.

Что значит действовать?

Мы говорили уже о том, как создаются понятия: каждое понятие есть мысленное действие, создание модели в голове, конструирование такой модели. Чтобы составить понятие о маятнике, надо создать в голове мысленную модель маятника; чтобы запомнить ход Полтавской битвы, надо не просто разобрать это сражение в уме, но понять его значение для **России**, вспомнить всё, что предшествовало битве, и продумать её последствия – словом, надо хорошенько «повозиться» с материалом, и тогда он сам собой запомнится, потому что **действия** наши запоминаются непроизвольно, без усилий. Пётр Великий, вероятно, хорошо помнил ход Полтавской битвы потому, что он не читал о ней, а руководил ею, действовал. Нам же, чтобы запомнить его действия, тоже надо самим что-то поделать, хотя бы в уме, – без этого мы не сумеем составить понятия о битве 1709 года и запомнить, кто с кем сражался, кто победил и почему.

Возможность действовать с материалом есть всегда, надо только чуть-чуть подумать. Казалось бы, что можно придумать, если задали учить внутреннее строение речного рака? Что может быть скучнее! Учи, зубри, да и только! Тania Красько из Харькова ужасно мучилась однажды, прежде чем взяться за учебник зоологии: «Я сначала сделала все остальные уроки, а потом решила учить внутреннее строение рака. Пока я делала уроки, меня терзала мысль, что дело движется к зоологии. Я себя выругала и решила сделать передышку. Эта пятиминутная передышка растянулась на три с половиной часа. Я не могла заставить себя заниматься. Уже сев, подумала, что я неправильно всё поняла, надо не только внушать себе, что работа интересна, а **делать её интересней**. Я взяла мамин медицинский атлас и стала сравнивать внутренности рака с внутренностями человека. Мне эта работа понравилась. Я получила удовлетворение...»

Отчего Тania получила удовлетворение? Ведь внутренности речного рака несколько не изменились от того, что их сравнили с внутренностями человека, не стали они ни скучнее, ни интереснее.

Но изменилась работа Тани. Пока она собиралась просто зубрить, она никак не могла сесть за работу. Но как только она придумала, как действовать – а сравнение, которое она провела, это и есть умственное действие, ей сразу стало интересно и легко. И главное – можно поручиться! – Тania запомнит несчастные внутренности бедного рака на всю жизнь! Потому что она **действовала**, а действия наши, особенно самостоятельные, запоминаются надолго.

Саша Титов из Мурманска придумал действие попроще: в упражнении по русскому языку он наметил как бы «станции»

– заглавные буквы у имён собственных. «Я говорил себе,– рассказывает Саша,– что заглавные буквы очень красивые и выглядят внушительно. Я старался писать как можно красивее, выполнял все задания и наконец первого октября почувствовал что-то похожее на удовольствие, когда делал русский язык. А третьего октября нам не задали по русскому, и я был огорчён».

Таня **сравнивала**, Саша **делил** материал на части, причём довольно произвольно, случайно – по заглавным буквам. Если же мысленно продумать операцию разделения по логическим частям, то результат будет ещё лучше.

4

Нетрудно сообразить, почему так получится. Ведь способность запоминать крючочки и чёрточки, составляющие буквы в книге или тетради,– самая новая способность человека. Природа не могла предусмотреть, что человек окажется таким хитроумным и изобретёт письмо и книгопечатание. **Природное** в нас хорошо **видит, слышит, осязает**. Но в книге практически ничего не видно, и не говорит она, и на ощупь – не круглая и не жидкая, а на вкус – не кислая и не солёная. Поэтому если читать книгу только глазами, не работая умом, если воспринимать только слова, то никак их не запомнишь. Это самая слабая способность – запоминать напечатанные слова! (Хотя есть люди, у которых эта способность очень развита: книжная страница как бы отпечатывается у них в памяти.) Обычному человеку гораздо легче запомнить не прочитанное, а увиденное и услышанное. Значит, когда читаешь учебник, то надо мысленно видеть и слышать то, о чём говорится в нём,– должна работать способность к представлению.

Все, даже первоклассники, слыхали, что нельзя учить бессмысленно, то есть зубрить. Но люди обычно думают, что нужно извлекать смысл из написанных на бумаге слов.

Между тем смысл надо не извлекать, а **вкладывать!** На бумаге нет сада, реки, Уота Тайлера и повстанцев Болотникова – на бумаге только чёрточки и точки. В эти чёрточки-буквочки нам самим приходится вкладывать смысл, по возможности тот же самый смысл, который хотел вложить автор. Вот это и значит о-смысливать текст, придавать ему смысл, понимать его.

Поэтому-то общее развитие человека и определяет его способность к учению. Чем больше у меня в голове понятий, смыслов, тем больше смысла я могу вложить в каждое слово, тем точнее и богаче представления, которые стоят за словом.

смыслом, создавать в сознании богатые и яркие картины, постигать понятия. Вся эта умственная работа приведёт к тому, что материал произвольно запомнится.

Будем осмысливать текст, вкладывать смысл в каждое слово; работать с ним – делить на части, сравнивать, сопоставлять, доискиваться до причин, изучать следствия, не думая о том, чтобы запомнить, – и произвольная память сама сработает.

И лишь после того, как всё понято и поработала, независимо от нашей воли, произвольная память, лишь после того приступим к заучиванию.

5

Потому что – никуда от этого не денешься! – только волевым, преднамеренным, произвольным запоминанием, только изучением материала с прямой целью – запомнить, только оно даёт прочное знание, знание навсегда.

Я проделал такой смешной опыт: попросил двадцать взрослых людей, окончивших школу двадцать – тридцать лет назад, вспомнить некоторые исключения из правил русской грамматики. Не запинаясь, не ошибаясь, ни на мгновение не задумываясь, все говорили мне:

– Уж, замуж, невтерпёж! Гнать, держать, дышать и слышать, смотреть, видеть, ненавидеть, и обидеть, и терпеть, и зависеть, и вертеть... Стекло, оловянный, деревянный... Но никто – ни один человек! – не мог сказать, например, из какого же правила исключения «уж, замуж, невтерпёж». Исключения помнят все. Правила – никто.

Потому что исключения крепко учили наизусть... Старый русский педагог Каптерев говорил, что «настоящее твёрдое и правильное запоминание есть запоминание волевым».

В дореволюционной гимназии очень много учили наизусть. Чтобы сдать экзамены на аттестат зрелости, надо было, например, знать наизусть девяносто шесть стихотворений и прозаических отрывков, в том числе одних только басен Крылова – двадцать, стихотворений и отрывков из поэмы Пушкина – двадцать три...

Можно по-разному относиться к этому, можно презрительно бросить: «Зубрёжка». Но такая «зубрёжка», хоть она и нелегка была, очень развивала память.

Маркс для развития своей памяти в юности учил наизусть стихи

на неизвестных ему языках: чтобы работала (и развивалась) только память.

Когда я учился в школе, наша преподавательница литературы заставляла нас учить наизусть большие отрывки – цитаты – из всех произведений, которые мы проходили. Мы, естественно, злились на неё и потешались над этими цитатами. Судачили, говорили, что учительница эта больше ни на что не способна, только заставить выучить цитаты.

Но пришли экзамены, и нам было легко писать сочинения. В ту пору книгами на экзаменах пользоваться не разрешалось. А прошло много лет, и если скажут «Война и мир» – сразу вспоминается: «Старый дуб, весь преобращённый, раскинувшись шатром сочной, тёмной зелени, млея, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца...» – и так далее, и так далее, и видишь Андрея Болконского перед собой, и слышишь внутри себя дивную речь Толстого...

Оттого, что учили **основательно**.

Неосновательное учение не имеет силы. Что само собой запомнилось, то само собой и забудется; что легко пришло, легко уйдёт.

Так что же, всё зубрить наизусть?

Нет, отчего же.

На уроке понять.

Многое невольно запомнить.

Облегчить себе этим волшебное запоминание.

Потом запоминать, стараясь запомнить навсегда.

Впрочем, не надо «навсегда». Поставим ли мы цель «запомнить до утра» или «запомнить навсегда» – результат будет один и тот же.

6

Закономерности волшебной (произвольной) памяти изучены в экспериментах лучше всего. Рассказывать о них долго, получится целый том. Поэтому просто перечислим некоторые из тех открытий, которые сделали учёные. Сравним их со своим опытом запоминания.

Это интересное занятие.

1. Трудность запоминания растёт не пропорционально объёму. Чтобы запомнить двадцать строк, надо не в два раза больше времени, чем на десять строк, а гораздо больше. Но чем больше объём заучиваемого материала, тем дольше сохраняется он в памяти! Большой отрывок прозы выгоднее учить, чем короткое изречение.

2. При одинаковой работе количество запоминаемого тем больше, чем выше степень понимания. В опыте пятнадцать бессмысленных слогов пришлось повторять двадцать раз, пятнадцать отдельных слов – восемь раз; пятнадцать слов, связанных по смыслу, – только три раза.

3. После того как материал удалось по памяти воспроизвести, можно вроде бы и кончать работу. Дополнительные повторения избыточны. Но эти избыточные повторения резко увеличивают сохранность материала в памяти и качество сохранения.

4. Распределённое заучивание лучше концентрированного. Это значит, что лучше учить с перерывами, чем подряд. Лучше учить понемногу (по десять – пятнадцать минут) много дней, чем помногу (полчаса-час) один-два дня. Если варьировать перерывы между упражнениями, можно найти лучшее для нашей памяти распределение. Надо провести над собой опыты. Чем больше и сложнее материал, тем преимущества распределённого во времени учения становятся значительнее.

5. До шестнадцати строк текста выгоднее учить целиком.

6. Когда учат по частям, доходят до конца и «собирают» всё вместе, то кажется, будто возникла совсем новая задача и всё надо начинать сначала. Появляется разочарование, вся работа разлаживается, результаты ухудшаются. Этой временной трудности нельзя поддаваться, потому что она обязательна для всех, и обойти её нельзя.

7. Если просто много раз подряд читать текст, то через четыре часа останется в памяти примерно шестнадцать процентов его. Если же тратить пятую часть времени на повторения, то через те же четыре часа останется в памяти девятнадцать процентов. Потратить две пятых времени на повторение – останется двадцать пять процентов.

Чем большую часть времени тратим мы на повторение по памяти, а не на простое многократное чтение, тем выгоднее.

8. Из двух материалов – большего и меньшего – выгоднее начинать учить с большего.

9. Результаты самой первой попытки воспроизвести материал по памяти очень устойчивы, даже если мы воспроизвели неправильно. Первая попытка имеет решающее значение, вторая – важна, третья и четвёртая лишь немного улучшают результат, пятая обычно не нужна.

10. Если во время отдыха между заучиванием и повторением мы спали, то материал почти не забывается. Если бодрствовали, занимались другими делами, то за это же время он забудется.

Во сне человек не запоминает – но и не забывает, потому что забывание – тоже, видимо, работа...

Но отчего для учения наизусть, для прочного запоминания надо много раз повторять? Отчего не запоминает обычный человек с первого раза?

Поблагодарим природу, что это так. Представьте себе, что всё, с чем мы встретились в жизни, сразу и навсегда запоминается. Что творилось бы в голове!

Но мы уже видели, что в памяти удерживается лишь то, что остро нужно человеку; что лучше всего запоминаются наши действия (очевидно, это свойство выработалось в процессе труда, как и все другие важнейшие психические свойства человека). Теперь можно сказать и о третьей основной особенности памяти: в ней удерживается, как правило, лишь то, что находит какое-то применение в деятельности человека.

Дорогу в школу не приходится специально заучивать: мы просто ходим по ней и через несколько дней можем добраться до школы с завязанными глазами. И не приходится заучивать план действий, необходимых для того, чтобы забить гвоздь, просохаться на коньках, почистить зубы, зашнуровать ботинки, — все эти планы прочно сидят в голове, хотя когда-то нам пришлось специально учиться и чистить зубы, и кататься на коньках. Потом эти простые умения нужны были нам очень часто, мы применяли их постоянно, и вот запомнили.

В нашем сознании прочно закреплены сотни таких планов действий: мы не задумываясь, не путаясь садимся в трамвай, или чистим картошку, или пишем буквы в тетради, или поливаем цветы.

Собственно, всё, что есть у нас в голове, — это набор знаний, набор образов и набор планов действий. Когда мы узнаём в школе правила умножения или деления, мы тем самым осваиваем новые планы действия. Как закрепляются они? Только применением, постоянным применением: мы тысячу раз умножаем и делим, до тех пор, пока не начинаем умножать и делить почти автоматически. А то, что не находит применения, так же автоматически вылетает из головы, даже самой талантливой.

Когда мы учим материал наизусть, мы как будто применяем его, как будто он нужен нам второй, третий, четвёртый раз. Каждое повторение — это своего рода применение, можно сказать, псевдоприменение. Заучивая, повторяя материал несколько раз, мы слегка обманываем нашу память ложными, будто бы нужными применениями. И память слаётся, удерживает материал.

Но каждому понятно, что действительно прочное запоминание возможно лишь тогда, когда применяешь материал по многу

раз на протяжении долгого времени. Любой сегодняшний урок, если всмотреться в него, требует применения многих знаний и умений, полученных прежде. Повторить их в уме – несколько минут. Но зато какая прочность, точность, ясность в голове! А учить что-нибудь наизусть и тут же забывать – значит разрушать память непоправимо, разрушать способность к прочному запоминанию.

8

После того как было приведено множество правил учения наизусть и сказано столько слов о памяти, самое время сказать об огромном вреде учения наизусть.

...Одному человеку дали очень сложную инструкцию для работы на новой машине. Он прочитал её сорок шесть раз подряд и так и не смог понять, что же ему надо делать.

Тогда ему предложили выучить её наизусть.

Как! – вскричал бедолага. – Я ещё и наизусть учить должен?!

И выучил с шестого повторения.

Как бы ни было трудно учить наизусть, но во много раз труднее думать, понимать, строить мысленные модели понятий. Оттого-то в школе некоторые ребята и выбирают лёгкий путь – путь бессмысленного запоминания, то есть зубрёжки. Сначала, в первом, втором, третьем классе, всё идёт как по маслу: уроки небольшие, выучить их ничего не стоит, слегка подзубрил – пятёрка обеспечена.

И мама рада, и сам доволен...

Расплата наступает позже.

«В пятом классе у меня по истории была пятёрка, – пишет И. К. из Фрязино, Московской области, – Это потому, что я все параграфы учила наизусть. Но на это уходило полтора часа. А сейчас я их наизусть не учу, они очень большие. Получаю тройки. Я не понимаю, зачем нужна история. Ну зачем нужно учить про жизнь и быт феодалов, про то, как жили славяне?»

Зачем?

На сегодня нам задали мало, всего одну страницу. Я уже прочитала её пять раз и ничего не запомнила. И ещё пять раз прочитаю. И всё равно не буду знать, чем отличаются классы при феодальном и рабовладельческом строе. Самый плохой предмет – история!»

Не будем вступать в спор, нужна история или не нужна. Всё, что у нас не получается, кажется нам ненужным... Но сейчас нас интересует другое: как помочь таинственной И. К?

Ведь та же самая беда, например, у Бориса Ратникова из Куйбышевца и, наоборот, у многих-многих ребят:

«От пересчитанного я буквально ничего не помню. Я занимаюсь, можно сказать, больше чем отличник. Приду из школы, отдохну немного и сяду за уроки. Прочитаю текст несколько раз – ничего не помню. Так просиживаю над ними до вечера. Приходится учить почти наизусть, тогда только немного запоминаю. А приду в школу, опять в голове ничего нет. Прочитаю на перемене, расскажу кое-как. Это началось у меня с пятого класса, а до пятого я учился хорошо. Думаю, что даже не сдам экзамены. Учю, учю, а ничего не помню. Свободного времени почти не остаётся. Если честно сознаться, я из-за памяти учусь неважно».

«Как мне натренировать память?» – спрашивает Борис. Но как раз память ему и человеку с инициалами И. К. тренировать не надо. Надо упорно учиться пересказывать своими словами, исправлять печальные ошибки юности – ошибки начальной школы.

Многим ребятам кажется, что чем лучше заучил материал, чем ближе к тексту рассказываешь его, тем точнее и полнее рассказ.

Это заблуждение.

Наоборот, чем больше учишь наизусть то, что предстоит рассказывать своими словами, тем меньше шансов добиться точности рассказа.

Понаблюдаем за собой, как мы рассказываем другу содержание фильма или книги. В нашем рассказе может не быть ни одной точной фразы из книги! Мы вспоминаем только самую суть и опускаем множество мелких подробностей. Нередко мы рассказываем так коротко, что можем уложить сюжет фильма в одной фразе.

Это и есть самая совершенная человеческая память, идеал памяти, образец: умение пересказывать только самое существенное. Пересказывать дословно умеет и магнитофон. И только человек умеет выделять в рассказе суть, запоминать её и пересказывать. Фактически человек каждый раз создаёт новый рассказ, он не просто передатчик, он в какой-то степени и автор этого нового рассказа.

Так память и творчество сливаются в одно. «Думать» и «вспоминать» в этом случае – одно и то же действие. И прекрасно!

К тому же если мы готовимся пересказывать, то есть создаём свой собственный рассказ, то это наше действие запоминается само собой, произвольно, и приходится тратить меньше сил на запоминание.

...Теперь можно подвести общий итоги наметить путь работы над материалом.

На уроке – слушать учителя и стараться понять его. Не запоминать, а понять, потому что, как уже говорилось, это две разные и несовместимые работы! На уроке работает ум, а память работает непроизвольно. Если мы старались понять – мы невольно и запомнили многое; если мы старались запомнить – мы ничего не поняли и не запомнили.

Дома – повторить материал, то есть поработать с ним: перекроить по-своему, упростить, сократить, сравнить с предыдущим, выработать свой рассказ и повторить его раз или два. То, что нужно запомнить навсегда и совершенно точно, – выучить наизусть: правило, стихотворение, отрывок прозаического произведения.

На уроке, если не вызовут, – отвечать в уме вместе с отвечающим у доски, пользоваться случаем для закрепления; если же вызовут, то не вспоминать текст учебника, а свободно рассказывать всё, что знаешь из урока, стараясь говорить точными и полными фразами, потому что только ясная, громкая, правильная, уверенная речь свидетельствует о точном знании и ведёт к точному знанию. Рассказывать не столько припоминая, сколько размышляя, как будто всё, что ты говоришь, только что пришло тебе в голову и является мировым открытием.

Перед тем, кто будет работать строго по этому плану, не станет путать, когда надо учить, когда думать, когда понимать, когда запоминать, – перед тем возникнет только одна трудная задача: уметь не зазнаваться из-за того, что дневник полон пятёрок.

Задача же увлечь себя скучным предметом исчезнет сама собой: хорошая работа не бывает скучна никому. Скучна только глупая, нелепая, неэффективная работа.

ОПЫТЫ НА СЕБЕ

Мы установили, что материал запоминается хорошо, если есть **цель**, действие и применение. Отсюда – первые опыты с собственной памятью:

1. Приступая к занятиям, постараемся как можно яснее представить себе, зачем мы учим урок. Если никакой **волнующей** цели не находится, то в крайнем случае можно и «превратиться» – в учителя, в великого математика, в собеседника для марсианина, который прилетел на Землю, встретил именно нас и мы должны ему кое-что объяснить... Наконец, можно представить себе

и самое простое, самое вероятное: что завтра вызовут к доске.

2. Попробуем хотя бы две-три недели не просто читать материал и пересказывать его в уме, а прежде поработать с материалом: сравнить его с прошлым, разделить на части, отметить главное, вложить смысл в каждое слово учебника. Не будем жалеть времени: оно вернется к нам с избытком.

3. Используем каждую возможность для применения нового знания. Начиная параграф, повторим предыдущий. Встретив полузабытый термин, вернемся и восстановим в памяти точное его значение.

4. Ещё один опыт, для тех, у кого очень плохая память. Её можно развить, заучивая наизусть большие стихотворения и страницы прозы. Ничего, что учитель не задал такого урока, можно выбрать стихи и прозу самому или посоветоваться с кем-нибудь из старших или друзей. У кого хватит прилежания каждую неделю учить наизусть по одному незаданному стихотворению, тот и память свою разовьёт прекрасно, и обогатит её хорошими стихами – они будут поддерживать человека всю жизнь и всю жизнь доставлять радость.

5. Последняя серия опытов – с пересказом. В чём обычная беда? Мы пересказываем слишком близко к тексту, а для этого стараемся почти учить его наизусть. Попробуем ограничить себя во времени: берём трёхминутные песочные часы, секундомер или просто поставим перед собой будильник. Три минуты – вполне достаточный срок, чтобы сжато, чётко и вразумительно пересказать смысл любого учебного текста! Несколько недель таких упражнений с часами – и мы навсегда отучимся зубрить уроки. Но обязательно укладываться в три минуты, и при этом не пропускать ничего действительно важного!

Глава 10 • УРОКИ В ШКОЛЕ

1

О первых пяти главах книги речь шла о стремлении учиться, о том, как развить волю, укрепить веру в себя, чтобы учение стало радостным. Следующие главы были посвящены мастерству в учении – умственному труду, труду души, вниманию и памяти. Это были вопросы теоретические – мы старались понять общие законы учения. Теперь взглянем на учение с практической стороны, пройдем обычный учебный день с утра до вечера,

со всеми его трудностями, и подумаем, как эти трудности преодолеть лучшим образом. У Гёте есть строчки:

Зачем страшит меня каждый миг?
Жизнь коротка, а день велик!

День велик! И потому без дальнейших разговоров отправимся на урок. Вот он уже начался, вот учитель вошёл в класс, сел за стол, открыл журнал... Перо медленно движется по списку. Кого вызовут? Замирают сердца. Ну конечно, меня! Я так и знал, что меня!

Делать нечего: встаём, бросаем последний взгляд в учебник – и к доске!

2

«Когда нас вызывают к доске, – огорчаются три подружки из Свердловска, Аля, Оля и Нина, – появляется какая-то робость, страх. И тут же все нужные слова бессмысленно и бесследно исчезают, зато язык щедро снабжает речь такими фразами: «Эта, как её...», «Эээ...», «Ну, значит...», «В общем...» и так далее. И главное, если б не знали! А то ведь знаем, учим, понимаем!»

Кто этого не испытал? Чей язык не снабжал речь предательскими «э-э» да «ну»?

Чтобы понять, как заставить наши языки говорить бойко и уверенно, разберём, что же происходит во время ответа, хотя, кажется, чего проще: учитель вызвал, задал вопрос, ты отвечаешь, чтобы получить отметку.

Если так понимать ответ у доски, «э» да «ну» почти неизбежны. На самом деле в этот торжественный момент, которого мы так ждали и так боялись, происходит много разных событий.

Во-первых, учитель проверяет, как мы готовились к уроку: это на поверхности. Мы все – даже заядлые отличники – нуждаемся в контроле, такова уж человеческая натура: «Не спросят – не буду сегодня учить, выучу завтра!» Чем чаще нас спрашивают, тем лучше мы учимся.

Во-вторых, во время ответа идёт и самопроверка. Поэтому многие ребята огорчаются, если их долго не вызывают. Им необходимо проверить себя, проверить свои знания на деле. Всю информацию о качестве нашей работы мы получаем от учителя, в этом одна из главных особенностей школы. Если нас не вызвали, работа кажется нам незавершённой.

В-третьих, именно здесь, во время ответа, вырабатывается умение складно говорить и логично мыслить. Не случайно учитель требует полного ответа. «Чему равна сумма углов треугольника?» – «Ста восьмидесяти градусам», – отвечаем мы. А учитель, как нам кажется, придирается: «Отвечай полно!» И, вздохнув, мы отвечаем: «Сумма внутренних углов треугольника равняется...» Но учитель не потому требует связной речи, что он педант и придира, а потому, что он учит нас говорить логично и, следовательно, логично, строго мыслить. Другой возможности научить нас мыслить у педагога нет. Только косвенно следя за правильностью речи, может он следить за ходом мысли. Когда-нибудь проверять выполнение домашних заданий будут машины. Это несложно. Но и тогда ученики будут отвечать урок у доски точно так же, как сегодня, иначе искусство речи будет утрачено человечеством!

Так что будем радоваться каждому вызову к доске: это единственная возможность учиться говорить серьезно, связно, логично, точно и кратко, да к тому же на языке науки. На уроке математики мы говорим математическим языком, на химии – химическим, на физике – физическим, то есть учимся осмысленно и привычно употреблять термины каждой науки. Не освоишь языка науки – не узнаешь и науки.

Итак, проверка, самопроверка и обучение речи... Всё?

Нет, осталось самое главное.

В то время, когда мы отвечаем у доски, идёт наше общение с классом. Мы не в пустой комнате отвечаем учителю, мы говорим перед классом!

И в этом главная тайна ответов у доски.

Светлана Шелленберг из Коркина, Челябинской области, рассказывает, как она дома не смогла доказать теорему, и, конечно, именно в этот день её и вызвали на уроке.

«Вышла я, сделала чертёж, написала, что дано, что надо доказать. Пишу: «Доказательство». Да, жаль, что вчера не доказала. Думаю, раз дома не доказала, доказывай здесь. Стояла я, думала... Так вот тут что! Оказывается, это просто. Написала я доказательство, проверяют у меня. Оказалось, всё правильно. Я до сих пор не понимаю, почему у меня так вышло. Ученики с увлечением!»

У Светланы вышло так именно потому, что она сказала себе:

– Доказывай здесь!

Другими словами, она не стала думать о неминуемой двойке, а сосредоточилась на доказательстве – включила творческий механизм души, проявила волю к ответу. Она, конечно, волновалась, но это было творческое волнение, радость творчества, работа души, и оно, это волнение, помогло найти ответ. Отвечать –

не значит **вспоминать** учебник, отвечать – значит сейчас, сию минуту создавать, творить рассказ из тех данных, которые есть. Слишком хорошо вызубренный урок даже мешает ответу.

Но чтобы ответ стал творчеством, человек обязательно должен чувствовать поддержку – как артисту нужна поддержка зала. Поэтому-то в современной школе и собирают в один класс несколько десятков ребят: чтобы ученик, выступая перед ними, мог творить, чувствовать вдохновение и радость. Но именно радостью отвечать перед товарищами мы подчас пренебрегаем. Мы посматриваем на учителя, следим за выражением только его лица: доволен? Недоволен? Чем меньше мы уверены в себе, тем чаще мы смотрим на учителя. Если он хмурится, мы окончательно запутываемся. А давайте, в поисках необходимой поддержки, смотреть на кого-нибудь из друзей: доволен ли он ответом?

Нам будет гораздо интереснее и легче отвечать, если мы будем отвечать не только учителю, но и классу, и не отвечать даже, а рассказывать нечто очень важное, чего никто не знает. Тогда придётся убеждать, выбирать из рассказа самое интересное, задавать вопросы и тут же отвечать на них. Хороший ученик как бы соревнуется с учителем: вы нам вчера так рассказали, а я вот как расскажу эту же историю!

Сообщение и в самом деле получится интересным, если к каждому ответу удастся припасти что-нибудь новое, такое, чего нет в учебнике и о чём не рассказывал учитель. На уроках математики это трудно, на физике – легче, на уроках литературы и истории – вполне возможно. Стоит заглянуть в соответствующий том энциклопедии, не говоря уж о других книгах, всегда найдёшь дополнительный материал. А как же «э» да «ну»?

Когда человек, отвечая, думает, он тоже, бывает, растягивает слова, не может поймать мысль, найти верное выражение... И тоже бывает у него и «э» и «ну»... Но это совсем другие междометия!

Они говорят об избылинии мысли, а не о бедности и потому переносятся слушателями терпимо.

Как только начнём отвечать, постараемся забыть, что мы на уроке, что поставят отметку. Будем профессионалами в своём ученическом деле! Не станем думать о том, **как** мы отвечаем, даже если выходит совсем плохо. Теперь уж поздно думать, не стоит. Доверимся творческому механизму в душе, и он сам, без вмешательства, сделает всё, что нужно. Откуда-то возьмутся и мысли и слова.

Если же ребята шумят во время ответа, кто виноват? Учитель? Класс? Нет, только мы. Это мы подрываем дисциплину

своим нудным ответом. В самом шумном классе, как только кто-нибудь начнёт хорошо отвечать, сразу устанавливается тишина.

Отметку за ответ ставит в журнале учитель. Но истинная отметка – в тишине или шуме класса. Как у артиста.

Если все сидели молча, затаив дыхание, если голос оборвался в тишине – значит, мы получили пятёрку.

Но бывает и так:

«Вот я сижу на уроке географии. Ученики отвечают еле-еле. Одно слово скажут и молчат. А учитель сидит с безучастными такими глазами. Одним словом, скучища!!! И как же после этого можно сказать: «География, я тебя люблю!», когда глаза слипаются от скуки? Никакого интереса. Урок тянется как резина. Что вы на это скажете?» (Тузова Оля, город Чита.)

Сказать нечего. Нет ничего томительнее и ужаснее! Всем тошно, даже учителю. Ученикам лишь кажется, что он сидит «с безучастным видом». Учителю ещё хуже: за какие грехи он обязан слушать галиматью?

Что же делать? Единственно: когда нас вызовут, постараемся не доводить людей до обморочного состояния!

Подсчитано, что к восемнадцати годам жизни человек произносит примерно шестьдесят миллионов слов. Сколько из них у доски? Сущую ерунду. Так нельзя ли эту малую толику всех наших слов сделать повесомее?

3

Как только мы поймём, что ответ – творчество, мы сможем сделать из этого важные выводы.

До сих пор мы вели разговор так, будто учение – только личное дело каждого, будто люди учатся в одиночку. Или один на один с учителем. Но в реальной жизни мы ходим не домой к учителю, а в школу, в класс. Мы учимся в классе, и это коренным образом меняет весь ход занятий.

Американский социолог Коулмен Джеймс и его сотрудники провели грандиозное исследование. Они изучили работу шестисот тысяч учеников. Они хотели раз и навсегда ответить на вопрос: что больше всего влияет на успеваемость учеников – квалификация учителя, затраты на одного ученика, уровень развития остальных учеников в классе? Или, скажем, количество книг в школьной библиотеке?

Это интересный вопрос. Можно подумать над ним – как бы ответили мы?

Результаты исследования оказались однозначными. Всё важно – и квалификация учителя, и оборудование кабинетов...

Но больше всего – класс!

Успеваемость, жизненные планы, развитие товарищей по классу важнее, чем затраты средств на одного учащегося, число учеников в классе, количество книг в библиотеке и даже квалификация учителя. И чем меньше развит ученик, тем больше его успеваемость зависит от окружения в классе.

Если все вокруг нас стараются учиться, болеют за свои отметки и знания, берутся решать задачи потруднее, хорошо отвечают у доски, много читают, то и мы поневоле начинаем тянуться. То, что интересно всем, интересно и каждому.

О чём говорят между собой трое ребят, когда они остаются одни? Болтают о пустяках? Обсуждают вчерашний матч? Или рассказывают друг другу о книгах, только что прочитанных? От этого многое зависит в нашей жизни!

Один молодой человек перешёл в девятый класс в новую школу. Вернувшись после первого дня занятий домой, он сказал отцу:

– Это хорошая школа...

– Почему?

– Здесь на перемене мальчишки не только анекдоты друг другу рассказывают, но ещё и о математике говорят...

Это действительно была хорошая школа.

Хорошая школа или плохая, определяется не только тем, что говорят учителя, а и тем, о чём говорят ребята, когда они остаются одни.

Человек заражается желанием учиться не прямо от учителя, а через класс. Интерес возникает не так:

увлечение учителя – увлечение ученика, а так:

увлечение учителя – увлечение класса – увлечение ученика.

Каждый интересуется чем-то важным. И каждый несёт свои интересы в класс, рассказывает о прочитанном, о работе в кружке и так далее. Создаётся такая общая копилка интересных мыслей, они ходят по классу, обсуждаются, кажутся, ими насыщен воздух в классе...

Это – интеллектуальный фон класса, умственный фон.

Учитель Сухомлинский ввёл и это понятие в педагогику. Он говорил, что высокий интеллектуальный фон совершенно необходим для учения.

На этом фоне учение идёт куда лучше, куда увлекательнее, куда быстрее! «Интеллектуальный фон» становится мощным источником общего развития учеников, необходимого для учения. Да и знаний прибавляется. Крупные учёные восемьдесят процентов всей новой информации получают не из книг и журналов, а по неофициальным каналам – общаясь и переписываясь

друг с другом. В обычной школе тоже так: «школьные» знания ребят питаются и поддерживаются «внешкольными» знаниями.

4

Неструдно предвидеть, что когда эти строчки прочитают ребята, некоторым захочется написать: «А у нас не так! У нас никто ничем не интересуется! У нас нет серьёзных и умных разговоров!»

«Я нахожусь среди скучных людей, как отряд в окружении противника. Мне хочется стать интересным человеком, но вперёд надо осилить скучных, так как они не дают это сделать. Из любого положения есть выход, но его не так-то просто найти», – пишет Игорь Р. из города Красный Сулин, Ростовской области.

Выход надо найти. Стать интересным человеком в одиночку почти невозможно.

Вот самое трудное дело, задача из задач, вот подвиг Геракла, который может совершить каждый, кто чувствует в себе силы.

Интеллектуальный фон не создаётся в один день.

Нельзя собрать собрание и постановить, что с завтрашнего дня все будут разговаривать только на умные темы и не говорить пошлостей.

Интеллектуальный фон создаётся годами, исподволь. Товарищ к товарищу, товарищ к товарищу, и вот в классе маленький кружок серьёзных людей. В самом расхлябанном классе можно собрать такой кружок.

Главное, не поддаваться общей пустоте и распушенности. Не поддаваться «под всех», если все не занимаются, а идти наперекор моде, наперекор всем влияниям и стараться учиться получше и притягивать к себе тех, кто тоже хотел бы учиться получше, да стесняется.

Что получится, замкнутый кружок «отличников»? Конечно, нет. Просто группа ребят, которые хотят стать развитыми людьми, читать серьёзные книги, делиться серьёзными мыслями, поддерживать друг друга в стремлении хорошо учиться, увлекательно отвечать, внимательно слушать... И если такая группа – пусть сначала в ней будут двое! – победит, если в классе пойдут другие, новые разговоры, если станет стыдным скучно отвечать у доски – вот это и есть подвиг Геракла!

Учиться же в классе, в котором никто не хочет и не умеет учиться, трудно. Это всё равно что плыть против течения. Нужна огромная сила воли!

Надя Савельева из Комсомольска-на-Амуре пишет, как хорошо идут у неё опыты «учения с увлечением»: в один день

она получила сразу четыре пятёрки за устные ответы. «За это вам большое спасибо,— пишет Надя,— но я хочу сделать небольшое отступление. Я стала получать пятёрки, но некоторые ребята считают, что я стала подлизой. Но ведь это не так! Я знаю!

Я пыталась разубедить их, но ничего не вышло. Может быть, я сама виновата?»

Нет, не виновата. Всякому, кто хочет переменить моду, сначала приходится терпеть насмешки. Со временем ребята поймут, что Надя не подлиза, что учение с увлечением доступно всем, и мода в классе переменится: будут уважать отличников, а двосчников жалеть.

У некоторых ребят учение потому не идёт на лад, что они плохо чувствуют себя в классе. Трудно новичкам. Трудно тем, кто слишком застенчив. Бывает, что у человека вражда с кем-нибудь в классе, и все душевные силы уходят на эту вражду, на переживание обидных слов, которые пришлось услышать, и на придумывание тех обидных слов, которые скажешь противнику завтра. Учиться трудно, школу не любишь, уроки делать не хочется.

Плохо тому, кто чувствует себя в классе одиноким.

Нужно учиться искусству общения, искусству устанавливать нормальные отношения с людьми. Это искусство доступно всем, потому что установлено; прямой связи между умом и способностью к общению нет.

Почему люди оказываются одинокими? Обычно потому, что они чем-то отличаются от других во взглядах и интересах, или потому, что ищут в знакомствах и дружбе выгоду, а не дают её, эту «выгоду», другому. Они ждут, чтобы кто-то обратил на них внимание, заинтересовался ими, а сами уделить внимание человеку, сосредоточиться на его делах не могут и не могут показать свой интерес к другому человеку. Некоторым просто не хватает тёплых, дружеских манер: они не умеют улыбнуться, дружелюбно посмотреть на товарища.

Как бы ни был человек занят уроками и другими своими делами, надо находить время играть с товарищами, участвовать в делах класса, вместе делать что-то, иначе и уроки будут не в радость.

5

Если всех, кто в классе, изобразить на листке бумаги кружочками и провести стрелки, обозначающие взаимные связи и влияния, то одни кружочки будут связаны десятками стрелок, в другие упрутся только одна-две стрелы.

Класс – очень сложная система взаимных влияний, и все они отражаются на учении.

Учитель, объясняя урок, устанавливает связи между собой и классом, прямые и обратные. Прямая связь – влияние учителя на класс. Обратная – влияние класса на учителя. Учитель не впустоту рассказывает, он следит за тем, как слушает и понимает его класс, и в зависимости от этого вольно или невольно меняет свой рассказ – говорит быстрее или медленнее, тише или громче и, главное, проще или сложнее, короче или подробнее.

Этим учитель в классе отличается, скажем, от телеучителя – того, что ведёт урок на телевизионном экране. Телеучитель может быть учёным, профессором, академиком, но он не в состоянии так хорошо преподавать, как обычный учитель в классе. По одной причине: он не может установить обратную связь, не может изменять свой рассказ в зависимости от учеников. И даже если он придёт к нам однажды на урок, придёт живой, а не телевизионный, то это, конечно, будет очень интересно, но после его лекции учителю всё равно придётся кое-что объяснять дополнительно. Учитель хорошо знает своих учеников и приспособливает свои рассказы, вопросы, задания, все свои действия именно к нашему классу, потому что знает его. В каждом классе учитель преподаёт одно и то же, строго по программе – и в то же время по-разному. В 8 «А» он даёт задачу труднее, в 8 «Б» – полегче. В 8 «А» потратит на сложный материал два часа, в 8 «Б» – три или четыре.

Но из этого вытекает, что и каждый из нас, учеников, и все мы вместе влияем на работу учителя! Учитель управляет всем делом учения в классе, но ведь и мы тоже мешаем или помогаем учению. Стоит появиться в классе двум-трём сильным ученикам, как учитель начинает по-другому готовиться к уроку, по-другому и рассказывать: ему есть перед кем стараться. Если же учитель видит перед собой равнодушную массу людей, то будь он хоть семи пядей во лбу, он не сможет рассказывать ярко и увлечённо.

Все замечают, что работа ученика и увлечение его зависят от учителя. Все видят одностороннюю связь. Стрелку с одним наконечником. А связь «учитель – ученик» – двусторонняя, стрелка с двумя остриями.

Учитель и ученики взаимосвязаны в своей работе, и если хоть один «элемент» в системе «класс» начинает работать плохо, страдает не только этот «элемент», но и все остальные – весь класс.

У каждого из нас есть или были любимые учителя, каждому хоть однажды повезло, как Нурии Искандеровой:

«Мне повезло, я училась у заслуженной учительницы республики, – пишет Нурия из Ташкента. – К её урокам готовишься особо, а когда она входит, ты с каким-то трепетом поднимаешься ей навстречу, ловишь каждое её слово».

Учитель объясняет урок, спрашивает, показывает, как надо работать, старается заинтересовать нас своим предметом.

Но для некоторых ребят учитель – это человек, который вызывает к доске и ставит отметки... Когда они играют в школу, то первым делом заводят «журнал»: учитель без журнала в их понимании не учитель.

И вот преподаватель берёт ручку, открывает дневник... Отметка.

Естественно, мы делаем вид, что нам всё равно, какая отметка. Однако если она хуже обычной, то как бы мы ни храбрились, обидно иногда до слёз. И это наше счастье, что обидно. Было бы гораздо хуже, если бы мы потеряли способность расстраиваться из-за плохой отметки, если бы нам и вправду было бы наплевать – двойка так двойка, тройка так тройка.

Когда учение становится желанной целью, то цель эта, как уже говорилось, притягивает сама, сама помогает в работе. Но не у всех есть притягательный идеал, не все могут долго, годами работать ради далёкой цели: для этого надо быть сложившимся самостоятельным человеком. Пока человек учится в шестом или седьмом классе, его внутренний мир ещё не окончательно выстроен, дальние цели ещё не «работают» на полную мощь, и ему необходимо что-то подталкивающее к цели – своих внутренних сил не хватает. В этом нет ничего зазорного: ведь не стыдимся же мы, когда не хватает сил поднять слишком тяжёлую вещь. Всё в своё время.

Так и в учении. Сила далёкой цели ещё мала, нужны дополнительные побуждения – отметки. Отметки сигнализируют нам, что всё в порядке, что мы на правильном пути, что учение идёт нормально. Они как радиолуч, который посылают из аэропорта навстречу летящим самолётам, чтобы те не сбились с курса.

Лётчик настраивается на этот луч и прилетает точно к месту назначения.

Так стоит и к отметкам относиться как к сигналу, не более того. Получили плохие отметки, – значит, отклонился от курса. Нечего паниковать, расстраиваться, опускать руки, надо приниматься за дело, выходить на правильный курс.

Лучшее отношение к отметкам внешне похоже на худшее: это почти безразличное отношение.

Если же отметкам придавать слишком большое значение, то жизнь скоро начинает походить на лотерею, в которой то удача – пятёрка, то неудача – тройка или двойка. Начинает казаться, что между работой и отметкой нет никакой связи: просто игра судьбы. Повезло или не повезло.

Исследования показывают: половина ребят считают, что учитель недооценивает их знания. Почему? «Я же учил!» – говорят они. «Я весь день учил!», «Я же всё выучил!» Большая часть восьмиклассников, например, считает, что затраченный труд – гарантия успеха, что отметки ставят за труд, а не за ответ. Но ставят-то их всё-таки за знания, а не за работу...

Умственный труд (мы говорили об этом) не всегда приводит к хорошему результату, и с этим приходится мириться.

Иные ребята и опыты с увлечением прекратили только потому, что их не вызывала учительница. Что ж, выходит, зря учил?! А без отметки, «бесплатно», они учиться не согласны! И увлекаться не согласны!

Володя Харюк из Черновиц тоже сначала так думал – «Зачем учить, если не вызовут?»), но потом спохватился:

«Я проводил опыт над ботаникой. Прочитав параграф два раза, я не нашёл в нём ничего нового или интересного. Я попробовал пересказать, но никак не мог запомнить названий органических, минеральных и других веществ и поминутно заглядывал в книгу. Мне это надоело, и я со злости прочитал параграф ещё два раза и пересказал, не заглядывая в книгу. Я закрыл учебник.

На следующий день меня не вызвали, но я подумал: «Не вызвали в этот раз, вызовут в другой, а всё-таки я кое-что узнал». Некоторые думают, да и я тоже так раньше думал, что раз меня не вызвали, зачем я учил? Мне кажется, они скоро поймут, зачем! С каждым уроком я всё больше заинтересовывался. Я раньше очень не любил лабораторные работы. Особенно если надо что-то зарисовывать. А теперь я радуюсь, как только слышу, что будет лабораторная работа. Раньше мне казалось, что учитель всё время придирается. Теперь мне это не кажется. В общем, ботаника стала моим самым любимым предметом после истории. Учение с увлечением!»

7

Ну, а теперь самая большая трудность: контрольная работа! «Примеры и задачи по алгебре дома я решаю хорошо. Но на контрольных по алгебре я не могу быстро и правильно решить», –

пишет Галя Ушакова из Гусь-Хрустального. Таких писем много: не хватает самообладания. Страх совсем забивает способности – это доказано многими, очень многими экспериментами. Страх слегка помогает, если задача проста; но чуть она сложнее, чуть требуется что-то новое, какос-то творчество – и страх становится губительным.

Значит, правдами и неправдами избавиться от страха во время контрольной!

Может быть, уговорить себя, что отметка не имеет никакого значения?

Нет, это было бы неправильно. Это неминуемо приведёт к провалу.

Наоборот, представим себе, что мы решаем задачу, уже решили, вспомним все случаи, когда удалось решить задачу дома, будем держать в голове успех, а не провал, и это представление об успехе почти наверняка приведёт к реальному успеху.

В одном опыте оставили в классе отличников, дали им задачу и сказали, что средние ученики из другого класса решили её за пять минут. Прошло три минуты, прозвучал гонг (раньше времени), и было объявлено, что все среднее ученики уже решили бы задачу.

Что стало с бедными отличниками! Они так нервничали, путались, что и в пятнадцать минут еле-еле справились с работой!

Что бы ни происходило вокруг нас на контрольной, не будем обращать внимание. Пусть хоть весь класс решил, а я ещё нет – какое мне дело? Разве идёт соревнование на скорость мышления? Спринтерский бег? Знаменитый Пеле рассказывал, что, когда ему надо было бить одиннадцатиметровый штрафной удар, от которого зависел исход матча, он ставил мяч перед собой и заставлял себя на мгновение... забыть о футболе! Смотрел на солнце, на травку и – бил. И всегда забивал мяч в ворота.

Так и на контрольной: забудем о строгом учителе, о себе («Пропал! Не решу!»), о времени – будем думать о прекрасных вещах: о математике, о задаче. Если слишком волнуемся, отложим задачу, почеркаем что-нибудь на бумаге, словно у нас в запасе не сорок пять минут, а вечность. Отнесёмся к задаче с любовью, оглядим её со всех сторон, как некое забавное чудовище, секрет которого интересно разгадать. И вдруг ход решения всплывёт сам собой – если, конечно, мы дома решали много задач!

...Однажды мы, несколько старшеклассников, членов комсомольского комитета, пришли к заведующей учебной частью нашей школы Елизавете Алексеевне Редькиной с вопросом. Нет, не вопрос это был, а скорее вопль душевный.

– Елизавета Алексеевна, – со страстью говорили мы, – ну что нам делать? Вот мы вызываем двоечников на комитет, оставляем их после уроков, ругаем их, берём с них слово исправиться, но ничего не помогает! Что делать?

Елизавету Алексеивну уважали не только в нашей школе, но и во всём районе и, наверно, во всей Москве. Она была заслуженная учительница, орденосеиц и депутат Моссовета. Её уроки о Некрасове я хорошо помню до сих пор, хотя преподавала она в нашем классе всего один год, в седьмом. Маленькая, немолодая женщина с острым живым взглядом, она всех видела насквозь.

Так нам казалось.

Елизавета Алексеевна не сразу ответила нам, а прежде по своей привычке быстро и зорко посмотрела на каждого, и в глазах её мелькнула лёгкая насмешка.

– Друзья, – сказала она, – да если бы кто-нибудь знал, что же делать, неужели потребовалась бы ваша помощь? И без вас бы управились!

Что было ответить? «И пошли они, солнцем палимы...» – такой итог подвёл один из наших комитетчиков, известный на всю школу балагур, – пошли опять вызывать, да ругать, да стыдить, да призывать к совести...

Теперь я понимаю ход мысли Елизаветы Алексеевны. Она была завуч, она отвечала за работу учителей в школе и считала, естественно, что всё зависит от учителей: это учителя в первую очередь должны сделать так, чтобы все хорошо учились и не было бы никаких двоечников, никто не отставал бы и не запускал материала. Это был ход мысли честного человека, который отвечает за своё дело и не собирается перекладывать ответственность ни на кого – ни на комитет, ни тем более на самих неуспевающих. Каждый человек должен считать, что это именно он виноват, если дело, которое ему поручено, идёт недостаточно хорошо. И я знаю, что сама Елизавета Алексеевна работала с утра до ночи, старалась, чтобы ребята серьёзно учили. В нашей школе действительно учили хорошо даже в трудные годы войны, а именно тогда произошёл этот разговор, сорок с лишним лет назад.

Вот истинно благородный взгляд на вещи! Учитель вправе считать, что это он виноват, если кто-то плохо учится. Но и я, ученик, тоже должен считать, что это я виноват, и нечего мне

валить на учителя, как не стала Елизавета Алексеевна валить вину на комитет и учеников.

И всё же: что может сделать комитет комсомола, совет отряда, вся комсомольская и пионерская организация, чтобы ребята лучше учились?

Заниматься с отстающими? Прикреплять к ним отличников? Вызывать неуспевающих на собрания, мучить их: «Скажи, Петя, ты почему плохо учишься? Дай слово, что справишься к концу недели!»

Да ведь не только бедный Петя, но и вся Академия педагогических наук не смогла бы ответить на вопрос, отчего он плохо учится и как «к концу недели» исправить его двойки.

Попытаемся выработать более правильную, более эффективную стратегию.

Да, действительно, есть такие ребята, которые вдруг словно выпускают вожжи из рук, и понесло их, понесло неведомо куда: перестают заниматься, ходить в школу и всё им трын-трава. Но если с таким человеком вовремя и строго поговорить, если он увидит, что товарищи осуждают его, это пойдёт ему только на пользу.

Есть ребята, которые не хотят прилагать никаких усилий для того, чтобы справиться с учением. У них совершенно не развита воля, или они потеряли веру в себя. Они нуждаются в опеке, в напоминаниях, в шефстве, хотя выгаскивать такого человека из беды очень трудно. Но если за дело берётся коллектив, если оставшего не просто бранят, стыдят и корят, то иногда удаётся и помочь.

Наконец, есть ребята, которые хотят учиться, но не понимают материала, им трудно даются сложные предметы. С таким человеком надо регулярно заниматься, делать вместе с ним уроки. У него улучшается настроение, он добивается первого успеха, и делу идёт лучше.

Как видим, помощь товарищей, помощь класса нужна многим, но это должна быть помощь разного вида: одного поругать, с другим повозиться, с третьим позаниматься. Только нельзя думать, будто за каждую двойку тут же надо «тащить на комитет», будто это принесёт пользу. Нет, это лишь видимость заботы, видимость работы; это, по сути, лишь для того делается, чтобы комитет или совет дружины мог при случае сказать: «У нас двоечники? А мы не виноваты! Мы реагировали! Мы вызывали! Мы проводили беседы!»

Но ведь пионеры и комсомольцы не «реагировать» должны, а добиваться результата. Иначе они будут не пионеры и комсомольцы, а юные бюрократы, то есть люди, которых волнует видимость дела, а не само дело. Только форма, а не существо.

Однако у пионеров и комсомольцев есть и другой путь помощи ребятам в учении. Это организация всевозможных дел, которые расширяют кругозор ребят, усиливают интеллектуальный фон класса. Вот работа, которая всегда приносит плоды, хотя они и не сразу заметны. Организовали кружок – и несколько ребят нашли своё увлечение. Хорошо! Провели школьную олимпиаду, вечер науки и техники, литературный вечер, встречу с интересными людьми – всё хорошо, всё на пользу, если делали с толком, а не для отчёта, не для «галочки» в списке намеченных мероприятий.

В 308-й ленинградской школе придумали вот что: там время от времени проводят День истории, День географии и так далее. Это вроде праздника: вся школа в этот день, от старших и до младших классов, проводит нечто «историческое» или «географическое». У старших – серьёзные научные конференции, у младших – игры, викторины, «путешествия». Каждый такой день торжественно открывается и торжественно, с вручением подарков победителям, закрывается. Ребята запоминают праздник надолго.

А ещё в этой же школе несколько раз в году проводят занятия университета. Известно: когда устраивают лекции, то ребята идут слушать их неохотно. А здесь не одна, а сразу пять или шесть лекций в разных помещениях: по истории, по математике, по психологии, по теории кино, о событиях за рубежом и так далее. Перед каждым комсомольцем выбор: ступай слушать то, что интереснее. И ребята действительно с охотой идут на лекции, которые прежде некоторым казались скучными. Пионеры тоже захотели, чтобы и у них был свой университет. Что ж, устроили лекции и для них, только «профессорами» выступали не взрослые, а старшеклассники: ведь у многих есть за душой что-то интересное, о чём он может прочитать лекцию.

Ежегодно в декабре в этой школе проводят традиционные комсомольские собрания на тему «Школа, комсомол, ты». На одном таком собрании ребята обсуждали вопрос: что делает комсомольская организация для повышения интеллектуального фона класса? Что она может делать? Комсомольцы решили создать кружки по развитию внимания, по развитию памяти, по развитию воли; желающих записаться нашлось немало! Решили, что дело чести каждого комсомольца не просто отвечать у доски, когда вызовут, а отвечать интересно, по-новому, так отвечать, чтобы весь класс с охотой слушал. Когда идёт такое собрание, на сцене вывешивают плакат, на котором большими буквами написаны уже известные нам слова Василия Александровича Сухомлинского: «Человек должен учиться потому, что он человек».

Много работы у пионеров и комсомольцев. Только не надо, никогда не надо ждать сиюминутных результатов, подсчитывать, на сколько двоек меньше стало после собрания. Ученик – долгос, долгос, долгос дело...

ОПЫТЫ НА СЕБЕ

Первый опыт – когда вызовут отвечать к доске. Отвечаем классу! Сегодня мы не просто ответим урок по химии, мы постараемся убедить весь класс, что вода действительно состоит из двух газов, водорода и кислорода, и по возможности понятно объясним два сложных понятия: анализ и синтез. Догадаемся рассказать ребятам о том, чего нет в учебнике: что анализ и синтез применяются не только в химии, но и в математике, и в истории, и в литературоведении... Всюду, где есть развитие, есть анализ и синтез!

Второй опыт – с отметками. В течение двух-трёх недель будем сами ставить себе отметки следующим образом: какую бы отметку ни поставил учитель, мы в своей тетрадке поставим себе на балл ниже. Получили в классе тройку? Поставим 2. Получили четвёрку? Поставим 3. Получили пятёрку? Поставим 4. Вот наши истинные, по собственному нашему строгому счёту, отметки! Будем стараться улучшать их... До каких пор? Пока учитель не поставит... пять с плюсом. По нашему счёту это будет простая, обычная пятёрка! Но, возможно, нам не хватит десяти классов, чтобы получить пять с плюсом. Что же делать?

Будем учиться дальше, всю жизнь... На школе ведь учение не кончается.

Третий опыт для тех, кто вообще не очень любит ходить в школу. Попробуем в течение недели приходить... пораньше, минут за двадцать до первого звонка. Как ни странно, это очень улучшает настроение, и притом на целый день! А если опоздал на урок, целый день не можешь войти в колею. Кто приходит раньше всех, тот чувствует себя свободнее, независимее, и ему гораздо легче учиться в этот день. Опыт ещё не проверялся на практике, поэтому любые сообщения об успехе его или неуспехе будут особенно ценны.

Четвёртый опыт такой: присмотримся, о чём мы разговариваем с друзьями на переменах? И если окажется, что в основном о пустяках, то подготовим вопрос для спора, рассказ о статье в журнале. Можно договориться с друзьями, что каждый приносит в школу что-то интересное, чтобы постепенно пошли в классе умные и дельные разговоры, возник «интеллектуальный фон».

И наконец, **пятый**, самый простой опыт: попробуем... выучить все заданные уроки до одного! Независимо от того, должны нас вызывать или нет. На это, как увидим, потребуется совсем не так уж много сил, зато, когда пойдём в школу, мы обнаружим, что хочется петь.

Если идёшь в школу с выученными уроками, всегда почему-то хочется петь.

Глава 11 • УРОКИ ДОМА

1

Наступает время делать уроки. В этой книге о работе над уроками говорилось в каждой главе и на каждой странице. Теперь мы должны свести всё воедино и сосредоточить наши размышления на одном часе.

Я знал очень пунктуального человека, который каждый вечер составлял подробный план дел на завтра. Первый пункт в его планах всегда был один: «Встать»...

Так и с уроками. Надо прежде всего... сесть за них. И никаких увёрток, никаких сделок с совестью, никаких подачек лени, пожирающей время, никаких «ещё немножко» – просто садиться, и всё. Направлять волю не на то, чтобы заставлять себя работать, а на саму работу – это единственно правильный способ приниматься за дело.

Обычно говорят, что, приступая к работе, надо навести порядок на столе, чтобы ничто не отвлекало. Это верно, конечно; но стоит заметить, что если занят работой, то ничто и не отвлечёт, а если не занят, то хоть в стерильную камеру помести, где ни пылинки, и то глаз за что-нибудь зацепится. Многие великие люди никогда никому не разрешали наводить порядок на своём столе, потому что именно порядок их и отвлекал, раздражал. Конечно, нечего устраивать на столе свалку из радиодеталей, пластинок, прошлогодних тетрадей и огрызков карандашей. На столе должно быть уютно. Мы готовимся к радостной работе!

Один совет всё-таки может оказаться полезным: сразу приготовить и положить перед собой стопкой все учебники и тетради, необходимые для работы. Во-первых, мы тем самым уменьшим соблазн самовольно сократить число уроков, заданных на завтра, а во-вторых, пока собираешь тетради, можно внутренне подготовиться к работе.

И ещё: сядем за уроки хоть за минуту до того, как мама

начнёт напоминать нам о том, что пора садиться... Нет ничего хуже, чем братья за работу по напоминанию. Работа – наша забота, взвалим её на себя, чтобы никому и в голову не пришло контролировать нас. Ссориться с мамой по этому поводу, ворчать: «Сам знаю!» – не стоит. Просто надо опередить её и вспомнить об уроках первому.

2

Стол готов, и мы готовы сесть за уроки; но готова ли наша голова? Это значит: не устала ли она? Всеми исследованиями доказано, что умственная работа тяжелее физической, утомительнее, и надо тщательно следить за своей умственной работоспособностью.

Об усталости и готовности головы к работе, пожалуй, будет достаточно знать следующее.

По усталости ума люди делятся на два типа. Огромное большинство во вторые полчаса работает лучше, чем в первые. Так что, если сначала работа идёт несколько вяло, не страшно, дальше будет лучше, бросать дело не стоит. Но восемь процентов ребят в первые полчаса работают лучше, чем во вторые. Обычно к этим немногим относятся те, кто совсем не привык работать умственно, а также больные ребята, например, ревматизмом.

Умственная работоспособность человека не одинакова в течение суток. С двух часов дня она понижается. К четырём-пяти часам вновь повышается, а в семь-восемь часов вечера все показатели стремительно падают. Человек, который утром правильно решил сто арифметических примеров, в семь-восемь часов вечера решит только семьдесят. Таким образом, самое невыгодное для себя, что мы можем только придумать, – это делать уроки вечером, после семи часов. Придётся тратить времени на тридцать процентов больше.

У первоклассника занятия наиболее продуктивны в течение часа, у ученика третьего-четвёртого класса – полтора часа. У пяти-семиклассника – два или два с половиной часа. После этого времени работоспособность существенно падает, а после трёх часов работы усталость наступает так быстро, что сидеть за столом фактически бесполезно.

Самая низкая трудоспособность – в субботу. Максимальная трудоспособность – во вторник и в среду. С четверга она начинает понемногу падать. Это не значит, конечно, что в пятницу можно не делать уроков; но если есть задание на неделю, то выгоднее делать его в дни максимальной трудоспособности.

Известно, что в борьбе с умственным утомлением очень помогает холод. В одном опыте, сообщает врач Ю. М. Пратусевич, ребята обливались холодной водой в школе после четвёртого урока, и способность их решать задачи резко возрастала даже по сравнению с первым уроком! Работоспособность очень повышается, если в течение полминуты мочить холодной (+ 10°) водой лицо и уши. И даже, оказывается, достаточно три минуты пошкотать углы рта, глаз и ушей, как голова станет более ясной! Ю. М. Пратусевич приводит физиологические объяснения этого странного эффекта, мы опустим их. Но в справедливости этого наблюдения каждый может убедиться, не откладывая книги.

И наконец, несколько из другой области, но тоже нечто имеющее отношение к эффективности труда. Математик В. Г. Болтянский с помощью так называемых «конечных автоматов» неопровержимо доказал, что если мы хотим изучить один предмет, потом второй, потом третий, то для получения высшего эффекта «целесообразнее всего начинать с изучения максимально трудного предмета, затем изучать менее трудный и заканчивать изучением наиболее лёгкого».

Какой же предмет самый трудный?

Несомненно – любимый, потому что он требует больше напряжения. Многие ребята заметили это. «Когда я садился делать уроки, – сообщает Володя Касьяненко из посёлка Шиханы, Саратовской области, – то сначала делал любимые уроки: математику, физику, химию, а потом остальные. И литературу делал последней. Хотя я себе и внушал, что литературу надо делать хорошо, как свой любимый урок, но у меня ничего не выходило. Становилось поздно, я включал телевизор и смотрел то хоккей, то футбол, а то и какой-нибудь художественный фильм. И литературу я не очень хорошо выучивал».

Потом Володя взял себя в руки, стал начинать с литературы, учил её «как надо» и вскоре получил первую пятёрку.

3

Приготовили стол, и голова свежая. Теперь надо и чувства свои настроить на работу, создать соответствующую обстановку, то есть мобилизовать все душевные и физические силы. Вымоем руки, как перед едой, – это всегда поднимает дух, потрём их, словно предвкушая удовольствие. Смешное упражнение, мы уже говорили об этом, но попробуйте потереть руки и при этом не улыбнуться! Улыбка-то и дорога. Потрём руки, улыбнёмся

и скажем себе: «Сейчас я займусь литературой и буду делать её с удовольствием! Я очень люблю литературу!»

И даже учебник потрогаем и придвинем к себе с любовью к нему и создавшим его людям. Художники и скульпторы очень любят материал, с которым они работают, и орудия – глину, краски, холсты, резцы, кисти. Орудия нашего искусства – учебники, тетради, ручки, линейки, фломастеры. Потрогаем, погладим, их, не стесняясь, – ведь никто не видит, а настроение улучшится, и сердце бьётся чуть быстрее – мы слегка волнуемся, предвкушая свидание с интересной работой...

И сразу вспомним правила, составленные в ходе опытов «Ученик с увлечением» школьником из Подмосковья Юрой Игнатовым.

«Для того, чтобы заинтересоваться, – обнаружил Юра, – нужно сделать следующее:

1. Убедить себя в том, что занятие, которое вы делаете, необходимо для вас, а не для учителя.

2. Во время занятий не думайте о занятии более интересном, чем вы делаете.

И этого достаточно, чтобы стать отличником».

Соображения абсолютно верные, и не так уж трудно выполнить эти простые правила. Отличником станет всякий, кто будет всегда следовать двум правилам Юры, потому что это значит каждый раз полностью собирать свои силы и внимание и создавать правильную установку.

Чтобы легче было выполнить первый пункт правил Юры Игнатова, полезно готовить уроки не на завтра, а в тот день, когда их задали, то есть тогда, когда их готовить вроде бы не обязательно. Как будто по своей воле делаешь для себя, по собственному выбору, и нет страха (не выучишь – ещё день или два впереди), и ещё свежо в голове объяснение учителя, так что учить гораздо легче. На следующий день повторить и вовсе ничего не стоит, потому что получается продолженное запоминание (см. главу о памяти) – самый выгодный способ запоминать. «Утром я выполняю те уроки, которые были вчера, – пишет Галя Ланина из села Тёплое, Тульской области (Галя занимается по утрам по режиму Сухомлинского), – и повторяю уже выполненные сегодняшние. Я ясно представляю объяснение учителя, и поэтому мне приходится затрачивать мало времени».

Но самое главное – проникнуться важностью своей работы, необходимостью её!

Наиболее счастливые люди на свете (так сказать, чемпионы по счастью) не те, кто имеет несметные богатства, а те, кто **считает** свою работу крайне важной для всего человечества. Очень счастливы люди, которые считают свою работу важной для страны,

для своего города. Счастливы люди, когда видят, что их работа важна для окружающих, скажем, на заводе. И подлинно несчастны те, кто не знает, кому и зачем нужен их труд. Так как важность своей работы каждый чувствует по-другому, одни сильнее, другие слабее, то и получается, что степеней счастья бесконечно много: лестница с огромным числом ступенек.

Когда принимаемся за работу, постараемся подняться на ступеньку повыше. Попробуем понять, что наш сегодняшний урок действительно важен для всех людей на земле и в стране. А ведь это не так уж далеко от истины!

4

Наконец, в некоторых случаях необходимо подготовить и саму работу, сделать её интереснее.

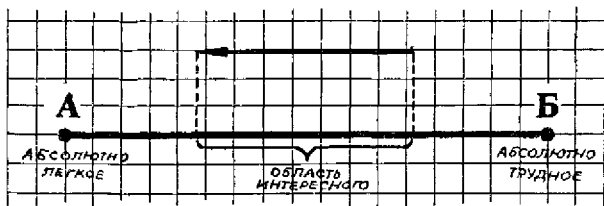
Представим себе, что перед нами ряд математических задач, постепенно усложняющихся: задача № 1, № 2, № 3... № 10.

Начнём решать задачу № 1 и сразу увидим, что она легка: не нужно и малейшего напряжения сил для её решения. Она неинтересна. Начнём решать задачу № 10 и обнаружим, что мы не понимаем даже её условий. Эта задача не вызывает никаких душевных движений, потому что они, эти движения, эти усилия, заведомо бесполезны. Ничем задача не задевает, не цепляет. Мы безразличны к ней.

Где же интересно?

Интересно там, где необходимо что-то преодолеть, произвести душевное усилие и где это усилие, по нашим предположениям, приведёт к достижению цели. Даже не обязательно достичь её: достаточно иметь возможность делать с задачей что-то целенаправленное. Уже интересно.

В зависимости от склада характера для одних людей область интересного больше распространяется в сторону абсолютно

лёгкого, для других – в сторону абсолютно трудного. Это зависит от того, что человек думает о себе. Если он считает себя способным, он стремится к трудному: считает неспособным к лёгкому. Ленив – к точке А, деятелен – к точке Б, равнодушен – к точке А, честолюбив – к точке Б.

Вся жизнь деятельного человека в том и состоит, что он постоянно стремится к недостижимому, к абсолютно трудному для него, и это абсолютно трудное отодвигает. Человек завоёвывает всё новые и новые знания, но область интересного всё время перемещается к трудному.

Однако ни для кого, ни для деятельного человека, ни для лентяя, интерес не лежит в крайних точках А и Б, потому что здесь никакие душевные движения невозможны. И в том и в другом случае мы сталкиваемся, как говорят учёные, с «психологически обеднённой» работой. И эта психологическая бедность, то есть недостаток возможности прилагать душевные усилия, эта бедность и вызывает скуку, безразличие.

Таким образом, если работа кажется скучной, то это может быть по одной из двух причин:

или мы **беднее** работы, не можем справиться с ней;
или работа **беднее** нас, наших возможностей.

Но бедному с богатым не о чем разговаривать, им скучно друг с другом! Вот мы и не можем «договориться» с работой.

Если мы просто не справляемся и оттого тоска – делать нечего, надо приложить все старания, пустить в ход весь арсенал средств, догнать класс – и дальше дело пойдёт легче.

Но очень часто бывает, что работа действительно бедна – скучное упреждающее или скучноватый, монотонный текст, в котором нечего понимать, всё понятно, а запомнить трудно, много мелких деталей.

Тогда стоит попробовать обогатить задание, усложнить, расцветить.

Таня Красько, мы помним, сравнила строение речного рака с рисунком внутренних органов человека – и ей стало сразу интересно.

Наташа Смирнова из города Пинска, Брестской области, страдая над немецким языком, составила список учеников своего класса, мысленно вызывала их к доске и сама за всех отвечала. «А что мне было делать?» – виновато спрашивает Наташа. Но она поступила правильно: любой способ хорош, чтобы избежать равнодушного отношения к работе.

Для Валерия Костюченко из города Азова «скупнее русского не найти предмета». Тогда он стал соревноваться с другом – кто

лучше напишет упражнение и не допустит ни одной ошибки? «Потом,– рассказывает Валера,– мы наделали карточек, как это делается на экзаменах, и вытаскивали и отвечали на вопросы. Кто неправильно отвечал на вопрос, у того в тетради, где записано по десять очков у каждого, отнимали по одному очку. Вот общий счёт:

$$\text{Валерий } 10 - 4 = 6$$

$$\text{Василий } 10 - 5 = 5.$$

И мы хотели, чтобы было как можно больше очков.

В школе мы очень хорошо занимались и каждый день очень много работали на уроках. И мы подсчитали, сколько мы получили отметок.

Я получил три пятёрки и две четвёрки. Вася получил четыре пятёрки.

Нам очень понравилось такое занятие, **а главное, нам понравился русский**. Мы хоть и кончили заниматься вдвоём, но я всё так же буду соревноваться с самим собой».

Совсем правильно поступил Валера Белоус из села Краснохолма, Оренбургской области. У него самый скучный предмет был химия. Валера решил заинтересоваться ею: «Я продолжал опыт 13 дней. Опыт удался. Я увлёкся и начал учить формулы. Но после того как я увлёкся, я стал ходить в химический кружок, и теперь, после отметок 2, 3, 2, 2 у меня стоят отметки 4, 4, 3, 4. Учение с большим увлечением!»

Но что делать, если так запустил материал, что не справляешься с домашними заданиями? Тут уж никакие ухищрения не помогут, никакие игры и фантазии: беда!

«Скоро у нас будет экзамен по физике, но когда я открываю учебник, то вижу, как много я не знаю и **не понимаю**. Я запустила не только физику, но и математику и химию с 7-го класса, совсем не потому, что у меня была лень и я ничего не делала, а потому, что помогала дома, а потом уставала и не могла делать трудные предметы, читала их, но не вдумывалась» – рассказывает А. О. Д. из посёлка Весёлые Терны.

Не лучше дела и у Тани Тютеньковой из Заполярного, Мурманской области. «У меня неприятности на каждом шагу,– пишет Тania.– У меня плохие дела по физике. Я ничего не понимаю».

Точные науки жестоки. Они не прощают ни малейшего пропуску. Нет никакой возможности оставить позади себя хоть узенькую пропасть, непременно свалишься в неё. И нет никакого выхода, кроме одного: начинать всё сначала, с того места, где

начинается непонятно. Нужны большие усилия, очень много времени. Хорошо, если найдётся помощник, объяснит трудно. У кого хватит храбрости, нужно признаться учителю, что запустил. Он поможет составить план и график занятий, будет спрашивать после уроков. Запущенный материал – беда вроде пожара; с этой бедой одному справиться трудно.

Очень повезло шестикласснику Камиллю Ишмухамедову из совхоза Келес, Ташкентской области. От него пришло два письма. В первом он писал, что у него с географией туговато. «Я зубрю её вечером и утром. Но никак не вникаю в смысл». Второе письмо пришло через двадцать пять дней. «Опыт прошёл удачно, – пишет Камиль, – мне помог провести его старший брат. Он очень хорошо знает географию. Я завёл себе тетрадь, в которую выписывал по ходу чтения вопросы. И сам же на них отвечаю после чтения. Часто мы с братом соревнуемся, кто больше назовёт животных на любом из материков. Проигравший должен в течение трёх дней назвать пятнадцать – двадцать животных любого материка. Учительница географии сказала, что у меня в четверти будет не меньше четвёрки. Учение с увлечением!»

Часто получается, что мы запускаем материал даже тогда, когда вроде бы и занимаемся регулярно. Вот идёт текст, в нём ссылка на прошлый материал. Или непонятный термин. Что-то мелькнёт в памяти... Да, как будто проходили... Но что именно значит этот термин? А, ладно, ничего, пойдём дальше. Упущено две возможности: понять сегодняшнее и легко повторить вчерашнее. А «вчерашнее» коварно. Если «старое» значение время от времени не повторять, не пользоваться им, оно исчезает из памяти, как будто и не было его.

Поэтому правило: не торопиться! На каждом мало-мальски непонятном месте возвращаться к началу параграфа, к началу учебника, в прошлогодние тетради. В отличие от всех человеческих дел, девиз учения – назад, назад! А потом – вперёд. И так всё время повторяя, возвращаясь назад, ученик идёт вперёд очень быстрым темпом. Это старое правило педагогики.

У хороших учителей в классе, кажется, только и делают, что повторяют и повторяют.

Чем чаще мы возвращаемся назад, тем быстрее идём вперёд, это основной закон учения.

5

Внимательный читатель, наверно, заметил, что мы всё время ведём разговоры вокруг работы, но совершенно не касаемся

существа дела: нет речи о том, как быстро и легко решить задачу, как написать упражнение по русскому без ошибок и как именно учить географию. Но чтобы дать деловой, а не пустой совет о том, как решать задачу, надо составить книгу с разбором пятидесяти или ста задач. И так по каждому предмету.

Научиться учиться по какой-то одной книге (даже если она называется «Учимся учиться», «Учение с увлечением» или что-нибудь в этом роде) – невозможно. Подлинное искусство учения приходит только в подробном изучении конкретного предмета – на уроке, с учителем, и дома, самостоятельно.

Однако одно общее правило стоит всё-таки запомнить, оно в той или иной степени важно для изучения всех предметов.

Правило такое: всегда надо стараться усвоить и запомнить не только сами знания, факты, содержание параграфа, но те **умственные действия**, с помощью которых знания добываются.

Вот главная из главных задач учения в школе: мы должны научиться многим **умственным операциям** – разделять учебный текст на части, находить в нём главное, сопоставлять одни факты с другими, узнавать известный закон в незнакомого облике, преобразовывать уравнения и так далее. Пока человек просто учит (даже если и не наизусть, даже если он умеет пересказывать), знание его увеличивается, но развитие идёт медленно, потому что нас развивают не знания сами по себе, а те умственные действия, которые мы осваиваем и потом привычно совершаем.

Обычно в книгах об умственном труде приводят правила составления конспектов. Не потому, что конспект так уж важен, а потому, что легко и наглядно – показать, как же надо составлять конспект. Прочитаешь, и кажется, что чему-то научился: надо разделить страницу тетради на две части и в левой записывать пункты плана, а в правой – краткий ответ. Это всё верно, только утомительно.

Гораздо выгоднее и полезнее для овладения целым рядом умственных операций составлять не подробный конспект и даже не развёрнутый план, а схему **ключевых слов** и выражений.

Например, выпишем столбиком:

Первые полчаса
Семь-восемь – запрет
Холод и шкотка
Я люблю тебя...
Для человечества
Бедный и богатый
Повторяй!

Неспособному это покажется абракадаброй. Посвященный поймет, что здесь «зашифровано» содержание той самой главы, которая сейчас перед читателем. Рассказать главу по такой схеме ничего не стоит. И составить её не трудно, надо только выбирать главные и запоминающиеся слова. Так можно превратить в схему любой урок, любой материал, даже доказательство теоремы.

Представим себе, что содержание заданного параграфа – военная тайна и надо зашифровать материал так, чтобы было как можно меньше слов, но чтобы по этим словам мы могли передать суть параграфа. Такая шифровка и будет схемой материала. Если мы очень отстаем, то попросим учителя разрешить какое-то время отвесать с такой схемой-шпаргалкой в руках. Учитель, конечно, разрешит. Потому что если не готовил урок, то воспользоваться чужой шпаргалкой невозможно: ничего в ней не поймешь. Этим методом учит ребят донецкий педагог В. Ф. Шаталов.

Составляя такие схемы, научаешься выделять в материале главное, разбивать на части, видеть главные пункты и подпункты – овладеваешь важными для учения и для жизни умственными операциями.

6

Когда же считать работу законченной? Как узнать?

Психолог П. П. Блонский специально изучал это. Он просил ребят выучить статью из учебника на его глазах и отвечать только тогда, когда, по их мнению, они будут хорошо знать. Вот что выяснилось. Пока человек учится в школе, он проходит четыре стадии усвоения.

На первой стадии – нет никакого самоконтроля. Малыш первоклассник заявляет, что готов отвечать, хотя на самом деле он не усвоил урока и не проверил себя.

Вторая стадия – полный самоконтроль. На этой стадии находятся обычно четвероклассники. Ученик рассказывает себе весь урок. Главная его забота – запомнить всё, не пропустить чего-нибудь. Рассказывая урок, ребята говорят: «Всё», «Кажется, ничего не пропустил», «Да, вот ещё пропустил», «Не забыл ли чего?»

Но когда мы становимся старше, мы начинаем проверять и правильность пересказа, спрашиваем себя: «Правильно ли я сказал?»

Третья стадия – выборочный самоконтроль: ученик проверяет себя «по вопросам», только «главное».

Четвёртая стадия – последняя. На первый взгляд самоконтроль вроде бы отсутствует, как у малышей. Ученик после повторений никак не проверяет себя. Он чувствует, что знает, на том основании, что повторил столько-то раз, и больше этот текст не требует работы, он лёгкий. Не проверяя себя, не повторяя материал вслух, ученик знает, выучил он или не выучил, – знает по опыту, интуитивно. Так бывает только у самых опытных в учении, «с большим стажем». Они судят о том, знают или нет, так, как судит о своей работе очень опытный мастер – по какой-нибудь примете.

Как видим, совсем не обязательно бормотать, зажмурив глаза, повторять материал слово за словом – надо переходить на третью и четвёртую стадии самоконтроля.

Но как бы мы ни проверяли себя, будем стремиться к абсолютной тщательности. Если почему-либо на уроки осталось мало времени (всё бывает) и перед нами выбор: сделать задание по одному предмету очень хорошо или по трём – наспех, то без колебания выберем первое решение. Пусть по двум остальным предметам мы получим двойку. Не станем бояться её, никогда не будем бояться плохих отметок. Двойки исправим, но ничем, никакими лекарствами и никакими дополнительными усилиями невозможно залечить рану, нанесённую душе нетщательно сделанной работой.

Посмотрим вокруг: вот продавщица небрежно швыряет батон на прилавок, вот мы вынуждены покупать плохо сшитую, перекосенную тетрадь, вот дворник подмёл улицу кос-как, вот маляр красил дом и оставил потёки краски...

Все эти люди когда-то позволяли себе сделать работу нетщательно, не до самого конца. И потом так и не заживили рану, нанесённую в тот день: они могут теперь позволить себе работать нетщательно. Сломался тот механизм, который не допускает неряшливости, – рабочая совесть.

«Когда я учила уроки, то, кончив учить один из них, я спрашивала себя, сделала ли я его на «пять», – пишет Нина Кузьмина из города Рыбинска. – Если я сомневалась, то доучивала урок лучше. Я к этому привыкла и старалась не только уроки, но и все дела делать как можно лучше, чтобы мне самой это нравилось».

7

Прекрасное правило: всё делать так, чтобы самому нравилось!
Это фактически и есть увлечение.

Увлечение – самый точный показатель качества работы. Если заниматься было интересно – значит, уроки сделаны очень хорошо. Только очень хорошо сделанная работа увлечает человека.

Юра Игнатов, автор правил, помогающих стать отличником, составил ещё и шкалу развития увлечения.

Шкала Юры Игнатова

- 5. Ничего не клеится, всё валится из рук.
- 4. Ничего в голову не лезет. Ищешь более интересное занятие.
- 3. Урок усваивается с трудом.
- 2. Часто прерываешь работу, лезут в голову посторонние мысли.
- 1. Требуются усилия воли, чтобы усидеть за занятиями.
- 0. Отношение к занятиям равнодушное.
- + 1. Нет нужды заставлять себя заниматься.
- + 2. Увлёкся занятиями так, что не замечашь, как летит время.
- + 3. Хочется выучить как можно лучше.
- + 4. Хочется дольше заниматься.
- + 5. Появляются идеи, как можно лучше выучить материал.

Рассмотрим эту шкалу подробнее, она стоит того.

– 5 – состояние описано совершенно точно. Такое бывает, когда у человека беда или он болен.

– 4 – обычное состояние здоровых, но ленивых: они всё время ищут «более интересное» занятие. Но иногда такая напасть находит и на деятельного человека.

– 3 – сели наконец за работу, но она не идёт, потому что остались влияния двух предыдущих ступеней.

– 2 – самое распространённое состояние у тех, кто учится еле-еле, без интереса, не для себя, а для мамы, для учителя или под страхом плохой отметки.

– 1 – подмечено верно. Пока требуются хоть какие-то усилия воли, чтобы усидеть над книгой, занятия идут под знаком «минус».

Но вот совершается важнейший переход от – 1 до +1: нет нужды заставлять себя заниматься! Появился интерес! Включился двигатель интереса! Теперь он ведёт работу, начинаются радостные минуты.

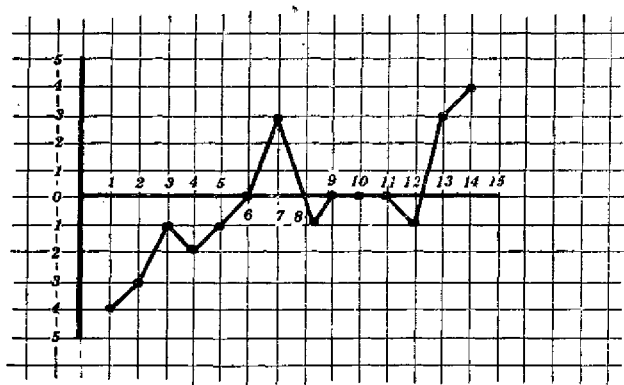
+ 2 – интерес разгорается, и, следовательно, всё внимание сосредотачивается на деле, ничего вокруг не замечаешь. Естественно, работа начинает получаться лучше.

+ 3 – чем лучше получается, тем сильнее стремление

к высшему качеству. Начинается истинно человеческий труд. Кто ни разу в жизни ни в каком деле не достигал степени +3 по шкале Юры Игнатова, тот не испытал радости труда.

+ 4 – работа начинает приносить удовольствие сама по себе, безотносительно к результатам, работа превращается в наслаждение, которое хочется продолжить. В будущем, коммунистическом обществе всякий труд будет таким – минимум на стадии +4. когда хочется дольше работать. Некоторые представляют себе будущее как царство безделья: сходишь на завод на три-четыре часа, в лёгком стиле понажимаешь там разные кнопочки – и домой! Так нет же, наоборот, люди будут работать ещё больше, чем сегодня, потому что труд – естественное состояние человека, человек не может жить без труда. Люди будут работать очень много, но работа станет наслаждением для них, и все будут хотеть работать побольше.

+ 5 – появляются идеи, как лучше выучить материал. Юра очень точно продумал свою шкалу. Действительно, вот венец: появляются идеи относительно улучшения работы, то есть начинается творческий труд – как у художника... Каждый человек может быть художником в своём деле: включается творческий механизм, и человек становится способен на такое, о чём он сам и не подозревал, человек сам начинает изменяться, развиваться, силы его разворачиваются и растут, и действие над материалом фактически превращается в действие над самим собой – человек осуществляет себя, превращает все свои скрытые силы в явные.

Вот, следовательно, основные стадии труда: полный разлад – включается воля – включается интерес – включается творческий механизм. А выше способности к творческому труду в человеке ничего нет.

Восьмиклассник Саша Шрамко из Пинска догадался построить график своего увлечения одним из предметов – русским языком. По горизонтальной оси графика Саша откладывал дни эксперимента, по другой – вертикальной – отмечал степень своего интереса.

Стоит хорошенько поработать несколько дней, и увлечение появляется – сначала очень неустойчивое, потом всё более основательное. Если бы этот график был продолжен, Саша наверняка достиг бы и степени +5.

Всё? Уроки закончены? Гуляем? Можно и гулять.

Но у тех, кто учится серьёзно, каждый день есть ещё один, дополнительный урок – незаданный, для себя, совершенно самостоятельный.

Может быть, это обычный школьный предмет, который не даётся. Тогда на своём уроке – ежедневный диктант (у кого трудности с правописанием), или запись в словарь пяти трудных слов и повторение прежних записей, или урок иностранного языка, или занятия физикой по более сложному, чем школьный, учебнику.

Где взять время?

Но почему одни ребята с трудом оканчивают обычную школу (и при этом у них «перегрузка!»! У них нет времени! Их жалко!), а другие за те же самые годы, кроме обычной школы, учатся ещё и в музыкальной? Или, например, в ПТУ – обычную школу заканчивают и ещё получают профессию?

Серьёзные, развитые, увлечённые делом люди умеют работать поразительно много.

Натуралист Карл Бэр рассказывает:

«Однажды я засел у себя в доме, когда на дворе ещё лежал снег, и вышел на воздух... лишь тогда, когда рожь уже вполне колосилась. Этот вид колосющейся ржи так сильно потряс меня, что я бросился на землю и стал горько упрекать себя за свой образ действий. Законы природы будут найдены и без тебя, сказал я себе, ты ли, или другой их откроет, нынче ли, или через несколько лет, – это почти безразлично; но не безрассудно ли жертвовать из-за этого радостью своего существования?»

Что же было дальше? Учёный опять засел за работу. Он совсем расстроил здоровье, но не хотел лечиться, потому что врачи первым делом требовали, чтобы он прекратил работу. Умер Карл Бэр в Гарту на восемьдесят пятом году жизни.

Когда Эразм Роттердамский – он жил в XVI веке – под

старость сильно заболел, знаменитый в те времена врач Парацельс написал ему письмо с диагнозом и с советами о лечении. Эразм ответил врачу, что он занят учёными трудами и у него **нет времени ни болеть, ни лечиться, ни умирать.**

Больного и старого Вальтера Скотта тоже попросили не работать. «Это всё равно, – ответил он, – как если бы служанка Молли поставила чайник на огонь и сказала бы: «Смотри же, чайник, не кипи!»

ОПЫТЫ НА СЕБЕ

В добавление ко всем предыдущим опытам стоит теперь переписать и повесить над столом шкалу Юры Игнатова – это будет хорошим напоминанием о том, как можно интересно заниматься!

Не мешает завести и график вроде того, который составил Саша Шрамко. Было бы очень хорошо, если бы вы прислали такой график (адрес указан в конце книги). Тогда можно было бы вывести «кривую увлечения» – показать, как она нарастает у большинства ребят, чтобы никто не думал, будто увлечение приходит в первый же день опытов.

Глава 12 • ЧТЕНИЕ

1

За часом работы – час книги.

По-разному строится день человека, разные возможности у каждого, нет единого порядка для всех. Десятками событий и приключений наполняется день, но что бы ни происходило, три **события** в любом рабочем дне обязательны и неизменны:

Уроки в школе. Уроки дома. Чтение.

Вот они безмолвно стоят перед нами, книги, – дома ли, в библиотеке ли, в чужой ли квартире, на прилавке. Если бы книги могли кричать! Если бы они сами обладали способностью заставлять читать себя! Какими бы мы все были умными и добрыми людьми!

«Ни дня без строчки», – сказал древний писатель. «Ни дня без странички», – скажем мы, читатели, вслед за ним.

Великая это радость – жить на земле ещё и читателем. За всё время существования нашей страны мы – первое поколение,

которос все, до одного человека, умест читать. Так давайте же читать!

Что ищем мы под книжным переплётом? Зачем открываем сго?

Ищем наслаждения. Ищем ответы на то, что мучит нас – может быть, бессознательно мучит. Ищем мудрости. И развлечения ищем – книга и развлечение даёт. Ищем, конечно, и знания. Мы хотим, чтобы книга рассказала про нас самих, и ищем в ней примеры, по которым мы могли бы определить свои цели. Что хорошо, что плохо, что зло и что добро – об этом мы тоже узнаём из книг. Мы ищем в книгах друзей. Печорин и Наташа Ростова ближе нам, чем соседи по квартире: о Печорине и Наташе мы знаем больше. Ни один живой человек не раскроет нам свою душу с такой искренностью, как герой хорошей книги.

В начале перечня было поставлено слово «наслаждение». Возможно, читатель удивился. Но это непременно, это обязательно! Нет наслаждения книгой – нет чтения, нет читателя. Безучастное перелистывание страниц, холодное наблюдение за происходящим в книге – это не чтение. Любование искусством писателя и поэта, смакование слова и сочетаний слов, восторг по поводу удачного выражения, изумление перед мастерством изображения и описания, волнение, вызванное глубиной мысли, – вот чтение. И это наслаждение мастерством учит нас, но в каком-то другом смысле слова «учит», в таком, что понятие «учение» не совсем подходит. Мастерство, глубина мысли настраивают нас на возвышенный лад, показывают высоты жизни, развивают вкус. Мастерство всегда поучительно.

Гёте на старости лет каждую весну перечитывал всего Мольера – для поддержания вкуса. Даже ему нужно было прикладываться к эталону чистоты слова, изящества мысли, высокой нравственности. Это – Гёте. Что же нам тогда делать?

Беречь свой вкус.

Что же определяет художественность книги? Как научиться отличать хорошую книгу от плохой? Укрепляющую вкус от расслабляющей?

Не слово, не стиль определяет в конечном счёте качество книги, а её направленность, напор идей, насыщенность содержанием. Говорят – «пустая» книга. Как же «пустая»? В ней триста страниц текста! Но автору нечего было сказать такого, чего не знали бы до него. Бывало и по триста, и по тысяче страниц написано и напечатано, но в них – пустота, идейная и художественная.

Лишь очень немногие книги всегда достойны внимания истинного читателя. Такие книги называются классическими.

Окончить школу и не прочитав к этому времени основных

классических книг, не полюбить их, не пересчитывать их – значит обмануть и себя и людей вокруг себя: все будут думать, что у вас среднее образование, а у вас его нет, у вас только аттестат есть, но не образование. Образования без чтения классических книг не бывает.

Жизнь серьёзного, культурного читателя идёт «волнами». Странно спрашивать его: «Кто твой любимый писатель?» Кто мой любимый писатель? Сегодня – Толстой, а завтра будет Куприн, вдруг захочется пересчитать его, а через два года – Гёте, а ещё три года спустя – Томас Манн, а потом – Пушкин... Меняется человек, меняются его интересы, но всегда может он найти что-то важное и необходимое в безбрежной (по мысли – безбрежной, а не по числу книг!) сокровищнице мировой литературы. Всегда найдёт то, без чего он сегодня **прожить не может**.

Но, конечно, читать строго по плану – всё равно что жить строго по режиму: не каждому удаётся да и... скучновато.

В чтении должна быть и известная свобода. План планом, главное русло, а вокруг него – бесчисленные отвлечения: новые книги, случайно заинтересовавшие книги, а также романы, повести, стихи из литературных журналов.

Такая свобода чтения необходима. Есть книги и просто развлекательные, их читаешь небрежно, между прочим, когда устал; есть книги научно-популярные, их называют «осадными орудиями» для штурма серьёзных научных книг.

Но и отвлекаясь, но и занимая себя не столь уж серьёзным и важным чтением, будем постоянно держать в уме главное русло – классическую литературу, и к этому руслу править.

2

«Сегодня прочитала статью «Учение с увлечением», где говорится о том, что надо больше читать, и вспомнила статью в журнале «Техника – молодёжи» о скорочтении. К сожалению, не помню номера журнала, запомнилось только – это номер, в котором говорится о змеях и на обложке нарисован змей. Мы читаем в среднем 100–150 слов в минуту, а Наполеон, Гёте, Ленин могли читать около 2000 слов в минуту. В статье есть советы, как научиться быстро читать, но не всё понятно. Наверное, многие ребята захотели бы научиться быстро читать. Напишите, пожалуйста, об этом.

До свидания!

Людмила Ненашева, 7 класс.

Вместо ответа я расскажу историю об одном студенте. Он учился на филологическом факультете Московского университета. Быть может, ни в каком другом учебном заведении не надо столько прочитать, сколько на филологическом факультете. Списки толстых книг к экзаменам составляют страницы и страницы.

А студент, о котором я рассказываю, читал ужасно медленно. Со стороны можно было подумать, что он читал по складам – он шевелил губами, морщил лоб, и всё лицо его показывало, что происходит тяжелейшая работа. Однажды надо было сдавать экзамен по истории СССР. Вузовский курс – этаким кирпич в три пальца толщиной. Время, как всегда у студентов, было упущено; о том, чтобы одолеть учебник, не могло быть и речи. Студент был в отчаянии. Товарищи подсказали ему: «А ты возьми учебник для десятого класса, он потоньше». Достали где-то старый учебник, принесли – студент посмотрел на него довольно уныло. Толстоват, не прочитать в оставшиеся пять дней, даже если с утра до вечера сидеть над книгой. Тогда он отыскал учебник... для четвёртого класса. Он ходил по галерее аудиторного корпуса, где памятник Ломоносову, и, натываясь на встречных, медленно, с огромным усилием читал учебник для четвероклассников. Прочитал в срок. И что он там вычитал, какую работу провёл в ум, что произошло на экзамене – неизвестно. Известно только, что он получил «отлично» и ответ его был особо отмечен экзаменатором как необычайно глубокий, содержательный и оригинальный.

Научиться читать быстро – относительно несложно. Некоторые упражнения (лучше со специальными приборами, которые задают темп и как бы подхлестывают читателя), некоторая практика, а потом – читай, читай; учишь быстро схватывать общий смысл абзаца и страницы.

Но в тысячу раз труднее научиться читать медленно. Нет таких приборов, которые помогли бы в этом.

Мы уже говорили, что значит осмысливать текст учебника и как это трудно.

Ещё труднее читать художественную литературу, потому что писатели и поэты пытаются (в этом их назначение) передать такой смысл, какой учёный передать не в состоянии. Учёный может найти, вложить в понятие и передать читателю точный и только точный смысл. Учёный не может позволить, чтобы какое-нибудь его слово допускало два или несколько толкований, иначе он не будет учёным. Если он начнёт говорить нечто не вполне определённое, читатели отвернутся от него, скажут: «Здесь нет науки» – и он потеряет свой авторитет. Наука всегда имеет дело с точными смыслами.

Открытия делают и учёный и писатель. Художественная книга, в которой нет открытий, так же малоценна, ничтожна, как и книга учёного, в которой нет открытий. Чем больше нового, чем больше открытий и чем значительнее они, тем более ценна книга, тем больше у неё будет читателей и дольше её будут читать. Люди, подобные Дон Кихоту, были всегда, и до Сервантеса. Но Сервантес сделал открытие: выделил тип таких людей, обрисовал их, представил их во всей глубине и назвал своё открытие – Дон Кихот. И теперь, когда мы встречаем подобного идеалиста-мечтателя, беззаветно смелого, но нерасчётливого борца, мы пользуемся открытием Сервантеса и говорим про человека: «Это Дон Кихот». Никакими словами, никакими понятиями выразить то, что мы хотим сказать, нельзя. Целые страницы точных определений не передадут всего того смысла и нашего отношения к явлению, какое содержится в слове «Дон Кихот». Таких примеров много. Скажите о человеке «бесплодный мечтатель» – ваш собеседник потребует многих и многих разъяснений. Скажите: «Это Манилов» – и вас поймут сразу.

Классика, повторимся, потому и классика, что в ней значительные открытия, которыми пользуется человечество.

Слово учёного, научную статью и учебник надо о-смысливать, вкладывать в них свой смысл, точно совпадающий с мыслью учёного.

В образ, созданный писателем или поэтом, надо вкладывать не только смысл, но и чувство. Писателю надо со-чувствовать, в образ надо в-чувствоваться.

В художественной книге, кроме прямого смысла слов, всегда есть ещё какой-то дополнительный смысл или несколько смыслов. Художественное произведение всегда многопланово. Несколько веков критики, психологи, режиссёры, актёры пытаются понять и объяснить Гамлета, каждый предлагает свою версию, подкрепляет её цитатами из Шекспира. И каждый посвоему прав! Если собрать всех этих Гамлетов вместе, они, пожалуй, передураются между собой, настолько они различны. Но все эти понимания и толкования содержатся в одной и той же трагедии Шекспира.

Научная книга воспитывает, обрабатывает, тренирует ум; художественная – и ум, и чувства. У человека, воспитанного только на учёных книгах, появляется душевная глухота. До какого-то невысокого уровня он может работать в науке, особенно в научном коллективе, и довольно плодотворно. Но значительным учёным он не станет никогда, потому что наука требует не только культуры мысли, но и такой же тщательной культуры чувства.

Нет, читать быстро – всё равно что не читать. При быстром

чтении можно схватить нить сюжета, в общих чертах представить себе героев; можно, при случае, пересказать книгу – выходит, вроде читал. Но не может быть и речи о том, главном, для чего читают художественные книги, – не может быть и речи о сочувствии героям, о культуре чувств. Человек проглотит сто книг и станет ещё менее культурным, чем был до начала чтения, потому что привыкнет читать не размышляя и не переживая.

Что же касается великих людей, действительно читавших очень быстро, то, во-первых, они обладали гениальными способностями. А во-вторых, но роду своей деятельности им приходилось просматривать огромное количество книг. Естественно, они приучили себя читать очень быстро. Но вряд ли Гёте, когда он каждой весной перечитывал Мольера, вряд ли он читал его со скоростью две тысячи слов в минуту. Беранже, пытаясь вчувствоваться в стиль трагедий Расина, понять и перенять его, старался замедлить чтение и для этого переписывал трагедии по нескольку раз.

Не стоит очень поддаваться сообщениям о том, что в наш век резко возросло количество информации и человек не справляется с ней. Как бы ни росла информация, мозг человеческий может переработать её ровно столько, сколько он может. В каком-нибудь двенадцатом-тринадцатом веке перед учёным-схоластом лежали такие же горы книг, как и перед нынешним. В юности – из-за недостатка опыта и в старости – из-за переизбытка опыта человек читал и всегда будет читать медленно.

Разумеется, медленное и внимательное чтение, с остановками, вращениями, размышлениями ничего общего не имеет с плохой техникой чтения, когда все умственные силы уходят на складывание букв и слогов. Некоторые ребята читают с трудом до седьмого-восьмого класса. Стыдиться этого не стоит, просто надо обратить внимание на свой недостаток и, не стесняясь, учиться читать. Без совершенно свободного чтения никакого развития быть не может.

3

Читателем не рождаются. Читателем – и навсегда! – становятся, если вовремя попадает в руки интересная книга, такая, что захочется читать ещё и ещё. Многие большие люди вспоминают, что первыми их книгами были дешёвые рыночные издания, совершенно пустяковые с точки зрения взрослого человека. Но чем-то эти книжечки захватывали, поражали воображение!

Если вы читаете с увлечением, а вам кто-то скажет: «Брось,

зачем ты читаешь эту срунду» – не слушайте, продолжайте читать.

Тому же, кто совсем не любит читать, не пристрастился к чтению, просто не повезло: не встретилась ему первая книжка, не нашёл он заветного ключа в книжное царство... Неужели оно и на всю жизнь останется запёртым? Это большое несчастье. Человек, который живёт в нашем читающем мире и не любит читать, чувствует себя ущемлённым, отставшим, хуже других, даже если это самый прескрасный человек.

Но, оказывается, и с книгами точно так же, как и с любым школьным предметом: немного старания, немного усилий и терпения, и золотой ключик, первая увлекательная книга, будет найден. Вот такая история произошла с Колей Терлесвым из города Тобольска:

«Опыт «учение с увлечением» я делал оттого, что не люблю читать. Опыт мой удался. Когда я прихожу из школы, отдыхаю примерно полчаса, час. Затем начинаю писать урок по самому трудному для меня предмету, русскому языку. После этого по математике, географии, ботанике, литературе или французскому языку. После выполнения домашнего задания читаю художественную литературу, хотя и не люблю читать. И вот я решил серьёзно заняться чтением книг. С трудом дочитал я первую книгу до конца. Потом взял в библиотеке книгу «Юнармия» Г. Мирошниченко. С таким интересом читал я эту книгу, что теперь меня очень тянет к книгам и я буду постоянным читателем в детской библиотеке. Мне и по литературе стало интереснее заниматься. И я сделал для себя такой вывод: нужно перед началом какого-нибудь дела увлечь себя этим делом и, конечно, быть настойчивым в выполнении его. В общем, каждый человек сможет заставить себя сделать скучный предмет интересным. Очень хочу узнать, что напишут читатели об «учении с увлечением». С приветом – Коля».

Николай открыл самую первую дверцу и обнаружил, что книги бывают интересными. Но он ещё не знает, сколько интересных и важных книг на свете!

У каждого значительного человека было в жизни время жадного поглощения огромного количества книг. Двенадцатилетний Томас Эдисон, получив доступ в публичную библиотеку, поставил себе задачу: перечитать все книги подряд – и смело начал с нижней полки, где ему встретились такие сочинения: «Начала» Ньютона, «Технический лексикон», «Анатомия меланхолии»... Это нисколько не смутило мальчика, и в свободное от других дел время он преодолевал том за томом, не пропуская ни книги, ни страницы, пока не прочитал столько книг, сколько умещалось на полке в пятнадцать футов длиной, то есть

примерно четыре с половиной метра книг... Только после этого он пришёл к выводу, что лучше держаться определённого выбора, а не читать всё подряд. Но история хорошая, не правда ли? И можно спросить себя: а сколько метров книг прочитал я?

И в наши дни, и среди нас, а не только среди Эдисонов есть страстные читатели, жертвующие всем ради книг. Подчас им приходится очень трудно.

«Я с первого класса полюбила книги. Записана в четырёх библиотеках. Мама меня ругает, говорит: «Брось ты книги, от них никакого толку!» Как увидит, что я читаю, начинает меня ругать. Прячет от меня книги. Я читаю украдкой. Вы не представляете, как я люблю книги. Когда я читаю, кажется, для меня существует только книга. Ведь как это интересно! В книгах встречается много хороших, добрых, мужественных людей. Мы читаем об их бессмертных подвигах. А мама ругает меня: «Ты опять за книгу? Лучше бы с Ларисой посидела» (моя сестра, ей 1 год 5 мес.). В школе удивляются, зачем ты так много читаешь, разве ты любишь читать? Я не понимаю, как можно прожить без книги, как можно не любить её. Ведь книга – это всё. А мама говорит: «Тебя хлебом не корми, а дай почитать». Вечером в постели я обдумываю прочитанные книги. Иногда вечерами я сижу, читаю книгу, а мама говорит: «Иди спать!». Я иду спать, но мне не терпится узнать, что было дальше. Сумел ли Алексей Мересьев преодолеть себя в книге Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке»? Или «Дети капитана Гранта» – что было дальше? Или «Тайна реки злых духов» – сумели ли они, геологи, выбраться из ущелья? Мне просто не терпится узнать, а что было дальше? Я встаю, иду читать ночью. Мама говорит: «Выпишу тебя из библиотек». Скажите! Разве это плохо – читать? Уметь читать!» (Римма, г. Кустанай, Казахской ССР.)

4

Когда медленно, внимательно читаешь хорошую книгу, то часто останавливаешься: умная мысль... прекрасное выражение... дельные слова... Хорошо бы запомнить! Но всё запомнить трудно, да и не станешь же выучивать наизусть...

Нужна общая тетрадь. Её называют обычно «Дневник читателя», но это слишком серьезно и официально. Просто моя общая тетрадь, в которой первые две-три страницы оставлены чистыми. Каждый раз, когда читаешь и встречаешь что-то такое, с чем жаль расставаться, достаешь тетрадь, пишешь имя автора, заглавие, год и место издания книги, а потом без всяких формальностей выписываешь всё, что тебе кажется важным.

Иногда дословно, иногда своими словами, иногда записываясь попутно возникшую мысль – может, и не имеющую прямого отношения к книге, но вызванную чтением её. Нужно только выработать свою систему знаков, чтобы потом, через годы, можно было точно различить, что – цитата, что – пересказ, а что – твоя мысль. После каждой выписки цифра: страница книги. Если понадобится, всегда найдёшь.

Бывает, что из толстой книги выпишешь две строчки; бывает, тонкую брошюрку почти всю перепишешь. Бывает, что прочитал книгу, а от неё и следа в тетради нет. Тетрадь не для отчёта, не для самоотчёта, в ней всё должно быть свободно, как нравится. Тетрадь – мой мир, и даже страшно представить, что кто-то будет читать её, кроме меня, хотя это не дневник и вроде бы ничего личного здесь нет.

Когда тетрадь кончится, можно перенумеровать её страницы и на пер-вых, чистых листах составить оглавление. За год будут исписаны одна-две тетради, не больше. Это самая большая драгоценность. Тетрадь к тетради, понемногу, не гонясь за количеством, – и вот их уже десять, пятнадцать. В свободное время их перелистываешь, просматриваешь, вспоминаешь прочитанные книги, вновь вдумываешься в мысли, которые когда-то понравились, – всё твоё. Даже если книга стоит на полке, лучше выписать из неё всё, что нужно. Подчёркивать и в своей книге жалко – лишь изредка, самым лёгким карандашиком, едва прикасаясь, да и то в научной книге, а не в художественной. Подчёркивать что-то в стихах Пушкина? Почему-то это кажется кощунством. Но если бы я увидел, что кто-то из знакомых подчёркивает в библиотечной книге, боюсь, что знакомство на этом кончилось бы. Не потому даже, что книга чужая, испортил чужую вещь. Книга – не вещь, книга – книга. Но надо быть очень неделикатным, грубым человеком, чтобы подчеркнуть хоть слово, зная, что после тебя кто-то будет читать книгу и остановится на подчёркнутом.

5

Если вы испытываете затруднение с книгами, пожалуйста, не думайте, что это ваше личное несчастье. Это предмет заботы всех людей. Письма Ленина полны просьб к родным и знакомым: «Пришлите, пожалуйста, такие-то книги». За книгами ездят в другие города. Люди тратят отпуск на то, чтобы поехать в Москву и просидеть несколько недель в библиотеке. Но даже в Ленинской библиотеке с её миллионами книг то и дело присылают «отказ» – листочек с объяснением, что нужной

книги нет или её читает кто-то другой. За книгами охотятся, стоят в очереди, выпрашивают их, выменивают. Ломоносов хитростью выменял себе две первые книги, об этом сообщается в самой ранней его биографии. Книжки покупали по бешеным ценам, втридорога. Некоторые люди почти всю зарплату тратят на книги, оставляя себе лишь гроши, и это не фанатики, не коллекционеры, это обычные образованные люди.

Без собственных книг жить трудно. Сухомлинский говорил, что к концу десятого класса у каждого должно быть дома около четырёхсот собственных книг. Нет своей книги – нет возможности вдруг, когда придёт нужда, когда вспыхнет острое желание, прочитать её. Свою книгу читаешь по-другому, она ближе тебе, ты не торопишься, не боишься, что книга уйдёт – и вместе с ней навсегда уйдёт её мир. Собирать книги – это дело отцов. Отцы должны оставлять детям библиотеки книг. Это их обязательный долг перед детьми. Возможно, что ваш отец жил трудной жизнью и не мог собрать хоть маленькой библиотечки – что ж, отца винить ни в чём нельзя, это неблагородно. Но самому пора понемногу закладывать семейную библиотеку – для себя, для детей, для внуков и правнуков. Это, повторяю, долг каждого человека, особенно каждого мужчины. СобираНИЕ и подбор книг – сугубо мужское дело, потому что оно требует мужества, суровости, определённости вкуса.

Когда идут в библиотеку, обычно пользуются абонементом – берут книги домой. Между тем при многих библиотеках есть очень хорошие читальные залы. По необъяснимой причине книга в зале, взятая на час, больше «твоя», чем взятая домой. В библиотеке читаешь более сосредоточенно; в библиотеке можно взять одну, другую, третью, найти, полистать их, подержать в руках. Иногда достаточно подержать книгу несколько минут, чтобы составить о ней некоторое представление – правда, бывает и ошибочное. В библиотеке не просто читаешь – живёшь в мире книг; они захватывают, они не так безмолвны. Дома можно читать, а можно и ещё чем-нибудь заняться. В библиотеке читаешь. Там прекрасно всё, особенно тишина. Нигде нет такого рода тишины, как в библиотеке, – с шорохом перелистываемых страниц, с тихим разговором на выдаче. В библиотеке живая тишина. От неё не покой, а лёгкое возбуждение, торжественный лад. Да и сам способ проводить время в библиотеке – один из лучших способов. Многие не знают, куда податься вечером. Как куда? Да в библиотеку, в читальный зал! Там и друзей найдёшь среди завсегдаев, там и человеком себя почувствуешь. А уходишь из библиотеки – приятная усталость, даже немного голова кружится.

Это с непривычки.

Здесь не рассказывается о многих тайнах пользования библиотекой, о работе с каталогом, например. Кто ходит в библиотеку регулярно, тот сам узнает их и выработает свои методы поиска, разведки книги. А кто не ходит в библиотеку, тому это и не нужно.

Если делать уроки с утра, до школы, а в течение дня час-другой проводить в читальном зале, к окончанию школы можно получить довольно хорошее образование.

ОПЫТЫ НА СЕБЕ

Сначала для тех, кто читать не любит: будем искать книгу-ключ! То есть первую интересную для нас книгу, какая бы она ни была. Как её найти?

Проще всего расспрашивать товарищей, выпрашивать у них интересную книгу. Можно и в библиотеке сказать честно: «Знаете, я никогда в жизни не читал с удовольствием... Дайте мне, пожалуйста, такую книгу, чтобы не оторваться».

Быть может, первая попытка окажется неудачной. Не страшно! Как среди людей много скучных, не с каждым подружисься, так и среди книг много скучных (для нас), и если мы не «подружились» с одной книгой, не будем думать, что и все остальные – скучны. Будем искать свой ключ!

Но поставим себе цель: читать каждый день, хоть час, хоть полчаса. Есть предположение, что тот, кто в течение двух-трёх недель будет каждый день, не пропуская, проводить за книгой хотя бы полчаса, обязательно полюбит чтение. Однако это предположение, как и многие другие, требует опытной проверки. Сообщите, пожалуйста, о результатах вашего эксперимента: сколько дней вы его продолжали? Понравилось ли вам читать?

Если понравилось, если вы уже читатель, то продолжим опыты.

Для читателей опыт такой: учимся делать выписки из книг.

Заводим общую тетрадь для выписок.

Стараемся делать только короткие выписки, не больше чем полстранички в тетради: их легче просматривать.

Обязательно оставляем поля слева, потому что потом, через несколько лет, в голову придут важные мысли (это со всеми бывает) и куда их тогда поместить? На поля!

Когда книга прочитана, подумаем: а во всём ли мы согласны с автором или героем книги? Если обнаружится несогласие, запишем кратко, в чём оно состоит. Есть книги, которые принимаешь целиком, но у настоящего читателя иногда возникнет и возражение.

Мы уже говорили, что учёт – обратная сторона плана. Как только вы начнёте учить прочитанное, сразу появятся книги, которые вам необходимо прочитать. Разыскивайте их!

Следующий опыт такой: постараемся определить, что нас больше всего интересует, и прочитать все доступные книги на эту тему. Может быть, военная техника? Или жизнь Пушкина? Или всё о птицах? Или всё о кино? Это очень важно – читать много книг на одну тему. После второй или третьей книги вы непременно обнаружите, что чем дальше, тем интереснее читать.

Есть ребята, которые стараются прочитать все детективы или всю фантастику. Что ж, это лучше, чем не читать совсем! Но только надо становиться и знатоком таких книг: уметь отличать лучшие от худших, выделять любимого автора, разбираться в книгах со знанием дела. В каждой отрасли литературы своя классика. Если вы любите фантастику, но не читали Жюль Верна, Ефремова или братьев Стругацких и не выделяете их книг, то какой же вы знаток?

Быть знатоком в чём-нибудь – большая радость. Кто найдёт способ, как стать знатоком, кто сумеет рассказать, как он постепенно стал знатоком, какие книги читал, тот принесёт большую пользу для всех последователей идеи «учения с увлечением». Ждём научных сообщений!

И ещё один опыт, очень тонкий. У каждого из нас есть друзья, которые не очень любят читать. Можно поставить перед собой такую задачу: хоть одного человека заразить любовью к чтению! Как это сделать – трудно сказать, общих рецептов нет, и учёные этой проблемы ещё не изучали. Значит, надо найти собственные пути, проявить собственную хитрость... Зато появится друг, с которым можно будет обмениваться книгами и разговаривать о книгах. Жизнь станет куда интересней!

* * *

А теперь, поскольку это последняя серия опытов и книга подходит к концу, несколько совсем серьёзных слов.

Вся жизнь, окружающая нас, настраивает на учение, заставляет учиться и зовёт учиться. Но, как всегда бывает, есть и такое, что отталкивает от учения. Например, в классе может сложиться общее плохое отношение к урокам, насмешливое, легкомысленное, и человек поддаётся этому настроению. Он хочет быть, «как все». Некоторых ребят отталкивает от учения именно то, что родители заставляют их учиться, а им, ребятам, не хочется выглядеть «пай-мальчиками» и «пай-девочками», они хотят быть «самостоятельными» и оттого перестают учиться. Бывает, что кто-то внушает нам: «А зачем учиться? Я не учился,

а живу хорошо». Наконец, некоторые ребята настолько не справляются с учением, что отчаиваются, бросают попытки вырваться из всех «заколдованных кругов» школы и при этом, естественно, уговаривают себя: «Ничего, и так проживу».

Словом, существует немало влияний, которые мешают нам учиться.

Первое, что надо сделать, – освободиться, совсем освободиться от всего, что мешает учиться, от всех этих влияний и собственных предрассудков. Поддаваться таким внушениям, от кого бы они ни исходили, значит попадать в худшее рабство, какое только можно себе представить, становиться несвободным, зависимым человеком.

У Чехова, в замечательной его повести «Степь», рассказывается о маленьком мальчике, которого отправляют в город учиться. В дороге ему встретился старый крестьянин Пантелей...

«– Ты куда же едешь? – спросил он, притопывая ногами.

– Учиться, – ответил Егорушка.

– Учиться? Ага... Ну, помогай, царица небесная. Так. Ум хорошо, а два лучше. Одному человеку бог один ум даёт, а другому два ума, а иному и три... Иному три, это верно... Один ум, с каким мать родила, другой от учения, а третий от хорошей жизни. Так вот, братуша, хорошо, ежели у которого человека три ума».

Хорошо...

Один ум нам дан от природы; хорошую жизнь – и ум вместе с нею – мы добываем вместе, общими стараниями, для всего народа. А ум от учения каждому приходится добывать самому, в нелёгкой работе, много лет подряд, преодолевая трудности, побеждая неприятности... Что ж! Двадцать пять веков назад сказал это один из мудрейших писателей мира, Софокл:

И в минувшем, и в грядущем
Лишь один закон всесилен:
Не проходит безмятежно
Человеческая жизнь.

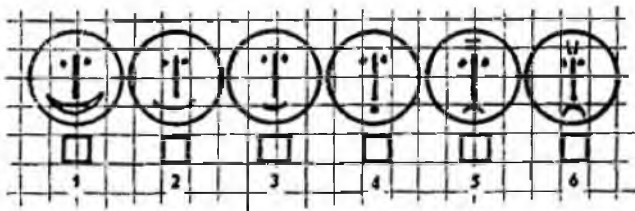
Не проходит безмятежно человеческая жизнь...

Но не побоимся рядом с этими вечными строками поставить письмо маленького мальчика из Красноярска, пусть оно и закончит книгу:

«Я Шакиров Вадим. Самый хороший предмет у меня русский язык. Плохого предмета у меня нет. Я по всем предметам учусь хорошо.

Напишите ответ, что делать дальше».

Послесловие

Посмотрите на эти рожицы. Какая из них отражает ваше отношение к учению? Перерисуйте их и поставьте «птичку» в соответствующей клетке. Перед нами простая задача: переместить нашу «птичку» хоть на одну клетку влево! Что для этого нужно?

Выбрать из книги те опыты, которые покажутся особенно важными и – приступить к делу.

О том, что же получилось, обязательно напишите. Это необходимо, во-первых, для вас, для контроля над работой, а во-вторых, и главное, – для науки. Ведь вопрос о том, может ли каждый человек полюбить неинтересный ему предмет, – вопрос этот не решён. Три тысячи писем первых участников эксперимента, как уже говорилось, ничего не доказывают. Гипотеза остаётся гипотезой. Для её доказательства нужны тысячи новых участников эксперимента и их подробные отчёты.

Сообщите, какой опыт вы решили поставить, сколько дней продолжали его, какие были трудности и каков результат (лучше – по шкале Юры Игнатова).

Сообщите, пожалуйста, также всё, что вам кажется важным для науки учиться.

Автор будет крайне признателен всем учёным-педагогам, всем учителям, родителям, взрослым людям за любую критику и помощь в усовершенствовании идеи «Учение с увлечением».

Письма следует направлять по адресу: Москва, 125047, улица Горького, 43. Дом детской книги.

На конверте не забудьте, пожалуйста, поставить девиз:

Учение с увлечением!

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

*Свои отзывы о прочитанных книгах
издательства «Детская литература»
присылайте по адресу: 125047,
Москва, ул. Горького, 43,
Дом детской книги.*

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Симон Львович Соловейчик

ЧАС УЧЕНИЧЕСТВА

ИБ № 9190

Ответственный редактор *Э. П. Микоян*
Художественный редактор *М. Д. Суховцева*
Технический редактор *Л. С. Стёпина*
Корректор *Е. А. Сукьян*

Сдано в набор 22.10.85. Подписано к печати 17.03.86. А10079. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 24,0. Усл. кр.-отт. 24,88. Уч.-изд. л. 23,08. Тираж 100000 экз. Заказ № 2079. Цена 1 руб. Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018. Москва, Суцёвский вал. 49.

Отпечатано с фотоплимерных форм «Целлофот»